

**XVI ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ»**

20→21 СЕНТЯБРЯ 2024 ГОДА

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Юридический институт

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

сборник научных статей по материалам
XVI Всероссийской научно-практической конференции
(20-21 сентября 2024 г.)

Электронное научное издание

Красноярск
СФУ
2024

УДК 34
ББК 67.3
Е63

Е63 Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XVI Всероссийской научно-практической конференции (20-21 сентября 2024 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев. – Электрон. дан. – Красноярск: Красноярское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2024. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана

ISBN 978-5-6051479-0-9

Представлены статьи участников XVI Всероссийской научно-практической конференции «Енисейские политико-правовые чтения», которая состоялась в Юридическом институте Сибирского федерального университета 20-21 сентября 2024 года. Предназначено для преподавателей и обучающихся юридических вузов и всех, кто интересуется современными проблемами права.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-6051479-0-9

УДК 34
ББК 67.3

© Сибирский федеральный университет, 2024
© Оформление Г.Л. Москалев, 2024

Электронное научное издание

Подписано в свет 05.11.2024. Заказ № 1
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Красноярское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»
660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

УДК 343.98

THE USE OF RESULTS OF FACIAL RECOGNITION TECHNOLOGY AS OPERATIONAL SEARCH-ACTIVITY IN CONTEMPORARY CRIMINAL PROCEEDINGS: CRITICAL REVIEW OF ARTICLE 89 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

© Ф.А.А. Абдулкарим

Дахукский политехнический университет

Introduction

Now that digital technology has been developed, it can be used to complete daily transactions quickly by verifying the personal identity of individuals with a high degree of accuracy. This relatively new technology was used in 1960s as the first automated facial recognition system by determining the basic dimensions of a person's face, such as the eyes and the position of the mouth and nose. Subsequently, this technology was employed at a number of locations, including border crossings, airports, and ATMs, to confirm individuals' identities.

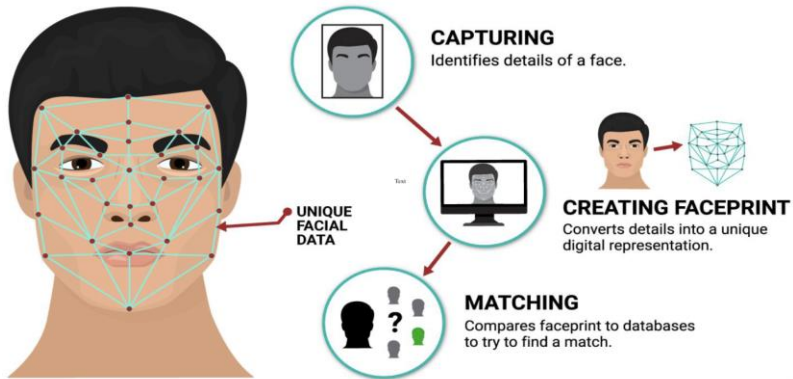
Although the method of FRT varies according to the methodology of the program used, the work is generally done following sequential and specific steps to recognise about 80 nodal points, these points representing the heights and depths of the person's facial features, represented by the distance between the eyes, the position and area of the nose and the depth of the eye sockets, the position of the cheeks, the chin and the lower jaw lines. The methodology of all programs starts with the following three basic steps (see *fig.1*): ***capturing***, identify the facial details, ***creating faceprint***, converting these details into a unique digital representation (unique facial data). And finally, ***the matching step***, where this faceprint is compared to databases to find a match.

The study's ***theoretical significance*** stems from the need to use FRT to identify the faces of wanted individuals in the fight against crime. Its ***practical significance*** comes from the high probative value of this technology in the field of criminal proof, even with the challenges that this technology poses to personal privacy and private life.

Definition of the FRT System

Although the definition of the FRT system has not been addressed by the Russian criminal legislature in a specific legislative article, this is only the case to ensure that this digital technology is not constrained by a particular technique. On the

one hand, this is done in order to give room to criminal jurisprudence for future technical updates of FRT used within the broad definition of OSA.

fig.1 Factsheet: Facial Recognition Technology (FRT)

Source: Stop LAPD Spying Coalition

Common definitions of FRT include “a programme that can recognise faces in an image and from the rest of the parts in the single image.” After that, it compares the faceprint (unique facial data) to a database of images of other people’s face-prints and finds that a lot of the features on that face are distinct. Some are raised above the surface of the face, while others are low. These indentations and elevations shape the unique digital facial representation features. In other words, the camera records (Photography or cinematography) these elevations and depressions at nodal points — roughly 80 nodal points on the face — in order to create a faceprint. Next, these facial details are algorithmically transformed into unique facial data, which are then compared in the database. Therefore, the camera, algorithm, and database are the three main parts of a FRT system. Another possible configuration for the FRT system is a fully functional, networked programme (software).

Advantages and Disadvantages of Non-Genetic Technology: FRT vs DNA

In terms of nature, FRT is mostly based on a technical basis and is frequently unaffected by genetic factors, whereas genetic DNA is primarily based on a genetic foundation, which the individual acquires from his parents. The functions of genetic

DNA and FRT are similar when it comes to determining an individual's identity, but they are different when it comes to determining parentage, gender, identifying people who have vanished from sight and victims of natural disasters, rape and sex crimes, scientific research, diagnosing and treating genetic diseases, and determining the origins of plants and animals. Only the genetic DNA is employed in each of the aforementioned scenarios; the non-genetic FRT lacks the previously stated functional advantage. Regarding probative value, the FRT's advantage is in identifying the face and thereby establishing the person's identity based on the face's outward look (faceprint) and distinguishing characteristics (unique digital representation — unique facial data), whereas the genetic DNA depends on analysing the person's DNA, either fully or partially.

The Authenticity of FRT in Law Enforcement

4.1 The Trend in Favour of the Use of FRT as OSA

Based on the principle of the legitimacy of criminal evidence, this trend supports the use of FRT as OSA to identify criminals on the grounds that this use leads to the fight against crime and the prevention of its commission. This is because taking photographs in a public place is not prohibited by law as long as such photography does not violate or interfere with an individual's right to privacy and private life. This tendency is supported by the Russian criminal justice system as long as this activity respects **the four constitutional principles** contained in the Federal Law of the Russian Federation of August 12, 1995 No. 144-FZ On Operational Search Activities, as amended on December 29, 2022.

The first principle: legality, which is represented by the rule of basic law, unconditional and strict adherence to the Constitution of the Russian Federation, and the implementation of its directives by participants in OSM. As well as the commitment to apply other standard laws regulating the mechanism for implementing OSA.

The second principle: Respecting and observance of rights and freedoms of man and citizen during the implementation of OSM for FRT as OSA. Thus, taking an individual's image in a public place without his consent does not amount to violating the right to respect for private life. But here we must distinguish between two cases regarding photography or surveillance in a public place. The first case: When the public place is the main subject of filming or surveillance, in this case the activity is legitimate. The second case: When the person is the primary subject of filming or surveillance, in this case the activity is illegal, as the presence of the person in a public place, although it does not prevent extended viewing of him, nevertheless he must be

given the authority to object to him being a primary subject for activity, because this activity gives permanence to the fleeting vision.

The third principle: conspiracy, i.e. conspiratorial support in solving the operational tasks of the OSA. The principle of conspiracy is to ensure the confidentiality of information relating to state secrets or other official secrets and other information which, if made public, can be decoded and thus used against the interests of law enforcement agencies. And thus conspire against them. Or to put it another way, using the concept of conspiracy, it is about maintaining the secrecy of their forces, means and methods represented by the organisational and tactical aspects of OSM's conduct.

The fourth principle: the combination of public and private methods and means, i.e. the use of a range of techniques and methods to solve the problems of OSA when OSM is carried out publicly or privately. Ultimately, the principle of combining public and private methods and means in terms of content and purpose is seen as a continuation and development of the conspiracy principle by providing the ability to distinguish between information that is available to the public and classified information that is not available to the public or is constitutionally protected information. On the one hand, this principle makes it possible to distinguish between different types of activities carried out by different law enforcement agencies in the area of covert and overt crime fighting.

4.2 The Trend Against the Use of FRT as OSA

Based on the constitutional principle relating to an individual's right to privacy and their right to private life, this trend, with its adherence to the inadmissibility of FRT and thus its inadmissibility as digital evidence in OSA, claims that this activity essentially came about through an attack on the privacy of the individual being surveilled. However, this opposition did not come in absolute terms; rather, proponents of this trend allowed the activity to occur as long as constitutional guarantees were present in OSM. By adhering to this condition, the way is blocked for the security authorities (agencies) to exploit this activity under the guise of justice that should not deserve the name.

4.3 The Researcher's Opinion on the Use of FRT as OSA

The researcher is of the opinion that the actual use of FRT as OSA in terms of the extent of its legality depends primarily on the place where the activity is carried out and the extent to which those responsible for carrying out the OSM comply with constitutional guarantees, because it is undisputed that carrying out the activity in a private place is considered illegal as it constitutes a constitutional violation of the

individual's right to privacy, even if the incident that is the subject of the activity falls under the penalty of the Penal Code. This is tantamount to the fact that the equipment to conduct the activity was placed in his own private place or some distance away in a public place, but it goes monitoring to the same private place and he was being watched.

Conclusions

FRT as OSA plays an important role in the identification of individuals through surveillance cameras, whether in combating crimes after they have occurred or in predicting their occurrence. The implementation of this preventive activity by the security services in the area of administrative control must be accompanied by publicising the monitored area (zone) and not pointing the cameras at specific people unless there is a reason that requires it, taking into account the condition of ensuring strict constitutional guarantees.

The study also presents FRT as OSA in the form of digital forensic evidence in criminal proceedings, without the need to obtain judicial authorisation, as long as the place is public and the constitutional guarantees are taken into account, FRT being subject to the discretionary power of the judge regarding the circumstances and associations of its acceptance. Thus, this activity, like all other forensic evidence, is subject to the principle of legality of forensic evidence.

In conclusion, the study recommends that the Russian criminal legislator intervene again and amend the text of Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation so that it contains the necessary safeguards to ensure that the sanctity and confidentiality of individuals' private lives are not violated and thus FRT is not considered an automatic result of OSA. Rather It is considered as unavoidable criminal evidence that should be taken into account judicially, unless it is in accordance with the constitutional guarantees that ensure its legality, and these guarantees are subject to the supervision of the prosecutor's office and judicial control.

УДК 343.9

**АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО КОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© Е.А. Акунченко

Сибирский федеральный университет

Коррупция как угроза устойчивому развитию различных социальных систем не перестает находиться в фокусе современных исследований. Основные негативные последствия широкого распространения данного явления очевидны и подробно описаны в трудах отечественных и зарубежных ученых. Вместе с тем устойчивый характер коррупционных отношений, а также их сложная детерминация обуславливают непрекращающийся поиск наиболее действенных способов и средств предупреждения, которые выходят далеко за рамки специально-криминологического уровня. Междисциплинарный характер природы и, как следствие, познания коррупции является драйвером развития современной антикоррупционной мысли [10, с. 1698]. Поэтому поиск перспективных объектов теоретико-прикладных изысканий в области юриспруденции, несомненно, должен учитывать ресурсный потенциал иных гуманитарных наук.

Избирательный процесс представляет собой плодородную почву для различных коррупционных проявлений. Демократические выборы – одна из конституционных основ современного российского общества, которая в силу высокой социальной значимости результатов волеизъявления граждан выступает в качестве сферы столкновения противостоящих политических сил. Как отмечается в специальной литературе, выборы – это «война» между несколькими группами, включающими в себя, как правило, представителей власти, политических партий, финансово-промышленных групп, иногда и представителей организованной преступности [8, с. 97]. Способы и средства такой борьбы далеко не всегда находятся в правовом поле, поскольку преимущественно основаны на подкупе участников избирательного процесса, злоупотреблении административным ресурсом, незаконном финансировании избирательных кампаний и др. Как следствие, воля многонационального народа Российской Федерации, выраженная посредством выборов, может существенно деформироваться под давлением массированного коррупционного воздействия и перестать отражать реальные политические предпочтения граждан так же, как кривое зеркало искажает окружающее его пространство.

За прошедшее с момента ратификации Конвенции ООН против коррупции время наша страна проделала значительный путь по формированию научной основы для эффективной антикоррупционной деятельности. Не являются исключением и вопросы познания и предупреждения коррупции в избирательном процессе. На сегодняшний день в доктрине подробно исследованы понятие и признаки данного негативного социального явления [2; 14; 23; 24; 30; 33; 35], его формы, виды и субъекты [12; 13; 16–18; 20; 22; 25], а также элементы системы противодействия коррупции в избирательном процессе [3–5; 7; 15; 26; 31; 34; 37]. Кроме того, опубликованы отдельные труды, посвященные личности коррупционера и детерминантам коррупции в избирательном процессе [11; 19; 21]. В качестве перспективных научных направлений в настоящее время развиваются вопросы обеспечения антикоррупционной безопасности избирательного процесса [1; 27] и его участников [28; 29], а также формирования международных антикоррупционных стандартов в сфере финансирования избирательных кампаний [36]. Вместе с тем текущее состояние антикоррупционных исследований в рассматриваемой сфере нельзя признать системным.

В условиях развития междисциплинарных основ предупреждения коррупции в избирательном процессе представляется важным рассмотрение проблем обеспечения антикоррупционной безопасности избирательной системы в аспекте формирования культуры различных субъектов электоральных отношений. Практика проведения выборов федерального, регионального и местного уровней свидетельствует о том, что среди населения Российской Федерации продолжает сохраняться высокий уровень абсентеизма или выраженного негативного отношения к проявлениям избирательной активности, обусловленного широким распространением деструктивных электоральных стереотипов. Выражаясь в виде упрощенного и, зачастую, искаженного представления о значимости, функциях и состоянии избирательной системы, такие стереотипы создают плодородную почву для распространения радикальных идей, противоречащих конституционным основам нашего многонационального государства. К числу таких стереотипов, на наш взгляд, можно отнести убежденность избирателей в широком распространении коррупции в период организации и проведения выборов, которая в конечном итоге способна стать одним из триггеров роста социальной напряженности в случае вмешательства внешних акторов в процесс воспроизводства выборных органов власти и должностей.

Сказанное актуализирует востребованность научно-практического обсуждения проблем понимания и развития в России особого электорального

культурного кода, учитывающего перспективные направления государственной политики в сфере патриотического воспитания. Формирование системы ценностей и нравственных ориентиров, отличающих активного участника выборов, осознающего значимость данного демократического института, уважающего правомерную деятельность организаторов голосования и принимающего любой результат легитимного коллективного выбора, должна восприниматься как цель просветительской деятельности, направленной на повышение культуры различных субъектов электоральных отношений, независимо от их политических предпочтений. Наличие такого культурного кода позволит обеспечить устойчивость граждан к негативному, в том числе коррупционному воздействию извне, осуществляемому с целью дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки.

Трансляция аксиологической основы избирательного процесса среди широких слоев населения должна осуществляться только на базе серьезного проработанного теоретического фундамента и апробированного инструментария средств воздействия. В свою очередь, это потребует деятельного участия не только представителей органов публичной власти и научного сообщества, но также СМИ и других коммуникаторов (блогеров, инфлюэнсеров, владельцев телеграм-каналов и др.), институтов гражданского общества, иных заинтересованных юридических и физических лиц, активно участвующих в наполнении и обновлении информационного пространства. Поэтому реализация данного направления культурной политики потребует дополнительной консолидации усилий государственных и общественных структур [9] для подготовки обоснованных предложений по созданию модели электорального просвещения нового поколения. Более того, особую роль в такой модели должен занимать тематический компонент, направленный на преодоление устойчивых коррупциогенных стереотипов в сфере избирательного процесса при помощи подробно разработанного в последние годы инструментария антикоррупционной просветительской работы [6; 32].

Список использованных источников:

1. Акунченко, Е. А. Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы / Е. А. Акунченко, И. А. Дамм, Н. В. Щедрин // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2018. – № 1. – С. 49–71.

2. Акунченко, Е. А. Коррупция и коррупционная преступность в избирательном процессе / Е. А. Акунченко // Право и политика. – 2018. – № 8. – С. 28–42.

3. Акунченко, Е. А. Меры безопасности как средство предупреждения коррупции при финансировании избирательных кампаний / Е. А. Акунченко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 14–19.

4. Акунченко, Е. А. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов в избирательном процессе: проблемы унификации понятийно-категориального аппарата / Е. А. Акунченко // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 793–800.

5. Астанин, В. В. О подкупе и регулятивных возможностях благотворительности в период предвыборных кампаний / В. В. Астанин // Закон и право. – 2003. – № 4. – С. 13–15.

6. Бикеев, И. И. Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики / И. И. Бикеев, П. А. Кабанов. – Казань: Познание, 2019. – 240 с.

7. Дамм, И. А. Антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе / И. А. Дамм // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2006. – № 6. – С. 331–336.

8. Дамм, И. А. Коррупция и ее формы в избирательном процессе / И. А. Дамм // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2005. – С. 95–108.

9. Дамм, И. А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства / И. А. Дамм // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 12–27.

10. Дамм, И. А. Предпосылки формирования теории антикоррупционной безопасности Российской Федерации / И. А. Дамм // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 14, № 11. – С. 1690–1709.

11. Девицкий, Э. И. Подкуп избирателей: взгляд криминолога / Э. И. Девицкий, Д. В. Жмуров // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 289–298.

12. Зайцева, О. В. Административный ресурс в избирательных кампаниях как форма проявления коррупции / О. В. Зайцева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – № 3. – С. 19–24.

13. Зырянова, И. А. Избирательный штаб кандидата – субъект коррупции в избирательном процессе? / И. А. Зырянова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 32–37.

14. Зырянова, И. А. К вопросу о понятии коррупции в российском избирательном процессе / И. А. Зырянова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 561–563.

15. Зырянова, И. А. О предупреждении участия в выборах технических кандидатов при помощи избирательного залога как меры безопасности / И. А. Зырянова, Е. А. Акунченко // Закон и право. – 2013. – № 12. – С. 82–85.

16. Зырянова, И. А. Основные субъекты коррупции в избирательном процессе / И. А. Зырянова // Мир юридической науки. – 2013. – № 10–11. – С. 33–38.

17. Зырянова, И. А. Основные формы коррупции в избирательном процессе / И. А. Зырянова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 45–50.

18. Игнатенко, В. В. Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение / В. В. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 24–28.

19. Илий, С. К. Мониторинг электоральной коррупции в России / С. К. Илий // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 1. – С. 18–22.

20. Кабанов, П. А. Основные виды электоральной преступности в современной России / П. А. Кабанов // Следователь. – 2004. – № 12. – С. 39–42.

21. Кабанов, П. А. Типология и классификация как методы научного познания политических преступников в современной российской политической криминологии / П. А. Кабанов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 3. – С. 56–64.

22. Кабанов, П. А. Электоральная коррупция и формы ее проявления: опыт политико-криминологического анализа / П. А. Кабанов, Г. И. Райков // Следователь. – 2008. – № 10. – С. 21–25.

23. Кабанов, П. А. Электоральная коррупция: осмысление научных подходов к явлению / П. А. Кабанов // Политические партии и выборы: проблемы современности : сборник научных статей. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. – С. 399–404.

24. Кабанов, П. А. Электоральная криминология как частная теория российской политической криминологии: определение предметного поля / П. А. Кабанов // Следователь. – 2003. – № 6. – С. 52–55.

25. Кабанов, П. А. Электоральное злоупотребление властью как криминологическая категория и ее содержание / П. А. Кабанов, А. П. Свигузова // Следователь. – 2009. – № 3. – С. 62–64.

26. Какителашвили, М. М. Прозрачность финансирования политических партий в сфере реализации международных актов по противодействию

коррупции / М. М. Какителашвили // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 11. – С. 56–60.

27. Клейменов, М. П. Два аспекта обеспечения антикоррупционной безопасности избирательного процесса / М. П. Клейменов // Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы : сборник научных статей. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – С. 33–38.

28. Климова, Ю. Н. Коррупционная преступность как угроза безопасности субъекта избирательного права / Ю. Н. Климова // Национальная безопасность / nota bene. – 2015. – № 4. – С. 530–542.

29. Климова, Ю. Н. Криминологическая безопасность избирателей и кандидатов в период избирательной кампании / Ю. Н. Климова // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 4. – С. 79–84.

30. Ковин, В. С. К вопросу о содержании понятия «электоральная коррупция» / В. С. Ковин, П. В. Панов, О. Б. Подвинцев // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сборник трудов. – Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2016. – С. 143–153.

31. Номоконов, В. А. Государственная антикоррупционная политики в сфере защиты избирательных прав граждан / В. А. Номоконов // Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы : сборник научных статей. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – С. 27–32.

32. Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования : учеб. пособие / Под ред. И. А. Дамм, Н. В. Щедрина. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 200 с.

33. Чимаров, Н. С. Избирательный процесс и коррупция: характеристика коррупционных проявлений и современные способы их нейтрализации / Н. С. Чимаров // Власть и общество. – 2019. – № 1. – С. 26–29.

34. Шапиев, С. М. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме : научно-практическое издание / С. М. Шапиев, З. Б. Соктоев, А. Н. Кругленя; под ред. С. М. Шапиева. – М.: Центральная избирательная комиссия РФ, 2016. – 192 с.

35. Шевердяев, С. Н. Актуальные направления разработки проблематики электоральной коррупции в конституционном праве / С. Н. Шевердяев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 18–23.

36. Шевердяев, С. Н. Зарождение международных антикоррупционных стандартов избирательного процесса : монография / С. Н. Шевердяев. – М.: Проспект, 2023. – 576 с.

37. Щедрин, Н. В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» / Н. В. Щедрин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 89–92.

УДК 343.241:343.575

КРИТЕРИИ ПЕНАЛИЗАЦИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ

© К.М. Алыева

Сибирский юридический институт МВД России

В настоящее время можно наблюдать масштабную смену курса уголовной политики нашего государства в сторону дифференциации, криминализации и пенализации общественно опасных деяний, представляющих наивысшую общественную опасность для охраняемых законом интересов. Так, уголовный закон на протяжении длительного периода времени регулярно пополняется новыми составами преступлений, а меры ответственности за преступления, уже существующие в уголовном законе, все чаще пересматриваются в сторону усиления их карательного потенциала с целью повышения их эффективности в предотвращении общественно опасных деяний.

Определенно стоит принять точку зрения экспертов, утверждающих, что ужесточение уголовно-правовых санкций за отдельные виды преступлений не представляет угрозы для уголовно-правовой политики государства при условии обоснованности и сбалансированности данного уголовно-правового явления [1, с. 84]. Соответственно, современный опыт пенализации должен стать объектом самого пристального внимания.

В силу того, что пенализация играет непосредственную роль в деятельности государства по противодействию наркопреступности, определение ее критериев имеет большое значение для реализации уголовно-правовой политики Российской Федерации. Ведь как верно отмечает П.В. Тепляшин и Е.А. Федорова «по степени опасности наркоугрозу можно поставить в один ряд с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения» [4, с. 68]. Более того, пенализация, направленная на достижение целей уголовного закона, обусловлена комплексом соответствующих критериев.

Научное исследование данного комплекса критериев пенализации общественно опасных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков имеет как теоретическое, так и практическое значение для нас. Ведь, как справедливо

отмечал А.И. Марцев, сущность конкретного уголовно-правового явления возможно раскрыть лишь при всестороннем исследовании его закономерностей [3, с. 178-179]. Таким образом, отражение критериев пенализации наркопреступлений позволит понять истоки данного уголовно-правового явления, а также установить те социальные и политические факторы, исторические закономерности, опыт зарубежных стран, которые выступили началом отсчета исследуемой формы уголовно-правовой политики.

Уголовно-правовая политика, в свою очередь, аккумулирует все многообразие противоправных проявлений в государстве, причин и условий их возникновения, а также способов борьбы с ними. Являясь наиболее концентрированной, социально обусловленной и концептуальной реакцией государства на всю существующую совокупность криминальных угроз со стороны незаконного наркооборота, уголовно-правовая политика является одним из выражений всей государственной политики Российской Федерации.

Так, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» к одной из первых национальных целей относится сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей. Ответ на вопрос: «Имеет ли данная цель отношение к необходимости борьбы с наркоугрозой?» очевиден. Соответственно, борьба с незаконным наркооборотом, как наиболее опасным явлением, оказывающим негативное влияние на здоровье населения, его благополучие, находит свое отражение во всей уголовной политике нашего государства.

Таким образом, пенализация функционирует как важнейший инструмент уголовной политики, проявляющийся в формировании степени наказуемости наркопреступлений [2, с. 8-10]. Эффективность уголовной политики национального уровня проявляется в установленной уголовно-правовой ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, что напрямую связано с уголовно-правовым курсом, избранным государством.

Международный критерий наравне с уголовно-политическим предполагает модернизацию законодательства в сфере безопасности и противодействия угрозам незаконного наркооборота. Поскольку проблема противодействия наркоугрозе в настоящее время относится к числу наиболее глобальных, ее решение на уровне отдельно взятого государства, все-таки, затруднительно. Например, на территории государств-участников Содружества Независимых Государств в 2006 году был принят и по сегодняшний день успешно реализуется Модельный закон «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах. Данный нормативно-правовой акт

ориентирует отечественного законодателя, исключая при этом возможность отражения в антинаркотическом законодательстве нашего государства нарколиберальных подходов в степени наказуемости преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. При этом, документ значительно снижает вероятность различий в карательных притязаниях государства у всех участников СНГ.

Обращаясь к следующему критерию, следует отметить, что процесс определения, установления и изменения санкций за наркопреступления, также может зависеть от общественного мнения, складывающегося вокруг наркоситуации в нашем государстве и во всем мире в целом. В основе ужесточения наказания за наркопреступления лежат такие социальные факторы как нормы морали, нравственные представления общества, различного рода предубеждения к совершаемым преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, а также объективная потребность населения в ужесточении наказаний за указанные преступления.

В настоящее время очевидно, что общественный запрос к властям о разработке и внедрении эффективных мер борьбы с наркопреступлениями становится всё более весомым. Общество нуждается в формировании представления о неизбежности суровой ответственности за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Рост обеспокоенности населения в первую очередь связан с тем, что россияне в подавляющем большинстве говорят об усилении тенденции распространения наркотиков среди молодого поколения. В таких обстоятельствах естественно возникает потребность в усилении наказаний, включая возможность введения высшего уголовного наказания для лиц, занимающихся наркоторговлей.

Если говорить о нормотворческом критерии, то следует отметить, что уголовное законодательство должно четко и ясно определять степень наказуемости тех или иных наркопреступлений. Соответственно, процесс реализации пенализации наркопреступлений должен подчиняться правилам построения уголовного закона [5, с. 111-113]. Поэтому теория пенализации использует достижения уголовной догматики, имеющей своей задачей нормативно-доктринальное изучение критериев уголовно-правовой реакции государства на совершенные наркопреступления.

Изучив санкции за наркопреступления, заложенные в статьях Особенной части УК РФ, можно заметить дисбаланс в оценке степени их наказуемости. Это связано с отсутствием четких критериев для определения тяжести подобных преступлений, что подчеркивает необходимость глубокого анализа и разработки методики для корректного определения минимальных и максимальных

пределов уголовных наказаний. Такой подход потребует тщательного, обоснованного исследования с целью достижения справедливости в уголовно-правовой политике.

Так, например, санкции всех частей статьи 228.1 УК РФ, предусматривающие ответственность за незаконные сбыт, производство или пересылку наркотиков, имеют широкий разрыв между минимальным и максимальным наказанием в виде лишения свободы (в годах), что в обязательном порядке не способствует единообразию судебной практики. Поскольку уголовное наказание в виде лишения свободы является наиболее жесткой мерой государственного принуждения, важно создать такие уголовно-правовые санкции, которые бы позволяли назначить наиболее справедливое наказание подсудимому, совершившему ранее общественно опасное деяние в сфере незаконного оборота наркотиков.

Таким образом, изучение критериев пенализации наркопреступлений позволяет по-новому осмыслить реальность наблюдаемых процессов в уголовно-правовой политике государства, обнаружить инновационные аспекты исследуемой области научного познания, оптимизировать эффективность уголовно-правового воздействия на наркопреступность.

Список использованных источников:

1. Амосова, А.А. Пенализация получения взятки: общетеоретические аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 83-86.
2. Валеев М.Т. К вопросу о границах пенализации общественно опасных деяний // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 8-10.
3. Марцев А.И. Диалектика сущности основных уголовно-правовых явлений // Вопросы учения о преступлении и ответственности: (Избранные статьи). Омск: Юридический институт МВД России, 1998. С. 178-179.
4. Тепляшин П.В., Федорова Е.А. Транснациональная наркопреступность: понятие, признаки, детерминанты и отдельные направления противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 68-74.
5. Шидловский, А.В. Обусловленность дифференциации уголовной наказуемости: ретроспективный опыт формирования национального уголовного кодекса и новые законодательные измерения // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020. № 3. С. 107-119.

УДК 343

МАРОДЁРСТВО: ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

© Е.Ю. Антонова

*Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

В 2022 году законодатель дополнил гл. 34 УК РФ статьей 356¹, устанавливающей ответственность за мародерство.

Отметим, что это не новый состав преступления для отечественного законодательства. Так, в структуре воинских преступлений (гл. VII) УК РСФСР 1922 г. [10] присутствовал состав о мародерстве (ст. 214) – «противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения, принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей». Так же, как и бандитизм (ст. 76) мародерство наказывалось высшей мерой наказания и полной конфискацией имущества. Понижение наказания до лишения свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества допускалось при смягчающих обстоятельствах.

Сходным образом этот состав преступления (ст. 193.17) был сконструирован и в первоначальной редакции УК РСФСР 1926 г. [11] с некоторыми корректировками. В диспозиции после слов «с угрозой оружием» союз «и» был заменен союзом «или». Таким образом, применение оружия в процессе отобрания имущества (что характерно для разбоя) становится необязательным. Альтернативой такому способу теперь выступал предлог необходимости отобрания имущества в военных целях. Санкция была аналогична той, что была предусмотрена в предыдущем кодексе, с той лишь разницей, что в случае понижения наказания по смягчающим обстоятельствам назначалось только лишение свободы, дополнительный вид наказания – конфискация имущества был исключен из возможных мер уголовно-правового воздействия.

Постановлением ВЦИК, СНК от 20.05.1930 номер нормы о мародерстве был скорректирован (ст. 193.27), существенному изменению была подвергнута и диспозиция. Пункт «а» нормы устанавливал лишение свободы на срок не ниже 3 лет за похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых (мародерство), а квалифицированный состав (п. «б») – высшую меру социальной

защиты с конфискацией имущества за то же деяние при отягчающих обстоятельствах. В самой норме отягчающие обстоятельства не назывались, соответственно необходимо было обращаться к общей части уголовного закона. Отдельный состав (ст. 193.28) образовывали разбой, грабеж, противозаконное уничтожение имущества и насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий. По сути, данный состав также описывал мародерство, хотя сам этот термин в норме не упоминался. Наказание – не ниже 3 лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой, при отягчающих обстоятельствах – высшая мера социальной защиты с конфискацией имущества.

Мародерство в ст. 266 УК РСФСР 1960 г. [9] было представлено в усеченном варианте, так же, как и в последней редакции УК РСФСР 1926 г. Норма располагалась в главе о воинских преступлениях и предусматривала лишение свободы на срок от 3 до 10 лет или смертную казнь. Примечательно, что если в предыдущих кодексах законодатель указывал лишь нижнюю границу лишения свободы, то теперь был регламентирован и верхний предел этого наказания. В диспозиции не указан способ хищения вещей (соответственно он мог быть тайным, открытым, в том числе с применением насилия не опасного для жизни и здоровья), конкретизировано лишь место его совершения (поле сражения). В качестве потерпевших выступали только убитые и раненные, отдельно про гражданское население не упоминалось. Состав преступления, описанный в ст. 267, образовывали разбой, противозаконное уничтожение имущества, насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий. Устанавливалось наказание идентичное ст. 266 УК.

С учетом того, что в перечисленных редакциях советского уголовного закона норма о мародерстве размещалась в главе о воинских преступлениях, его субъектом могли быть лишь военнослужащие.

В научной литературе отмечается, что в период действия УК РСФСР не выработано судебной практики о мародерстве. Мародеров во время Великой Отечественной войны предавали суду на месте и расстреливали [12, с. 75-78]. С момента введения в УК РФ ст. 356¹ УК РФ по данным статистической отчетности в 2022 г. был зарегистрирован 1 факт мародерства, в 2023 г. такие факты зафиксированы не были.

Состав о мародерстве является специальным по отношению к составам о краже, грабеже и разбое, основным непосредственным объектом которых являются отношения собственности. Основным непосредственным объектом

мародерства с учетом месторасположения нормы являются общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества, дополнительным – отношения собственности.

Согласимся с мнением о том, что, несмотря на историческую обусловленность криминализации этого деяния в качестве преступления против военной службы, в современных условиях развития международного гуманитарного права, мародерство совершенно справедливо было криминализовано именно как преступление против мира и безопасности человечества, т.к. правовой запрет в отношении мародерства закреплен в системе международного гуманитарного права [6, с. 40-42].

Субъект преступления – любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, т.е. это могут быть как военнослужащие, так и гражданские лица. С учетом указания в диспозиции нормы на корыстную цель умысел при мародерстве может быть только прямым.

В рассматриваемой норме законодатель уточняет предмет мародерства – это чужое имущество, которое включает и имущество, находящееся при убитых или раненных и имущество гражданского населения. Такое уточнение свидетельствует о том, что в качестве потерпевших могут выступать как убитые (мертвые) или раненные военнослужащие, так и любые гражданские лица (т.е. не участвующие в военных действиях), в том числе не раненные и не убитые. О юридических лицах как о потерпевших ничего не сказано, хотя, например, в случае разрушения здания в процессе боевого действия может изыматься и имущество коллективных образований.

Не решенным остается вопрос о том, будут ли признаваться предметом мародерства оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства.

По мнению некоторых ученых, поскольку изъятие данных предметов осуществляется в рамках вынужденной необходимости, обусловленной военным положением, военным конфликтом или условиями ведения боевых действий, то оно не образует ни мародерства, ни состава преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ [8, с. 39-44]. Не можем согласиться с данным мнением в полной мере, поскольку даже в указанные в ст. 356¹ УК РФ периоды времени и соответствующие обстановки возможны изъятие таких предметов не в целях предотвращения большего вреда, а, например, для последующего их сбыта, контрабанды, совершения преступлений в отношении иных лиц и т.д.

Высказывается мнение и о том, что если речь идет о таких предметах, как наркотические вещества, оружие, то вследствие мародерства общественная опасность данных действий повышается еще больше, соответственно это должно быть отражено на их квалификации по совокупности со ст. 226 или ст.

229 УК РФ [3, с. 261-263]. С такой позицией также трудно согласиться, поскольку данная квалификация будет означать двойное наказание за одно и то же деяние. Совокупность преступлений, предусмотренных ст. 356¹ и соответственно ст. 226 или 229 УК, по нашему мнению, допустима только в случае, когда наряду с чужим имуществом, похищается оружие, наркотические средства, и т.д.

Таким образом, в случае изъятия оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также наркотических средств, психотропных веществ или наркотикосодержащих растений, или их частей при отсутствии вынужденной необходимости даже в случаях его совершения в указанные в ст. 356¹ УК РФ периоды и при соответствующих условиях содеянное следует оценивать только по ст. 226 или 229 УК РФ, поскольку санкции данных норм предусматривают более строгое наказание, нежели чем в норме о мародерстве.

Итак, не все факты мародерства подпадают под действие ст. 356¹ УК РФ. Криминообразующими признаками мародерства являются время (период военного положения, военное время) и обстановка (вооруженного конфликта или ведения боевых действий) совершения деяния.

Депутатами Государственной Думы РФ поднимается вопрос о распространение действия данной нормы на периоды чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения [2]. В настоящее же время, если факт мародерства фиксируется в условиях чрезвычайного положения, стихийного или общественного бедствия, при массовых беспорядках, а также в период мобилизации, содеянное будет квалифицироваться по статьям об ответственности за кражу, грабеж или разбой (ст. 158, 161, 162 УК РФ), а соответствующая обстановка или время учитываются судом в качестве отягчающего обстоятельства при назначении наказания (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ). С учетом незначительного количества совершаемых хищений в соответствующей обстановке или периоды времени, расширение действия ст. 356¹ УК РФ представляется нецелесообразным. К тому же внося изменения в норму особенной части уголовного закона следует учитывать и ее месторасположение, т.е. родовой и видовой объекты. Считаем, что при совершении мародерства в условиях чрезвычайной ситуации или чрезвычайного положения не затрагиваются безопасность мира и человечества.

Так, Мировым судом Ленинского района г. Оренбурга мужчина был признан виновным в хищении с территории подтопленного дома в Дубовом плесе утеплителя и строительной тележки, с причинением ущерба собственнику 6 483,28 руб. Содеянное квалифицировано по ст. 158 УК РФ [1]. Полагаем, что в таком случае нарушаются только отношения собственности и усиливать наказания за счет его перевода в специальную норму, предусматривающую

ответственность за преступление против мира и безопасности человечества не целесообразно. Достаточно учесть обстановку, в которой совершалось деяние, в качестве отягчающего при назначении наказания обстоятельства.

В ч. 1 ст. 356¹ УК РФ дается определение мародерства, которое фактически повторяет определение хищения, закрепленное в примечании 1 ст. 158 УК РФ, за исключением указания на такой признак как причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества. Исходя из этого, по конструкции объективной стороны мародерство относится к числу формальных составов, преступление оконченом вне зависимости от того появилась у виновного возможность пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом или нет.

Кроме того, законодатель исключает наличие данного состава преступления в ситуациях, когда соответствующее изъятие чужого имущества было вынужденной необходимостью, свидетельствующей, в том числе об отсутствии корыстной цели у лица. Таким образом, с учетом обстановки совершаемых деяний предусмотрена ситуация крайней необходимости, которая по правилам уголовного законодательства исключает уголовную ответственность. Вместе с тем в каждом случае совершения изъятия чужого имущества требуется устанавливать соблюдение условий правомерности такого, регламентированных в ст. 39 УК РФ.

В то же самое время небезосновательным представляется мнение Д.В. Лобача о том, что с позиции соблюдения требований юридической техники, связанных с терминологической унификацией, увязывать военную необходимость с институтом крайней необходимости неверно, т.к. это может исказить законодательный смысл ч. 1 ст. 356¹ УК РФ [7, с. 53-61]. Представляется, что данный вопрос требует дополнительного изучения и возможной законодательной корректировки этого признака.

Часть 1 рассматриваемой нормы охватывает такие формы хищения как кража и ненасильственный грабёж. Преступление относится к категории тяжкого преступления (до 6 лет лишения свободы).

В ч. 2 ст. 356¹ УК РФ установлена ответственность за мародерство, совершенное в форме насильственного грабежа – тяжкое преступление (до 10 лет лишения свободы).

Особо тяжкое преступление (от 3 до 12 лет лишения свободы) образуют случаи мародерства, совершенные группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 3), в крупном размере (п. «б» ч. 3; стоимость имущества свыше 250 тыс. руб. согласно примечанию) и с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «в» ч. 3).

Несмотря на то, что по общему правилу насилие опасное для жизни или здоровье потерпевшего охватывает причинение любого вреда здоровью вплоть до тяжкого, мародерство в форме разбоя (п. «в» ч. 3) образует физическое насилие только в виде причинения легкого и средней тяжести вреда здоровью, психическое насилие – вплоть до угрозы причинения средней тяжести вреда здоровью. Такая трактовка основана на том, что в ч. 4 рассматриваемой нормы законодатель предусмотрел повышенную ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Психическое же насилие не может влечь более строгое наказание, чем физическое насилие.

Полагаем, что такое законодательное решение является некорректным. Наиболее верным, согласующимся с состоявшимися правилами конструирования нормы о разбое, было бы следующее решение: п. «в» ч. 3 ст. 356¹ УК РФ должен охватывать физическое насилие только в виде причинения легкого и средней тяжести вреда здоровью, а психическое насилие – вплоть до угрозы убийством. В свою очередь п. «в» ч. 4 ст. 356¹ УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «с причинением тяжкого вреда здоровью».

Часть 4 ст. 356¹ УК РФ регламентирует особо тяжкий состав мародерства (от 8 до 15 лет лишения свободы) и включает в себя такие отягчающие признаки как его совершение организованной группой (п. «а»), в особо крупном размере (п. «б»; стоимость имущества свыше 1 млн руб.), а также соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в»).

Обращает на себя внимание, что ч. 4 ст. 162 УК РФ, предусматривающая такие же квалифицирующие признаки (за исключением п. «в»), устанавливает более строгое наказание, поскольку помимо лишения свободы на срок от 8 до 15 лет регламентирует дополнительные виды наказаний в виде штрафа и ограничения свободы. Таким образом, в случае совершения мародерства в форме разбоя при наличии отягчающих обстоятельств наказание будет менее строгое, чем при совершении разбоя в мирное время. Такое законодательное решение нарушает общую идею выделения специальной нормы о мародерстве. Для устранения создавшегося дисбаланса полагаем логичным увеличение в ч. 3 ст. 356¹ УК РФ размера лишения свободы.

Список использованных источников:

1. 39-летний оренбуржец выслушал приговор за мародерство во время паводка в Дубовом плесе // RIA56, 28.06.2024. URL: <https://ria56.ru/posts/39-letnij-orenburzhec-vyslusal-prigovor-za-maroderstvo-vo-vremya-pavodka-v-dubovom-plese.htm> (дата обращения: 18.07.2024).

2. В Думе предложили распространить наказание за мародерство на чрезвычайные ситуации // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20555687> (дата обращения: 18.07.2024).

3. Левандовская, М.Г. Мародерство как преступление против мира и безопасности человечества / М.Г. Левандовская // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8(183). С. 261-263.

6. Лобач, Д.В. Уголовная ответственность за мародерство в российском уголовном законодательстве: некоторые правовые проблемы / Д.В. Лобач // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей, Томск, 26–28 января 2023 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. С. 40-42.

7. Лобач, Д.В. Уголовно-правовая характеристика мародерства как преступления против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве / Д.В. Лобач // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1(93). С. 53-61.

8. Плешаков, А.М. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений / А.М. Плешаков, Г.С. Шкабин // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 39-44.

9. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) – утратил силу // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

10. Уголовный кодекс РСФСР (утв. постановлением ВЦИК от 01.06.1922) – утратил силу // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

11. Уголовный кодекс РСФСР (утв. постановлением ВЦИК от 22.11.1926) – утратил силу // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

12. Шкаев, С.В. История возникновения и развития понятия «мародерство» и ответственности за его совершение / С.В. Шкаев, О.А. Споршева О.А. // Юридическая наука. 2012. № 3. С. 75-78.

УДК 347.232

**НЕДВИЖИМАЯ ВЕЩЬ, КОТОРАЯ НЕ ИМЕЕТ СОБСТВЕННИКА ИЛИ СОБСТВЕННИК
КОТОРОЙ НЕИЗВЕСТЕН: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ**

© К.А. Арыкова

Сибирский федеральный университет

Статьей 225 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее - ГК РФ) установлено три вида вещей, являющихся бесхозными – вещи, которые не имеют собственника, вещи, собственник которых неизвестен и вещи, собственник от которых отказался. При этом определение недвижимых вещей, которые не имеют собственника, и собственник которых неизвестен вызывает многочисленные вопросы. Какую недвижимую вещь можно отнести к вещи, у которой нет собственника, при условии, что собственник от нее не отказался? Кому должно быть известно о наличии или отсутствии у вещи собственника для целей ее признания бесхозной? Есть ли принципиальные отличия между вещами, у которых нет собственника и собственник которых неизвестен?

Ввиду имеющихся вопросов, многие исследователи в принципе отвергают существование указанных вещей и предлагают в качестве бесхозных рассматривать только те вещи, от которых собственник отказался (например, О.Н. Садилов [2, с. 186], А.Д. Рудоквас [3, с. 127], А.Г. Писарев [4, с. 76] и др.). Однако, еще ГК РСФСР 1922 г. [5] в качестве бесхозных вещей признавал имущество, собственник которого неизвестен. А ГК РСФСР 1964 г. [6] - имущество, которое не имеет собственника и собственник которого неизвестен. Но если в советский период бесхозное имущество переходило в собственность государства, то в настоящее время концепция приобретения права собственности на бесхозные вещи существенно изменилась. В этой связи для успешного правоприменения необходимо понимание, какие именно вещи можно отнести к вещам, не имеющим собственника, а какие - к вещам, собственник которых неизвестен.

Гражданский кодекс Российской Федерации не дает определения рассматриваемым видам бесхозных вещей, также как и Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [7]. При этом пункт 3 Порядка принятия на учет бесхозных недвижимых вещей, утвержденного Приказом Росреестра от 15.03.2023 № П/0086 [8] (далее – Порядок) содержит указание на то, что на учет как бесхозные принимаются здания (строения), сооружения, помещения, машино-места, объекты

незавершенного строительства (далее - объекты недвижимого имущества), сведения о которых внесены в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН) и которые не имеют собственников или собственники которых неизвестны, либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которые собственники отказались. Для таких объектов в отношении вида права указываются слова «принят на учет как бесхозяйный объект недвижимого имущества», в отношении правообладателя - слова «не установлен» (п. 161 Порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости [9]). Из сведений, содержащихся в реестре, конкретный вид бесхозяйной вещи установить не представляется возможным. Вещи же, сведения о которых ранее в реестре отсутствовали, сначала ставятся на кадастровый учет, а после этого на учет как бесхозяйные.

По общему правилу при осуществлении мероприятий по постановке на учет бесхозяйных объектов отнесением выявленного объекта недвижимости к тем или иным видам бесхозяйных вещей занимается орган местного самоуправления, а в городах федерального значения - орган государственной власти. Далеко не всегда на этой стадии работы с бесхозяйной недвижимостью можно найти исчерпывающий ответ на вопрос – какой именно вид бесхозяйного объекта подлежит учету – объект, который не имеет собственника или собственник которого неизвестен.

Рассмотрим данные виды бесхозяйных вещей более подробно.

Прежде всего обратимся к вещам, которые не имеют собственника. Вполне резонным является вопрос – а существуют ли такие недвижимые вещи, которые не имеют собственника? Например, Ю.В. Виниченко отмечает, что «если и существуют вещи, не имеющие собственника, то ими могут быть лишь такие обладающие потребительной стоимостью объекты материального мира, которые созданы природой» [10]. Единственным оборотоспособным объектом недвижимости, созданным природой, является земельный участок. Как следствие, представить иные подобные объекты недвижимости не представляется возможным. При этом существование бесхозяйных земельных участков также ставится под сомнение многими учеными, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 214 ГК РФ и ч. 1 ст. 16 Земельного кодекса РФ [11] земельные участки, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований, являются государственной собственностью. Таким образом, действующее законодательство исключает существование бесхозяйных земельных участков.

Для ответа на вопрос о существования вещей, которые не имеют собственника необходимо обратиться к способам приобретения права

собственности. В доктрине гражданского права выделяются первоначальные и производные способы приобретения права собственности. Как, отмечено О.Н. Садиковым, «деление способов приобретения права собственности на первоначальные и производные имеет практическое значение, так как при первоначальных способах установление права собственности на вещь и объем прав и обязанностей собственника определяются законом, а при производных способах большое значение имеют воля прежнего собственника, соглашение сторон и акты органов государственного управления» [2, с. 183].

Так, в главе 14 ГК РФ установлены основания приобретения права собственности. Одним из таких оснований является создание вещи. В соответствии с ч. 1 ст. 218 ГК РФ право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов, приобретает этим лицом. Ситуация, при которой создается вещь и никому не принадлежит в соответствии с действующим законодательством невозможна. У новой вещи всегда есть законный владелец. Применительно к объекту недвижимости – лицо, создавшее ее, при соблюдении всех необходимых условий может зарегистрировать на него право собственности.

К иным первоначальным способам приобретения права собственности можно отнести обращение в собственность общедоступных вещей (ст. 221 ГК РФ), возникновение права собственности на самовольную постройку (ст. 222 ГК РФ), приобретение права собственности на бесхозные вещи (ст. 225 ГК РФ), движимые вещи, от которых собственник отказался (ст. 226 ГК РФ), находку (ст. 227 ГК РФ), безнадзорных животных (ст. 231 ГК РФ), клад (ст. 233 ГК РФ), вещи, приобретенные в порядке приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ).

Только часть из указанных оснований применима для недвижимых вещей, а именно приобретательная давность, возникновение права собственности на самовольную постройку, приобретение права собственности на бесхозные вещи.

Представим ситуацию, что некое лицо возведет самовольную постройку. С истечением времени установить лицо, осуществившее строительство уже не представится возможным. В случае орган местного самоуправления сможет выявить данный объект, поставить его на кадастровый учет и на учет как бесхозный. Объект действительно не будет иметь предшествующего собственника, но и перестанет считаться самовольной постройкой, поскольку орган местного самоуправления поставит объект на учет уже не как самовольную постройку, а как бесхозный объект недвижимости.

Следовательно, в редких случаях вещи, не имеющие собственника, могут существовать.

При производных способах приобретения права собственности происходит переход права собственности. Передача титула всегда подразумевает наличие лица, отчуждающего вещь, и лица, ее приобретающего и оформляющего впоследствии право собственности. Законодатель не предусматривает ситуации, когда вещь при производном способе приобретения права собственности остается без собственника.

В этой связи полагаем, что на современном этапе развития гражданского законодательства в нашем правовом порядке единственным возможным случаем, когда вещь, не имеющая собственника, становится бесхозной, является брошенная самовольная постройка, выявленная органом местного самоуправления и поставленная на учет в качестве бесхозного объекта недвижимости.

Другой вид бесхозных вещей – это вещи, собственник которых неизвестен. Указанный вид бесхозных вещей также подвергается критике в доктрине. Так, отрицают существование вещей, собственник которых неизвестен, такие ученые как О.Н. Садилов [2, с. 183], Р.Р. Репин [12]. Например, Э.А. Гряда отмечает, что «что из содержания закона и подзаконных нормативных правовых актов невозможно однозначно определить различия в правовом режиме бесхозных вещей, собственник которых не известен и тех, которые не имеют собственника» [13].

В настоящее время в Российской Федерации действует система государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Одними из основополагающих принципов регистрационной системы России являются принципы публичности и достоверности государственного реестра, закрепленные ст. 8.1 ГК РФ и ст. 7 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

В этой связи представляется очевидным, что именно реестр недвижимости должен давать исчерпывающие сведения о собственниках объектов недвижимости. Однако, система государственной регистрации существовала в нашей стране далеко не всегда. А потому в настоящее время все еще существует множество объектов, не зарегистрированных в реестре. Так, в соответствии с п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [14] к недвижимым вещам относятся здания и сооружения, построенные до введения системы государственной регистрации

прав на недвижимое имущество и сделок с ним, даже в том случае, если ранее возникшие права на них не зарегистрированы.

В судебной практике сложился подход, согласно которому государственная регистрация прав на недвижимость, сама по себе, правоустанавливающим значением не обладает, а является лишь элементом сложного юридического состава перехода права, определяющим, согласно п. 2 ст. 8.1 ГК РФ, момент, но не основание его перехода (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2023 № 18АП-529/2023 по делу № А76-12032/2022). При таком подходе значение регистрационной системы сводится лишь к учету сведений об объектах недвижимости, не являющихся исчерпывающими. В этой связи отсутствие сведений в реестре вовсе не означает, что у объекта нет собственника. А потому опираться на данные Росреестра при решении вопроса, является ли объект бесхозным нельзя.

Пп. «а» п. 10 Порядка содержит перечень обязательных документов для постановки на учет бесхозных вещей, в случае если объект недвижимого имущества не имеет собственника или его собственник неизвестен. Такими документами являются документы, подтверждающие, что данный объект недвижимого имущества не учтен в реестрах федерального имущества, государственного имущества субъекта Российской Федерации и муниципального имущества и документ, подтверждающий, что право собственности на данный объект недвижимого имущества не было зарегистрировано.

Полагаем, что указанных сведений недостаточно для признания, что объект является бесхозным. Фактически на стадии постановки на учет объекта недвижимости Росреестр определяет, что собственник объекта неизвестен на основании представленных документов.

Учитывая, что факт отсутствия собственника имеет правовые последствия в виде возможности признания на объект права муниципальной собственности, данный вопрос должен быть рассмотрен судом всесторонне и полно в соответствии с главой 33 ГПК РФ.

Представляется не совсем логичной последовательность действий, когда вещь ставится на учет как вещь, у которой нет собственника, но подтверждение данному факту исследуется судом уже после истечения 1 года как вещь была принята на учет и орган местного самоуправления обратился в суд с требованием о признании права муниципальной собственности. С другой стороны, открытость реестра позволяет собственнику выяснить, что его вещь поставлена на учет как бесхозная и принять необходимые меры по снятию ее с учета. Ю.В. Виниченко отмечено, что «в действительности вещь, собственник

которой не установлен, не является, а лишь считается ничьей, и считается до тех пор, пока не будет устранена неопределенность относительно ее юридической судьбы» [10]. Следует присоединиться к мнению ученого. Получается, что вещь считается бесхозяйной до установления ее статуса уже в судебном порядке.

На основании изложенного можно сделать вывод, что действующая система бесхозяйных вещей на практике трудно применима и не позволяет определить и отграничить друг от друга два вида бесхозяйных недвижимых вещей – вещи, которые не имеют собственника и вещь, собственник которых неизвестен.

Для решения существующей проблемы считаем возможным установление двух видов бесхозяйных недвижимых вещей – вещи, от которых собственник отказался и вещи, которые не имеют собственника. Последний вид сможет включить в себя все случаи, за исключением ситуации, когда сам собственник отказался от объекта недвижимости.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.08.2024).

2. Садиков О.Н. Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций / отв. ред. О.Н. Садиков). - М.: Юристъ, 2001. 333 с.

3. Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности. Москва: Закон, 2011. 304 с.

4. Писарев Г.А. К вопросу о приобретении права собственности на бесхозяйные земельные участки // Юридическая наука. 2017. № 2. С. 75-77.

5. Гражданский кодекс РСФСР от 11.11.1992. URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).

6. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964. URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).

7. О государственной регистрации недвижимости : федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ. URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 28.09.2024).

8. Порядок принятия на учет бесхозяйных недвижимых вещей : приказ Росреестра от 15.03.2023 № П/0086. URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2024).

9. Порядок ведения Единого государственного реестра недвижимости: принят приказ Росреестра 07.12.2023 № П/0514. URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2024).

10. Виниченко Ю.В. Бесхозяйность вещей: DE JURE vs. DE FACTO // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 40..

11. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ. URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 28.09.2024).

12. Репин Р. Р. О действии приобретательной давности в отношении бесхозяйных вещей // Закон. 2021. № 6.

13. Гряда Э.А. Основания приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи // Власть Закона. 2013. № 2 (14).

14. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2024).

УДК 347.91/.95

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА ИНДЕКСАЦИИ ПРИСУЖДЕННЫХ СУДОМ ДЕНЕЖНЫХ СУММ

© Д.В. Астраханцев

Третий арбитражный апелляционный суд

Согласно пункту 1 статьи 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) задачами судопроизводства в арбитражных судах являются защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере [1]. Вместе с тем необходимо отметить, что нередки случаи, когда вынесенный судебный акт в течение длительного времени не исполняется должником, вследствие чего взыскатель

продолжает нести имущественные потери, ввиду проистекающих в экономике инфляционных процессов, ведущих к снижению покупательской способности денежных средств. С целью защитить интересы взыскателя, а также возместить его имущественные потери, арбитражным процессуальным законодательством (статьей 183 АПК РФ) предусмотрено право взыскателя на обращение с заявлением об индексации присужденных судом денежных сумм.

Первоначальной редакцией части 1 статьи 183 АПК РФ устанавливалось, что индексация присужденных судом денежных сумм производится арбитражным судом первой инстанции, рассмотревшим дело в случаях и размерах, предусмотренных федеральным законом или договором. Из приведенной формулировки следует, что в отсутствие федерального закона, которым будет осуществляться правовое регулирование данного механизма или условия, предусмотренного договором, указанные заявления не подлежат удовлетворению. Как отмечалось в представителями юридической доктрины [3, с. 77] и Верховным Судом Российской Федерации [6], альтернативным способом защиты нарушенного права взыскателя, может выступать обращение с иском к должнику о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в порядке статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Начисление процентов в такой ситуации осуществляется на сумму неисполненного обязательства.

До недавнего времени соответствие правовых положений статьи 183 АПК РФ Конституции Российской Федерации не было предметом исследования Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку ранее Суд отказывал в принятии к рассмотрению жалоб на нарушение конституционных прав и свобод указанной статьей АПК РФ [4, с. 46]. Вместе с тем 22 июля 2021 года Конституционным Судом было принято Постановление № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 АПК РФ в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В. В. Сторублевцева» [13].

Согласно разъяснениям, изложенным в данном судебном акте, часть 1 статьи 183 АПК РФ является не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в ней не содержатся критерии осуществления индексации применительно к отсутствию в системе действующего правового регулирования механизма индексации присужденных судом денежных сумм. До внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство Конституционный Суд разъяснил, что критерием осуществления индексации присужденных судом денежных сумм выступает официальная статистическая информация об индексе потребительских цен (тарифов) на товары и услуги в

Российской Федерации. Данная информация размещается федеральным органом исполнительной власти, в функции которого входит формирование официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических, а также иных общественных процессах в Российской Федерации. Указанное Постановление вступило в силу 26 июля 2021 года.

Таким образом, в настоящее время, рассматривая заявления об индексации присужденных судом денежных сумм, арбитражные суды не вправе отказывать в их удовлетворении со ссылкой на отсутствие указанного правового механизма, поскольку в данной части статья 183 АПК РФ вступает в противоречие с конституционно-правовыми нормами.

Впоследствии, законодатель, во исполнение предписания Конституционного Суда, внес изменения в часть 1 статьи 183 АПК РФ путем принятия 11 июня 2022 года Федерального закона № 177-ФЗ [15]. Новая редакция анализируемой правовой нормы была дополнена положениями, согласно которым, если иное не предусмотрено федеральным законом, присужденная денежная сумма индексируется со дня вынесения судом решения или если решением суда предусматривается выплата присужденной денежной суммы в предстоящем периоде с момента, когда данная выплата должна была быть произведена. Помимо прочего в третьем абзаце части 1 статьи 183 АПК РФ установлено, что при индексации применяется вышеприведенная официальная статистическая информация об индексе потребительских цен (тарифов) на товары и услуги в Российской Федерации.

Последующие изменения данной статьи связаны с уточнением порядка индексации присужденной судом суммы, взыскание которой осуществляется из средств бюджетов Российской Федерации, участников казначейского сопровождения, а также бюджетных и автономных учреждений.

Глава 24.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) регулирует порядок обращения взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в частности — данным правоотношениям посвящены статьи 242.1 и 242.2 БК РФ. Пунктом 6 статьи 242.2 БК РФ закрепляется срок исполнения судебных актов по искам к публично-правовым образованиям. Указанный срок исчисляется со дня поступления исполнительных документов, направляемых в уполномоченный орган путем волеизъявления взыскателя [2]. Вместе с тем статья 183 АПК РФ в системной связи с положениями пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 БК РФ не давала ясного ответа о конкретных сроках индексации сумм, взыскиваемых с публично-правовых образований.

Так, рассматривая дело № А40-286229/2018, суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении заявления об индексации, основываясь на том, что действовавшее на момент рассмотрения дела законодательство не предусматривает ограничений для индексации присужденной судом суммы при обращении взыскания на бюджетные средства. Суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции [10]. Ответчик обратился с кассационной жалобой в Верховный Суд Российской Федерации, который впоследствии приостановил производство по делу и направил запрос в Конституционный Суд Российской Федерации. Верховным Судом отмечено, что сложившееся в правоприменительной практике системное толкование приведенных правовых норм, создает неравные условия для взыскателей, которыми определяется период индексации, в зависимости от субъекта, осуществляющего исполнение судебного акта.

Принятым 22 июня 2023 года Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации № 34-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» Судом предписано законодателю устранить неопределенность применительно ко дню, начиная с которого надлежит исчислять срок индексации присужденных судом денежных сумм в ситуации, когда взыскание обращено на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации [12]. До того, как соответствующие изменения будут внесены в процессуальное законодательство, Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что срок индексации, если взыскание обращено на бюджетные средства, следует осуществлять со дня, когда поступили исполнительные документы, указанные в статье 242.1 БК РФ. Во исполнение данного Постановления законодатель дополнил статью 183 АПК РФ частью 1.1, согласно которой срок индексации присужденных сумм, выплачиваемых из средств бюджета, исчисляется со дня поступления должнику исполнительных документов. При этом если исполнительные документы направлены ошибочно, то индексация производится с того дня, когда данные документы поступили в орган, в который они были ошибочно направлены [16].

Однако как в предыдущей, так и в обновленной версии статьи, не содержалось упоминания о сроке для обращения с заявлением об индексации.

Указанный вопрос приобрел свою актуальность в связи с рассмотрением Верховным Судом Российской Федерации дела № А50-10315/2010. В 2010 году с

проигравшей стороны по спору был взыскан долг за электрическую энергию, решение суда ответчик исполнил годом позже. В ноябре 2022 года — спустя одиннадцать лет — истец обратился в арбитражный суд с заявлением об индексации присужденной суммы, рассчитав ее с 25 августа 2010 года по 17 мая 2011 года (дата объявления резолютивной части решения и дата исполнения судебного акта). Нижестоящие суды, исходя из того, что по своей правовой природе требование произвести индексацию присужденной суммы не является исковым, в связи с чем к нему не могут быть применены нормы ГК РФ об исковой давности, в то время как, в действующем законодательстве отсутствуют какие-либо ограничения по сроку на обращение с данным требованием, удовлетворили заявление истца [9]. Рассматривая кассационную жалобу ответчика, Верховный Суд Российской Федерации 31 января 2024 года приостановил производство по делу, направив обращение с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что возможность преодоления правового пробела в части, касающейся применения срока, в течение которого взыскатель имеет право на обращение с заявлением об индексации присужденной денежной суммы путем ординарного толкования норм, отсутствует.

В принятом 20 июня 2024 года Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 31-П Судом отмечается, что обозначенная проблематика носит конституционную значимость. Отсутствие в процессуальном законодательстве предельного срока, в течение которого взыскатель или должник обладает правом на обращение с заявлением об индексации, не исключает фактически произвольного определения такого срока вне зависимости от периода, прошедшего со дня исполнения судебного акта. Имеющийся правовой пробел создает угрозу балансу прав и законных интересов взыскателя и должника, противоречит закрепленным в Конституции Российской Федерации принципам равенства и справедливости, нарушает стабильность гражданского оборота.

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации предписал федеральному законодателю внести изменения в действующее правовое регулирование, устранив существующую неопределенность. До внесения изменений в процессуальное законодательство срок, в течение которого лицо обладает правом на подачу заявления об индексации присужденных судом сумм, не может превышать один год со дня исполнения судебного акта. При наличии уважительных причин, указанный срок может быть восстановлен судом по заявлению лица, обращающегося за индексацией. Тем самым статья 183 АПК РФ признана не соответствующей Конституции Российской Федерации (а именно

— части 3 статьи 17, частям 1 и 2 статьи 19, части 1 статьи 34, части 1 статьи 35 и части 1 статьи 46) в той мере, в какой во взаимосвязи с частью 5 статьи 3, статьями 113 и 117 АПК РФ, а также статьями 195-196 и 205 ГК РФ она позволяет определять произвольным образом срок для обращения с заявлением об индексации присужденных судом денежных сумм [11].

С 21 июня 2024 года Постановление № 31-П вступило в силу. Его применение нашло широкое отражение в практике арбитражных судов первой [5], апелляционной [10] и кассационной инстанций [8].

Следует также отметить, что во исполнение Постановления № 31-П, законодателем подготовлены поправки в АПК РФ, ГПК РФ, а также КАС РФ, направленные на закрепление предельного срока на обращение с заявлением об индексации присужденных судом денежных сумм. Соответствующий законопроект разработан Министерством юстиции Российской Федерации, однако в настоящее время, он не внесен в Государственную Думу Российской Федерации (согласно данным, представленным на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов, 11 августа 2024 года завершена независимая антикоррупционная экспертиза проекта федерального закона) [14].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно прийти к выводу, что именно прямое воздействие Конституционного Суда Российской Федерации путем установления конституционно-правового смысла нормативных положений, сформулированных в статье 183 АПК РФ, а также выработки предписаний общеправового характера, действующих до внесения необходимых изменений в законодательство, оказало влияние на совершенствование механизма индексации присужденных судом денежных сумм.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
3. Волынец, А. И., Колодкина, Т. А. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 №20-П: отдельные комментарии с позиции баланса интересов контролирующих должника лиц и кредиторов / А.И. Волынец, Т.А. Колодкина // Арбитражные споры. 2022. № 1. С. 77-85.

4. Каблучков, А. Позиция КС РФ по индексации сумм, взысканных арбитражными судами / А. Каблучков // Юридический справочник руководителя. 2021. № 11. С. 46-51.

5. Определение Арбитражного суда Пермского края от 05.07.2024 по делу № А50-27483/2017 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/>

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.01.2018 №382-ПЭК17 по делу № А76-9414/2016 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/>

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.07.2022 по делу № А40-286229/2018 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/>

8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.07.2024 по делу № А56-77054/2012 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/>

9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.06.2023 по делу № А50-10315/2010 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/>

10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.07.2024 по делу № А40-65397/2021// КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/>

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2024 № 31-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2024. Ст. 0001202406210001.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2023 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2023. Ст. 0001202306260004.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2021 № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В.В. Сторублевцева» //

Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2021. Ст. 0001202107260013.

14. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 04/13/08-24/00149581 // Федеральный портал нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/>

15. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 11.06.2022 № 177-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3937.

16. Федеральный закон от 08.08.2024 № 255-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 2024. № 33. Ст. 4951 (Часть I).

УДК 342.814

«УРОЖДЁННЫЙ» ГРАЖДАНИН В КАЧЕСТВЕ КАНДИДАТА НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© А.С. Ахременко

Сибирский федеральный университет

Законодательство меняется постоянно, отвечая на вызовы, стоящие перед Российской Федерацией. Самые масштабные изменения в российском законодательстве последовали вслед за принятием поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. Многие правоведы еще продолжают анализировать изменения. Безусловно, ничего не осталось незамеченным. Однако есть темы, которые вызвали большей интерес со стороны научного сообщества и общественности. Например, «аннулирование» президентских сроков, и брака как союза между мужчиной и женщиной. Но всё-таки есть и то, чему было уделено не так много внимания. Например, обновленные требования, предъявляемые к кандидатам на пост Президента Российской Федерации. Из новшеств – это замена десятилетнего срока проживания на территории России двадцати пяти летним и, что заслуживает большего внимания - это изменение, касающееся требований к гражданству.

В последнее время наблюдается тенденция к натурализации элиты, в том числе за счет введения определённых ограничений. Как указывает в своей статье О. В. Кузнецова целью «любых ограничений прав человека и гражданина могут

быть только предупреждение наступления вредных для общества и индивидов последствий» [4, с. 346]. Ко всем выборным должностным лицам теперь применяется запрет иметь гражданство иностранного государства. Эти изменения в том числе были закреплены на конституционном уровне. Введение таких требований обусловлено стремлением законодателя обеспечить стабильность и защищенность государства. Не последнюю роль такие требования влияют и на борьбу с коррупцией и невозможностью таким образом повлиять на публичную власть в России. Наряду с этим запретом, для кандидатов на пост Президента Российской Федерации появилось еще один. Часть 2 статьи 81 Конституции Российской Федерации устанавливает, что кандидатом может стать только тот, кто не имел гражданство иностранного государства ранее [1]. Соответственно, еще больше увеличился лист избирательных цензов при реализации пассивного избирательного права в России.

Что это означает? Означает, что Россия встала на путь, который давно для себя уже выбрали Соединенные штаты Америки, в которых к кандидатам на пост Президента США применяется требование о том, что это должен быть именно «прирожденный гражданин». Квалификационные требования для того, чтобы стать президентом Соединенных Штатов, у них изложены в Конституции, а именно в статье II, разделе 1, пункте 5. Он включает три конкретных требования: возраст не менее 35 лет, проживание «на территории Соединенных Штатов» в течение 14 лет и «естественное рождение гражданина» [4, с. 1]. Так, довольно известным примером является случай, когда не смог стать Президентом США Арнольд Шварцнегер, так как он был рожден не на территории Соединенных Штатов Америки.

Однако США не единственная страна, которая устанавливает требование к гражданству от рождения. Конституция Индонезии 1945 года закрепляет условия, которые заключаются в том, что кандидаты в президенты и вице-президенты должны быть гражданами Индонезии от рождения, никогда не принимали другое гражданство по собственному желанию [5, с. 2922].

Таким образом, натурализованные граждане в России больше не имеют возможности в будущем стать Президентом Российской Федерации. Данное требование не касается вновь присоединенных территорий, например, Луганской, Донецкой, Крымской республик, Херсонской и Луганской областей.

По поводу наличия иностранного гражданства у кандидатов на пост Президента Российской Федерации в момент подачи документов и, соответственно, в момент пребывания в указанной должности мы согласны с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной им в

своем заключении еще в 2007 году. Отсутствие правовой связи с иностранным государством, выраженная в наличии гражданства, обеспечивает независимость государственной власти Российской Федерации и ее национальную безопасность. Однако там подчеркивается, что «право быть избранным в органы государственной власти закрепляется именно за гражданами Российской Федерации как лицами, находящимися в особой устойчивой политико-правовой связи с государством» [2].

В заключении Конституционного Суда Российской Федерации, в котором он проверял соответствие вносимых изменений в Конституцию Российской Федерации от 2020 года, по поводу наличия гражданства у кандидата в Президенты Российской Федерации было сказано лишь то, что такое требование «согласуется с особым конституционно-правовым статусом главы государства, на которого возложены основные обязанности по охране государственного суверенитета». Но также, как и в заключении 2007 года, упоминается роль устойчивой правовой связи с Россией. Судом было упомянуто, что такие требования, ничто иное, как гарантированность в том, что будущий Президент Российской Федерации, будет иметь «правовую и эмоциональную (духовно-культурную) связь с Российским государством» [3].

Однако стоит напомнить, что одним из немаловажных требований является ценз оседлости, в который заключается в необходимости проживания на территории России в течение двадцати пяти лет. Как мы считаем, если человек отказался от своего прежнего гражданства в прошлом и был принят в гражданство Российской Федерации, и уже более двадцати пяти лет постоянно проживает на территории нашего государства, у него должна была сформироваться устойчивая правовая связь с Россией. К примеру, в институте лишения гражданства Российской Федерации есть новшество, которое заключается в том, что нельзя лишать гражданства по истечении 10 лет с момента предоставления недостоверных, неточных сведений о себе. Как отмечает в своей статье Кетова Л. П. «обманывая российские государственные органы при приеме в гражданство, такой человек по-видимому имел действительное намерение стать гражданином, что и подтверждает его 10-летний стаж гражданства, и это как бы дает ему право на срок давности и прощение» [6, с. 142]. Мы согласны с ее позицией в этом вопросе. При этом, законодатели, по всей видимости, расценили двадцати пяти летний срок недостаточным для того, чтобы такое намерение у человека появилось.

Мы считаем, что натурализованные граждане должны иметь такую же равную возможность реализовывать своё пассивное избирательное право на выборах главы нашего государства, как и те, что приобрели гражданство по

рождению. Во-первых, это отвечало бы принципу равного гражданства. Как верно подмечает в своей статье И. С. Лапшин: «часть 2 статьи 81 Конституции РФ вступает в прямое противоречие с частью 1 статьи 6 Конституции РФ, закрепляющей принцип равного гражданства России независимо от оснований его приобретения, в той части, в какой ограничивает право граждан Российской Федерации, имевших в прошлом иностранное гражданство, баллотироваться на пост главы государства» [7, с.71-72].

Кроме того, гражданство может быть изменено человеком в течение его жизни неоднократно, что может быть обусловлено рядом причин, не всегда зависящих от самого человека. Более того, выбор страны рождения не зависит от человека, а определяется его родителями. Но вступление в гражданство России – это осознанное решение, постоянное проживание на территории нашей страны и выполнение всех установленных обязанностей должно доказывать о возникновении устойчивой-правовой связи человека с Россией. Такое ограничение не может быть оправдано необходимостью защиты нашей страны. Наличие гражданства иностранного государства в прошлом не презюмирует заинтересованность этого лица в интересах другой страны. Талантливые политики, не являющиеся гражданами России по рождению, не смогут проявить себя и, хотя бы, попытаться поучаствовать в президентской «гонке», так как законодатель конституционно пресек любую такую возможность. Кроме того, ссылка суда в заключении, о котором было упоминание ранее, на то, что такое требование соответствует мировой практики [4], говорит о том, что мы выбираем не свой путь, а встаем на путь, который придерживается недружественная для нас страна уже на протяжении многих десятилетий.

Единственно верным решением, на наш взгляд, является необходимость вновь внести поправки в Конституцию Российской Федерации, а именно в ч. 2 ст. 82, касающейся требования о наличии в прошлом гражданства иностранного государства.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2024).

2. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на

нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 04.12.2007 № 797-О-О // СЗ РФ. 24.12.2007. № 52. Ст. 6533.

3. Заключение Конституционного Суда РФ «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» от 16.03.2020 № 1-3 // Официальный интернет-портал правовой информации. 16.03.2020.

4. Кузнецова, О. В. Принцип всеобщности и разумность ограничения пассивного избирательного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2020. № 20 (3). С. 346-353.

5. Syahputra U., Adhari A. Tinjauan Hukum Pengaturan Batas Usia Calon Presiden dan Calon Wakil Presiden Menurut Undang-Undang Dasar Tahun 1945: Studi Putusan Mahkamah Konstitusi Nomor 90/PUU XXI/2023 // RESLAJ: Religion Education Social Laa Roiba Journal. 2024. Vol. 6, N. 5. Pp. 2919-2930.

6. Кетова, Л. П. Институт лишения гражданства в России // Право и государство: теория и практика. 2023. №7 (223). С. 140–144.

7. Лапшин, И. С. Требование к кандидатам в президенты России об отсутствии в прошлом иностранного гражданства и принцип равногo гражданства: к постановке проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. №3 (55). С. 69-74.

УДК 304.44

КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

© С.Г. Барина

Красноярский государственный аграрный университет

...Тогда засадный полк выступил из дубравы, скрывавшей его от глаз неприятеля и быстро устремился на моголов. Сей внезапный удар решил судьбу битвы: враги изумленные, рассеянные, не могли противиться новому строю войска свежего, бодрого, и Мамай, с высокого кургана смотря на кровопролитие, увидел общее бегство своих; терзаемый гневом, тоскою, воскликнул: «Велик Бог христианский!» и бежал вслед за другими...

Н. М. Карамзин

Философское осмысление социального служения не столь широко распространено, нежели богословское. Хотя социальные христианские философы XIX века затрагивали данный вопрос. Рассматривая тему социального служения, необходимо обратиться к истории русской философии и идеям отечественных мыслителей. Русская философия играет особую значимую роль, так как связана с историей и культурой русского народа. Русская философия отражает менталитет и духовные искания русского народа, его самобытность. Русские мыслители не предавались абстрактным мышлениям и рассуждениям, а посвящали свои труды судьбе родины и духовным исканиям. Соборность, религиозность, метафизичность и космизм относят к характерным чертам русской философии. В определенном смысле, русские философы являются примером социального служения, так как служили Родине. Русскую философию нередко олицетворяют с религиозной философией, так как ее интеллектуальная традиция связана с религией. «С религиозных позиций социальное служение трактуется в качестве особого синтеза форм общественной деятельности религиозных организаций» [1, с. 221].

Термин «коллективизм» в некотором смысле связывают с советским наследием, однако образ коллективизма в советском прошлом нельзя рассматривать только в отрицательном значении. Нередко коллективизм ассоциируется с давлением и контролем коллектива над личностью. Тене менее, именно коллективизм помог советскому народу выстоять в Великой

Отечественной войне и победить фашизм. Коллективизм помог поднять страну в послевоенное время. Коллективизм определяет наше национальное самосознание. И в современном понимании коллективизму свойственны такие параметры как взаимопомощь, взаимовыручка и взаимоуважение. Коллективизм и сегодня помогает нашему народу сообща преодолевать трудности и противостоять вызовам современного мира.

Философское осмысление коллективизма как основы социального служения связано с понятием «соборность». Примечательно, что термин «соборность» не имеет аналогов в других языках. Понятие «соборность» означает свободное духовное единение людей (и в церковной жизни, и в мирской общности), а также общение в братстве и любви. Введение данного понятия в философский оборот приписывается двум философам-славянофилам. В 1863 году философ-славянофил Юрий Федорович Самарин вводит термин «соборность». Также введение данного понятия связано с именем русского поэта, богослова и философа Алексея Степановича Хомякова. В соборности и православии он видел основу славянской (русской) идентичности. А. С. Хомяков был одним из основателей движения славянофилов. Поэтому сохранение православия считал единственной истиной христианского учения, составляющей миссию славян. Соборность является частью русского менталитета. «Соборность» в его понимании связана с целостностью Церкви, которую он противопоставлял протестантскому индивидуализму и католическому единству. Несомненно, что индивидуализм не присущ духу русского народа. Так как индивидуализм, как философская концепция и тип мировоззрения, больше свойственен странам Запада. Развитие и становление коллективизма всегда происходит в трудных климатических условиях, когда необходимо покорять природу и подчинять её. Так строили Байкало-Амурскую магистраль, так покоряли северные территории Сибири и Дальний Восток. Без коллективизма это было бы невозможно. Российский философ и политолог Александр Дугин утверждает: «...с точки зрения языка, соборность и коллективизм – это одно и то же. Это – глагол tocollect («собирать»)» [2].

Российский мыслитель А. А. Ивин выделяет коллективистское общество и индивидуалистическое общество. Философ утверждает, что выделение вышеуказанных типов общества - закономерность процесса познания и оба типа - проявления общества, то есть два отличия общественного от природного. Разделение типов общества по происхождению социальности. «Существуют два главных типа человеческого общества. Первый из них - коллективистское общество, второй - индивидуалистическое общество» [3, с. 3]. С данным выделением типов общества вполне можно согласиться, учитывая факт

разнополярности стран в современном мире. Относя нашу страну к обществу коллективистского типа, можно обозначить страны Западной Европы как страны индивидуалистического типа. В крайней форме индивидуализм проявляет себя как эгоизм, а это качество не приводит никогда к социальному служению. Эгоизм как характеристика человеческой личности направлен только на права и свободы самого индивида. И если в южных странах с комфортными климатическими условиями индивидуализм формируется легче, чем в странах с суровым климатом, то проявление эгоизма в северной суровой стране менее выражено. Человеком движет потребность изменения мира под свои запросы и потребности. В северной стране такое преобразование требует больших затрат времени и сил, но в то же время люди гораздо больше ценят взаимопомощь и поддержку. Таким образом, страны с трудными природно-климатическими условиями диктуют человеку свои особенные условия выживания. Социальное служение в такой стране ставится во главу угла и становится вектором развития такого общества, так как каждый индивид представляет ценность.

Наша страна традиционно является коллективистским обществом. В основе русского коллективизма лежит территориальный принцип организации общины. Государство имело соподчиненную систему общин - деление на общины старшего города, общины младших городов и сельские общины. Общинный уклад жизни русских людей явился результатом культурно-исторического развития. Этот закономерный результат сложился под влиянием неизбежных факторов – суровых природно-климатических условий, освоения больших территорий и неизменных нападений народов соседних государств. Это заставляло русских людей держаться вместе, работать и обороняться сообща. И хотя в настоящее время общинный уклад постепенно исчез из жизни современных россиян, но коллективизм все равно остается основой культурного кода нашего народа, менталитета.

Национальное самосознание издревле пропитано духом коллективизма. Понимание коллективизма невозможно без взаимопомощи, взаимовыручки и взаимоуважения. Коллективизм помогал выжить в трудных жизненных ситуациях, преодолеть суровые природные условия. Индивидуализм никогда бы не позволил осуществить все это, потому что на первое место при индивидуализме выходят права человека, его концентрирование на собственной личности. Коллективизм же разделяет общие цели, но они эти цели направлены на общее благо, которое является благом и для каждой конкретной личности в коллективе. Коллективизм сформировал основу социального служения, так как милосердие, сострадание являются его обязательными составляющими.

Философским обоснованием социального служения является тесная связь милосердия и благотворительности с проблемами, сопряженными с общественным развитием и человеческими отношениями. Человек – существо социальное, а потому не может жить в одиночестве и решать свои проблемы в одиночку. Чувство коллектива дает человеку чувство уверенности в завтрашнем дне, надежду на будущее. Подобным образом и социальное служение исторически складывалось под влиянием коллективизма. Изначально этому способствовала соборность, отраженная в трудах социальных христианских философов. Милосердие и благотворительность, свойственная и соборности, и коллективизму, имела огромное практическое значение и для светской социальной работы, и для социального служения религиозных организаций.

В трудах отцов церкви отражены вопросы милосердия, сострадания, помощи призрения благотворительности. Григорий Богослов, Иоанн Дамаскин, Иоанн Златоуст и другие философы раскрывали в своих трудах. Социальное служение русского народа сложилось наряду с тысячелетней русской историей, культурой и философией. Основные черты русской философии – соборность, космизм, религиозность, софиология, интуитивизм и т. д. Концепция «положительного всеединства» Владимира Соловьева также отражала идею соборности в рационально-философском ключе.

Традиция сохранения коллективизма отражена и закреплена. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» выделяет, среди прочих традиционных ценностей, и коллективизм. Наряду с основополагающими ценностями, формирующими государственность, коллективизм имеет определяющее значение. Он выступает вектором действия особенно сейчас, когда глобальные вызовы извне заставляют действовать сообща и дружно. Коллективизм определяет единство народов нашей многонациональной страны, подчеркивая ее самобытность. Объединившись, мы сможем противостоять всем ситуациям. История служит прямым подтверждением тому, когда в 1380 году под предводительством князя Дмитрия Донского мы дали отпор татарскому войску. И не раз в истории коллективистское начало объединяло всех жителей нашей Великой Родины и помогало противостоять врагам. Также коллективистское начало помогает и заботиться друг о друге, поддерживать тех, кто не может делать это в силу разных причин. Коллективизм дал миру гораздо больше человечности, нежели индивидуализм. Коллективизм встроен в наше национальное сознание и национальную идентичность.

Список использованных источников:

1. Дорофеева, М. Г. Социальное служение как направление социальной работы // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2021. № 2 (11). С. 220-226.
2. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. - М.: Арктогея, 1997. 599 с.
3. Ивин, А. А. Введение в философию истории. - М.: Владос, 1997. 288 с.
4. Кожин, В. В. О русском национальном сознании. - М.: Алгоритм, 2002. 384 с.
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

УДК 336.22

**БАНКОВСКАЯ ГАРАНТИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ
ОБЯЗАННОСТИ ПО УПЛАТЕ НАЛОГОВ И СБОРОВ**

© М.Ю. Барыкин

Сибирский федеральный университет

Одним из способов обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов является банковская гарантия, правовое регулирование которой закреплено в статье 74.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ).

В соответствии с пунктом 2 статьи 74.1 НК РФ в силу банковской гарантии гарант обязывается перед налоговыми органами исполнить в полном объеме обязанность налогоплательщика по уплате налога, если последний не уплатит в установленный срок причитающиеся суммы налога, и пеней в соответствии с условиями даваемого гарантом обязательства уплатить денежную сумму по представленному налоговым органом в письменной форме или электронной форме по телекоммуникационным каналам связи требованию об уплате этой суммы.

Из буквального содержания пункта 8 и подпункта 5 пункта 5 статьи 74.1 НК РФ следует, что гарант может отказать налоговому органу в удовлетворении требования об уплате по банковской гарантии только в случае, если такое требование предъявлено гаранту после окончания срока, на который выдана банковская гарантия.

В комментариях к законопроекту, которым в НК РФ был включен пункт 8 статьи 74.1 НК РФ, указано, что пункт 8 статьи 74.1 НК РФ устанавливает в качестве общего правила запрет для гаранта отказывать в удовлетворении требования налогового органа об уплате денежной суммы по банковской гарантии. Единственное исключение - это предъявление гарантии после окончания срока, на который она выдана [2].

Аналогичного мнения придерживается В.В. Витвицкая, отмечая, что такой узкий перечень оснований для отказа в выплате объясняется тем, что бенефициаром является государство, а налоги по своей сути направлены на публичные нужды, поэтому очень важно обеспечить непрерывность их поступления в казну [4].

В рамках дела № А63-12161/2015 судами рассмотрена ситуация, когда условия банковской гарантии дополнены указанием на то, что перечисление денежных средств по банковской гарантии производится гарантом по истечении срока установленного в пункте 8 банковской гарантии и в случае правомерности требования бенефициара.

Постановлением Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 декабря 2015 года по делу № А63-12161/2015 условие выплаты в виде правомерности требования бенефициара признано несоответствующим пункту 8 статьи 74.1 НК РФ, поскольку гарант не вправе отказать налоговому органу в удовлетворении требования об уплате денежной суммы по банковской гарантии (за исключением случаев, если такое требование предъявлено гаранту после окончания срока, на который выдана банковская гарантия). Выдача денежной суммы по банковской гарантии не ставится в зависимость от правомерности (неправомерности) требования бенефициара.

Следовательно, в судебной практике встречаются примеры, когда положения пункта 8 статьи 74.1 НК РФ толкуются как устанавливающие единственное основание для отказа гаранта в уплате денежной суммы по банковской гарантии.

Вместе с тем, иная судебная практика арбитражных судов свидетельствует о том, что перечень оснований для отказа гаранта в выплате по банковской гарантии фактически шире, чем это определено в пункте 8 статьи 74.1 НК РФ.

Так, применительно к независимой гарантии, правовое регулирование которой закреплено главой 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в пункте 11 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 05 июня 2019 года, разъяснено, что при злоупотреблении бенефициаром своим правом на безусловное получение выплаты допускается отход от принципа независимости гарантии. Для применения норм о злоупотреблении правом в споре о взыскании долга по независимой гарантии необходимо, чтобы из обстоятельств дела явно следовало намерение бенефициара, получившего вне всяких разумных сомнений надлежащее исполнение по основному обязательству, недобросовестно обогатиться путем истребования платежа от гаранта. В этом случае иск бенефициара не подлежит удовлетворению на основании пункта 2 статьи 10 ГК РФ.

Данные разъяснения применяются и при рассмотрении налоговых споров, о чем, в частности, свидетельствует постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 августа 2020 года по делу № А63-23656/2019.

Применение процитированного пункта Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, в налоговых спорах представляется обоснованным исходя из следующего.

Разъяснения указанного пункта Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии основываются на принципе добросовестности, закрепленном нормами ГК РФ и являющимся одним из универсальных гражданско-правовых принципов (пункт 4 статьи 1, пункта 2 статьи 6, статья 10 ГК РФ), применяемым отечественными судами, в том числе при разрешении налоговых споров [6]. В данной связи, Д.В. Винницким отмечено, что к числу доктрин, эпизодически применяющихся в практике российских судов при разрешении налоговых споров, относится доктрина «злоупотребление правом» (статья 10 ГК РФ) [3]. При этом, как указано Д.В. Тютиным, принцип добросовестности имеет отношение ко всем субъектам права (не только к частным, но и к публичным) [5].

В отечественном налоговом законодательстве банковская гарантия выступает в качестве способа обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов. Эта обязанность в соответствии с пунктом 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 31 мая 2023 года № 28-П носит публично-правовой характер, что обусловлено самой природой государства и государственной власти, пониманием налогов как элемента финансовой основы государства. В

связи с чем, следует признать, что, в конечном счете, бенефициаром по банковской гарантии в налоговых правоотношениях является государство в лице уполномоченного государственного органа.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 года № 20-П налогообложение по своей природе связано с вмешательством в экономическую автономию личности и выражается в отчуждении части принадлежащих налогоплательщикам денежных средств публично-правовым образованиям для финансового обеспечения их деятельности.

В Определении Конституционного Суда РФ от 04 июня 2013 года № 966-О отмечено, что обязанность платить налоги должна, среди прочего, пониматься как обязанность платить налоги в размере не большем, чем это установлено законом.

Исходя из чего, учитывая публично-правовой характер обязанности по уплате налогов и сборов, что взимание денежных средств в счет уплаты налогов в большем размере, чем это установлено законом недопустимо, а деятельность государственных органов должна быть сопряжена с поддержанием доверия к закону и действиям государства, в налоговых правоотношениях возможность безосновательного получения денежных средств по банковской гарантии тем более должна быть исключена.

Более того, как уже отмечалось ранее, банковская гарантия является способом обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов. К числу признаков способов обеспечения обязательств в теории права принято относить акцессорность.

Как указано Р.С. Бевзенко, акцессорность в самой общей форме одного (обеспечительного) обязательства по отношению к другому (обеспеченному) выражается краткой, но емкой формулой: нет долга - нет обеспечения [1].

В пунктах 2 и 6 статьи 74.1 НК РФ указано «в силу банковской гарантии гарант обязывается перед налоговыми органами исполнить в полном объеме обязанность налогоплательщика по уплате налога, если последний не уплатит в установленный срок причитающиеся суммы налога, и пеней..», «в случае неуплаты или неполной уплаты налога в установленный срок налогоплательщиком, исполнение обязанности которого по уплате налога обеспечено банковской гарантией, налоговый орган в течение 30 дней со дня возникновения задолженности в связи с неисполнением такой обязанности направляет гаранту требование об уплате денежной суммы по банковской гарантии».

Указанные нормы свидетельствуют о том, что в налоговых правоотношениях банковская гарантия носит акцессорный характер. Акцессорный характер банковской гарантии проявляется в том, что осуществление выплаты по банковской гарантии предполагает наличие задолженности. Налоговый орган может предъявить требования к гаранту в том случае, если обеспеченная банковской гарантией обязанность по уплате налогов и сборов не исполнена налогоплательщиком. В связи с чем, в том случае, если спорная обязанность по уплате налога и сбора исполнена или признана отсутствующей в результате отмены принятого по итогам проверки решения вышестоящим налоговым органом или судом, то у налогового органа не имеется оснований предъявлять требования к гаранту об осуществлении выплаты по банковской гарантии.

Таким образом, отсутствие задолженности по уплате налогов и сборов исключает необходимость оплаты гарантом денежных средств по требованию налогового органа о выплате денежных средств по банковской гарантии.

На практике возможны ситуации, когда требование к гаранту предъявлено налоговым органом незадолго до момента признания решения налогового органа, которым осуществлено доначисление предъявленных к оплате по банковской гарантии налогов и сборов, недействительным судом или вышестоящим налоговым органом, а также возможна ситуация, когда у гаранта имеются отсутствующие у налогового органа документы, свидетельствующие об исполнении налогоплательщиком спорной обязанности по уплате налогов и сборов, несмотря на то, что фактически денежные средства не поступили в бюджет (пункт 6 статьи 45 НК РФ).

Принимая во внимание акцессорный характер банковской гарантии, в указанных случаях оснований для оплаты денежных средств по банковской гарантии не имеется, поскольку неисполненная обязанность по уплате налогов и сборов отсутствует.

Однако с 01 января 2023 года пункт 8 статьи 74.1 НК РФ дополнен абзацем вторым, согласно которому в случае неисполнения банком-гарантом в установленный срок требования об уплате денежной суммы по банковской гарантии налоговый орган реализует право бесспорного списания суммы, указанной в данном требовании.

Следовательно, законодательством о налогах и сборах допускается возможность внесудебного (бесспорного) взыскания денежных сумм по банковской гарантии в том случае, если такая банковская гарантия не исполнена в срок. Такое законодательное положение блокирует возможность применения вышеуказанного пункта Обзора и, как следствие, защиты своих прав и законных

интересов гарантом в случае истребования налоговым органом от гаранта платежа в ситуациях, когда спорное налоговое обязательство следует считать исполненным, несмотря на то, что фактически денежные средства не поступили в бюджет (пункт 6 статьи 45 НК РФ) или решение налогового органа, которым доначислены обеспеченные банковской гарантией суммы, отменено.

Таким образом, представляется, что в пункте 8 статьи 74.1 НК РФ, помимо основания для отказа в выплате по банковской гарантии в виде предъявления требования после окончания срока, на который выдана банковская гарантия, также следует указать такие основания для отказа в осуществлении выплаты как: отмена вышестоящим налоговым органом или судом решения о привлечении к налоговой ответственности или об отказе в привлечении к налоговой ответственности, которым осуществлено доначисление предъявленных к оплате по банковской гарантии налогов и сборов; наличие у гаранта и предоставление налоговому органу доказательств, свидетельствующих об исполнении обязанности по уплате налогов и сборов.

Список использованных источников:

1. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств : монография / Р.С. Бевзенко. - М. : Статут, 2013. - 96 с.
2. Брызгалин А.В., Королева М.В., Ильиных Д.А., Ермакова Е.А., Митрофанова И.А., Тлисов А.Б., Леонова О.А., Титов Е.Е. Анализ основных положений летних Законов о налогах (№ 134-ФЗ, № 158-ФЗ, № 248-ФЗ) // Налоги и финансовое право. 2013. № 8. С. 58-236.
3. Винницкий Д.В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики : монография. - М.: Статут, 2017. - 463 с.
4. Витвицкая В.Р. К вопросу об источниках правового регулирования банковской гарантии в Российской Федерации // Банковское право. 2018. № 1. С. 39-46.
5. Тютин Д.В. Налоговое право : курс лекций // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 марта 2023 года № Ф09-10341/22 по делу № А50-28479/2021 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

УДК 347.12

ЗАЩИТА ПРАВ ВЫШЕДШЕГО УЧАСТНИКА ИЗ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

© **О.И. Босык**

Сургутский государственный университет

Лицо, приобретающее права на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – общество), при совокупности частноправовой и публично-правовой предпосылок получает правовой статус участника общества. Первая предпосылка характеризуется имущественной обязанностью учредителя оплатить право участия посредством внесения вклада в формирующийся уставный капитал в течение установленного срока (ст.8 Федерального закона от 08.02.1998 № 14 – ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО). Если учредитель не исполнит взятые на себя обязательства при создании общества, то не вправе предъявлять какие-либо имущественные требования в отношении неоплаченной доли в уставном капитале общества.

Вторая предпосылка имеет публичную природу, которая выражается во внесении информационной записи в государственный реестр юридических лиц. Сведения из ЕГРЮЛ носят уведомительный характер, цель которых — сообщить всем заинтересованным лицам о составе общества (ст. 5 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). Совокупность перечисленных предпосылок влечет наделение лица имущественными и организационными правами участника общества. Например, он вправе участвовать в принятии решения общего собрания по вопросу внесения в устав положений о праве на выход из состава участников общества. Выход из общества относится к основаниям перехода прав на долю в уставном капитале к обществу, но в отличие от иных оснований не обусловлен нарушением положений устава, несогласием с какими-либо действиями участников или отчуждением прав определённого лицу. Для реализации субъективного права достаточно наличия соответствующих положений в учредительном документе и участия в формировании уставного капитала, от которого зависит размер потенциальной компенсации (ст. 26 Закона об ООО).

Правоотношения по выходу участника из общества образуются из действий субъекта – участника общества, объекта – основания прекращения прав на долю

в уставном капитале, содержание – права на выход. Лицо, желающее выйти из общества, во избежание вмешательства общества в его деятельность, обращается не к органам управления юридического лица, а к нотариусу. Он одним нотариальным действием оформляет и направляет заявление о выходе обществу и государственной регистрации изменений сведений в ЕГРЮЛ в налоговую инспекцию (п. 1.1 ст. 26 Закона об ООО). Во избежание споров, когда лицо формально утратило правовой статус участника, и для достижения единообразного понимания срока на получение компенсации за выход, законодатель определил в качестве таковой, по общему правилу, дату внесения сведений в ЕГРЮЛ.

Отныне вышедший участник для неопределенного круга лиц признается третьим лицом согласно информационным данным ЕГРЮЛ, а принадлежащие ему ранее права на долю перешли к обществу. Между бывшим участником и обществом возникли обязательственные правоотношения по предоставлению компенсации за переход прав на долю в уставном капитале к юридическому лицу. По общему правилу компенсация должна быть выплачена вышедшему участнику в течение трех месяцев со дня возникновения соответствующей обязанности. Для кредитных организаций срок выплаты действительной стоимости начинается с даты получения обществом заявления о выходе, а для остальных — с даты внесения изменений в ЕГРЮЛ (п. 1.3 ст. 26 Закона об ООО).

По общему правилу общество должно выплатить денежные средства в размере действительной стоимости доли в уставном капитале, рассчитываемой на основании данных годовой отчетности за год, в котором подано заявление участника [6, с. 23]. Формула расчета определена документами Минфина РФ: стоимость чистых активов умножаем на долю участника в виде дроби (Приказ Минфина России от 28.08.2014 № 84н «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов»). Интересу бывшего участника в получении компенсации противостоит потребность общества осуществлять предпринимательскую деятельность, поэтому законодатель предусмотрел запреты на выплаты компенсации.

На выплату обществом действительной стоимости бывшему участнику влияют: размер чистых активов общества, наличие очередности потенциальных аналогичных кредиторов, наличие или вероятность появления признаков банкротства после предоставления компенсации, принятие решений общим собранием по вопросам реорганизации или ликвидации (абз. 2, 4 п. 8 ст. 23 Закона об ООО). Лицо, утратившее правовой статус участника, но не получившее компенсации за выход, не вправе использовать корпоративные средства

защиты, а право на получение неустойки сомнительно при наличии отрицательного размера чистых активов общества.

Если в течение нормативного срока на выплату компенсации у общества появятся признаки неплатежеспособности, то требования вышедшего участника будут удовлетворены за счет имущества, оставшегося после расчета с конкурсными кредиторами. Бывший участник не наделен средствами защиты конкурсного кредитора и, по общему правилу, рассматривается как действующий участник, поэтому потенциально входит в круг лиц, подлежащих субсидиарной ответственности как контролирующее должника лицо (п. 1 ст. 63, п. 1 ст. 83 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)'). Соответственно, его добросовестность при выходе из общества ставится под сомнение, что противоречит одному из основных принципов гражданского законодательства. Право обжаловать решения общего собрания общества, затрагивающие права и законные интересы вышедшего участника, ограничено в связи с отсутствием у него статуса участника (п. 1 ст. 43 Закона об ООО).

Вышедший участник вправе восстановить свое участие в обществе с получением соответствующих прав на долю в уставном капитале при невозможности предоставить обществом компенсацию. Для реализации права он подает заявление обществу в течение трех месяцев по истечении нормативного срока выплаты действительной стоимости и неполучения ее по экономическим причинам. Реализация правового механизма возврата принадлежащей доли подробно не разработана законодателем, но сказывается на правах и законных интересах действующих участников общества (например, после выхода участника перешедшие к обществу права на долю были распределены, изменился размер уставного капитала в связи с увеличением состава участников). Он не может воспользоваться специальным средством правовой защиты – восстановлением корпоративного контроля, потому что утратил права на долю добровольно, а не в результате чьих-либо неправомерных действий (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ). Следовательно, восстановление участника по причине отсутствия возможности выплатить компенсацию не влечет удовлетворения обязательственного требования, поэтому не выполняет охранительной функции.

Защита прав вышедшего участника находится в прямой зависимости от понимания права на выход как юридической категории и последствий его реализации.

Так, Д. В. Ломакин полагает, что выход из общества — вынужденное осуществление специального средства защиты корпоративных прав при

отсутствии эффективности иных. Вышедший участник защищает свое нарушенное право на компенсацию в пределах специального обязательственного правоотношения. Оно отличается от классического специальным производным от корпоративного правоотношения характером, но осуществляется за пределами права участия [4, с. 35].

Тезис о том, что выход из общества - средство защиты, развил в своей работе А. А. Кузнецов, который предлагает предоставить вышедшему участнику право на обращение в суд с заявлением о признании общества банкротом при ненадлежащем исполнении или неисполнении обязательства по предоставлению компенсации за выход [3, с. 36]. Предлагаемое ученым поведение вышедшего участника предполагает дополнительные расходы с его стороны, а получение компенсации сомнительно с учетом действующих норм о привлечении лиц, контролирующих должника, к субсидиарной ответственности.

Н. В. Козлова и С. Ю. Филиппова не согласны с признанием права на выход средством защиты, потому что отсутствуют основания для возникновения охранительного правоотношения. Ученые развивают тезис, что вышедший участник, по общему правилу, не подлежит субсидиарной ответственности, но данная позиция нуждается в уточнении [2, с. 78].

Выход из общества не является основанием для исключения бывшего участника из числа лиц, потенциально подлежащих субсидиарной ответственности по нормам законодательства о банкротстве. Он должен доказать свою добросовестность при реализации права на выход и возникновение объективных признаков банкротства после прекращения правового статуса участника общества.

А. В. Майфат полагает, что выход из общества — сделка, потому что прекращает корпоративно-инвестиционные правоотношения и влечет возникновение права на компенсацию, защита которого осуществляется обязательственными средствами защиты [5, с. 15]. Позиция о признании права на выход разновидностью односторонней сделки, влекущей переход прав на долю в уставном капитале, зиждется на классическом понимании юридических фактов [1, с. 6]. Предоставление компенсации является следствием выхода из общества, в силу чего не образует самостоятельного обязательного правоотношения.

Правоприменительная практика демонстрирует ограниченный перечень средств защиты бывшего участника на получение компенсации с учетом отсутствия у него достоверной информации о деятельности общества. Требования вышедшего участника из общества о выплате действительной стоимости рассматриваются как требования третьего лица, не имеющего какой-

либо связи с юридическим лицом. Право на обжалование решений общего собрания находится в прямой зависимости от наличия у лица правового статуса участника согласно сведениям ЕГРЮЛ (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.05.2023 № Ф07-3824/2023 по делу № А66-17660/2021). Следовательно, публично-правовая предпосылка правового статуса участника общества имеет большее значение, чем частноправовая, которая проявляется в сохранении связи между бывшим участником и обществом в виде требования на компенсацию. Ситуация не меняется после восстановления лица в правовом статусе участника по причине неполучения действительной стоимости, потому что он считается новым участником, не имеющим какого-либо ранее отношения к обществу. Новый участник вправе обжаловать принятые до его появления решения общего собрания при наличии доказанных обстоятельств: содержание нарушенного права и характер последствий такого нарушения [7, с. 5].

Вышедший участник вправе обжаловать сделки, совершенные обществом, недействительными как заинтересованное лицо, но при доказанности их экономической нецелесообразности и нарушении своего права на компенсацию (Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2020 № 305-ЭС20-19396 по делу № А40-195532/2019). Реализация данного права зависит от возможности получения информации о хозяйственной деятельности общества, которая у третьего лица, в отличие от участника, ограничена открытыми источниками. Если в течение нормативного срока выплаты действительной стоимости общество примет решение о ликвидации, то вышедший участник получит компенсацию за счет имущества ликвидируемого общества, оставшегося после расчетов с другими кредиторами (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.08.2023 № 305-ЭС19-22252(4) по делу № А40-23687/2017).

Лицо, вышедшее из общества, не вправе использовать корпоративные средства защиты, поскольку не имеет публично-правовой предпосылки правового статуса участника. Гражданско-правовое средство защиты в виде права требования процентов за пользование чужими денежными средствами неэффективно, потому что его реализация при отрицательном финансовом положении общества сомнительна. Право на восстановление правового статуса участника при наличии запрета на выплату компенсации принято в интересах общества и его потенциальных кредиторов, поскольку вышедшее лицо не удовлетворяет имущественный интерес.

Корпоративные правоотношения – отношения, связанные с участием в корпоративных организациях и управлением ими, в силу чего не

ограничиваются случаями совпадения публично-правовой и частноправовой предпосылок правового статуса участника. Правоотношения по выплате компенсации относятся к корпоративным, потому что возникают из права участия. Выход из общества характеризуется последовательностью действий со стороны участника, подавшего заявление, и общества, обязующегося предоставить компенсацию. Иначе, публично-правовая предпосылка правового статуса участника будет иметь большее значение, чем частноправовая, что противоречит балансу интересов. Корпоративные правоотношения прекратятся с предоставлением компенсации вышедшему участнику, а до ее получения он имеет ограниченное право участия.

Список использованных источников:

1. Глушецкий А.А. Коммерческие корпорации: виды и организационное устройство. – Москва: Статут, 2023. - 294 с.
2. Козлова Н.В., Филиппова С. Ю. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: гражданско – правовые проблемы правового режима и оборота. – Москва: Статут, 2023. - 212 с.
3. Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. Москва: Статут, 2014. - 141 с.
4. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. Москва: Статут. 2008. - 511 с.
5. Майфат А.В. Некоторые вопросы прекращения корпоративных отношений: выход участника из общества с ограниченной ответственностью // Частное право. Преодолевая испытания: к 60-летию Б. М. Гонгало. – Москва: Статут, 2016. С. 120-127.
6. Натырова Е. Комментарий к Письму Министерства финансов РФ от 15.01.2024 № 03-07-11/2269 [Как определить размер доли при выходе участника из ООО] // Нормативные акты для бухгалтера. 2024. № 5 С. 23-24.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2019 № 1505-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Иванова Андрея Александровича и Николаева Егора Александровича на нарушение их конституционных прав пунктом 3 статьи 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. –URL: <https://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения 05.08.2024).

УДК 364.4

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МОЛОДЫМИ МИГРАНТАМИ

© В.Н. Винокуров

Сибирский федеральный университет

Глобализация производства, развитие транспорта и средств связи позволяет людям проще менять место проживания. Трудовая иммиграция характерна для многих стран мира, включая и Россию, что порождает проблему социальной адаптации иммигрантов. В основном трудовые мигранты приезжают в Россию в возрасте 18–30 лет. В 2019 г. прирост мигрантов 15–19 лет составил 23 013 чел., 20–24 лет – 39 376 чел., 25–29 лет – 36 647 чел., 30–34 лет – 35 074 чел., а в возрасте 35–39 лет – 28 974 чел., 40–44 лет – 21 132 чел. (около 60 % от общего количества иммигрантов составляют лица в возрасте 15–34 лет), что свидетельствует о меньшем количестве приезжающих в РФ иммигрантов старше 35 лет [6, с. 3-4].

Россия занимает четвертое место по количеству внешних трудовых мигрантов, которые в основном переезжают в крупные российские агломерации и города-миллионеры с диверсифицированными рынками труда и развитой инфраструктурой, обеспечивающими относительно высокий уровень заработной платы. В 2022 г. в Москве и Московской области сосредоточен 41% всех прибывших, а в Санкт-Петербурге и Ленинградской области – 13%. Это превосходит показатели по остальным субъектам РФ, так в Краснодарском крае находится менее 3% трудовых мигрантов [3].

За период с января по март 2022 г. на миграционный учет поставлено более 3,7 млн. иностранцев; 2,7 млн. человек прибыли для того, чтобы работать. Для сравнения, в тот же период 2021 г. в РФ приехало менее 2 млн. человек из других стран. Чаще всего в Россию прибывают граждане стран ближнего зарубежья: Таджикистана (более 1 млн. человек), Узбекистана (более 1,4 млн. человек) [4]. Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы (утверждена указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622), в 2012 – 2017 годах миграционный приток в РФ компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики.

Согласно Федерального закона от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства – это государственная деятельность

по фиксации и обобщению предусмотренных настоящим Федеральным законом сведений об иностранных гражданах и о лицах без гражданства и о перемещениях иностранных граждан и лиц без гражданства. Следовательно, мигранты – это иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся на территории РФ.

В соответствии с Концепцией, цель миграционной политики это создание миграционной ситуации, способствующей решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода.

Указанная цель реализуется с учетом основных принципов миграционной политики, таких как: а) комплексность достижения с учетом решения задач социально-экономического, культурного, демографического и иного развития РФ; б) приоритет интересов РФ и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории; в) учет многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения РФ; г) координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере миграции; д) участие институтов гражданского общества в реализации миграционной политики при соблюдении принципа невмешательства в деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления; е) финансовая обеспеченность мер по реализации миграционной политики (п. 20 Концепции).

В зависимости от того, из какого региона они переезжают в другую страну и какой профессиональной квалификацией обладают всех внешних мигрантов можно разделить на две большие группы.

Первая – высококвалифицированные специалисты, которые прибывают в принимающее государство из развитых стран. У таких лиц нет проблем с адаптацией в российском обществе, они быстро осваивают язык общения принимающего государства, нередко полностью отказываясь от родного языка в повседневном общении, используя его только при контактах с родными и близкими, оставшимися на родине. Местное (коренное) население хорошо принимает образованных и квалифицированных работников из развитых стран.

Вторая группа – это иностранцы, занятые в сферах, где не нужна высокая квалификация: строители, продавцы в магазинах, уборщицы, водители маршрутных такси, грузчики и т.д. В России на таких работах трудятся выходцы из стран ближнего зарубежья, бывших советских республик: Узбекистана, Таджикистана, Украины, Азербайджана, Киргизии, Армении, Молдавии, Казахстана. Для этой группы характерны: низкая степень ассимиляции и социальной адаптации; низкий культурный, правовой, языковой и образовательный уровень; плохие условия жизни в принимающем обществе, которые лишь немного лучше, чем были на родине прибывающих; отсутствие перспектив карьерного роста; неприязненное и предвзятое отношение коренного населения к внешним мигрантам [3]. Мигранты из западных республик бывшего СССР (Украина, Беларусь, Молдова), в отличие от мигрантов из Средней Азии, не образуют этнические ОПГ в России, поскольку эти страны в культурно-цивилизационном плане схожи с Россией.

Вторая группа мигрантов и является объектом социальной работы, с целью их адаптации, под которой понимается целенаправленная деятельность различных государственных органов, негосударственных образований, общества в целом, направленная на оптимизацию взаимоотношений прибывшего трудового мигранта с принимающим обществом и максимальное его включение и соблюдение интересов принимающего общества. Выделяют основные модели адаптации мигрантов. Анклавная модель – компактное поселение мигрантов в городах (пример – Чайнатаун в Нью-Йорке). Особенности данной модели являются объединения на основе национальных, языковых, культурных связей, она характеризуется закрытостью, минимальными связями с принимающим обществом. При этой модели социальная адаптация происходит крайне медленно. Классической адаптации это максимальное включение в общество и жизнь принимающей страны [2].

Противодействие формированию этнических анклавов является одним из направлений миграционной политики (см. пп. «п». п. 26 Концепции).

Согласно п.23 Концепции, основными направлениями миграционной политики в области содействия адаптации иностранных граждан являются:

а) создание для адаптации иностранных граждан и их несовершеннолетних детей условий, способствующих: успешному освоению ими русского языка; усвоению ими общепризнанных в российском обществе норм поведения (правил общежития) с учетом социальных и культурных особенностей территорий, на которых они проживают; формированию у них присущих российскому обществу правосознания и правовой культуры; приобщению их к традиционным российским духовно-нравственным ценностям; б) принятие мер,

направленных на недопущение любых форм дискриминации иностранных граждан по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности, их социальной исключенности, маргинализации и пространственной сегрегации; в) продвижение русского языка и популяризация русской культуры за рубежом, прежде всего в странах, с которыми РФ заключены соглашения о взаимных безвизовых поездках граждан; г) формирование и развитие инфраструктуры, обеспечивающей содействие адаптации иностранных граждан; д) обеспечение равного доступа иностранных граждан, законно находящихся на территории РФ, к государственным и муниципальным услугам; е) совершенствование взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества и бизнес-структурами в целях содействия адаптации иностранных граждан и членов их семей, в том числе путем разработки и реализации соответствующих программ.

Выделяют экономический, социально-культурный, социально-психологический аспекты адаптации [5, с. 38].

Экономический аспект характеризуется отсутствием определенных трудовых навыков у мигрантов, что снижает возможность их самореализации и получения достойной заработной платы. Низкий уровень зарплаты и плохие условия проживания вызывает состояние озлобленности у части мигрантов по отношению к коренному населению, которое не желает трудиться на низкооплачиваемых работах.

Социально-культурный аспект адаптации характеризуется тем, что у мигрантов с республик Средней Азии, которые родились и выросли после распада СССР, существуют проблемы со знанием русского языка и истории СССР. Так в странах, откуда они приехали историю преподают в том направлении, что сначала было нашествие царской России, потом оккупация, потом колониальный период и антиколониальная борьба [1]. При работе с мигрантами следует рассказывать о роли СССР и России в развитие республик Средней Азии, правдиво освещая причины конфликтов, возникших между местным населением и русскими переселенцами, показать роль СССР в создании в их странах экономики, системы образования, медицинского и социального обеспечения.

Кроме этого большую роль в самоидентичности мигрантов из Средней Азии играет религиозный фактор. Из-за религиозного влияния у мигрантов сформировано гендерное превосходство. В их понимании женщина не может ходить в шортах на улице. На такие ситуации они реагируют агрессивно. Для успешной адаптации при работе с мигрантами следует уделять нейтрализации указанных факторов. Мигрантам при помощи правоохранительных органов

следует жестко объяснять, что в российском обществе роль женщины совсем иная, чем в их стране. В данном случае следует исходить из правила «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят».

К основным проблемам мигрантов относят: незнание языка принимающего сообщества, что в свою очередь вызывает проблему трудоустройства и, как результат, нехватку денежных средств для содержания семьи. Отсутствие гражданства обуславливает проблему пенсионного обеспечения, что также сказывается на материальном благополучии. Проблема культурной адаптации, связана с перемещением человека из культурной среды, в которой он воспитывался и вырос, в среду, часто незнакомую и создающие психологические проблемы.

Педагогические проблемы могут быть вызваны проблемами в обучении ребенка (из-за различий в программах обучения или незнания языка, или по другим причинам). Правовые проблемы возникают из-за незнания законов принимающей страны или незнания своих прав, не определяя статуса. Проблемы здоровья мигрантов появляются из-за санитарного состояния жилища, отсутствия страхового полиса и информированности об особенностях системы здравоохранения [5, с. 11-12].

Для решения этой проблемы представляется возможным привлечение граждан стран, откуда прибыли мигранты, которые длительное время проживают в РФ, с тем, чтобы они лучше доносили информацию до мигрантов, объясняя необходимость и пользу соблюдения законов, также толерантное отношение к традициям и обычаям народов, проживающих в РФ и объясняли происхождение этих обычаев и традиций.

Список использованных источников:

1. Дюков А. Как преподают историю в российско-таджикской школе. Я в шоке <https://dzen.ru/a/ZgOgSkUY8WlJLHlf>
2. Казарян К.В. Правовая адаптация и интеграция трудовых мигрантов // *Lex russica*. 2017. № 9.
3. Корсаков К.В, Цветкова А.Д. Внешние трудовые мигранты в России: типология и криминологическая характеристика // *Российский юридический журнал*. 2023. № 4.
4. Костюк М.Ф., Кунц Е.В. Криминологические проблемы внешней трудовой миграции // *Миграционное право*. 2023. № 4.

5. Крысова Е.В., Шалаев В.П. Социальная работа с мигрантами: учебное пособие. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2016.

6. Лакомова А.А. Социальная адаптация молодых трудовых иммигрантов в России / автореф. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород, 2022.

УДК 343.24 : 343.575

УЧЕТ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ

© Я.В. Володина

Сибирский юридический институт МВД России

Карательный характер уголовной ответственности предусматривает не только исправление лица, совершившего преступление, но и предотвращения возможности его повторных противоправных действий. Наказание играет роль ключевого компонента в процессе возобновления разрушенных социальных связей и, одновременно с тем, активно в процессе восстановления социальной справедливости.

Присваивание наказания, индивидуализированного по особенностям преступления и личности его исполнителя, исследуется юридическими науками как в аспекте теоретической значимости, так и на уровне практической реализации [1; 6]. Каждая ситуация требует анализа опасности деяния для общества и выбора санкции, способствующей перевоспитанию лица, совершившего преступление, в частности в рамках борьбы с наркопреступностью. Данный избирательный и индивидуализированный подход к наказанию способствует предотвращению новых преступных актов со стороны лица, уже совершившего преступление.

Существование разных мнений среди ученых относительно того, что такое индивидуализация наказания, остается актуальным. Наиболее признанная в научной среде является формулировка, предложенная И.И. Карпец, согласно которой индивидуализация наказания как принцип включает учет разного рода аспектов: характер и степень опасности преступления, личные качества виновного, наличие отягчающих или смягчающих обстоятельств. Это позволяет через процесс наказания стремиться к исправлению и перевоспитанию

преступника, а также к предотвращению новых преступных деяний как со стороны осужденных, так и от остальных [1, с. 152].

Важно подчеркнуть, что акцент на анализе лиц, совершающих преступления, все чаще встречается в современной научной литературе, основанной на теме индивидуализации наказания [5; 7]. Особую значимость для уголовно-правовой науки имеют характеристики личности субъекта нарушения, которые считаются обязательными при его квалификации и в процессе назначения наказания.

Изучение личности преступника как в теоретическом аспекте, так и в практической деятельности осуществляется с разнообразных позиций. При этом, для целей назначения наказания особенно значимо проведение анализа на индивидуальном уровне, где ключевым процессом является выявление уникальных черт личности данного субъекта преступления.

Таким образом, при совершении преступления сохраняется тесная связь между личностью виновного и индивидуализацией наказания. Следует не просто анализировать характеристики личности, но и объективно их оценивать, что позволяет на фундаменте собранных сведений справедливо подходить к выбору видов и размеров наказания.

Проанализировав судебную практику по ст. 228 и 228.1 УК РФ, мы можем заметить, что некоторые решения судов включают фразу о том, что якобы при вынесении решения судом учитывалась личность обвиняемого, однако конкретные детали этого учета не оглашаются. Это позволяет нам сделать предположение о том, что суды все же в большинстве своем игнорируют общие начала назначения наказания (по ст. 60 УК РФ).

При исследовании судебной практики замечено, что при рассмотрении уголовных дел, а именно за наркопреступления, для судов в качестве ориентира служат разъяснения, изложенные в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 15 июня 2006 года «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», ориентированные на дела, связанные с наркотическими, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [2].

Анализ 62 приговоров, вынесенных в период между 2018 и 2023 годами показал, что в осуществлении правосудия судебные органы при назначении наказаний придерживались рамок санкций соответствующих статей с учетом их нижнего и верхнего пределов [4]. При определении меры наказания осуществлялся учёт информации о личности осуждённого, включая его семейное состояние, уровень состоятельности, общее физическое здоровье,

поведенческие особенности в повседневной жизни, наличие на его содержании несовершеннолетних детей (при наличии у него доли в их становлении и поддержке), а также других лиц, не способных к самостоятельному заработку (супруга, родственники или другие зависимые лица).

В подобных случаях суды часто принимали в расчет в качестве смягчения наказания наличие полного признания виновности, искренность и раскаяние за содеянное, предоставление данных в рамках предварительного расследования с детализацией моментов преступления, а также влияние на раскрытие и расследование дел, имеющих отношение к нелегальному обороту наркотиков (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Помимо этого, прохождение реабилитационного курса и достижение трудовой адаптации также являются факторами, которые в некоторых решениях суда были взяты во внимание как обстоятельства, способные на смягчение наказания [3, с. 171].

Как фактор, отягчающий наказание, судебные органы в рамках рассмотрения подобного рода процессов часто учитывают наличие рецидива. При этом, анализ приговоров показал отсутствие случаев неправомерного включения в расчет судимостей, которые были погашены или сняты в соответствии с законодательством.

Некоторой долей спорности обладает подход судебной системы к наркотическому опьянению, как потенциально отягчающему обстоятельству. Обычно, в ситуациях, где отсутствует агрессия против других лиц, наркотическое опьянение отягчающим не признается. Однако, при длительном употреблении наркотиков, многократных административных нарушениях, включая употребление без рецепта врача, опьянение, несомненно признается отягчающим обстоятельством. Поэтому каждую ситуацию необходимо рассматривать подробно и тщательно для наиболее полного раскрытия всех обстоятельств

Проанализировав судебную практику по делам, связанных с наркопреступлениями, а именно по ст. 228 и 228.1 УК РФ, допустимо сделать вывод, что, к сожалению, при рассмотрении дел суды не всегда активно используют нормы, предусмотренные ст. 60 уголовного закона. Приговорах довольно поверхностно учитывается личность виновного и подробно не раскрывается её содержание, в связи с чем наблюдается разная практика по видам и размерам наказания за аналогичные преступления в данной сфере.

Ко всему прочему, стоит отметить важность учета личности при выборе вида и размера наказания. Судье необходимо найти такой способ наказания, который будет соответствовать совершенному преступлению и поможет изменить поведение виновного. Недостаточная строгость наказания не

гарантирует достижения целей, а излишняя строгость может привести к негативным последствиям, включая деформацию личности, что в дальнейшем может повлиять на поведение в будущем.

Список использованных источников:

1. Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1961. 152 с.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

3. Прохоров Л.А. Об эффективности мер, применяемых к лицам, признанным больными наркоманией // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 3 (56). С. 168-174.

4. Судебная практика по уголовным делам. - URL: <https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-ugolovnym-delam> (дата обращения 24.06.24).

5. Тепляшин П.В. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным за коррупционные преступления: отечественный и зарубежные тренды // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования: сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. Красноярск: СФУ, 2019. С. 214-219.

6. Тепляшин П.В., Рахматулин З.Р. Учет личностных характеристик лиц при назначении уголовного наказания в виде ограничения свободы // Современное право. 2015. № 12. С. 133-137.

7. Чумакова Г.С. Личность виновного как одна из проблем практической реализации принципа индивидуализации назначения наказания несовершеннолетним // Современное право. 2023. № 10. С. 112-117.

УДК 34.01

**КОМПОЗИЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВ АВТОНОМНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ НА КРЕДИТОВАНИЕ ОСНОВНОГО ВИДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

© О.П. Горячева, Я.В. Бельская, Р.А. Сафиулин

Сибирский федеральный университет

В исследовании обсуждаются перспективные правовые конструкции, связанные с расширением прав автономных учреждений на кредитование проектной деятельности.

Междисциплинарный анализ «Law and Economics», характерный для британской и американской правовых систем, часто обсуждается авторитетными правоведами в области корпоративного права, среди которых есть смысл обозначить работы Е.А. Суханова [3; 4], В. К. Андреева, В. А. Лаптева [1], а так же С.Д. Мухиной [2].

Актуальность реформирования прав автономных учреждений определяется вызовами стратегии опережающего роста в креативных (творческих) индустриях.

В частности полевые исследования показали, что театрално-зрелищные учреждения, являясь составной частью определенного императивной нормой кластера хозяйствующих субъектов творческих индустрий, в рамках своей деятельности сталкиваются с проблемами поиска финансирования постановок и проектов, которые привязаны к календарному графику сезонности. Получение финансирования в этих условиях за счет текущей деятельности и участия в благотворительных проектах не всегда своевременно и емко закрывает потребности в проектных инвестициях. В аналогичных условиях субъекты корпоративных прав имеют возможность привлечения заемных средств кредитных учреждений, что на практике недоступно автономным учреждениям.

Ключевым экономическим аргументом в запрете на кредитование у унитарных лиц является формирование в кредитной сделке залоговых обязательств (ст. 329 ГК РФ) на имущество, принадлежащее ему на правах, отличных от прав собственности.

Вместе с тем залог не является экономически эффективной формой покрытия риска невозврата кредитных средств.

Не связывая проблему кредитования автономных учреждений с залогом имущества, имеющийся объем прав такого субъекта требует согласно чч. 1-2 ст. 17 Закона № 174-ФЗ, п. 3 ст. 27 Закона № 7-ФЗ предварительного одобрения

наблюдательным советом автономного учреждения (либо учредителя автономного учреждения) сделок по получению кредита (займа), если в ней имеется заинтересованность. С учетом того, что в банковской статистике выдача кредитов автономным учреждениям не отображается, то можно сделать вывод о том, что существующая правовая конструкция препятствуют оперативному покрытию дефицита финансирования, в т.ч. с учетом длительности согласовательных процедур. В этой связи целесообразно уточнение параметров правовой конструкции по расширению полномочий автономных учреждений при кредитовании проектов с учетом их кредитного рейтинга, определяемого параметрами кредитоспособности. Например, в отношении театрално-зрелищных учреждений риски кредитования снижаются за счет прогностики будущей выручки, которая гарантируется в т.ч. программами субсидирования зрительской активности, среди которых отмечается проект «Пушкинская карта».

С учетом того, что покрытие постоянных затрат на содержание таких учреждений остается в рамках бюджетного финансирования, расширение таких полномочий является экономически оправданным и возможным в рамках инициации реформы закона об автономных учреждениях.

В этой связи постановочная композиция законодательной инициативы по расширению полномочий автономных учреждений при получении кредитного финансирования требует экономического анализа практической реализации норм закона Федеральный закон от 3 ноября 2006 г. № 74-ФЗ «Об автономных учреждениях» в редакции от 08 августа 2024 года.

Таким образом, задачей такого междисциплинарного анализа является оценка эффективности диспозиций юридической нормы для обеспечения целей проектного кредитования автономных учреждений в экономически обоснованных параметрах. В частности экономических характеристиках дефиниций крупных сделок и сделок, в отношении которых имеется заинтересованность, а так же иных факторах, препятствующих логике расширения хозяйственной самостоятельности автономных учреждений в том числе в зависимости от их классификации по видам экономической деятельности.

Список использованных источников:

1. Корпоративное право современной России / В. К. Андреев, В. А. Лаптев; Российский государственный университет правосудия. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Проспект, 2023. – 352 с.

2. Мухина, С. Д. Правовая природа ответственности органов управления корпорации по ее долгам: гражданско-правовая или корпоративная // III Декабрьские корпоративные чтения «Корпоративное право и корпоративные отношения: новеллы и традиции»: сборник тезисов докладов Всероссийского научного форума (Новосибирск, 13 декабря 2023 года – 15 2024 года). – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2024. С. 187-194.

3. Суханов, Е. А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 6. С. 80-95.

4. Суханов, Е. А. Правовые формы реализации гражданской правосубъектности государства // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 1. С. 5-17.

УДК 34.05

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

© А.В. Гуралев

Сибирский юридический институт МВД России

В условиях глобализации и роста транснациональной преступности метод сравнительного правове­дения (в рамках данной работы также сравнительно-правовой метод) приобретает особое значение, поскольку охватывающая многие страны проблема наркопреступности требует не только внут­ригосударственных, но и международных усилий для эффективного противодействия ей. Важным аспектом решения данной проблемы является изучение и адаптация зарубежного опыта, что становится возможным благодаря сравнительному правове­дению. Как отмечает А.Х. Саидов, сравнительное правове­дение показывает относительность существующего национального права и позволяет выйти за пределы простого определения писаной нормы как единственного выражения права, действующего на определенной государственной территории, и внести определенные коррективы в наши представления относительно места и роли каждой правовой системы на правовой карте мира [4, с. 36].

В свою очередь нельзя не согласиться с Х.С. Сафаровым, который отмечает, что сравнительный анализ особенно важен в современных условиях, когда активно происходит интернационализация преступности, что требует, в свою очередь, и интернационализации уголовного права [5, с. 6]. Действительно, «зарубежный опыт является не только предметом компаративистского исследования, который имеет в этом случае в большей степени гносеологическое значение, но и его аксиологическое понимание позволяет обнаружить общемировые закономерности... и выявить на этом фоне достоинства и возможные недостатки национальных особенностей моделей борьбы с общественно опасными деяниями» [6, с. 215].

Высокие темпы информатизации общества повлекли за собой и уход в IT сферу наркопреступности. Минимум личных контактов, полная анонимность, финансовые операции, построенные на технологии блокчейн, – всё это является вызовом для правоохранительных органов целого ряда государств. В этой связи можно смело констатировать, что К.В. Горобец был пророчески прав, говоря, что в период глобализации мировой экономики, роста взаимопроникновения и коллизий правовых норм разных государств необходимость сравнительного анализа уголовно-правовых запретов по основным составам УК РФ сохраняется и будет увеличиваться [1, с. 4].

Для понимания сути метода сравнительного правоведения необходимо отличать его от сравнения как формы познания и от сравнительного правоведения как от целой отрасли юридической науки. Хотя сравнение и сравнительно-правовой метод по своей гносеологической структуре близки, метод представляет собой систему познавательных средств и приемов, включая, конечно же, сравнение, используемых в определенном порядке для проведения исследования [4, с. 41].

Из этого можно заключить, что сравнительно-правовой метод не ограничивается лишь сопоставлением правовых норм из разных правовых систем. Безусловно, это важнейшая часть юридической компаративистики, без которой сложно представить её как таковую, но, как отмечает В.И. Лафитский, плодотворными компаративистские исследования могут стать только тогда, когда они не ограничиваются только юриспруденцией, но используют результаты исследований базовых наук – философии, истории, социологии, этнографии, а также родственных научных направлений – сравнительного религиоведения, сравнительной лингвистики, сравнительной политологии [3, с. 96].

Крайне важно понимать, с чем было связано принятие тех или иных норм, какова была общественно-политическая обстановка, какая экономическая

политика велась государством в конкретный период времени. Такие законотворческие предпосылки во многом помогают понять сущность правовой нормы, так как, учитывая указанные факторы, сравнивая их, понимая, что послужило толчком к изменениям, исследователь видит картину гораздо шире, нежели в результате прямого сопоставления правовых норм. Так, П.В. Тепляшин и Е.А. Федорова выделяют не менее 8 факторов, которые следует учитывать при исследовании особенностей наркопреступности в зарубежных странах или межгосударственных регионах [7, с. 69-70].

Например, в Соединённых Штатах Америки в настоящее время наблюдается крайне высокая смертность от передозировки фентанилом – опиоидом, действие которого в десятки раз сильнее героина. Всего от передозировки опиоидов и в первую очередь от фентанила в США гибнет более 111 тысяч человек ежегодно, это больше, чем количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях [2, с. 116]. Сложно переоценить масштабы угрозы, которую фентанил представляет для экономики, демографии, обороноспособности государства, унося жизни стольких молодых людей, коих большинство среди наркопотребителей. Учитывая, что основным поставщиком зелья являются мексиканские наркокартели [2, с. 118], наркотик также может направляться на юг – в государства Центральной и Южной Америки, создавая таким образом наркоугрозу в масштабах целого полушария.

В России же, напротив, незаконный оборот фентанила практически отсутствует, однако, учитывая транснациональный характер наркопреступности, нашим специалистам в превентивном порядке следует изучать наркоситуацию, сложившуюся в западном полушарии Земли. В частности, откуда и какими путями наркотик попадает на территорию государства? По какой причине это стало возможным? Слабо защищённые границы, коррумпированные представители компетентных структур и прочее. Каким образом ведётся работа по пропаганде здорового образа жизни среди молодёжи? Организована ли кампания по выдаче наркозависимым налоксона – антидота, который является основным препаратом при передозировке опиоидами и действительно спасает жизни? Предусмотрена ли юридическая ответственность за немедицинское потребление наркотических средств и их хранение? Функционирует ли система реабилитации и ресоциализации наркозависимых?

Ответы на все эти вопросы в своей совокупности сформируют довольно полную картину, сложившуюся в странах западного полушария Земли в связи с распространением этого смертоносного наркотика. Это позволит всем заинтересованным государственным органам, входящим в состав Государственного антинаркотического комитета Российской Федерации,

подготовиться в своих зонах ответственности к возможному приходу фентанила на российский «рынок».

Таким образом, изложенное демонстрирует не только научно-познавательный, но и практико-прикладной аспект использования метода сравнительного правоведения. Успешное применение указанного метода требует глубокого понимания правовых и культурных контекстов, а также гибкого подхода к адаптации зарубежных практик. Применение сравнительного правоведения в исследовании противодействия наркопреступности может способствовать выработке эффективных мер, направленных на решение этой глобальной проблемы и минимизацию негативных последствий, вызванных немедицинским потреблением наркотиков.

Список использованных источников:

1. Горобец, К.В. Мошенничество по уголовному праву России и Франции. Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис... к.ю.н. – М., 2009.
2. Джурканин, Т. Фентаниловый кризис в США: эпидемия национального здравоохранения и преступности / Т. Джурканин, Х. Судер, В. Сергевнин // Ученые записки. 2023. № 2(46). С. 115-134.
3. Лафитский, В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Том первый. – М.: Статут, 2010.
4. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности: учебник. – М.: Юристъ, 2003.
5. Сафаров, Х.С. Терроризм: проблемы законодательного закрепления и квалификации (на материалах Республики Таджикистан и стран СНГ): автореф. дис... к.ю.н. – М., 2005.
6. Тепляшин, П.В. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным за коррупционные преступления: отечественный и зарубежные тренды // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования: сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: СФУ, 2019. С. 214-219.
7. Тепляшин, П.В. Транснациональная наркопреступность: понятие, признаки, детерминанты и отдельные направления противодействия / П.В. Тепляшин, Е.А. Федорова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 68-74.

УДК 347.124

О ФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТА СУРРОГАЦИИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

© Д.А. Гусев

Сибирский федеральный университет

Идея распространения юридически значимого свойства (качества) объекта на замещающую его ценность не является новой. Праву издавна известны случаи, когда объект прав приобретает те же юридические свойства, что и его «предшественник». Частные проявления данного явления мы можем найти и в тексте законов. Так, например, не является общим совместным имуществом, приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, (ст. 36 СК РФ), истребование, ценных бумаг, в которые были конвертированы ценные бумаги, списанные со счета правообладателя (п. 2 ст. 149.3 ГК РФ), включение в состав переданного в доверительное управление имущества, приобретенного доверительным управляющим (п. 2 ст. 1020 ГК РФ), возникновение прав у собственника материалов на новую движимую вещь, изготовленную лицом путем переработки не принадлежащих ему материалов (п. 1 ст. 220 ГК РФ) и многое другое.

Применяя данные казуистические положения, мы чаще всего не задумываемся о том, что подобные случаи объединены общей идеей, реализация которой приводит к одному и тому же результату, а именно к условному делению всего имущества лица на несколько имущественных масс в интересах его самого или лица, претендующего на суррогат первоначального объекта.

Основанием для научного дискурса на тему возможности считать идею о перенесении свойств одного объекта на другой, чем-то большим чем набором нескольких случаев послужили выраженные Верховным Судом РФ позиции.

Так, в 2022 г. Верховный Суд РФ в одном из своих определений, рассматривая вопрос о распространении залога на объект замещающий первоначальный предмет залога, охватил предусмотренные законом (п. 2 ст. 334, п. 3 ст. 336 ст. 345 ГК РФ) и выработанные судебной практикой исключения из пп. 3 п. 1 ст. 352 ГК РФ (прекращение залога гибелью вещи) общим принципом «эластичности». Содержательная составляющая данного принципа, с позиций суда, как раз и заключается, в распространении определенного юридического качества (свойства) объекта на его суррогат. Пределы данной трансформации суд устанавливает применительно к моменту, когда не может

быть «обнаружен фактический или юридический преемник соответствующей ценности» [1], т.е. до момента, когда первоначальный объект не будет считаться погибшим окончательно в результате исчерпания возможностей отыскания суррогата (исчерпание трейсинга) [2].

Примечательным является также Определение Верховного Суда РФ № 307-ЭС21-28798 (2) от 28 июля 2022 г. по делу № А56-122124/2018 [3]. В рамках рассмотрения данного спора суд распространил юридическое свойство средств компенсационного фонда саморегулируемой организации – исполнительский иммунитет, на реституционное требование должника по недействительным сделкам с этим имуществом. Логика суда, как и в случае с залогом, заключалась в необходимости защиты прав лиц, которые могут пострадать в результате «исчезновения» свойства объекта, и недопустимости снижения уровня их правовой защищенности, при наличии реальной возможности проследить трансформацию ценности изначального объекта, обладающего необходимым свойством.

В последующем идея распространения исполнительского иммунитета на замещающую ценность получила свое развитие в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2023 N 307-ЭС22-27054 по делу N А56-51728/2020, в котором признан факт распространения исполнительского иммунитета единственного жилья на денежные средства полученные от его реализации. Так, суд указал, что «поскольку иные кредиторы не имеют права претендовать на стоимость единственного жилья, то в силу принципа эластичности (суррогации) режим исполнительского иммунитета должен быть распространен и на заменившую квартиру ценность - оставшиеся денежные средства, которые следуют судьбе, замененной ими вещи.... в результате чего находящиеся в иммунитете средства передаются только тому лицу, на которое иммунитет не распространяется - залоговому кредитору...Оставшиеся после этого средства в силу исполнительского иммунитета исключаются из конкурсной массы и передаются должнику в целях обеспечения его права на жилище» [4].

Данная позиция была несколько скорректирована Конституционным Судом РФ [5], допустивший возможность уменьшения размера сумм, исключаемых из конкурсной массы должника денежных средств, если они позволяют приобрести жилье, которое по своим характеристикам явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности должника и членов его семьи в жилище. Если подобное уточнение полностью соответствует, сложившейся практике по ограничению исполнительского иммунитета, то предоставленная КС РФ возможность направления сумм от реализации

единственного жилья на удовлетворение иных требований кредиторов, предусмотренных пп. 2-4 п. 5 ст. ст. 213.27 ФЗ от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» противоречит изначальному замыслу Верховного Суда РФ, так как автоматически ограничивает исполнительский иммунитет в отношении названных в приведенных положениях закона кредиторов, т.е. лица получают удовлетворение за счет имущества, которое в силу своих особенностей если бы не кредитор, чье требование обеспечено залогом, в конкурсную массу включаться не должно. Несмотря на это правоприменительная практика уже пошла по вымощенной Конституционным Судом РФ тропе [6].

Как можно заметить все указанные случаи объединяются тем, что происходит перенесение свойств одного объекта на замещающий с целью обеспечения защиты законных прав и интересов обладателя первоначального объекта (сохранение status quo, или минимизация потерь), не осуществление которого приводит к существенному дисбалансу интересов участников отношений, путем ослабления «позиций» в которых находился обладатель изначальной ценности.

Весьма похожей на суррогацию является возможность обращения взыскания в пользу потерпевшего на предмет, приобретенный на похищенные денежные средства. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 N 5-КГ22-99-К2, суд, отменяя акты нижестоящих судов в части отказа в обращении взыскания на "Mercedes benz E250 CGI", руководствовался фактом приобретения указанного автомобиля на похищенные у истца деньги, что установлено вступившим в законную силу приговором суда. [7]. По нашему мнению, возможность обращения взыскания на объект приобретенный за счет средств добытых преступным путем не является суррогатом по нескольким причинам.

Во-первых, данный пример выбивается из ранее освещенного ряда дел тем, что в данном случае связь объектов построена не по принципу перенесения юридических качеств денег потерпевшего на приобретенный на них автомобиль, а возможностью удовлетворения за счет объекта, который является заменой ранее существовавшей ценности. Кроме того, свойство, которое «заражает» последующую ценность появляется только после совершения хищения – до этого момента никакого юридически значимого свойства, которое необходимо перенести на иные объекты у денежных средств не было.

Во-вторых, из текста Определения Верховного Суда РФ не явствует, что автомобиль, как это было в выше приведенных примерах, формирует

фактически отдельную имущественную массу лиц, признанных виновных в совершении преступления, особенностью которой являются исключительная возможность потерпевшего удовлетворения требований, возникших в результате совершенного в отношении него преступления. Кроме того, представляется крайнезатруднительным поиск разумных и объективных причин, по которым на данный автомобиль не могут обратиться взыскание иные кредиторы лиц, приобретших Mercedes на краденные средства.

Таким образом, для признания какой-либо трансформации объекта суррогатией необходимым условием, на наш взгляд, является то, что в результате данной трансформации объект приобретает свойство, позволяющее прозвести условное деление всего имущества лица на несколько имущественных масс, в интересах самого субъекта или его оппонента (контрагента), в зависимости от конкретных обстоятельств, в которых необходимо применить принцип эластичности, с целью недопущения снижения уровня правовой защищенности субъектов права.

Учитывая, что указанный механизм применяется далеко за пределами установленных законом случаев его закрепления возникает вполне разумный вопрос: имеется ли у данной идеи значение принципа права или же суррогатия является частным проявлением более общего, универсального требования - «справедливости», в исключительных условиях когда иные механизмы не позволяют обеспечить надлежащий уровень защищенности прав и законных интересов? Данный вопрос остается открытым.

Список использованных источников:

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2022 № 308-ЭС18-11184(4) по делу № А32-18217/2012 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.2023 № 305-ЭС22-24992(3) по делу № А40-139089/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 307-ЭС21-28798(2) от 28.07.2022 по делу № А56-122124/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2023 № 307-ЭС22-27054 по делу № А56-51728/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой акционерного общества "Юридическое бюро "Факториус"» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.08.2024 № Ф05-775/2024 по делу № А40-218590/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

7. Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 5-КГ22-99-К2 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

УДК 343.9

ОБ ИДЕЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© И.А. Дамм

Сибирский федеральный университет

Зарождение нового направления научного знания начинается с появления идеи, мысленного прообраза, отражающего суть такого направления. Идея выступает стержневой основой системного знания. И. Кант под системой понимал «единство многообразных знаний, объединенных одной идеей» [9, с. 680]. В свою очередь, Г.В. Ф. Гегель отмечал, что «идея, как конкретная в себе и развивающаяся, есть, таким образом, органическая система, целостность, содержащая в себе множество ступеней и моментов» [4, с. 90].

Одно из перспективных направлений развития криминологического знания последних десятилетий образует идея криминологической безопасности. Новизна данной идеи заключается в том, подчеркивают М.М. Бабаев и В.А. Плешаков, что «понятие "криминологическая безопасность" и ее обеспечение переносят смысловой акцент с объекта "нападения" (преступность) на объект

защиты (личность, общество, государство), т.е. на те ценности, которым, собственно, и должна быть гарантирована криминологическая безопасность» [2, с. 317; 17, с. 33]. По мнению М. М. Бабаева, «криминологическая безопасность как концепция – это не очередное новое слово, а новая парадигма уголовной политики» [3, с. 55].

Уголовная политика, основанная на концепции криминологической безопасности, считает М.М. Бабаев, способна радикально изменить сложившуюся ситуацию, поскольку «при таких обстоятельствах «давление» на преступность (борьба, противодействие, кара, предупреждение и т.д.) перестает быть главной целью и переходит в разряд промежуточных». В свою очередь, генеральной целью является «достижение состояния безопасности личности, общества и государства от криминальных угроз» [3, с. 56]. А значит «правоохранительная деятельность во всех ее видах и формах становится средством достижения генеральной цели», следовательно «главные приоритеты этой деятельности переносятся с субъекта нападения на объект защиты» [3, с. 56].

Некоторые ученые усматривают в данной идее достаточные основания для ее развития в самостоятельную теорию. Например, С.Я. Лебедев полагает, что «актуальность и прогрессивность теории криминологической безопасности вызваны необходимостью формирования новой идеологии противодействия преступности, переориентации правоохранительной системы с поисков криминологических угроз (что, по нашему мнению, вторично) на реальное выполнение основной задачи – обеспечение безопасности людей от преступных посягательств» [13, с. 14].

Представленная идея криминологической безопасности успешно развивается в отраслевых направлениях [12], в том числе и по антикоррупционной тематике. В современной литературе создана добротная научно-исследовательская основа знаний о феноменах коррупции и безопасности, которая образует предпосылки формирования новой системы научного знания – теории антикоррупционной безопасности [7].

Глубинная смысловая взаимосвязь коррупции и безопасности привела к появлению в научно-практическом словарном обороте термина «антикоррупционная безопасность» [5; 8; 10; 11; 14–16; 18]. Значимый вклад в исследование содержания антикоррупционной безопасности внес основатель красноярской криминологической школы профессор Н. В. Щедрин, предложивший одно из первых соответствующих авторских определений. Антикоррупционная безопасность, в понимании Н. В. Щедрина, – это «состояние защищенности закрепленных в Конституции РФ системообразующих ценностей

социума (объектов охраны) от опасностей, исходящих от противоправных деяний физических лиц и организаций, выполняющих публичные функции или оказывающих публичные услуги вопреки интересам государства и общества, для извлечения противоправной выгоды как для себя, так и для других лиц (источники опасности), а также от деяний всех других лиц и организаций, подкупающих лиц, имеющих публичный статус (источники опасности)» [1, с. 64].

Антикоррупционная безопасность выступает новым родовым идеальным теоретическим объектом, отражающим в общем виде состояние защищенности объектов антикоррупционной охраны от коррупционных угроз и опасностей. Учитывая то, что основную угрозу для объектов антикоррупционной охраны представляют коррупционные преступления, включение криминологических ресурсов в процесс познания антикоррупционной безопасности и ее обеспечения раскрывает новые грани исследуемой теоретической материи. В связи с этим появление в структуре антикоррупционной безопасности видового идеального объекта – антикоррупционной криминологической безопасности представляется вполне закономерным.

Разработка антикоррупционной криминологической безопасности основывается на концептуальных положениях, высказанных применительно к криминологической безопасности. На современном этапе теоретико-прикладную и методологическую основу воздействия на общественно опасные формы коррупционных проявлений составляет противодействие коррупционной преступности. Однако противодействие как коррупции в целом, так и коррупционной преступности в частности имеет векторную направленность воздействия только на источник опасности – коррупцию и коррупционную преступность. Соответственно, собственный защитный потенциал объектов охраны в сложившейся парадигме воздействия на коррупционную преступность остается нереализованным и пока еще недостаточно исследованным.

В содержании антикоррупционной криминологической безопасности объединяются, с одной стороны, выраженная смысловая направленность против источника повышенной опасности (коррупция в ее преступных формах), а с другой – безопасность (состояние защищенности) [6].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что идея разработки антикоррупционной криминологической безопасности заключается в изменении теоретико-методологических подходов к воздействию на коррупционную преступность и построении матрицы нового научного знания, объясняющего закономерности взаимодействия объектов охраны с источниками криминальной коррупционной опасности и обеспечивающего

научно обоснованные подходы во взаимосвязанных процессах защиты объектов охраны и противодействию угрозам криминальной коррупционной опасности.

Список использованных источников:

1. Антикрупционные меры безопасности : монография / под ред. Н.В. Щедрина, И.А. Дамм. – М.: Проспект, 2021. – 496 с.
2. Бабаев, М.М. Избранные труды по криминологии. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 594 с.
3. Бабаев, М.М. Уголовная политика и криминологическая безопасность // Научный портал МВД России. – 2008. – № 3. – С. 53-58.
4. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.: Наука, 1993. – 350 с.
5. Горшенков, А.Г., Горшенков, Г.Н. Антикрупционная безопасность полицейского // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4. С. 60-64.
6. Дамм, И.А. Антикрупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 6. С. 734-743.
7. Дамм, И.А. Предпосылки формирования теории антикрупционной безопасности Российской Федерации // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 11. С. 1690-1709.
8. Иванова, А.А. Антикрупционная безопасность как стратегическая цель политики противодействия коррупции и объект мониторингового контроля // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 74-79.
9. Кант, И. Сочинения в шести томах : Т. 3 / И. Кант; под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
10. Клейменов, М.П. Актуальные направления обеспечения антикрупционной безопасности // Антикрупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения : сб. науч. ст. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 115-120.
11. Кондратенко, Г.Г. Антикрупционная безопасность столичного мегаполиса: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. – М., 2016. – 220 с.
12. Конев, Д.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – Омск, 2022. – 206 с.

13. Лебедев, С.Я. Криминологическая безопасность личности, общества, государства // Правовая наука на рубеже XXI столетия: 1920-2000 : сб. науч. тр. – Омск, 2000. С. 13-22.

14. Лебедев, С.Я. Развитие инновационных технологий в антикоррупционной безопасности // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 1. С. 52-55.

15. Панарин, Д.А., Паршков, А.В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании правоотношений в сфере антикоррупционной безопасности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 137-145.

16. Панарин, Д.А., Скиба, А.П. Некоторые вопросы нормативно-правового регулирования спорных правоотношений в сфере антикоррупционной безопасности // Вестник Кузбасского института. 2017. № 1. С. 88-95.

17. Плешаков, В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. – М., 1998. – 323 с.

18. Полукаров, А. В. Антикоррупционная безопасность социальной сферы // Полицейская деятельность. 2017. № 1. С. 116-126.

УДК 347*347.9*347.91/.95

ЗАЩИТА КОЛЛЕКТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ

© Д.И. Данильчук

Сибирский Федеральный Университет

Защита коллективных интересов обнаруживает свое укоренение в современном цивилистическом процессе стран как англосаксонской, так и романо-германской правовой семьи с характерным отсутствием универсальности моделей и механизмов ее воплощения. И если в Англии и США, например, групповой и, соответственно, классовый иск являются самостоятельными юридическими конструкциями вида судопроизводства, развивавшимися на протяжении многих лет, то для стран континентального права такой процессуальный инструмент изначально был чужеродным и поэтому новым, ввиду чего большинство из них, учтя особенности национальных правовых систем и оценив положительные и отрицательные стороны англосаксонского опыта, пошло по пути разработки своих собственных

уникальных способов защиты интересов, прав и свобод больших групп лиц преимущественно, как на уровне догматического осмысления, так и на уровне законодательного воплощения, лишенных самостоятельности.

Соответствующие тенденции не обошли стороной и современный цивилистический процесс России, чему в последнее десятилетие способствовало активное реформирование процессуального законодательства.

Здесь необходимо отметить, что как таковая защита коллективных интересов, а именно неопределенного круга лиц, известна цивилистическому процессу России с момента введения в действие ГПК РСФСР 1964 года [1], статья 42 которого устанавливала возможность публично-правового способа защиты в иске, посредством участия в процессе органов государственного управления, профсоюзов, учреждений, предприятий, организаций и отдельных граждан, защищающих права других лиц.

Подход, заданный ст. 42 ГПК РСФСР 1964 года, в последствии нашел свое отражение в положениях статьи 46 ГПК РФ (Обращение в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц) [2], а также ст. 53 АПК РФ (Обращение в защиту публичных интересов, прав и законных интересов других лиц) [3], содержание норм которых, исходя из материально-правового признака, как основания для классификации способа защиты, регламентирует сугубо публично-правовой характер защиты.

Вместе с тем, еще в период становления современного процессуального законодательства России некоторыми учеными-процессуалистами активно высказывались мнения о необходимости внедрения института, который мог бы обеспечить защиту прав и законных интересов групп лиц частноправового характера. В частности, И.В. Решетникова и В.В. Ярков направляли рабочей группе по разработке нового ГПК РФ меморандумы с предложением о включении в новый закон либо процессуального порядка рассмотрения дел о защите неопределенного круга лиц, либо группового производства [4, с. 438-444].

Примечательным здесь является и то, что на пути развития судебных процедур защиты коллективных интересов в цивилистическом процессе России, особое внимание правоведа уделяли их соотношению и разграничению, однако, несмотря на это, в большинстве своем, тенденциозно стремились квалифицировать каждую соответствующую новеллу законодательства, как то или иное проявление начал группового производства, используя устоявшееся понятие группового иска. Так К. Осакве [5, с. 137-147] однозначным образом относит положения статьи 46 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» [6] к форме группового иска.

Нормы ст. 46 ГПК РФ и ст. 53 АПК РФ, начиная с момента их появления, многими представителями научного сообщества также были оценены, как декларирующие рассмотрение дел в порядке группового производства. Указанные институты атрибутивно обозначаются групповым иском и сейчас, что упоминается в некоторых работах В.В. Долганичева [7, с. 36-45] и Д.А. Туманова [8, с. 63-83].

Однако первое, с точки зрения восприятия и легитимизации научным сообществом, узаконение группового производства с частнопроводным способом защиты коллективных интересов относится к 2009 году, когда в содержание АПК РФ была включена Глава 28.2 (Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц).

Буква закона явно дает понять, что законодатель имел своей целью обособить данную главу АПК РФ в качестве вида иска, наделив его процедурой судебной сертификации и персонификацией участников в рамках формирования группы лиц по типу «Opt-in». Вместе с тем, такие нововведения не только не теряли тесной взаимосвязи с иными нормами настоящего процессуального закона, но и вовсе лишались какой-либо самостоятельности, поскольку согласно ст. 225.13 и 225.16 содержание искового заявления и порядок его рассмотрения арбитражным судом подчинялись общим требованиям и правилам искового производства, установленным АПК РФ.

При этом, если обратиться к Главе 28.2 АПК РФ в редакции 2009 года, а именно: к ч. 1 ст. 225.10 касаясь сертифицирующего признака, в соответствии с которым участники группы лиц должны быть связаны одним правоотношением; к ч. 4 ст. 225.16, устанавливающей правило оставления самостоятельного искового заявления или заявления участника группы лиц без рассмотрения в случае, если он не воспользовался правом на присоединение к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, находящемуся в производстве арбитражного суда, к тому же ответчику и о том же предмете [3]; к ч. 5 ст. 225.16, на основании которой арбитражный суд прекращает производство по делу, если установит, что имеется принятое по требованию о защите прав и законных интересов группы лиц и вступившее в законную силу решение арбитражного суда и исковое заявление или заявление подано лицом, не воспользовавшимся правом на присоединение к данному требованию, к тому же ответчику и о том же предмете [3] – то очевидным для нас становится вывод о том, что законодательно концептуальной основой такого группового производства, как способа защиты коллективных интересов, является обязательное соучастие.

Важным шагом в развитии коллективной защиты в цивилистическом процессе России стало принятие 8 декабря 2014 года Государственной Думой РФ

Концепции единого ГПК РФ [9], предложившей проект новой главы (Глава 22.2. Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц) для ее последующего введения в ГПК РФ в целях закрепления института группового производства в гражданском процессуальном законодательстве, как частноправового способа защиты. Отличительным стал отказ от единства правоотношения участников группы лиц, изложенного на тот момент в ст. 225.10 АПК РФ, в пользу однородности таких отношений, что, по мнению авторов, должно было способствовать универсальности применения такого способа защиты.

В 2015 году был принят КАС РФ [10], предусматривающий в ст. 42 (Обращение в суд группы лиц с коллективным административным иском заявлением) право граждан, являющихся участниками административных или иных публичных правоотношений, иных лиц в случаях, указанных в федеральном законе, на обращение с коллективным административным иском заявлением в суд в защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов группы лиц, основанном на однородности предмета спора и его оснований, с возможностью самостоятельного рассмотрения обособленных споров участников группы лиц, что перекликается с предложениями относительно группового производства, отраженными в Концепции единого ГПК РФ.

Положения нового процессуального закона выгодно отличались от ранее установленных в АПК РФ, но явили собой механизм нематериальной защиты прав и законных интересов группы лиц публичного характера, а само регулирование данного института осталось весьма усеченным, укладывающимся в рамки одной статьи с производством в суде первой инстанции по общим правилам, предусмотренным КАС РФ, что концептуально оставило его в парадигме соучастия, но уже факультативного.

Последние на текущий момент преобразования, относящиеся к коллективной защите в цивилистическом процессе России, связаны с вступлением в силу 1 октября 2019 года Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11], не только внесшего существенные изменения в содержание Главы 28.2 АПК РФ, но и закрепившего соответствующие универсализированные положения о групповом производстве в Главе 22.3 ГПК РФ, утя особенностей регулируемых данными Кодексами правоотношений.

Так, согласно новеллам Главы 28.2 АПК РФ и Главы 22.3 ГПК РФ, рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц осуществляется арбитражными судами и судами общей юрисдикции в порядке

и по правилам искового производства. Более того, соответствующие исковые заявления, а также прилагаемые к ним документы, должны соответствовать общим требованиям, установленным АПК РФ, ГПК РФ, за исключением дополнительного указания прав и законных интересов группы лиц, в защиту которых предъявлено требование; круга лиц, являющихся членами группы, основания такого членства; анкетных данных лиц присоединившихся к требованию и лица, которому поручено ведение соответствующего дела.

При этом в соответствии с ч. 5 ст. 225.16 АПК РФ, если лицо, обратившееся с самостоятельным иском, не воспользуется правом присоединиться к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, арбитражный суд приостанавливает производство по делу указанного лица до вступления в законную силу решения суда по делу о защите прав и законных интересов группы лиц [3]. Идентичная норма закреплена в ч. 5 ст. 244.25 ГПК РФ. Из приведенного следует, что отказ лица от присоединения к требованиям группы не влечет прекращение его права на судебную защиту, которое может быть реализовано через рассмотрение самостоятельного иска в индивидуальном процессе.

Вышеизложенное позволяет нам утверждать, что групповое производство, предусмотренное Главой 28.2 АПК РФ и Главой 22.3 ГПК РФ, направленное на защиту коллективных интересов, не представляет собой отдельный вид иска, как и не может быть отнесено к самостоятельным видам судопроизводства. В свою очередь, совокупность таких отличительных черт, как общность или однородность прав и законных интересов в основании предмета иска, применение общих правил производства по делу, поручение ведения дела одному из истцов, преюдициальный характер решения по делу, дает возможность сделать вывод о заложенном законодателем концепте: обязательное либо факультативное соучастие.

Вместе с тем, речь не идет о соучастии в чистом виде, поскольку у классового иска США российским законодателем был позаимствован институт судебной сертификации, который теперь закреплён в ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ и ч. 1 ст. 244.20 ГПК РФ и предполагает, что группа лиц, обратившаяся в суд с иском должна соответствовать требованиям многочисленности, то есть включать пять (АПК РФ), двадцать (ГПК РФ) и более членов группы; иметь общего по отношению к каждому члену группы ответчика; предметом спора должны быть общие либо однородные права и законные интересы членов группы; в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика должны лежать схожие фактические обстоятельства; все члены группы должны использовать одинаковый способ защиты своих прав.

Итак, на сегодняшний день в современном цивилистическом процессе России сформировались следующие группы способов защиты коллективных интересов: публично-правовые (ст. 46 ГПК РФ, ст. 53 АПК РФ) и частноправовые (Глава 22.3 ГПК РФ, Глава 28.2 АПК). В свою очередь, концептуально указанные частноправовые способы защиты коллективных интересов являются не чем иным, как частным случаем процессуального обязательного либо факультативного соучастия, обремененного дополнительными процедурными элементами в виде судебной сертификации, ввиду чего они в своем нынешнем виде не лишены возможности гармоничного существования в отечественном правовом поле, однако раскрытие потенциала их механизма, как следствие, привлечение внимания к ним со стороны правового сообщества, как к действенному инструменту процессуальной защиты при множественном нарушении прав, избавленному от вуали инородной юридической конструкции, может состояться только при поступательном развитии данного процессуального института с учетом объективного и адекватного восприятия положительного и негативного опыта других стран через призму основополагающих свойств национального цивилистического процесса в рамках и законотворчества, и доктринальных воззрений о нем.

Список использованных источников:

1. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964: Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 24 июля 2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Решетникова И.В., Ярков В.В. Меморандумы членам рабочей группы по доработке проекта ГПК РФ от И.В. Решетниковой, В.В. Яркова от 9 сентября и 28 октября 1996 г. // Предложения по дополнению проекта ГПК РФ с целью установления процессуального порядка рассмотрения дел о защите неопределенного круга лиц. – М., 2004. С. 438-444.
5. Осаке К. Классовый иск (Class action) в современном американском гражданском процессе // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 137-147.
6. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Сборник Ведомостей Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766.

7. Долганичев В.В. Групповой иск: сравнительный анализ нормативных конструкций АПК, ГПК и КАС РФ // Закон. 2021. № 2. С. 36-45.

8. Туманов Д.А. О групповых исках в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 63-83.

9. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)). – М.: Статут, 2015.

10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08 марта 2015 № 21-ФЗ ред. от 30.12.2021 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 ноября 2018 № 451-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2018. № 49. Ст. 7523.

УДК 347.961.411

РОЛЬ НОТАРИАТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© М.А. Двигун

Сибирский федеральный университет

Тема укрепления традиционных ценностей, нравственных ориентиров актуальна не только в научной и практической среде, но и в контексте развития правовой системы России в целом.

Основными документами, где раскрывается стратегия защиты духовно-нравственных ценностей в современных условиях, являются Указы Президента Российской Федерации об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1], о стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2].

Законодатель определил традиционные ценности как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие

гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

В систему традиционных ценностей, подлежащих обязательной защите, включены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Очевидно, что для достижения цели государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, указанные нравственные ориентиры должны лежать в основе любой профессиональной деятельности и подлежать защите не только путем их законодательного закрепления, но и неукоснительно соблюдаться и реализовываться соответствующими профессиональными образованиями, формируя представление людей, общества о любом профессионале, профессиональном сообществе, наделенном публично-правовыми функциями, как образце для подражания, эталоне поведения, формирующем мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению.

Исходя из публичного характера деятельности нотариусов, учитывая, что нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией РФ, конституциями (уставами) субъектов РФ, Основами законодательства РФ о нотариате защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами нотариальных действий от имени Российской Федерации, можно смело утверждать, что в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей участвует в том числе нотариат, каждый нотариус в Российской Федерации, являясь ее самым непосредственным участником.

В соответствии со ст. 16 Основ законодательства РФ о нотариате [3], нотариус выполняет свои обязанности в соответствии с настоящими Основами, законодательством субъектов Российской Федерации и присягой.

Профессиональные нравственные ориентиры нотариата в Российской Федерации изначально нашли свое отражение, в первую очередь, в тексте приносящей нотариусом, впервые назначенном на должность, присяги, согласно которой нотариус обязан исполнять обязанности в соответствии с законом и совестью, в своем поведении руководствоваться принципами гуманности и уважения к человеку.

При этом именно Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации [4] является корпоративным нормативным ориентиром, направленным на неукоснительное соблюдение нравственных и этических норм профессиональной деятельности нотариусами, играет ключевую роль в формировании нравственных и этических норм профессиональной деятельности нотариусов в Российской Федерации, направленных, в том числе на формирование взаимного доверия государства и общества.

Кодекс является тем важным правовым документом, которым определены и регламентированы высокие нравственные и этические требования, профессиональные стандарты для осуществления нотариальной деятельности, в первую очередь в нотариальном производстве при совершении нотариусами нотариальных действий. Определенным Кодексом нравственным и этическим ориентирам должен следовать каждый нотариус в своей профессиональной деятельности в отношении как с лицами обратившимися за совершением нотариального действия, нотариальными палатами, коллегами, органами государственной власти и органами местного самоуправления, так и во внеслужебное время во внеслужебных отношениях, в целях повышения доверия государства и общества к профессиональной деятельности нотариуса.

14 марта 2020 года введена в действие ст. 75.1 Конституции РФ [5], согласно которой, в Российской Федерации создаются условия, в том числе, для взаимного доверия государства и общества.

В преамбуле Кодекс профессиональной этики нотариусов закреплено, что в целях повышения доверия государства и общества к профессиональной деятельности нотариуса, Кодексом устанавливаются нормы профессионального поведения, основанные на положениях законодательства Российской Федерации, международных стандартах латинского нотариата, обязательность соблюдения которых определяется статусом нотариуса.

При этом, под профессиональной этикой нотариуса настоящим Кодексом понимается система норм, устанавливающая единые стандарты профессионального поведения нотариуса.

Таким образом, доверие в настоящее время является не только морально-этической категорией, но и одним из конституционных приоритетов, нашедших и имеющих свое отражение и развитие, в том числе в профессиональной деятельности нотариусов, в формировании нравственных и этических норм профессиональной деятельности нотариусов, в формировании законодательно закрепленных и исторически сложившихся высоких нравственных идеалов, входящих в систему традиционных ценностей, подлежащих обязательной государственной защите.

Юридически безупречное, основанное на высоких профессиональных морально-этических принципах исполнения нотариусом своих профессиональных обязанностей, формирует доверие общества к государству, делает нотариальную деятельность неотъемлемым элементом скоординированных мер, осуществляемых для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей.

Нотариальное производство как совокупность действий, направленных на совершение конкретного нотариального акта (действия, документа), имеет свои общие и специальные правила, регламентированные законодательством. При этом, особенность нотариального производства связана с общением с людьми, в ходе которого нотариус руководствуется такими принципами и заповедями профессиональной этики, как: исполняй свой служебный долг надлежащим образом, воздавай должное Правде, советуйся с Честью, руководствуйся Справедливостью, работай с Достоинством, исполняй обязанности нотариуса в соответствии с законом и совестью, руководствуйся гуманностью и уважением к человеку, которые носят не декларативный характер, а составляют свою сущностную ценность и все нотариальное производство должно отвечать указанным принципам и заповедям профессиональной этики.

Таким образом, нотариальное производство пронизано обязательным, неукоснительным применением нравственных и этических принципов как при непосредственном осуществлении нотариусами профессиональной деятельности при совершении нотариальных действий, так и в повседневной жизни нотариусов.

Законодательно закрепленные, положенные в основу профессиональной деятельности принципы нотариальной деятельности, профессиональной этики нотариуса выражают правовую сущность его деятельности, присутствуют в любой процедуре при совершении нотариальных действий.

Закрепление системы норм, устанавливающих единые стандарты профессионального поведения нотариуса при исполнении должностных обязанностей и во внеслужебных отношениях на законодательном уровне, является важной государственной мерой, направленной на защиту традиционных ценностей в контексте реализации нотариусами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Учитывая, что осуществление нотариальных функций от имени государства предопределяет публично-правовой статус нотариусов, в современных реалиях важно глубинное понимание нотариальным сообществом России своего

публично-правового назначения, и как следствие, неукоснительное, ответственное отношение к реализации закрепленной системы норм, устанавливающих единые стандарты профессионального поведения нотариуса, которые, безусловно, создают условия для взаимного доверия государства и общества, формируют высокие нравственные идеалы в обществе, что, в свою очередь, соответствует целям государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, а сама процедура нотариального производства отражает активную роль нотариуса в законодательно определенной цели - защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (с послед. изм.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357

4. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации : утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016 (ред. от 23.04.2019) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 года (ред. от 01.07.2020) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

УДК 343.6

**НОВЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ (ОТ 25.06.2024)
ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 125, 264 УК РФ**

© Т.В. Долголенко

Сибирский федеральный университет

Проблема соотношения составов преступлений, предусмотренных ст. 265 УК, и ст.125 УК существовала со времени принятия УК РФ 1996 г. В ст. 265 УК предусматривалась ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. в случае наступления последствий, предусмотренных статьей 264 настоящего Кодекса. Возникал вопрос о характере и степени общественной опасности данного преступления, в первую очередь в тех случаях, когда оставление места ДТП не было сопряжено с оставлением в опасности потерпевшего. В ст. 125 УК (оставление в опасности) предусмотрена ответственность за заведомое оставление без помощи лица, находящегося в состоянии опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случае, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние. Следует отметить, что данный состав преступления известен нашему законодательству с давних времен. В Уголовном Уложении 1903 года оставлению в опасности была посвящена 25 глава, содержащая 9 статей, что является свидетельством защиты истинности христианских ценностей. Представляется, что изучение данного института представляет ценность и для действующего законодательства в современных условиях.

В Обзоре надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 г. суд высшей судебной инстанции указал, что ст. 265 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 125 УК РФ. Согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ при наличии общей и специальной норм уголовная ответственность должна наступать только по специальной норме [1]. На наш взгляд, произошла не соответствующая законодательству подмена понятий. Оставление места ДТП стало более значительным по сравнению с жизнью и здоровьем оставленного в опасности потерпевшего. Возникал вопрос и о том,

насколько корректно и этично под местом оставления дорожно-транспортного происшествия понимать и оставление в опасности человека.

С учетом изложенной позиции Верховного Суда РФ был изменен не один приговор.

Оставление в опасности человека, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии приравнивалось к оставлению места ДТП. На наш взгляд, такая подмена понятий не в полной мере отвечает конституционным ценностям нашего государства – жизни, здоровью, достоинству личности для умаления, которого не может быть никаких оснований в Российской Федерации, а также не должны издаваться законы, умаляющие права и свободы человека и гражданина (ст. 20, 21, 55 Конституции РФ). Тем более это касается правоприменительных актов.

В соответствии с Федеральным законом от 08.12.2003 [2] ст. 265 УК РФ утратила силу и ст. 125 УК РФ вновь стала применяться в совокупности со ст. 264 УК при наличии всех ее признаков. Эта позиция соответствовала законодательству. Речь шла о двух преступлениях, одно из которых являлось неосторожным (ст. 264 УК), а другое характеризуется прямым умыслом (ст. 125 УК). Такая практика существовала в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 9.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». В п. 19 постановления сказано следующее: «Под заведомостью оставления без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии, следует понимать случаи, когда водитель транспортного средства осознавал опасность для жизни или здоровья потерпевшего, который был лишен возможности самостоятельно обратиться за медицинской помощью вследствие малолетства, старости, болезни или беспомощного состояния (например, в случаях когда водитель скрылся с места происшествия, не вызвал скорую медицинскую помощь, не доставил пострадавшего в ближайшее лечебное учреждение и т. п.)» [3].

Федеральным законом от 17.06.2019 № 146-ФЗ в ст. 264 УК РФ были внесены изменения [4].

Установлена была вновь повышенная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, сопряженное с оставлением места его совершения, но уже в качестве квалифицирующего обстоятельства (в п. «б» ч. 2, п. «б» ч. 4, п. «б» ч.6 ст. 264 УК РФ).

В связи с этими изменениями, наблюдаются различия в практике применения ст. 125 УК РФ при совершении преступления (п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ) нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, сопряженного с оставлением места его совершения и одновременным оставлением в опасном для жизни или здоровья состоянии потерпевшего. Так, 31.11.2019 Чамзинским районным судом признан виновным Ж. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ. В соответствии с этим приговором Ж. совершил наезд на находящегося на обочине пешехода Б., после чего совершил опрокидывание в кювет. Ж. совместно со свидетелем Д., который не получил телесных повреждений, через лобовое окно покинули салон автомобиля. Затем Ж. обошел свой автомобиль, увидел, что под задней частью автомобиля на земле лежит потерпевший Б., который в результате ДТП получил телесные повреждения. Ж., осознавая, что совершил наезд на пешехода, который находится в опасном для жизни состоянии и имея возможность оказать ему помощь, скрылся с места совершения дорожно-транспортного происшествия. В результате данного ДТП потерпевший Б. получил телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, и скончался в больнице через час после происшествия.

В данном случае правоприменитель при квалификации данных деяний не посчитал нужным применить ст. 125 УК РФ, а ограничился применением п. «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ. Имеется и другая судебная практика в подобных случаях, когда применяется в совокупности с п. «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ и ст. 125 УК РФ. Районный суд Волгоградской области 5.02.2020 вынес такой приговор в отношении С., который управляя технически исправным транспортным средством, нарушил пп. 10.1 и 10.2 Правил дорожного движения, в результате чего, располагая технической возможностью предотвратить наезд на пешехода посредством экстренного торможения, не предпринял указанных действий и совершил наезд на потерпевшую Ф, которая переходила проезжую часть дороги. После произошедшего, С, с места дорожно-транспортного происшествия скрылся, оставив потерпевшую в опасном для жизни состоянии. Ф. были причинены тяжкие телесные повреждения, повлекшие в последствии смерть потерпевшей [5]. Такое соотношение этих норм представляется единственно правильным, соответствующим букве и духу закона. Однако практика идет по другому пути. Преобладающей является позиция противоположная, когда исключается применение ст. 125 УК РФ в аналогичных случаях.

По приговору суда Б. признан виновным не только по п. «б» ч.4 ст. 264 УК, а также в совершении преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ. Как установлено судом первой инстанции, что нашло свое отражение в приговоре суда, Б., в нарушение п. 2.5 и абз. 1 п. 2.6 ПДД РФ, действуя умышленно, осознавая, что в результате его действий произошло ДТП, вследствие которого Ф. причинены телесные повреждения и последний находится в бессознательном состоянии и лишен возможности принятия мер к самосохранению, а также нуждается в оказании ему медицинской помощи и доставлении в медицинское учреждение, не оказал должную заботу и внимание, не остановил свой автомобиль и не включил аварийную сигнализацию, не принял все возможные меры для оказания доврачебной медицинской помощи, не вызвал скорую медицинскую помощь и не доставил пострадавшего в ближайшее медицинское учреждение, не сообщил о случившемся в правоохранительные органы и скрылся с места ДТП, оставив без помощи Ф., находящегося в опасном для жизни и здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению вследствие беспомощности, приняв меры к сокрытию своего транспортного средства с целью уклонения от уголовной ответственности за совершенное преступление. Однако вышестоящая инстанция приговор изменила., указав на то, что нарушение Б. п.2.6 Правил дорожного движения, обязывающего водителя принять меры к оказанию первой медицинской помощи пострадавшим, доставлению их в медицинскую организацию образует объективную сторону ст. 125 УК РФ, является квалифицирующим признаком, предусмотренным п. «б» ч.4 ст. 264 УК РФ, по которой он осужден [6]. Следует обратить внимание на аргументацию, которую использовали суды, а именно ч. 2 ст. 6 УК РФ, устанавливающей запрет на привлечение к уголовной ответственности за одно и то же преступление дважды. Данное положение нельзя применять, поскольку в данных случаях идет речь о двух самостоятельных преступлениях, одно из которых является неосторожным, а другое умышленным. Вопрос о соотношении общей и специальной норм не возникает. Наличие квалифицирующего обстоятельства не меняет форму вины в преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ. Оставление места происшествия не всегда связано составлением в опасности человека и не может ни в каком случае заменить оставление в опасности человека, которому был причинен тяжкий вред здоровью и который нуждается в оказании помощи, при наличии всех признаков преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ. В соответствии с доктриной уголовного права, оставление в опасности является умышленным преступлением оно не может охватываться неосторожным преступлением, каковым является нарушение

правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Кроме того, если непосредственным объектом оставления в опасности является жизнь и здоровье конкретного человека. Основным непосредственным объектом, состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ является безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и лишь дополнительным объектом является жизнь и здоровье потерпевшего. Оставление в опасности человека подменяется понятием оставления места ДТП, что является не допустимым и находится в противоречии с Конституцией РФ, гарантирующей приоритет человеческих ценностей.

Ситуация разрешилась с принятием изменений, внесенных Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 21 в действующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». Считаем, что справедливость и законность восстановлены. В соответствии с п. 10(3) по пункту «б» соответствующей части ст. 264 УК РФ квалифицируется умышленное оставление водителем места совершения преступления в случаях, когда его действия не были обусловлены вытекающей из факта дорожно-транспортного происшествия необходимостью, например, доставления пострадавшего на своем транспортном средстве в лечебное учреждение при невозможности отправить его на попутном транспортном средстве, а также невозвращение водителя к месту дорожно-транспортного происшествия после доставления пострадавшего в лечебное учреждение при наличии объективной возможности возвратиться.

Если виновное лицо, покидая место преступления, осознавало, что заведомо оставляет в опасности пострадавшего, то его действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» соответствующей части ст. 264 УК РФ и ст. 125 УК РФ [7].

Представляется, что правильное применение ст. 125 УК РФ носит большой воспитательный эффект, направлено на спасение жизни человека. Безнравственно и с правовой позиции необоснованно подменять понятия оставление в опасном для жизни или здоровья состоянии человека, нуждающегося в оказании помощи, оставлением места ДТП. По-прежнему остается, на наш взгляд, актуальным предусмотреть в диспозиции ст. 125 УК РФ указание на несообщение надлежащим учреждениям о необходимости оказания помощи пострадавшему. Сохранение жизни и здоровья людей является одной из важнейших задач общества и государства. На первом месте

среди национальных стратегических приоритетов нашей страны названы сбережение народа России и развитие человеческого потенциала [8].

Список использованных источников:

1. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10.

2. Федеральный закон от 8.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

3. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 9.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

4. Федеральный закон от 17 июня 2019 г. N 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

5. Долголенко Т.В. Преступления против жизни и здоровья: учебное пособие. – 2-е издание., перераб, и доп. - Москва: Проспект, 2021.

6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым от 08.12.2022 по делу № 22-3792/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

7. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 21 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

8. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

УДК 347.13, 347.4, 347.6

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СДЕЛОК В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ

© В.В. Долинская

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА),*

Научно-консультативный совет при Верховном Суде РФ

Отдавая дань памяти В.П.Шахматову, внесшему значительный вклад в развитие учения о сделках [См., например: 11; 12], и с учетом того, что наследственное право – самый консервативный раздел ГК РФ, рассмотрим развитие системы сделок в наследственном праве.

Их примеры мы найдем как после смерти наследодателя (например, договор доверительного управления наследственным имуществом [См., например: 2] - ст. 1173 ГК), так и до неё. В последнем случае максимальный интерес представляют сделки в системе оснований наследования (ст. 1111 ГК).

Такое основание наследования как завещание («доклад» или «запись») появилось в России только в XV-XVI в.в. - в период централизованного Русского государства (Судебники 1497 г. и 1550 г., хотя вычленив два вида наследования – по завещанию и без него, по закону – можно и в т.н. «договоре Олега с греками» 912 г. [См.: 8]) – и длительное время использовалось в ограниченном виде (по субъектному составу – завещатель, в чью пользу; по объектному составу). Впервые легальное определение завещания было дано в ст. 1010 в Своде законов Российской Империи 1832 г. (ч. 1 т. X - 1832-1833 г.г.) [10].

С принятием в 2001 г. части третьей ГК РФ, раздел пятый которого содержит правила, регулирующие наследственные правоотношения, была изменена очередность оснований наследования и завещание встало на первое место, опередив закон.

С 2018 г. корректнее говорить о наследовании по волеизъявлению наследодателя и по закону. Первое включает в себя завещание как одностороннюю сделку и наследственный договор как многостороннюю сделку (ст.ст. 1111, 1118 ГК РФ).

При сохранении общих подходов к характеристике завещаний [См.: 4] современное законодательство резко расширило их круг.

Автор выделяет в ГК РФ как минимум четыре классификации завещаний:

- 1) по субъектному составу
  - а) индивидуальное,

б) совместное;

2) по условиям составления:

а) ординарное (ст. 1125 ГК),

б) закрытое (ст. 1126 ГК),

в) завещания граждан, находящихся

- на излечении в медицинских организациях в стационарных условиях или проживающих в домах для престарелых и инвалидов,

- во время плавания на судах, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации,

- в экспедициях,

- в местах лишения свободы,

- а также завещания военнослужащих и работающих в воинских частях гражданских лиц, членов их семей и членов семей военнослужащих (завещания, приравняемые к нотариально удостоверенным завещаниям - ст. 1127 ГК),

г) завещательное распоряжение правами на денежные средства в банке, совершенное в кредитной организации (ст. 1128 ГК),

д) завещание в чрезвычайных обстоятельствах (ст. 1129 ГК);

3) по форме:

а) в письменной квалифицированной

- нотариально удостоверенное завещание (ст. 1125 ГК),

- удостоверенное компетентным лицом, отличным от нотариуса (завещания, приравняемые к нотариально удостоверенным завещаниям - ст. 1127 ГК),

- удостоверенное служащим банка, имеющим право принимать к исполнению распоряжения клиента в отношении средств на его счете (ст. 1128 ГК),

б) в простой письменной (в виде исключения – ч. III п. 1 ст. 1124 ГК)

- собственноручно написанное и подписанное завещателем и переданное завещателем нотариусу в присутствии двух свидетелей (закрытое завещание - ст. 1126 ГК),

- составленное и подписанное в присутствии двух свидетелей (завещание в чрезвычайных обстоятельствах - ст. 1129 ГК);

4) по содержанию

а) ординарное,

б) с условием создания наследственного фонда (ст.ст. 123.20-4 - 123.20-8 ГК).

Выделим специфику совместного завещания как самой «свежей» новеллы наследственного права в правовом режиме односторонних сделок. Это:

- субъектный состав (только граждане, состоящие на момент совершения завещания в браке – ч. I п. 4 ст. 1118 ГК),
- содержание (в т.ч. распоряжение общим имуществом – ч. II п. 4 ст. 1118 ГК, ср. со ст. 1119 ГК),
- основания утраты силы (ч. III п. 4 ст. 1118 ГК),
- основания и порядок признания недействительным (ч. IV п. 4 ст. 1118, ч. III п. 2 ст. 1131 ГК),
- порядок изменения и отмены (ч. V п. 4 ст. 1118 ГК),
- ограничения тайны завещания, информационные отношения (ч. VI п. 4 ст. 1118 ГК, ст. 1123 ГК),
- порядок фиксации процедуры совершения (п. 5.1 ст. 1125 ГК),
- ограничения по форме (п. 5 ст. 1126, п. 5 ст. 1127, п. 4 ст. 1129).

Классификации взаимодействуют между собой. Один из примеров тому - п. 5 ст. 1126 ГК о ничтожности закрытого завещания, условия которого предусматривают создание наследственного фонда, т.е. введение ограничений по форме и содержанию завещания.

Специфика наследственного договора [См.: 7] помимо того, что это многосторонняя сделка и нормы о нем размещены не среди модельных договоров, а в рамках подотрасли наследственное право (ранее превалирование содержания над формой уже продемонстрировал корпоративный договор):

- субъектный состав (п. 1 ст. 1140.1 ГК).
- личный характер (п. 3 ст. 1118 ГК),
- содержание (п. 1 ст. 1140.1 ГК) (отдаленная аналогия со ст.ст. 157, 327.1 ГК),
- порядок изменения, расторжения и отказа от договора (п.п. 9, 10 ст. 1140.1 ГК),
- порядок фиксации процедуры совершения (п. 7 ст. 1140.1 ГК),
- ограничения по форме (п. 5 ст. 1126, п. 5 ст. 1127, п. 4 ст. 1129 ГК)
- бóльшая юридическая сила более раннего договора (п. 8 ст. 1140.1 ГК),
- отложенный момент возникновения юридических последствий (п. 6 ст. 1118 ГК),
- неотчуждаемость и непередаваемость возникающих из него прав и обязанностей (п. 4 ст. 1140.1 ГК).

Достоинства наследственного договора, на наш взгляд:

- объединение правовых средств завещательного распоряжения в узком смысле слова, назначения исполнителя завещания, завещательного отказа, завещательного возложения и т.д.,

- открытость информации для будущего наследника и/или исполнителя завещания,
- нотариальная форма,
- ограничения воли (произвола) наследодателя на изменение условий/отмену договора,
- расширение оснований наследования с 2 до 3.

Оба варианта волеизъявления предъявляют требования к правосубъектности наследодателя, и новелла ГК сохранила недостатки предыдущего основания наследования.

П. 6 ст. 1118 ГК распространяет на наследодателя, заключившего наследственный договор, правила о завещателе, если иное не вытекает из существа наследственного договора. А в п. 2 ст. 1118 ГК прямо указано, что *«завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме»* (см. также: п. 1.5 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утв. Решением Правления Федеральной Нотариальной Палаты от 2.03.2021 (протокол № 03/21)).

Эти нормы согласуются со ст.ст. 172 и 175 ГК о недействительности сделок, совершенных несовершеннолетними.

Мы уже поднимали вопрос об обоснованности таких ограничений [См.: 5].

Не возникает ли коллизия между разрешением несовершеннолетнему распоряжаться *«средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом ... для свободного распоряжения»* (подп. 3) п. 2 ст. 28, подп. 4) п. 2 ст. 26 ГК), доходами, включая заработок, стипендию (подп. 2) п. 2 ст. 26 ГК) и сужением наследственной дееспособности? Между правом несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно распоряжаться внесенными в кредитные организации вкладами (подп. 3) п. 2 ст. 26 ГК) и включением завещательного распоряжения правами на денежные средства в банке (ст. 1128 ГК) в гл. 62 ГК «Наследование по завещанию» с распространением на такое распоряжение вышеуказанных ограничений?

Завещательная дееспособность несовершеннолетних признана, например, в ст. 904 ГК Республики Франции (Титул III, книга 3), в ст.ст. 7, 11 Закона Соединенного королевства Великобритании о завещаниях 1837 г. (Wills Act 1837), в §§ 2229 и 2233 Германского гражданского уложения, в ст. 420 Гражданского закона Латвийской Республики 1937 г., ст. 13 Закона Республики Болгарии о наследовании 1949 г.

Возможность составления завещания несовершеннолетними (с определенными ограничениями) допускали Б.С.Антимонов и К.А.Граве [См.: 1, с. 147], Я.Р.Веберс [См.: 3, с. 231]. Сторонницей этой позиции является А.М.Рабец [См.: 9, с.112].

По ст. 639 Гражданского закона Латвийской Республики, наследодатель может заключить договор с несовершеннолетним, но для придания сделке юридической силы необходимо согласие опекуна и сиротского суда. По ГГУ, сторона – супруг – может быть ограниченным в дееспособности.

П. 1 ст. 1140-1 и п. 1 ст. 171 ГК приходят в противоречие, которое несколько нейтрализует п. 2 ст. 171 ГК. Но в чем смысл заключения такого договора с недееспособным, если он самостоятельно не сможет исполнять возложенные на него обязанности? Как будет решаться вопрос об исполнении договора, если сторона признана недееспособной в последующем, а наследодатель не изменил и не расторг наследственный договор?

Этот краткий обзор демонстрирует плодотворное применение сделок в наследственном праве, стремление законодателя адекватно оформлять экономические и общественные отношения, за отставание от развития которых еще недавно мы его критиковали [См.: 6].

Список использованных источников:

1. Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. - М., 1955.
2. Бегичев А.В., Булаевский Б.А., Долинская В.В., Елисеева А.А., Ермолова Е.В., Красавчикова Л.И., Рисовская С.С. Доверительное управление наследственным имуществом: монография. - М.: Проспект 2024.
3. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. - Рига, 1976.
4. Долинская В.В. Наследственное право Российской Федерации: Учеб. пособ. 2-е изд., изм. и доп. - М.: Приор, 2004.
5. Долинская В.В. Несовершеннолетние как наследодатели и участники наследственных правоотношений в широком смысле слова // Цивилист. 2024. № 3. С.11-17.
6. Долинская В.В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С.3-13.
7. Крашенинников П.В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания): учеб.пособ. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021.

8. Повесть временных лет (подготовка текста, перевод и комментарии О.В.Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси РАН. ИРЛИ. Под ред. Д.С.Лихачева, Л.А.Дмитриева, А.А.Алексеева, Н.В.Понырко. - СПб.: Наука, 1997. Т.1: XI-XII века.

9. Рабец А.М. Еще раз о наследственной правосубъектности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Сер. «Право». 2015. №1 (42).

10. Сводъ Законовъ Російской Имперіи: в 34 т. - СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1857-1868.

11. Шахматов В.П. Основные проблемы понятия сделки по советскому гражданскому праву: дисс. ... канд.юрид.наук: 12.00.00. – Свердловск, 1951.

12. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия: дисс. ... докт.юрид.наук: 12.00.00. – Томск, 1967.

УДК. 340.12

О КОНЦЕПЦИИ ПРАВА КЛАССИКА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ Э. СЕРВИСА

© С.А. Дробышевский

Сибирский федеральный университет

Как констатировал Э. Р. Сервис, идут теоретические «дебаты ... относительно того, имеется ли право повсюду или присутствует только в государствах» [6, с. 97]. При этом подразумевается право в юридическом понимании. Другими словами, речь идет о наличии правового регулирования либо во всех человеческих обществах, либо только в цивилизованных, организованных как государства.

Предмет указанных дебатов можно сформулировать и иначе. Обсуждается то, является ли право обязательным элементом в структуре человеческого общества или нет.

Эта проблематика является актуальной для юридической науки и практики правового регулирования по крайней мере в силу двух обстоятельств. Во-первых, сам по себе спор в науке, в том числе упомянутый, требует решения для развития научного знания. Во-вторых, включение первобытного опыта правового регулирования, используемого при управлении обществом юридическими средствами, если он имеется, должно быть осуществлено при

создании и проведении в жизнь права любым современным государством для обеспечения эффективности его функционирования.

Отсюда ясно следующее. Нужно попытаться установить, какая из позиций в выделенном споре соответствует реальности.

Для этого сначала определим человеческое общество. В самой широкой трактовке оно представляет собой совокупность всех людей в мире. Причем эти лица взаимодействуют отнюдь не беспорядочно. Прежде всего они разделены на самоуправляющиеся социальные организации, также именуемые обществами. Последние выступают либо первобытными (обычно именуемыми примитивными в англоязычной литературе [4]), либо государственно организованными, которые названы государствами в приведенной цитате из сочинения Э. Р. Сервиса. Вместе с тем нередко характеризуют как общества и организации, входящие в упомянутые самоуправляющиеся общества в виде их частей. Например, ведут речь о добровольном пожарном обществе в современных США [1, с. 502].

Что касается выделенной Э. Р. Сервисом второй теоретической позиции, то она предполагает такое положение дел. Когда, как выразился Э. Р. Сервис, право «присутствует... в государствах», ясно, что оно имеется и в обществе, понимаемом как совокупность государств. Более того, право функционирует и в отдельных обществах, являющихся частями любого государства. Ведь действующее внутри всякого государства право не может функционировать по-другому, чем распространяя свою юридическую силу на всякое внутригосударственное общество.

Это положение дел подразумевает и первая отмеченная Э. Р. Сервисом теоретическая позиция. Но она предполагает и другое. До наступления цивилизации, то есть этапа существования человечества, когда люди живут в условиях по крайней мере двух типов поселений, а именно городских и сельских, а также наличия профессий и письменности [6, с. 7], право присутствует в каждой из ранее отмеченных первобытных самоуправляющихся социальных организаций, которые, как указано, именуются первобытными обществами. Это означает, что право функционирует и в понимаемом иначе первобытном обществе как всей совокупности последних, и вдобавок еще один факт. Право действует в каждом из обществ, включенных во всякую первобытную самоуправляющуюся социальную организацию, которая вместе с остальными подобными структурами составляет нецивилизованное человечество.

Приведенные суждения позволяют сделать такой вывод. Упомянутые Э. Р. Сервисом теоретические позиции отличны друг от друга, в частности, в

следующем отношении. Согласно второй в государстве как самоуправляющейся организации цивилизованного общества право функционирует, а в самоуправляющейся первобытной социальной организации – нет. В соответствии же с первой теоретической позицией право функционирует в любой самоуправляющейся социальной организации – и нецивилизованной, и цивилизованной.

Едва ли воззрение, по которому право имеется лишь в самоуправляющейся цивилизованной социальной организации, то есть в государстве, соответствует действительности. Скорее всего, такое заключение позволяет сделать теоретическое рассмотрение того, как функционирует всякая, во-первых, социальная организация, и, во-вторых, самоуправляющаяся социальная организация.

Как известно, первая представляет собой совместную или комбинированную деятельность ряда людей, направленную на достижение их общей цели [5, с. 117]. Это устремление может быть достигнуто более или менее успешно в зависимости от степени учета действующими лицами закономерностей указанной деятельности.

Чтобы все участники организации учитывали названные закономерности как можно более полно, в организации создаются органы управления. Они следят за тем, чтобы действия всякого члена организации соответствовали закономерностям, о которых идет речь, и в случаях несоответствия поправляют поведение тех, кто такое несоответствие допустил.

Отмеченная деятельность органов управления всякой организации не может быть осуществлена без выявления анализируемых закономерностей, формулирования последних в виде норм для участников организации и реализации названных правил применительно к лицам, действия которых не соответствуют обсуждаемым закономерностям и поэтому нормам, путем понуждения указанных людей испытывать специально предусмотренные в правилах для их нарушителей негативные последствия.

Только что описанный процесс есть нормативное регулирование. Он выступает неотъемлемой стороной всякой социальной организации. Его она включает и без него просто не может существовать. Результатом этого процесса является создание людьми социальных норм и проведение этих правил в жизнь. Между прочим, так обстоят дела и с юридическими или правовыми нормами.

Правда, последние, если исходить из практики реального правового регулирования, выступающего предметом усилий юристов, формулируются и проводятся в жизнь обязательно с помощью усилий органов управления самоуправляющихся социальных организаций как целостностей. Каждая из

таких самоуправляющихся социальных организаций отличается от социальных организаций в ее пределах своей целью существования. Последняя представляет собой обеспечение независимого существования этой самоуправляющейся социальной организации от остальных. Причем в самоуправляющуюся социальную организацию входят социальные организации, цели которых включаются в цель самоуправляющейся как составные части.

В итоге любая самоуправляющаяся социальная организация есть организация социальных организаций, выступающих ее частями. В каждой из таких частей имеются свои система органов управления и система формулируемых этими органами социальных норм. Однако для существования самоуправляющейся социальной организации как организации организаций этого мало. Чтобы реализовать свою указанную цель, самоуправляющаяся социальная организация не может не иметь систему органов управления, упорядочивающих ее как взаимодействие организаций, а также систему норм, формулируемых и реализуемых этими органами для такого упорядочивания или управления.

При этом история первобытного общества свидетельствует о следующем. Органы управления не достигшей цивилизации самоуправляющейся социальной организации имеют ряд черт, присущих им и при цивилизованном развитии. Речь идет, в частности, о невозможности, во-первых, предвидения ими будущего полностью [2] и, во-вторых, исключения из их деятельности коррупционных проявлений [3]. Разумеется, это сказывается на содержании формулируемых такими органами социальных норм.

Как уже отмечено, цивилизованная самоуправляющаяся социальная организация есть государство. В нем система органов управления этой организацией как целостностью именуется системой государственных органов. Совокупность же формулируемых последними социальных норм называется системой правовых норм или правом в юридическом понимании.

Исходя из выявленного подобия нецивилизованной или первобытной самоуправляющейся социальной организации цивилизованной очевидно, что в первой есть такие феномены, которые во второй определены в качестве системы государственных органов, а также системы правовых норм или права.

Естественно, что встает вопрос, как назвать эти феномены в первобытной самоуправляющейся социальной организации. Не исключено, что их также можно именовать терминами, привычными для юристов и, в частности, правом.

Если это так, то вторая теоретическая позиция из выделенных Э. Р. Сервисом в его ранее приведенной цитате является оправданной. Однако скорее всего для такого вывода нужна дополнительная аргументация.

Тем более это так, что термины государство, государственные органы, право и правовые нормы немалым числом исследователей не применяются для обозначения нецивилизованной самоуправляющейся социальной организации и ее фрагментов. Одна из причин такого положения дел очевидна. Эти ученые не уяснили только что установленный факт. В нецивилизованной самоуправляющейся социальной организации есть система органов управления этой организацией как целостностью. Имеется и система норм, формулируемых только что упомянутыми органами.

Однако при понимании этих двух истин, может быть, сторонники второй точки зрения, выделенной в ранее приведенной цитате Э. Р. Сервиса, станут думать по-другому о месте права в истории человеческого общества. Как говорится, поживем – увидим.

Список использованных источников:

1. Hoebel E. A. Man in the Primitive World. Introduction to Anthropology. N.Y.: Mac-Graw-Hill Book Company, Inc., 1958.

2. Drobyshevsky S. A., Protopopova T. V. Political and Legal Knowledge and Attempts by People to Control the Unknown with the Help of Religion// Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2023. 16 (5).

3. Drobyshevskii S.A. Kinship in a Politically Organized Society and Legal Regulation// Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2024. 17 (6).

4. Lowie R. H. Primitive Society / N.Y.: Harper Torchbooks, 1961.

5. Oakeshott M. On Human Conduct. Oxford: Clarendon Press, 1976.

6. Service E.R. Origins of the State and Civilization. N.Y.: W.W. Norton and Company Inc., 1975.

УДК. 343.985.1

**К ВОПРОСУ О СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ ПО ДЕЛАМ О НЕИСПОЛНЕНИИ
РЕШЕНИЯ СУДА ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА (СТ. 315 УК РФ)**

© Е.А. Дубынин

Сибирский федеральный университет

Быстрое и полное раскрытие преступлений и изобличение виновных является одной из задач уголовного судопроизводства, которая конкретизируется в обязанности органов расследования принимать меры к установлению события преступления, а также лиц, виновных в совершении преступления.

Как отмечал Н.А. Якубович, успешность реализации этой обязанности обусловлена такими основными условиями, как: «1) взаимодействие следователя и органа дознания при раскрытии и расследовании преступления; 2) планирование расследования преступлений; 3) применение мер процессуального принуждения; 4) привлечение общественности к раскрытию и расследованию преступлений» [1].

Проблемы раскрытия преступления, так или иначе, обусловлены условиями, в которых было совершено преступление, поведением преступника, уровнем развития научных методов и средств исследования тех или иных доказательств.

Раскрытие преступления и изобличение преступника во многом зависит от того, насколько каждый следователь/дознаватель добросовестно и умело будет выполнять свои обязанности в рамках проверки заявлений и сообщений о преступлении и расследованию уголовного дела. В свое время В.Д. Арсеньев отмечал, что «если объективные и субъективные факторы, способствующие раскрытию преступления, в основном действуют постоянно, то факторы, препятствующие установлению истины, случайны и потому не могут противостоять первым. Следовательно, можно сказать, что нет такого преступления, которое нельзя было бы раскрыть» [2].

Одним из основных условий качественного расследования является планирование деятельности следователя на всех этапах производства по уголовному делу. Необходимость планирования диктуется повседневной практикой расследования уголовных дел. Планирование должно отвечать определенным принципам, к которым традиционно относят обоснованность, динамичность, непрерывность и индивидуальность.

Определяя пути направления следствия, обстоятельства, подлежащие выяснению, средства выяснения этих обстоятельств и сроки производства необходимых следственных и иных мероприятий по делу, лицо ведущее расследование должно исходить из конкретных условий сложившихся на момент планирования расследования.

К таковым условиям Р.С. Белкин относит:

- «наличие исходной информации;
- оценка сложившейся на момент планирования следственной ситуации и прогнозирование ее будущих изменений в результате планируемых действий;
- учет реальных возможностей, средств и методов достижения планируемой цели»[3].

При этом само содержание планирования традиционно состоит из следующих элементов: а) оценка первичных данных, имеющихся в распоряжении следователя; б) выдвижение версий на основе указанной оценки и определение в соответствии с ними направления расследования; в) определение обстоятельств и формулирование вопросов, подлежащих выяснению по каждой выдвинутой версии; г) выбор средств, указание исполнителей и определение сроков, необходимых для разрешения вопросов и проверки версий. Однако говорить о планировании как о деятельности только в рамках уголовного дела было бы не совсем верно, потому что до возбуждения уголовного дела, особенно по делам о неисполнении судебного решения, приходится проводить предварительную проверку имеющихся материалов. Эта проверка тоже должна носить плановый характер. Ибо результаты проверки будут положены в основу будущего плана расследования преступления.

Сложность расследования преступления в основном обусловлена сложившейся следственной ситуацией. Впервые перечень компонентов, составляющих содержание следственной ситуации, дал И.Ф. Герасимов. Он отнес к ним: «а) обстоятельства, известные в данный момент; б) имеющиеся по делу доказательства; в) информацию, имеющую тактическое и организационное значение; г) следственные действия и другие мероприятия, намеченные и уже выполненные; д) запланированные, но еще не выполненные следственные и другие действия; е) возможности, которыми следователь (оперативный работник) располагает; ж) возможности, которые не использовались и являются потенциальными; з) время, имеющееся в распоряжении следователя; и) сведения о поведении лиц, заинтересованных в исходе дела; к) оценку всех перечисленных факторов и, в конечном счете, определение характера ситуации» [4].

Следственная ситуация влияет на построение той или иной следственной версии, определяет алгоритм (программу) действий лица, производящего расследование, на первоначальном этапе и направление расследования в целом.

Наиболее типичными ситуациями начала расследования по делам о преступлениях предусмотренных ст. 315 УК РФ являются следующие:

1. имеются факты, указывающие на то, что лицо умышленно пассивно уклоняется от исполнения судебного решения;

2. имеется информация о фактах, указывающих на то, что лицо, умышленно активно уклоняется от исполнения судебного решения.

В первой ситуации это проявляется в том, что руководитель, к которому относилось судебное решение, не исполняет его требований, не смотря на неоднократные предупреждения судебных приставов, и привлечения его к административной ответственности. Уклонение также могло проявляться в виде длительных командировок, отпусков, длительного лечения, невозможности исполнить судебного решения из-за отсутствия финансовых возможностей и прочих надуманных причин. Данная ситуация имеет наибольшее распространение.

Для второй ситуации характерно активное противодействие (воспрепятствование) руководителя органам судебных приставов. Воспрепятствование проявляется в виде издания определенных распоряжений по предприятию, учреждению или организации связанных с ограничением доступа к определенной информации и выдачи ее судебным приставам на основании охраны коммерческой тайны; ограничивающих или запрещающих исполнение судебных решений. Чаще всего, такие распоряжения носят устный характер. Кроме этого, воспрепятствование может проявляться и в предоставлении ложной информации относительно имущества и активов предприятия, их размещения, наличия банковских счетов и средств на них. Также имущество предприятия может быть просто каким-либо образом отчуждено. В рассматриваемой ситуации возможно совершение и иных действий затрудняющих исполнение судебного решения, причем, не только лицом, обязанным исполнить судебный акт, но и другими лицами так или иначе заинтересованными в неисполнении решения.

Надо сказать, что началом расследования, в общем понимании, является вынесение постановления о возбуждении уголовного дела. Вместе с тем, уже на стадии возбуждения уголовного дела формируются следственные версии, и определяется реальная следственная ситуация, которая требует своего разрешения. Стадия возбуждения уголовного дела представляет собой суррогат

предварительного расследования и вынуждает проводить проверочные действия, направленные на установление, как признаков преступления, так и обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Однако для того, что бы определить, что на момент возбуждения сформировалась одна из указанных выше следственных ситуаций необходимо выполнить определенный комплекс (алгоритм) проверочных действий.

Во-первых, устанавливается, что должник предупреждался о привлечении к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ, в отношении должника дважды составлялся протокол об административном правонарушении, в материалах исполнительного производства имеется хотя бы одно решение суда о рассмотрении указанных выше протоколов об административном правонарушении, но решение суда не исполнено. Если это подтверждается, то приставом-исполнителем в соответствии со ст. 143 УПК РФ составляется рапорт об обнаружении признаков преступления.

Во-вторых, оценивается качество документов, которые прикладываются к рапорту. Этими документами, как правило, являются следующие документы, составляющие материалы исполнительного производства:

- копия постановления о возбуждение исполнительного производства;
- копия решения суда, на основании которого выдавался исполнительный лист (заверенная в суде);
- копия исполнительного листа;
- устав предприятия либо учредительные документы;
- приказ о назначении на должность руководителя предприятия либо должностного лица;
- копии всех требований об исполнении решения суда;
- оригиналы всех актов о неисполнении должником требований исполнительного документа,
- оригинал предупреждения об ответственности по ст. 315 УК РФ;
- оригиналы объяснений должника,
- копии административных протоколов либо постановлений о привлечении к административной ответственности;
- копии решений суда по рассмотрению административных протоколов;
- другие копии документов, касающиеся подтверждения вины должника.

Копии документов организации должника должны быть заверены печатью организации.

Если в заявлении, сообщении о преступлении формально усматриваются признаки преступления, но достоверность данной информации вызывает сомнения, то возбуждению уголовного дела должна предшествовать проверка

этих данных в соответствии со ст. 144 УПК РФ. При анализе первичной информации следует обращать внимание не только на данные о преступлении, но и на сведения об обстоятельствах, которые исключают проведение расследования по этому факту, и соответственно снимают вопрос о возбуждении уголовного дела.

Список использованных источников:

1. Якубович, Н.А. Теоретические основы предварительного следствия: учеб. пособие. М., 1971.
2. Арсеньев, В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
3. Белкин, Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М., 1997.
4. Герасимов, И.Ф. Теоретические проблемы раскрытия преступлений: дисс ...д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 1975.

УДК 343.34

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСПАРИВАНИЯ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

© С.С. Заблоцкий

Адвокатское бюро Красноярского края «АРБИКОН»

Введение

Одним из предметов исследований профессора Шахматова В.П. были сделки, противные интересам государств и общества (ст. 49 ГК РСФСР, 1964г.). И хотя подобного рода сделки современному российскому законодательству неизвестны, правовые подходы профессора Шахматова В.П. неожиданно становятся актуальными применительно к оспариванию сделок в делах о банкротстве (ст. 61.2 ФЗ о несостоятельности).

Этот институт, урегулированный главой 3.1 ФЗ «О несостоятельности», наряду с субсидиарной ответственностью, представляет из себя краеугольный камень всего конкурсного права. И дело не только в том, что за последние 10 лет число рассмотренных арбитражными судами дел данной категории выросло более, чем в 2 раза, достигнув к 1 кварталу 2023 г. более 21 тысячи дел по стране (согласно статистическим данным Судебного департамента). Главное, что недействительность сделок в банкротстве чаще всего является единственным

способом восстановления прав кредиторов, поскольку, как писал еще в начале прошлого века русский цивилист Шершеневич Г.Ф. в предвидении банкротства некоторые должники совершают действия по сокрытию своего имущества от кредиторов или удовлетворению некоторых наиболее настойчивых кредиторов, тем самым причиняя имущественный вред правам кредиторов.

Иными словами, сделки с предпочтением и причинившие ущерб кредиторам (ст. 61.2 и 61.3 Закона РФ «О банкротстве») были известны еще дореволюционному праву.

Отдельные проблемы оспаривания подозрительных сделок

Итак, казалось бы, что общего может быть, между учением профессора Шахматова В.П. о недействительных сделках и современными подозрительными сделками в делах о банкротстве. Попробую показать эту связь на примере буквально нескольких тезисов этого именитого правоведа.

Известно, что одним из важных научных постулатов В.П. Шахматова было разделение сделок на два вида:

- противоправные сделки;
- сделки, недействительность которых обусловлена иными недостатками их состава (например, недееспособных, малолетних или совершенных под влиянием заблуждения).

Противоправной будет сделка, нарушающая запреты и юридические обязанности. Это те же самые сделки, противные государству. В этом смысле подозрительные банкротные сделки тоже относятся к противоправным. Поэтому, все, что утверждал профессор Шахматов В.П. применительно к противоправным договорам, актуально и для применения ст. 61.2 ФЗ о банкротстве.

Более того, возьму на себя смелость утверждать, что на смену ст. 49 ГК РСФСР об антигосударственных сделках пришла не статья 169 ГК РФ про нарушение основ правопорядка, которая не так часто применяется на практике, а ч. 2 ст. 61.2 ФЗ об оспаривании подозрительных трехлетних сделок, причинивших ущерб кредиторам.

Действительно, насколько «беззубой» смотрится сегодня ст. 169 ГК РФ в сравнении со ст. 49 старого ГК РСФСР, настолько поражает жесткостью применение последствий недействительности по ч. 2 ст. 61.2. закона о банкротстве. Действительно, должник возвращает в конкурсную массу себе все, что было передано им по подозрительной сделке. А вот кредитор не только должен сначала все вернуть, но может претендовать лишь на сомнительное место в реестре кредиторов. Причём по ч. 2 ст. 61.2. – после третьей очереди. С отсутствием шансов как-то компенсировать возвращенное должнику! Иными

словами, речь идет о фактически односторонней реституции, изъятии имущества кредитора, но только не в пользу государства, как ранее, а кредиторов, точнее, в конкурсную массу.

По мнению В.П. Шахматова, противоправная сделка - это всегда правонарушение, а её последствия представляют из себя санкции, которые не только наказывают нарушителя, но и защищают интересы потерпевших или действовавших без умысла лиц.

С этой позиции, изъятие у контрагента должника-банкрота полученного от него имущества выглядит вроде бы оправданным. Это есть наказание. Можно встретить и современные взгляды отдельных авторов, например, Демехина А.И., что односторонняя реституция при банкротстве, действительно, представляет из себя именно штрафную санкцию за заключение недействительной сделки. Но не все так просто.

Как указывает В.П. Шахматов, применение «карательных последствий» к участникам сделки независимо от того, сознавали ли они ее противоправный характер, противоречило бы принципу вины, как одному из необходимых оснований гражданско-правовой ответственности.

То есть, если это наказание, то должна быть вина, умысел. Возникает вопрос, учтено ли это применительно к подозрительным сделкам.

В п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 разъясняется, что для признания подозрительной сделки недействительной должно быть установлено три условия в совокупности:

а) сделка была совершена с целью причинить вред имущественным правам кредиторов;

б) в результате совершения сделки был причинен вред имущественным правам кредиторов;

в) другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

Очевидно, что вине, умыслу посвящено только первое условие и частично третье. И раскрывается оно очень сложно в том же п. 2 ст. 61.2 закона.

Если перевести на простой язык эту правовую норму, то цель причинения вреда (читай – умысел) предполагается, если должник был неплатежеспособным и сделка была безвозмездной или с заинтересованным лицом. В ч. 2 ст. 61.2 есть еще несколько факультативных условий, но они редко используются. То есть, вопросы вины, субъективной стороны, психического отношения к содеянному сводятся в законе и Пленуме к объективным критериям – неплатежеспособности и аффилированности. Заключил

неплатежеспособный должник сделку с заинтересованным лицом – значит виноваты, причём сразу обе стороны.

В ч. 1 ст. 61.2 про неравноценность по сделкам с должником, кстати, об учёте вины вообще нет ни слова.

При решении вопроса о том, должна ли была другая сторона сделки знать об указанных обстоятельствах, начинают применяться оценочные термины согласно п. 7 Постановления Пленума ВАС №63.

И немаловажно, что все упоминаемые в этой норме закона о банкротстве и Постановлении Пленума ВАС РФ термины-презюпции, заменяющие умысел, такие, как ущемление интересов кредиторов, добросовестность, разумность, требующаяся осмотрительность, существенно худшая сторона для должника являются невероятно оценочными понятиями. А значит, их толкование и применение всецело зависят от усмотрения правоприменителя.

Еще более наглядно эту проблему демонстрирует следующий тезис В.П. Шахматова по противоправным сделкам. Заведомость, как квалифицирующий признак противоправной сделки является условием применения последствий недействительности. Где в законе о банкротстве и в Пленуме ВАС №63 про прямой умысел и заведомость? Там только презюпции цели причинения вреда кредиторам, причём, выраженные через объективные понятия неплатежеспособности и аффилированности.

Должны ли, а главное способны ли современные судьи устанавливать форму вины, в том числе, разграничивать прямой умысел и грубую неосторожность. Вряд ли.

Во всяком случае, из сотен тысяч судебных актов, содержащих ссылки на ст. 61.2 закона о банкротстве, лишь в паре десятков постановлений окружные суды пытаются применить прямой умысел. Да и то, львиная часть этих дел посвящена применению ст. 10 ГК, а не ч. 2 ст. 61.2 Закона «О банкротстве». Единственное исключение, когда суд устанавливал форму вины именно по ст. 61.2 закона – это дело о банкротстве ЗАО «Русвтормет», где оспаривалась реорганизации с выводом активов при наличии неисполненных обязательств. Дело было рассмотрено АС Московского округа, который установил прямой умысел на причинение вреда кредиторам (дело А40-172808/13). Еще один пример – махинации с договором займа с целью вывода средств и уклонения от погашения задолженности по делу о банкротстве ООО «Ривьера» (А40-241020/15). Но это, скорее, исключение, чем правило.

Выводы

Первое. Подозрительные сделки это всегда противоправные сделки в понимании подходов В.П. Шахматова. Поэтому, применимые к ним последствия

являются санкциями (ответственностью) за совершенное гражданское правонарушение.

Второе. В этой связи, карательные последствия в виде изъятия имущества могут применяться только при наличии прямого умысла и заведомости, а не просто добросовестного заблуждения.

Третье. Советское государство мягче относилось к сделкам, противным его интересам (ст. 49 ГК РСФСР) при применении последствий и конфискации предмета сделки, нежели подходят современные суды при применении последствий по ст. 61.2. закона. Это связано с игнорированием субъективного критерия (прямого умысла) и его заменой рядом презумпций, содержащих крайне непрогнозируемые оценочные термины.

Четвертое. Такая ситуация является не допустимой и требующей смягчения подходов судебной практики и изменения Постановления Пленума ВАС №63 в пользу стабильности гражданского оборота. Ведь крайне сложно предвидеть будущую оценку судами условий заключенной задолго до банкротства сделки. Это означает, в большинстве случаев, отсутствие у сторон прямого умысла на совершение сделки в ущерб кредиторам в момент её заключения, что должно исключать её оспоримость.

Да, законодатель доверяет правоприменителю и многое отдаёт на его откуп. Но как можно винить сторону сделки, которая эту позицию суда при применении оценочных понятий и отсутствии четких и ясных критериев никогда не предугадает. Единственная рекомендация, которая может быть дана «на берегу» - не заключать сделок с аффилированными лицами. Хотя и это ничего не гарантирует. Лучший способ не потерять имущество абсурден – вообще не вступать в гражданско-правовые отношения. Но так быть не должно!

УДК 343.8

К ВОПРОСУ О ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

© М.Ю. Заборовская

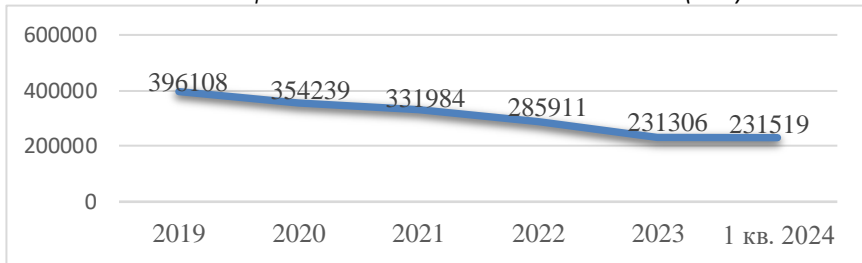
Кузбасский институт ФСИИ России

В настоящий момент более 33 миллионов человек получают пенсию по старости [1], из них часть пенсионеров отбывают наказание в виде лишения свободы и получают пенсию в исправительных учреждениях. На фоне общей

динамики снижения численности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за последние 5 лет (диаграмма 1) наблюдается положительный рост численности лиц, достигших пенсионного возраста в местах лишения свободы (диаграмма 2). Тенденция старения осужденных характерна как для российской [5], так и зарубежной пенитенциарных систем [4].

Диаграмма 1

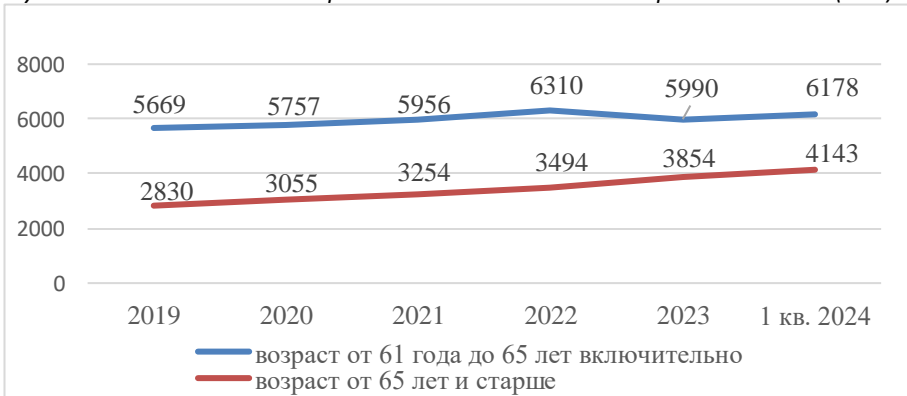
Численность лиц, содержащихся в учреждениях УИС (мужчин и женщин), отбывающих наказание в виде лишения свободы (чел.)

Так, например, в возрасте от 61 до 65 лет отбывали лишение свободы в 2019 – 5669 чел, в 2020 – 5757 чел., в 2021 – 5956 чел., в 2022 – 6310 чел., в 2023 – 5990 чел. В возрасте от 65 лет и старше отбывали лишение свободы в 2019 – 2830 чел., в 2020 – 3055 чел, в 2021 – 3254 чел., в 2022 – 3494 чел., в 2023 – 3854 чел, в 2024 – 4143 чел (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Численность осужденных по возрасту от 61 и до 65 лет и нетрудоспособных осужденных от 65 лет и старше за 2019-2023 года и 1 квартал 2024 года (чел.)

Из них на 1 апреля 2024 года всего лишь 6 780 чел. получают пенсию по старости в исправительном учреждении (таблица 1). Остальные осужденные предпенсионного возраста обязаны трудиться и возмещать расходы государству из заработной платы и иных доходов (ч. 1 ст. 107 УИК), при этом не все лица предпенсионного возраста трудоустроены. Условия труда пожилых осужденных никак не отличаются от условий труда более молодых лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и соответствуют, как верно указывает В.А. Уткин, действующему трудовому законодательству [6, с. 84].

Таблица 1

Сведения о численности осужденных, имеющих право на получение пенсии по старости за 2022, 2023 года и 1 квартал 2024 года (чел.)

Наименование показателя	2022	2023	2024 (1 квартал)
Получали пенсии по старости (чел.)	7765	7005	6780

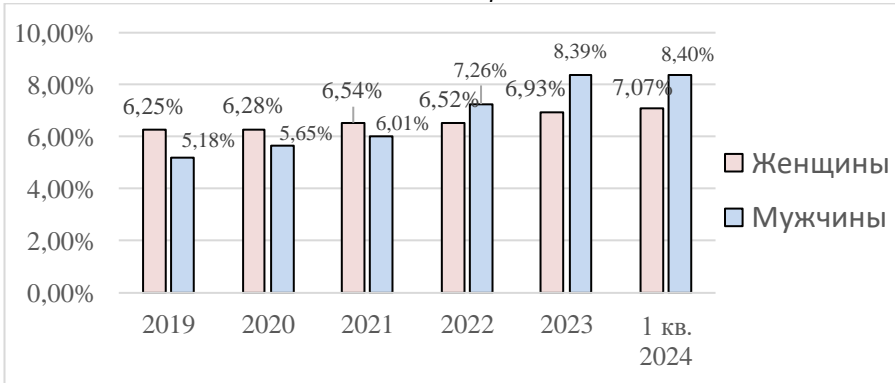
В связи с поднятием пенсионного возраста в России был изменен порядок назначения пенсий и лицам, отбывающим лишение свободы. Так, например, если ранее к обязательному труду не привлекались осужденные женщины достигшие возраста 55 лет и старше и осужденные мужчины, достигшие 60 лет и старше, то постепенно к 2030 году возраст выхода на пенсию вырастит для женщин с 55 до 60 лет, для мужчин – с 60 до 65 лет соответственно.

Поднятие пенсионного возраста обязует администрацию исправительных учреждений трудоустроить лиц предпенсионного возраста для возмещения расходов государства на их содержание. В связи с ежегодным уменьшением численности лиц, отбывающих лишение свободы, количество осужденных мужчин и женщин в возрасте старше 56 лет, отбывающих лишение свободы, имеет динамику роста в общей структуре осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях (диаграмма 3 и 4). Эта тенденция сказывается на качестве эффективности использования трудовых ресурсов в исправительных учреждениях [7, с. 605]. Трудовая адаптация, несомненно, играет важную роль в профилактике преступности лиц предпенсионного возраста. Более того, трудовая адаптация отражает и идею гуманного обращения с осужденными престарелого возраста, которая также связана с профилактикой правонарушающего геронтологического поведения. Не случайно в специальных исследованиях обращается на это внимание [3, с. 37-38].

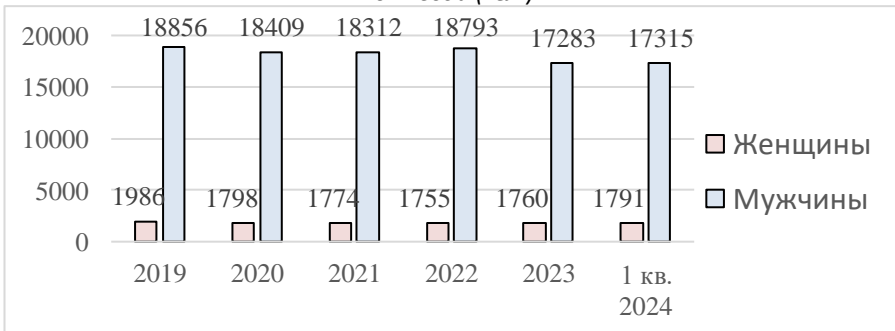
Диаграмма 3

Доля осужденных мужчин и женщин 56 лет и старше, находящихся в исправительных учреждениях (от общего количества мужчин и женщин) за 2019-2023 гг. и 1 квартал 2024 г.

Диаграмма 4

Численность осужденных мужчин и женщин в возрасте 56 лет и старше, находящихся в исправительных учреждениях за 2019-2023 года и 1 квартал 2024 года (чел.)

Любая трудовая деятельность предоставляет не только средства для существования, что позволяет удовлетворять личные потребности и нужды, но и также способствует улучшению психоэмоционального состояния, поскольку связана с социальным взаимодействием с более молодым поколением, помогает избежать одиночества, алкогольной зависимости, содействует

формированию дисциплины и мотивации к заботе о собственном здоровье, способствуя тем самым долголетию.

Отметим, что согласно сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России за последние 5 лет [2] в структуре преступности наблюдается тенденция роста числа зарегистрированных преступлений, за которые осуждены мужчины и женщины в возрасте 50 лет и старше (таблица 2), а также мужчины и женщины, достигшие пенсионного возраста, что требует отдельного изучения криминологами сложившейся ситуации для разработки подходов для профилактики преступности среди лиц старше 50 лет. Убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и иные преступления, совершаемые лицами пожилого возраста, сопровождаются семейным конфликтом, частыми изменениями настроения, вызванных употреблением алкогольной продукции. Кроме того, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ ими совершаются преступления, имеющие корыстный мотив (кража, фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации, незаконный сбыт наркотических средств и др.) [2].

Таблица 2

Количество преступлений, совершенных лицами старше 50 лет за 2021-2023 года

Наименование показателя (чел.)	2019	2020	2021	2022	2023
Численность осужденных лиц на момент совершения преступления: 50 лет и старше, из них:	56 678	51 170	56 153	61 655	62 247
мужчины, достигшие к моменту вынесения судом приговора 60-летнего возраста	10 880	10 320	11 770	13 341	14 020
женщины пенсионного возраста (55 лет и старше)	5 374	4 378	5 168	5 945	6 089

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. В связи с проведением пенсионной реформы в России применение труда как средства исправления стало обязательным для женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет, отбывающих лишение свободы до назначения им пенсии по старости.

2. Рост лиц предпенсионного возраста в местах изоляции ставит задачу перед администрацией исправительного учреждения трудовой адаптации осужденных предпенсионного возраста, их обучения с последующим трудоустройством осужденных мужчин и женщин в возрасте старше 56 лет, отбывающих наказание в виде лишения свободы и не имеющих права на получение пенсии по старости.

3. Трудоустройство лиц старше 56 лет играет важную роль в процессе исправления и направлено на сохранение психологического и физического здоровья пожилых осужденных.

4. Уважительное отношение к старости требует от государства разработки программ для эффективной трудовой адаптации осужденных предпенсионного возраста, отбывающих лишение свободы, с целью снижения возрастной доступности.

5. В связи с имеющейся тенденцией роста последние 5 лет преступлений, совершенных лицами в возрасте старше 50 лет, одной из задач современной криминологии как науки, является изучение причин преступного поведения с целью разработки мер предупреждения преступности среди лиц предпенсионного и пенсионного возраста.

6. Освобождение лиц предпенсионного возраста из исправительных учреждений ставит вопрос перед учеными криминологами о необходимости проведения криминологических и социологических исследований для разработки государственных программ для трудоустройства лиц предпенсионного возраста с целью профилактики рецидивной преступности лиц старше 56 лет.

Список использованных источников:

1. Пенсионное обеспечение граждан пожилого возраста // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения 01.09.2024).

2. Статистические сведения о состоянии судимости в России лиц старше 50 лет по составам преступлений за 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 года / форма № 11.1 «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ» за 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 года. - URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 04.09.2024).

3. Тепляшин П.В., Васильев Д.С. Эффективность гуманизма в профилактике преступлений // Российский следователь. 2013. № 14. С. 36-39.

4. Тепляшин П.В. Англо-ирландский тип европейских пенитенциарных систем: организационно-правовые основы, средства обращения и условия содержания осужденных // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 122-131.

5. Тепляшин П.В. Заборовская Ю.М., Малышева И.В. Тенденция старения осужденных в местах лишения свободы: некоторые проблемы и пути их решения (отечественный и компаративистский аспекты) // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 1. С. 145-154.

6. Уткин В.А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2. С. 81-88.

7. Чернышов И.Н. Анализ недоиспользования труда осужденных в различных видах исправительных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2020. № 4. С. 594-606.

УДК 343.8

РОЛЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К ИСПОЛНЕНИЮ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЁННЫХ, ИСПОВЕДУЮЩИХ ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ИДЕОЛОГИЮ, В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

© А.В. Забродин

*УФСИН России по Республике Хакасия,
Сибирский федеральный университет*

В настоящее время проблема профилактики терроризма и экстремизма в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является одной из наиболее актуальных. Во-первых, лица, совершившие преступления террористического характера и экстремистской направленности, представляют существенный оперативный интерес. Во-вторых, совершённые ими противоправные действия относятся к категории особо учитываемых. В-третьих, пенитенциарная система России столкнулась с угрозой распространения терроризма и экстремизма, а сами учреждения становятся источником распространения указанных идеологий, что подчёркивает необходимость противодействия данному деструктивному явлению [1, с. 22]. В связи с этим перед государством в лице его компетентных органов стоит

важнейшая задача по противодействию распространению терроризма и экстремизма как в местах лишения свободы, так и за их пределами; ресоциализации лиц, осуждённых за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

В соответствии с главой XVII Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, для обеспечения безопасности УИС и её объектов предполагается повышение эффективности осуществления оперативно-розыскной деятельности, в том числе в отношении лиц, осуждённых за преступления экстремистской направленности и террористического характера; разработка комплекса мер, направленных на своевременное выявление в учреждениях уголовно-исполнительной системы лиц, являющихся носителями экстремистских убеждений. Справедливо отмечает П.В. Тепляшин наличие определённых проблем в указанном направлении, учёт которых должен отражать не простое декларирование, а реальные потребности в модернизации отечественной практики исполнения уголовных наказаний [3, с. 195]. Повысить эффективность деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации позволит применение дифференцированного подхода к исполнению наказаний.

Огромную роль в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в части исполнения наказания в отношении осуждённых за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности играет дифференцированный подход. Согласимся с мнением П.В. Тепляшина о том, что применение дифференцированного подхода в процедуре реализации наказания способствует эффективному достижению основной его цели – исправлению, а также предупреждению совершения новых преступлений. [5, с. 125]. Выступая в качестве одного из инструментов реализации наказания в виде лишения свободы, дифференцированный подход представляет большое практическое значение для государственной политики в части исполнения наказаний в целом. Применение дифференцированного подхода к исполнению наказания в отношении лиц, осуждённых за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, имеет важнейшее значение.

По мнению С.М. Савушкина, личность преступника нужно оценивать, учитывая его общественную опасность. [2, с. 539]. В деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы существует немало примеров, позволяющих подчеркнуть общественную опасность рассматриваемой категории осуждённых. Например, 16.06.2024 в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Ростовской области был допущен целый ряд преступлений, а именно: «Побег из места лишения

свободы», «Дезорганизация деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества», «Захват заложников». Выявляя причины допущения указанных преступлений, важно отметить, что в одной камере следственного изолятора содержались лица, осуждённые по одному преступлению, что поспособствовало их сплочению и планированию новых преступлений на территории учреждения. Разобщение лиц, осуждённых (подозреваемых, обвиняемых) за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности (не говоря уже о фигурантах одного уголовного дела) необходимо в целях недопущения совершения новых преступлений, негативного влияния на оперативную обстановку в учреждении.

Кроме того, 23.08.2024 в ФКУ ИК-19 УФСИН России по Волгоградской области при проведении дисциплинарной комиссии ряд осуждённых, исповедовавших положения радикального ислама, исходя из экстремистских убеждений, совершили ряд преступлений против общественной безопасности и порядка управления. Имея при себе запрещённые предметы в виде ножей, заточенных металлических пластин, сотовых телефонов, горючих жидкостей, указанные лица причинили смерть ряду должностных лиц учреждения и осуждённым, а также произвели захват заложников. Слабое состояние оперативной обстановки, несоблюдение режимных требований, отсутствие упреждающей информации о намерениях осуждённых привело к совершению преступлений на территории исправительного учреждения. Данный пример также подчёркивает необходимость выделения указанной категории осуждённых из остальной массы лиц, отбывающих наказание, а также важность дифференцированного подхода к исполнению наказания в виде лишения свободы.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что при исполнении наказания в отношении рассматриваемой категории осуждённых дифференцированный подход не применялся, что привело к негативным последствиям, допущению преступлений на территории исправительных учреждений.

Говоря о раздельном содержании осуждённых, А.В. Шеслер пишет об отказе от коллективного содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. [4, с. 64]. Применяя данное положение в отношении рассматриваемой нами категории осуждённых, предполагая возможность их камерного содержания, важно отметить, что в данном случае исключается факт отрицательного влияния их на других осуждённых. Создание изолированных участков, где предусмотрено камерное содержание наиболее опасных категорий осуждённых, на примере пенсильванской тюремной системы, но с применением средств исполнения, предусмотренных УИК РФ,

может обеспечить не только изоляцию осуждённых, но и повлиять на их исправление, повысить эффективность работы по недопущению преступлений. Полагаем, что применение дифференцированного подхода к исполнению наказания в отношении лиц, осуждённых за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, обеспечение раздельного содержания рассматриваемой категории осуждённых и иных лиц, отбывающих наказание, способствует наиболее продуктивному достижению целей уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, дифференцированный подход к исполнению наказания в отношении лиц, осуждённых за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, играет крайне важную роль. Осуждённые рассматриваемой нами категории имеют возможность продолжать противоправную деятельность в местах лишения свободы, распространяя свою идеологию среди иных осуждённых. Это приводит к необходимости проведения непрерывной работы по борьбе с терроризмом и экстремизмом в местах лишения свободы, применяя, в первую очередь, дифференцированный подход. Отметим, что лица, осуждённые за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, представляют собой особую категорию. Применение дифференцированного подхода к исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении рассматриваемой категории лиц является крайне важным и необходимым. Кроме того, создание в территориальных органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации помещений, функционирующих в режиме тюрем, размещение в них лиц, совершивших преступления против безопасности общества, государства, способных негативно повлиять на обстановку в учреждении, позволит в большей степени сохранить стабильную оперативную обстановку в исправительном учреждении, не допустить совершения новых преступлений рассматриваемой категорией лиц.

Список использованных источников:

1. Безручко Е.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 1. С. 21-27.
2. Савушкин С.М. Основания классификации осуждённых к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции / под общ. ред. А.А. Вотинова.

Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 538-540.

3. Тепляшин П.В. Концепция развития УИС РФ на период до 2030 г. в свете общепризнанных норм международного права и опыта пенитенциарных систем зарубежных стран // Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: сборник материал круглого стола в рамках Всероссийской научно-практической конференции Университета ФСИН России / сост. Е.Е. Новиков. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет ФСИН России, 2021. С. 192-198.

4. Шеслер А.В., Шеслер С.С. Использование советского и зарубежного опыта в современной уголовной политике России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVII международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч. 2. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2024. С. 64-66.

5. Teplyashin P.V. Optimization principles of penal execution system of Russia in the context of European penitentiary practice // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 1. С. 123-130.

УДК 347.963

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ВЫБОРОВ В РОССИИ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

© А.Н. Завьялов

*Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

Для ряда государств современного мира, к числу которых можно относить и Российскую Федерацию, свойственно относиться с повышенным вниманием к деятельности государственных органов по обеспечению безопасности, включая обеспечение безопасности выборов.

Отношение государств современного мира к вопросам обеспечения безопасности выборов не однозначное.

По нашему мнению, специфика обеспечения безопасности выборов, в первую очередь, связана со спецификой и особенностями формирования национальных публичных политических институтов, посредством которых

граждане осуществляют свое право и обязанность решать, персонификацию управления делами государства [1, с. 34-41].

Безопасность выборов включает в себя определение основных направлений государственной политики в области обеспечения государственной и национальной безопасности с учетом принципа соблюдения и защиты прав, свобод человека.

На международном уровне обеспечение безопасности и охрана общественного порядка в ходе избирательных кампаний регулируются следующими правовыми актами: Уставом Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом о гражданских и политических правах, Конвенцией о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (Кишинев, 7 октября 2002 года), Соглашением об образовании Консультативного совета руководителей избирательных органов государств – участников Содружества Независимых Государств (Астана, 14 октября 2022 года), Рекомендациями для международных наблюдателей от Содружества Независимых Государств по наблюдению за выборами и референдумами (Санкт-Петербург, 16 мая 2011 г.), Постановлением № 40-11 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О Рекомендациях об общих принципах организации и проведения муниципальных (местных) выборов, местных референдумов и голосований» (Санкт-Петербург, 18 апреля 2014 года), Постановлением № 51-15 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном Избирательном кодексе для государств – участников СНГ» (Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года), Постановлением № 6.1 Совета Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О Заявлении Совета Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности о недопустимости иностранного вмешательства в избирательные процессы государств – членов Организации» (Душанбе, 1 июля 2021 года), Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950), Декларацией о критериях свободных и справедливых выборов (Париж, 26 марта 1994 года), Руководством по наблюдению за выборами ОБСЕ / БДИПЧ (Варшава, 1997 г.), Декларацией Стамбульской встречи на высшем уровне (Стамбул, 19 ноября 1999 года), Хартией Европейской безопасности ОБСЕ (Стамбул, 19 ноября 1999 года), Документом Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (Копенгаген, 29 июня 1990 года), Конвенцией о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (одобрена 24 ноября 2001

года на 18 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи, подписана президентами Армении, Грузии, Киргизии, Молдовы, России, Таджикистана, Украины 7 октября 2002 года в Кишиневе, вступает в силу после ратификации не менее чем тремя государствами) и Рекомендациями для международных наблюдателей Содружества Независимых Государств по наблюдению за выборами.

Следует отметить, что в зарубежных странах сформирована отвечающая нормам международного права законодательная основа, регулирующая вопросы обеспечения безопасности избирательных кампаний [2, с. 82; 3, с. 478]. Сложилась и судебная практика по данной категории дел, связанных с выборами.

Проведенный анализ источников международного права, а также законодательства ряда зарубежных государств в сфере обеспечения безопасности выборов, свидетельствует о наличии объектов правового регулирования повышенного значения:

1. Безопасность общества и государства в виде ограничения политических прав граждан, привлекавшихся к ответственности за уголовные преступления. Ограничения на участие в выборах иностранных граждан

2. Безопасность общества и государства в виде ограничения деятельности политических партий и общественных организаций экстремистской направленности;

3. Безопасность общества и государства в виде установления особых требований финансирования избирательных кампаний. Регулирование особого порядка финансирования выборов иностранными государствами, организациями, юридическими лицами и гражданами.

4. Безопасность избирателей, кандидатов, избирательных участков. Избирательных комиссий.

5. Безопасность информационного обеспечения выборов.

6. Закрепление в уголовном и административном законодательстве соответствующих составов правонарушений и преступлений, связанных с выборами.

Обеспечение безопасности избирательного процесса в отдельных странах имеет свои уникальные особенности.

Так, например, в Южной Корее уделяется особое внимание обеспечению безопасности интернет-голосования при помощи технологии блокчейн, а в Японии проводилось пилотное интернет-голосование при идентификации избирателей при помощи специальной карточки избирателя [4, с. 476-503].

В Корейской Народно-Демократической Республике сформировалась уникальное представление о демократии, что отразилось на вопросах обеспечения безопасности выборов. В противовес государственным правовым доктринам либерально-буржуазной демократии, относительно в унисон с философией марксизма в Корейской Народно-Демократической Республике, основы формирования представительных органов государства заложил Ким Ир Сен, который заявлял, что существенными чертами человека как общественного существа являются его самостоятельность, способность к творчеству и сознание; философия чужде дала полное объяснение сущности человека, правильно раскрыла с философских позиций вопрос о месте и роли человека как хозяина, властелина и преобразователя природы и общества.

Нет сомнений в том, что текстуально, идеологически, основы обеспечения безопасности в процессе формирования представительных органов государства технически определены чуждейской доктриной безопасности закреплённой в Конституция КНДР [5, с. 68].

Меры безопасности в рассматриваемом государстве опираются на научные мировоззрения сонгун несмотря на то, что государство КНДР имеет статус демократического. Тем не менее очевидно, что понимание демократических ценностей в Северной Корее обладает самобытной спецификой [5, с. 170-183].

В Российской Федерации, в условиях противостояния недружественных государств, в период проведения специальной военной операции на Украине, актуальным актуальной становится проблема обеспечения антитеррористической защищённости избирательных участков, членов избирательных комиссий и избирателей в период проведения голосования на выборах различных уровней.

Как справедливо отмечает А. В. Безруков [6, с. 170-183] и другие ученые [7; 8; 9; 10], в период избирательных кампаний особую значимость приобретает эффективно выстроенный механизм взаимодействия правоохранительных органов и избирательных комиссий, которые осуществляют совместную организационно-правовую деятельность по созданию «оперативного штаба сил правопорядка», участию в мероприятиях по технической обеспеченности и антитеррористической защищённости зданий и помещений избирательных участков, и комиссий.

Список использованных источников:

1. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о выборах: учебное пособие / А.В. Юрковский, К.Н. Евдокимов, Е.Л. Иванова. – Иркутск:

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023.

2. Евдокимов К.Н., Иванова Е.Л. Антитеррористическая защищенность избирательных участков как важнейший элемент системы обеспечения конституционных прав граждан // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108).

3. Худолей Д.М., Худолей К.М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3.

4. Юрковский А.В. Конституционно-правовое измерение механизма государственной власти в научных доктринах России и стран Северо-Восточной Азии: монография. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021.

5. Юрковский А.В. Конституционно-правовые основы развития политических систем стран Северо-Восточного Азиатского региона: монография. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008.

6. Безруков А.В. Участие правоохранительных органов и органов местного самоуправления в обеспечении правопорядка в России // Административное и муниципальное право. 2015. № 10.

7. Красинский В.В. Правовое обеспечение защиты конституционного строя России в избирательном процессе: монография. Москва, 2010.

8. Федотова Ю.Г. Контрольные полномочия избирательных комиссий в механизме обеспечения безопасности Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 2.

9. Федотова Ю.Г. Контрольные полномочия избирательных комиссий в механизме обеспечения безопасности Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 2.

10. Чистобородов И.Г. Административно-правовое обеспечение органами внутренних дел правопорядка и общественной безопасности в период подготовки и проведения избирательных кампаний: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013.

УДК 347. 963

**ИЗМЕНЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ СОВРЕМЕННОГО МИРА В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА**

© А.В. Земляков

*Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

Современный мировой порядок, утратил привычные очертания, трансформируется и развивается динамично, в непрогнозируемой неопределенности. Отчетливо наметилось противостояние России и многих стран современного мира, которые неуклонно ведут экономическое, идеологическое и психологическое воздействие на россиян, и пытаются насаждать чуждую для российского народа систему идей и ценностей [1, с. 108-113; 2, с. 13-28]. Правовое регулирование как механизм и как процесс в Российской Федерации реагирует на складывающуюся в мире обстановку, привносит в традиционный уклад правового сознания россиян новые доминанты, формирует новые ценностные ориентиры и интересы [3, с. 38-55] в их жизни, достоинстве, в отношении к правам и свободам, новое отношение к потенциальным опасностям. Направленность модернизации процесса и механизма правового регулирования ориентирована на поддержание и укрепление традиционных правовых и социальных ценностей [4, с. 20], поддержание национальной и государственной безопасности, обеспечение развития экономики, социальной сферы и инфраструктуры в условиях действий недружественных стран.

Трансформация мирового порядка, снижение авторитета международного права, подталкивает Россию к изменениям ее национальной системы права, заставляет предпринимать разнообразные меры и средства ответных реакций на действия недружественных стран [5, с. 324].

Недружественные действия иностранных государств многочисленно, порой нелогичны, непредсказуемы и очень часто напрямую дискредитируют общепризнанные нормы и принципы международного публичного права. Недружественные действия США и других иностранных государств подтолкнули к разрыву устоявшихся международных экономических связей, привели к сокращению поступления в Россию импортной продукции, а сокращение импорта, в свою очередь, привело к росту инфляции.

Ответные меры, в том числе в сфере правового регулирования, создали условия для формирования новых экономических связей, привели к изменениям поступления в Россию импортной продукции, сокращение импорта, в свою очередь, обусловило образование новых производственных отраслей внутри государства, созданию новых валютных и финансовых инструментов.

Практически все отрасли российской промышленности продемонстрировали объективную устойчивость к новым условиям производства [6, с. 225].

Устойчивость к новым условиям производства обеспечивается в том числе посредством модернизации механизма и процесса правового регулирования.

В особых условиях, правовое регулирование складывается крайне динамично, но очень часто имеющаяся правовая материя корректируется по принципу исключения из общего правила. В уже имеющуюся правовую материя, вносятся множественные, порой нестабильные изменения.

Подобного рода изменения связаны с недружественной политикой иностранных государств, с необходимостью регулирования в ответ на уменьшение предложений со стороны иностранных контрагентов, в ответ на рост цен, возникновение трудностей с поиском необходимых для внутреннего производства продуктов, изменение потребностей в расходах, сырье, деталях и комплектующих.

Тем не менее, технология правового регулирования существенных изменений не претерпела даже в условиях неприемлемых угроз безопасности России. Очевидно применение приемов, средств и способов правового регулирования с применением аналогий [3, с. 34-41].

Увеличилось количество и качество объектов правового регулирования, связанных с актами Соединенных Штатов Америки и других иностранных государств, выражающих в применении вредоносных действий политического и экономического характера (некорректно называемых санкциями) в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации, российских юридических лиц.

Изменения в правовом регулировании привели к модернизации механизма государственной власти и переориентации функций российского механизма государственной власти в связи с применением ответных мер.

В качестве базового легального инструмента, средства правового регулирования, ставшего правовой основой ответных реакций на действия недружественных стран стал Федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» [13].

Впервые данным источником права была определена дифференциация государств современного мира в зависимости от содержания их правовых политик по отношению к Российской Федерации.

Помимо указанного источника в систему правового регулирования был внедрен ряд нормативных правовых актов, среди которых можно выделить следующие: Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [7], Федеральный закон «О международных компаниях и международных фондах» [8], Федеральный закон «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» [9], Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [10], Указ Президента РФ «О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств» [11], Указы Президента РФ «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» [12] и «О специальных экономических мерах в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» [14], а также другие нормативные правовые акты.

Интересы и безопасность Российской Федерации, ее суверенитет и территориальная целостность, права и свободы граждан в современных исторических условиях подвергаются различным угрозам, многие из которых имеют экстремистский либо террористический характер.

Недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств, сопряженные с различными мировыми и международными противоречиями, изменениями стереотипов мирового устройства, противоречиями политических и социальных систем, ментальных типов восприятия окружающей действительности, усиливают дезорганизацию социальных отношений.

Правовое регулирование в условиях противодействия недружественным странам целесообразно рассматривать в контексте государственной правовой политики правового регулирования. Именно таким образом происходит формирование национальных доктрин противодействие любым негативным факторам во многих странах современного мира и Россия в данном контексте, по нашему мнению, не должна являться исключением.

Список использованных источников:

1. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму: учебное пособие / под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – 306 с.

2. Юрковский А.В. Параллельные тенденции развития российского законодательства в условиях действий недружественных стран // Вековые традиции российского права: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. перед. О.В. Горбач. Иркутск, 2022. С. 108-113.

3. Юрковский А.В. Аналогии в естественных и гуманитарных науках при осмыслении понятия власти (государственной власти) и ее механизма: генезис конституционно-правовой гносеологии // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 34-41.

4. Иванова Е.Л. Предупреждение фиктивных браков с иностранными гражданами в свете обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2024. № 4 (102). С.20-25.

5. Завьялов А.Н., Юрковский А.В. К вопросу об особенностях деятельности правоохранительных органов по выявлению, аресту, конфискации и возвращению активов, в том числе из-за рубежа, полученных в результате коррупционной деятельности // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию со дня рождения Г.Р. Державина. Иркутск, 2023. С. 321-328.

6. Иванова Е.Л. К вопросу об оценке официальных взглядов на государственную экономическую политику в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации // Сборник материалов круглого стола (с международным участием) «Продовольственная безопасность: прошлое, настоящее, будущее». Луганск, 2023. С. 222-228.

7. О специальных экономических мерах и принудительных мерах : Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СР РФ. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 44.

8. О международных компаниях и международных фондах : Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СР РФ. 2018. № 32. Ст. 5083.

9. Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми

организациями : Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 470-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СР РФ. 2002. № 32 (Ч. I). Ст. 6202.

10. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СР РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.

11. О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств : Указ Президента РФ от 23.04.2021 № 243

12. О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) // СР РФ. 2021. № 17. Ст. 2949.

13. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств : Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СР РФ. 2018. № 24. Ст. 3394.

14. О специальных экономических мерах в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций : Указ Президента РФ от 19.12.2023 № 965 // СР РФ. 2023. № 52. Ст. 9599.

УДК 341.95

МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РФ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

© Е.Л. Иванова

*Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

Развитие миграционного законодательства выступает логичным отражением целей и задач миграционной политики государства. В России вопросы государственного видения актуальных направлений миграционной политики сосредоточено в утверждаемых каждые пять лет Указом Президента концепциях государственной миграционной политики [1].

Анализ указанного документа показывает, что им не только определяются цель, принципы и задачи миграционной политики, отдельные вопросы международного сотрудничества Российской Федерации (далее – РФ) в сфере

миграции, но и подробно регулируются основные направления миграционной политики в отдельных областях общественных отношений, например, таких как:

- размещение населения и решение задач пространственного развития РФ;
- совершенствование механизмов профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства РФ и коррупционных нарушений в сфере миграции;
- содействие свободному перемещению обучающихся, научных и педагогических работников;
- оказание помощи иностранным гражданам, ищущим защиту на территории РФ, их дальнейшая адаптация на территории РФ и др.

Одновременно с этим растущая численность выходцев из иностранных государств, прибывших в Россию, их стремление к обособленному от местного населения проживанию создают условия для формирования этнических анклавов с установлением непубличной власти и неформальной юрисдикции [2] ставит перед отечественным законодателем все новые задачи. Необходимой в настоящее время является выработка четких и жестких законодательных мер по пресечению нарушений внешними мигрантами российского законодательства, а в случае допущения такого – применение по отношению к ним соразмерных мер юридической ответственности. На решение данной задачи очевидно направлены изменения конституционного и административного законодательства, произошедшие в последние два года.

Одними из самых обсуждаемых в настоящее время являются вступающее в силу в начале будущего года изменения в федеральные законы, регулирующие правовое положение иностранных граждан, порядок их миграционного учета и полномочия органов внутренних дел в сфере миграции [3] (далее – Закон о внесении изменений № 260-ФЗ).

Законом о внесении изменений № 260-ФЗ предполагается целый комплекс законодательных новелл. В рамках тезисного изложения материалов обозначим основные из них:

1. Введение специального правового режима – режима высылки. Исходя из содержания п. 2 ст. 312 Закона о внесении изменений № 260-ФЗ основаниями для установления в отношении иностранных граждан (лиц без гражданства) режима высылки может стать не только нарушение указанным лицом процедурных правил своевременного оформления документов, необходимых для пребывания на территории нашей страны, но и иные обстоятельства.

Правоприменителям предстоит детально вникнуть в особенности указанного правового режима, определить его соотношение с процедурой депортации.

2. Формирование и ведение Реестра контролируемых лиц (далее – Реестр) (статья 312), который будет содержать достаточно обширный перечень сведений об иностранных гражданах, находящихся в Российской Федерации и не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации. При этом анализ положений статьи 11 Закона о внесении изменений № 260-ФЗ привел к выводу о необходимости дополнения перечня оснований включения мигрантов в Реестр. По нашему мнению, часть вторую статьи 31.2. указанного Закона следует дополнить за счет внесения сведений об иностранных гражданах, получивших патент на осуществление трудовой деятельности, но в течение двух месяцев не исполнивших обязанность, предусмотренную ч. 7 ст. 133 Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[4].

3. Наделение сотрудников органов внутренних дел правом проникать в жилые и иные помещения, в которых проживает (пребывает) или фактически находится лицо, включенное в Реестр (подп. 5 п. 1 статьи 313). Кроме того, подп. 8 этой же статьи закреплена возможность (в том числе с использованием технических устройств) установления наблюдения не только за контролируемыми лицами, но и за физическими и юридическими лицами, оказывающими им содействие в пребывании на территории России. Одновременно с этим в Законе о внесении изменений № 260-ФЗ в настоящий момент не предусмотрены критерии, порядок установления фактов нахождения иностранных граждан, включенных в реестр контролируемых лиц, в конкретном помещении, на земельном участке, а также факт оказания им содействия иными лицами. В этой связи во избежание нарушения конституционных прав иных граждан (как российских, так и иностранных, законно пребывающих (проживающих) на территории РФ) следует более детально подойти к регулированию таких полномочий органов внутренних дел.

Отмеченные выше пункты отражают лишь основные замечания относительно принятого Закона о внесении изменений № 260-ФЗ, которые, по мнению автора тезисов, должны быть устранены до его вступления в силу.

Вступивший в силу в 2023 году Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» [5] также очевидно демонстрирует новую законодательную идеологию в регулировании миграционных отношений. Указанный Федеральный закон предусматривает новую для российского конституционного законодательства процедуру – прекращение гражданства натурализованных граждан в одностороннем порядке. Такая процедура, осуществляемая по инициативе государства, стала возможной в отношении «натурализованных граждан Российской Федерации» ввиду совершения ими

отдельных видов преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), а также признания их действий, создающими угрозу национальной безопасности.

Параллельно с ужесточением законодательства в отношении мигрантов, нарушающих правила пребывания на территории Российской Федерации, законодатель приветствует и создает условия для получения российского гражданства иностранными гражданами, заключившими контракт с Вооруженными Силами Российской Федерации, и иными категориями иностранных граждан, представляющих интерес для Российской Федерации.

Таким образом, современное отечественное миграционное законодательство ориентировано на учет, в первую очередь, национальных интересов ее граждан и соотнобразуется с теми вызовами и угрозами, которые стоят сегодня перед нашим государством. Вместе с тем достижение указанных целей станет возможным только при условии постоянной работы над качеством нормативного правового регулирования в исследуемой области общественных отношений.

Список использованных источников:

1. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (в ред. от 12.05.2023) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>

2. О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства, направленного на противодействие незаконной миграции, и об укреплении взаимодействия в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми иностранными гражданами и лицами без гражданства : Решение объединенной коллегии Генеральной прокуратуры РФ и Генеральной прокуратуры Республики Беларусь от 20.10.2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4956.

4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30.

5. О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

УДК 343.1

**УСТРАНЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ЗАКЛЮЧЕНИЯХ ЭКСПЕРТОВ ПО УГОЛОВНОМУ
ДЕЛУ**

© И.Г. Иванова

Сибирский федеральный университет

В соответствии с ч. 2 ст. 74, ст. 80 УПК РФ, заключение эксперта является одними из видов доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Это не особый вид доказательства, поэтому подлежит оценке и проверке органами предварительного следствия и судом на общих основаниях, по тем же правилам, что и любое другое доказательство (ст. 88 УПК РФ).

В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [3] указано, что при оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами.

Особо трудными для оценочной деятельности правоприменителя являются случаи, когда в одном уголовном деле представлены два и более экспертных заключения по одним и тем же вопросам, но с разными (нередко противоположными) выводами.

Как правило, такие ситуации возникают тогда, когда по делу проведена первичная экспертиза органами предварительного расследования, на основании выводов которой лицо привлекается к уголовной ответственности, а затем к материалам дела было приобщено заключение эксперта по результатам экспертизы, проведенной по обращению стороны защиты и по представленным ею материалам. В таком случае выводы экспертного заключения, представленного стороной защиты, в подавляющем большинстве случаев не подтверждают выводы первичной экспертизы либо вообще их опровергают.

В качестве примера можно привести уголовное дело, рассмотренное одним из районных судов Красноярского края, где было представлено два экспертных исследования, проведенных государственными экспертами, с противоречащими друг другу выводами.

Так, по назначению следователя была проведена комплексная видео-фото-автотехническая экспертиза экспертами ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю, по результатам которой эксперты:

- не смогли определить скорости автомобилей 1 и 2, участвовавших в ДТП;
- по месту столкновения был сделан вероятностный вывод о нахождении его на полосе, предназначенной для движения в сторону Красноярска;
- не смогли определить фактическое место столкновения автомобилей;
- не смогли определить расстояние от автомобиля 1 до автомобиля 2 в момент возникновения опасности для водителя автомобиля 2;
- не смогли определить угол столкновения между автомобилями в момент столкновения;
- не смогли установить, была ли возможность у водителя автомобиля 2 покинуть полосу движения автомобиля 1 при движении последнего со скоростью 90 км/ч.

То есть данной экспертизой не были установлены место, скорость и возможность разъезда автомобилей.

Ходатайства защиты о проведении повторной экспертизы в другом экспертном учреждении, ни следователем, ни судом удовлетворены не были. Именно это обстоятельство и побудило сторону защиты, представлявшей интересы одного из участников ДТП, и управлявшего автомобилем 2, самостоятельно обратиться в ФКУ Красноярская ЛСЭ Минюста России за новым исследованием, так как ответы на поставленные вопросы имели отношение к обстоятельствам рассматриваемого уголовного дела и влияли на определение степени виновности лица, привлекаемого к ответственности.

На экспертизу в Красноярскую ЛСЭ Минюста России стороной защиты были представлены все видеозаписи и копии всех письменных материалов уголовного дела, полученные стороной защиты от следователя при выполнении требований ст. 217 УПК РФ.

По результатам этой экспертизы был получен акт экспертного исследования, при проведении которого эксперты определили место столкновения на другом участке дороги (в середине проезжей части) и дали ответ на вопрос о возможности разъезда автомобилей, что, в свою очередь, влияло на установление вины конкретного водителя в дорожно-транспортном происшествии и определение места преступления, т.е. на определение обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ).

Представляя акт указанного экспертного исследования в суд, сторона защиты ходатайствовала перед судом о назначении повторной экспертизы, поскольку два государственных эксперта пришли к противоречащим выводам по одним и тем же обстоятельствам дорожно-транспортного происшествия.

В вышеуказанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» в п. 15 предусмотрено право суда назначить повторную экспертизу при возникновении сомнений в обоснованности заключения эксперта или при наличии в выводах экспертов по тем же вопросам противоречий, которые невозможно преодолеть в судебном заседании путем допроса экспертов.

Вместе с тем суд отказался назначить в этой ситуации повторную экспертизу, не принял акт экспертного исследования, представленный стороной защиты, с указанием в приговоре на то, что «...экспертиза проведена без материалов уголовного дела...». И вынес обвинительный приговор только в отношении одного водителя на основании выводов первой экспертизы.

В апелляционном постановлении судья, проверявший доводы апелляционной жалобы защитников, также сослался на то, что «в основу экспертного заключения, представленного стороной защиты, положены исходные данные, полученные непроцессуальным путем, эксперты не предупреждались об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения».

Полагаем, что в ситуации по уголовному делу с двумя экспертными заключениями с противоположными выводами у суда есть два варианта поведения. Во-первых, суд может выбрать одну из экспертиз, выводы которой ему кажутся обоснованными. Во-вторых, суд может назначить еще одну повторную или дополнительную экспертизу, выводы которой он примет как окончательные.

В подавляющем большинстве случаев суды выбирают первый вариант, основывая приговор на выводах одной из экспертиз, обычно назначенных по инициативе следователя, а выводы второй экспертизы по существу в приговоре не исследуются и не оцениваются, поскольку не принимаются по формальным, нередко надуманным основаниям.

Проведя анализ оснований непринятия экспертизы, полученной стороной защиты, можно сделать следующие выводы.

1. «Экспертиза проведена без материалов уголовного дела...», «Материалы уголовного дела получены непроцессуальным путем...».

Сторона защиты представила на экспертизу видеозаписи и письменные материалы, полученные от следователя при ознакомлении с материалами уголовного дела при выполнении требований ст. 217 УПК РФ. Данное право обвиняемого и его защитника копировать материалы уголовного дела при ознакомлении с ними, в том числе с помощью технических средств, предусмотрено ч. 2 ст. 217 УПК РФ. В процессуальных документах (протоколе

ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела), как правило, указывается, что обвиняемый при ознакомлении с материалами уголовного дела полностью их откопировал, а также получил от следователя копию информации со всех электронных носителей по уголовному делу. Поэтому получение таких копий материалов дела нельзя назвать непроцессуальным путем их получения, поскольку такой способ предусмотрен действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что непринятие судом одного из экспертных заключений по такому основанию, как получение материалов для экспертизы непроцессуальным путем, является формальным основанием для отказа исследовать экспертное заключение.

2. «...Эксперты не предупреждались об ответственности за дачу заведомо ложного заключения».

Вместе с тем, по указанному уголовному делу акт экспертного исследования, представленного стороной защиты, был составлен государственными экспертами ФБУ Красноярская ЛСЭ Минюста России. Указанные государственные эксперты, которые проводят экспертизы по назначению правоохранительных органов, осведомлены об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, и проводят сотни подобных экспертиз в год, и чьи выводы ложатся в основу приговоров без каких-либо возражений, если назначены по инициативе следователя (суда), а не стороны защиты.

3. «...Выводы эксперта носят вариационный характер..., эксперт не смог категорично ответить на поставленные вопросы...».

Непринятие экспертных выводов одной из экспертиз (обычно представленных стороной защиты), также носит формальный характер, потому что в подавляющем большинстве случаев, и выводы экспертов, которые суд принимает в качестве допустимых доказательств, также носят вариационный характер.

Суд в приговоре для обоснования вины подсудимого принимает вариационные и не категорические выводы одних экспертов из ЭКЦ ГУ МВД, и не принимает выводы таких же государственных экспертов из ФКУ ЛСЭ Минюста России, ссылаясь на их вариационность.

Ни судом первой, ни судом апелляционной инстанции не были приняты меры при наличии противоречивых выводов экспертов из двух государственных экспертных учреждений снять противоречия путем назначения повторной комплексной экспертизы в учреждение, где имеются соответствующие методики.

Таким образом, суды обеих инстанций при наличии противоречивых экспертных заключений выбрали одно из них, которое согласуется с обвинительной версией, а выводам других экспертных исследований даже не дали оценки в совокупности с другими доказательствами, просто формально указав на «непроцессуальный путь» получения стороной защиты таких заключений, тем самым нарушив правила оценки доказательств, предусмотренные ст. 87 и 88 УПК РФ.

Как видно из приведенного примера, суды по уголовным делам при наличии противоречивых экспертных заключений принимают выводы одной из них, а выводы второй не оцениваются по формальным основаниям, что очевидно нарушает право обвиняемого (подсудимого) и защитников на использование специальных знаний в уголовном процессе.

В гражданском процессе указанная проблема получила законодательное разрешение: назначение судебной экспертизы по правилам ст. 79 ГПК РФ непосредственно связано с исключительным правом суда определять достаточность доказательств, собранных по делу, если это необходимо для устранения противоречий в заключениях экспертов, и иным способом это сделать невозможно. Когда полученное заключение эксперта не дает в полном объеме ответов на поставленные вопросы либо оно является неопределенным, назначение дополнительной или повторной экспертизы необходимо. В соответствии с ч. 2 ст. 87 ГПК РФ, в связи с наличием противоречий в заключениях нескольких экспертов, суд может назначить по тем же вопросам повторную экспертизу, проведение которой поручает другому эксперту.

В определении от 13.12.2022 по делу № 19-КГ22-34-К5 [2] Верховный суд РФ указал, что уклонение суда от получения судебных доказательств свидетельствует о неисполнении обязанности по полному и всестороннему рассмотрению дела, результатом которого является вынесение решения, не отвечающего признакам законности и обоснованности. В указанном определении Верховный суд РФ прямо указал на недопустимость разрешения спора только на основании выводов одного из специалистов – должно быть назначено еще одно исследование, которое необходимо поручить специалисту, не связанному с первыми двумя исследованиями.

Полагаем, что такое же решение проблемы с оценкой двух экспертиз с противоположными выводами должно быть закреплено и в уголовно-процессуальном законе.

В судебной практике неоднократно указывалось на то, что суд должен оценить каждое из доказательств в соответствии с правилами, изложенными в ст.ст. 87 и 88 УПК РФ, путем сопоставления их с другими доказательствами,

имеющимися в уголовном деле, и, в случае необходимости, назначить по уголовному делу проведение дополнительной или повторной экспертизы [1]. Данные выводы правоприменителей нуждаются в законодательном закреплении.

Также в уголовно-процессуальном законе необходимо определить и закрепить критерии, по которым необходимо оценивать заключение эксперта при вынесении приговора.

Список использованных источников:

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.07.2022 № 10-15669\22 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>

2. Определение Верховного суда РФ от 13.12.2022 по делу № 19-КГ22-34-К5 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. от 29.06.2021) // РГ. 30.12.2010. № 296.

УДК 347.73

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСОВОГО ПРАВА РОССИИ

© О.Г. Иванова

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В Российском праве судебная практика официально не является источником права, о ней не упоминается, например, в ст. 1 Налогового Кодекса РФ или ст. 2 Бюджетного Кодекса РФ, однако, все ли нормы финансового права содержатся лишь в Конституции, Федеральных законах и иных нормативно-правовых актах, которые все мы классически считаем источниками финансового права?

Отличительная особенность отрасли финансового права состоит в многообразии нормативно-правовых актов, регулирующих эту сферу общественных отношений, причём, в этой системе нормативно-правовых актов

представлены все виды актов по юридической силе, несколько кодифицированных актов, а также множество подзаконных актов различных министерств и ведомств. Таким образом, в сфере финансов существует множество норм, которые регулируют различные институты финансового права, но при этом указанные отдельные финансово-правовые нормы взаимосвязаны и образуют единую сложную систему отрасли. При таком многообразии норм и актов достаточно сложно реализовывать волю законодателя и поддерживать единство судебной практики, но при этом система регулирования должна оставаться эффективной и решать все встающие в практике вопросы.

Из всех указанных предпосылок и возникает вопрос о правотворческой роли актов правосудия, о месте судебной практики в системе источников финансового права.

В контексте настоящей статьи к судебной практике мы относим: Постановления и Определения Конституционного суда РФ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, Обзоры практики Верховного Суда РФ, а также решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции по отдельным делам.

Все указанные акты обеспечивают правильное и единообразное применение законов судами РФ; способствуют устранению пробелов в законодательстве, содержат толкование закона, способствуют формированию единообразной практики, а значит, в конечном итоге, направлены на защиту прав и интересов человека, общества и государства в целом.

Рассматривая Постановления Пленума Верховного Суда РФ нельзя не отметить, что по своим признакам они несколько похожи на нормативно-правовые акты, в частности, они подлежат обязательному опубликованию, рассчитаны на многократное применение, адресованы неограниченному кругу лиц и обязательны при принятии судебного решения по делу.

Более того, в Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ, Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – ГПК, АПК и КАС соответственно) есть нормы об обязательности актов Пленума или Президиума Верховного Суда РФ.

Так, п. п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ предусмотрено, что в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики, на постановления Президиума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ.

Согласно п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ судебные постановления подлежат отмене или изменению, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда РФ установит, что соответствующее обжалуемое судебное постановление нарушает единообразие в толковании и применении норм права. При этом под нарушением судебным постановлением единообразия в толковании и применении норм права понимается содержащееся в судебном постановлении такое толкование и применение правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также в постановлении Президиума Верховного Суда РФ.

В п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ указано, что Судебные постановления, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по вновь открывшимся или новым обстоятельствам и к новым обстоятельствам относятся, среди прочего, определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ или постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы, если в таком постановлении содержится указание на то, что сформулированная в нем правовая позиция имеет обратную силу применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами.

Аналогичная норма содержится в п. 5 ч. 1 ст. 350 КАС РФ. Также в силу ст. 310 КАС РФ основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке считаются нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права, а одним из видов неправильного применения норм материального права являются неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ.

Таким образом, как мы видим, сам законодатель предусматривает, что правовые позиции из актов высших судов должны учитываться правоприменителем в обязательном порядке. А.В. Корнев даже называет разъяснения высших судов по вопросам судебной практики формой судебного правотворчества в России. [9]

В этой связи интересной видится позиция Н. В. Самсонова, который писал, что «Постановления ПВС... представляют собой принятые высшей судебной инстанцией на основании предоставленных ей Конституцией и законами полномочий и основанные на высшем (в иерархическом понимании) уровне обобщения и анализа судебной практики разъяснения высшего судебного органа, имеющие руководящий, обязательный для всех судов общей юрисдикции и всех иных участников гражданских процессуальных правоотношений характер. Постановления ПВС — акты официального

толкования права, которыми ПВС ... создает новые правила поведения для неопределенного круга лиц.» [10]

Руководящие разъяснения содержатся и в обзорах судебной практики Верховного суда РФ, в которых анализируются и обобщаются правовые позиции по различным категориям дел. Использование этих наработок также позволяет обеспечить единообразие судебной практики, уточняет верное понимание и применение норм материального и процессуального права. Такие Обзоры представляют собой дополнительный инструмент правового регулирования, который служит для конкретизации и развития законодательных норм. Обзоры практики Верховного суда не создают новых норм права, а скорее обобщают и систематизируют уже существующие правовые положения, однако, они могут оказывать значительное влияние на формирование правоприменительной практики и иметь определённое нормативное значение, поскольку зачастую содержат указания на толкование норм права, подходы к разрешению правовых споров и тенденции в судебной практике.

Сам Верховный Суд однозначно выразил свою позицию по рассматриваемому вопросу в 2020 году в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции». В частности, там указано, что проверяя правильность применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права, суд апелляционной / кассационной инстанции должен установить, соответствуют ли выводы судов практике применения правовых норм, определенной Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и сохранившими силу постановлениями Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики, постановлениями Президиума Верховного Суда РФ и сохранившими силу постановлениями Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, а также содержащейся в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ.

В самих Обзорах также определены цели его подготовки. Например, в Обзоре судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017) сказано: «настоящий Обзор подготовлен в целях обеспечения эффективной реализации функций судебной защиты нарушенных прав и законных интересов

потребителей финансовых услуг, правильного и единообразного применения законов при рассмотрении дел соответствующей категории.»

Таким образом, хотя обзоры практики Верховного суда и не являются источниками права в строгом смысле этого термина, они играют важную роль в формировании правоприменительной практики и могут оказывать значительное влияние на толкование и применение норм права судами нижестоящих инстанций.

Третьим рассматриваемым элементом являются решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции по отдельным делам. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды всех уровней занимаются рассмотрением и разрешением разнообразных споров в сфере финансовых правоотношений. Решения судов позволяют выявить пробелы и недостатки в финансовом законодательстве, а также конкретизировать нормы закона через их толкование и оценку конкретных практических ситуаций, однако, источником права признавать любое решение суда нецелесообразно и даже вредно. Принципиальное значение здесь будет иметь инстанция и уровень суда, вынесшего решение по делу. Руководящей функцией должны обладать только решения судов наиболее высокого уровня, например, Арбитражных судов округов. По сути, на практике давно уже Арбитражные суды субъектов, являясь судами первой инстанции, уже принимают от сторон прилагаемые к их отзывам и возражениям решения вышестоящих судов по аналогичным делам – что это, если не прямая ссылка сторон на прецедент, показывающий верное разрешение спора?

А.Ф. Кириллова писала, что «судебный прецедент является дополнительным (вторичным или производным) источником по отношению к закону. Он подчинен закону, конкретизирует букву закона, наполняя ее реальным содержанием, и, в конечном счете, является необходимым условием реализации воли самого законодателя» [4, с. 39].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы: Постановления и Определения Конституционного суда РФ, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ де-факто являются источниками финансового права и обязательны к применению при рассмотрении любого судебного спора. Обзоры практики Верховного Суда РФ, решения коллегий Верховного Суда РФ, а также решения апелляционных и кассационных инстанций арбитражных судов и судов общей юрисдикции по отдельным делам представляют собой дополнительный источник права, который дополняет и уточняет закон, придавая ему практическое воплощение. Такая судебная практика имеет большое значение для финансового права, поскольку

способствует развитию и совершенствованию правовых норм, устранению пробелов и коллизий между множеством источников финансового права, защите прав и интересов участников финансовых отношений, а также укреплению правовой определённости в финансовой сфере.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

4. Кириллова, А.Ф. Место судебного прецедента в системе источников финансового права // Финансовое право. 2012. № 11.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 (ред. от 28.03.2018) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

6. Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

9. Корнев, А.В. Разъяснения высших судов по вопросам судебной практики как форма судебного правотворчества в России : 12.00.01 : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Корнев Александр Владимирович; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — Москва, 2016.

10. Самсонов, Н.В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2.

11. Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2023.

УДК 342.5

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

© В.П. Каргаполова-Рупп

Сибирский федеральный университет

В последние годы значительное развитие получила технология Искусственного интеллекта (далее-ИИ), нашедшее применение во всех сферах жизни общества. Применение ИИ в юрисдикционной деятельности государства открывает новые горизонты для повышения эффективности анализа данных, принятия решений и снижения нагрузки на государственные органы. Главной особенностью систем, использующих ИИ, является скорость обработки значительных объемов данных, а также выявление неочевидных закономерностей. Подобные полезные качества подталкивают государства к созданию и развитию ИИ, используемых при осуществлении юрисдикционной деятельности государственных органов.

Так например, по данным Департамента труда и социальной защиты населения (DWP) Великобритании, внедрение систем ИИ по выявлению мошенников при получении пособий и социальных кредитов позволило раскрыть множество финансовых преступлений, а также сэкономить значительную часть бюджета, отведенного на социальную сферу, что в перспективе позволит провести масштабную реформу социального обеспечения [7].

Также интерес представляет и опыт использования ИИ органами КНР, где внедрены не только системы поддержки принятия решений при отправлении правосудия, но также запущена «Система социального рейтинга», позволяющая предоставлять социальные льготы гражданам, в зависимости от их модели поведения [4].

В современной России, успешно применяется ИИ, обеспечивающий распознавание данных при фиксации административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, в порядке предусмотренном КоАП РФ, а так же специальными законами.

Однако, использование ИИ ставит перед обществом ряд этических, правовых и социальных вопросов, связанных с прозрачностью алгоритмов, защитой прав граждан и обеспечением справедливости. Также одним из факторов риска при применении ИИ является невозможность проследить за логикой принятия отдельного решения.

Стоит отметить, что при рассмотрении вопроса правового регулирования ИИ применяется классификация, основанная на оценке уровня риска их применения [1, с. 423-427]. Так выделяют следующие категории [5]:

1) системы искусственного интеллекта с неприемлемо высоким уровнем риска.

К этой категории отнесены: ИИ, применимые для военных целей, системы социального рейтинга, системы управление поведенческими моделями;

2) системы искусственного интеллекта с высоким уровнем риска.

К этой категории отнесены: ИИ, применимые в критических отраслях, в том числе связанные с обеспечением деятельности предприятий, а также системы медицинского вмешательства, имеющие высокую степень автономии (пр.: роботы-ассистенты, роботы-хирурги);

3) системы искусственного интеллекта с ограниченным риском.

К этой категории отнесены: системы имитирования вербального общения и решения мелких бытовых задач: чат-боты, виртуальные помощники, умные дома.;

4) системы искусственного интеллекта с минимальным риском.

К этой категории отнесены, например: видеоигры, спам-фильтры.

Как видно из приведенных выше классификаций, явление ИИ является неоднородной. ИИ, хотя и появился сравнительно недавно, в мировой практике уже поднимается вопрос о запрещении или значительном ограничении ИИ. При этом множество сформированных запретов оказываются связанными с деятельностью правоохранительных органов.

Для примера предлагаем рассмотреть дела, связанные с технологией машинного зрения. Так, Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ) обращает внимание на то, что технология распознавания изображений (в том числе лиц) нуждается в законодательных ограничениях. Поскольку помимо рисков нелегального ускользания данных систем ИИ и злоупотреблений со стороны правоохранительных органов, в части задержания ряда граждан без явных на то оснований, выяснилось, что инструменты систем распознавания лиц могут быть использованы для слежки за мигрантами, религиозными или иными социальными группами [9, с. 825-844].

Для уменьшения этих рисков были определены минимальные требования, необходимые для признания применения систем дистанционного контроля за гражданами, в том числе с применением систем ИИ, законным [2]: в законе определен характер преступления; наблюдение производится после получения соответствующего ордера; определены категории лиц, за которыми возможно установить наблюдение; определено время перехвата информации; определен порядок рассмотрения, использования, учета и хранения полученных данных; определены случаи предоставления результатов наблюдения, и обстоятельства, при которых перехваченные данные могут или должны быть удалены или уничтожены.

Кроме того, в деле Романа Захарова против России (*Roman Zakharov v. Russia*) ЕСПЧ указывает на то, что данные требования не должны нарушаться и при осуществлении деятельности, направленной на защиту национальной безопасности [3].

Также в литературе отмечается, что важно не допустить использования данных, распознанных системами ИИ, в качестве единственного доказательства правовой позиции, доказывающей виновность или невиновность лиц [8, с. 235-238].

Вопрос о соотношении правовых рисков данных систем и их эффективности остается открытым. Однако, прослеживается тенденция к усилению контроля за технологиями распознавания.

Интересным оказывается и то, что описанные выше системы используются не только в целях сохранения общественной безопасности, но и для сохранения жизни и здоровья отдельно взятого индивида. Так, существуют системы распознавания, ориентированные на предотвращение самоубийств, на основе поведения субъекта в общественном пространстве [6, с. 257]. Подобная система не только непрерывно оценивает данные с камер, но и способна оформлять вызов медикам и правоохранительным органам. Однако, вопрос о соответствии данных систем критериям, сформированным ЕСПЧ, не поднимается, поскольку

их общественная польза является неоспоримой. Предполагаем, что такое положение, указывает на необходимость разработки более совершенного механизма, определяющего допустимые случаи использования ИИ.

Исходя из указанного примера, можно сделать вывод, что при применении и создания искусственного интеллекта большое значение приобретает то, какие правилами и критериями должны руководствоваться разработчики и пользователи данной технологии. Возникает потребность в рассмотрении вопроса о возможности сохранения принципов справедливости, беспристрастности, и объяснимости принимаемых решений. Также интерес вызывает потенциальная возможность полного контроля за соблюдением норм этики в условиях развития технологий.

Также хочется отметить, что внедрение ИИ в деятельность государственных органов стало устойчивой тенденцией в мировой практике. Однако их использование, заставляет задуматься о необходимости создания правовых механизмов, позволяющих гражданам получать информацию об основных характеристиках ИИ применяемого государственным органом. Кроме того, для реализации общественного и государственного контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц, представляется необходимым раскрытие информации о принципах принятия решения системой ИИ.

Список использованных источников:

1. Ерахтина О.С., Редькина А.И., Подходы к регулированию отношений в сфере разработки и применения технологий искусственного интеллекта: особенности и практическая применимость // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(2). С. 421–437.

2. Обзор решений ЕСПЧ за сентябрь 2018 года // URL: <https://european-court-help.ru/obzor-reshenii-espch-za-sentiabr-2018-goda/> (дата обращения 10.09.2024).

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.10.2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206241/ (дата обращения 10.09.2024).

4. Рувинский Р.З., Комарова Т.Д. Система социального кредита в Китайской Народной Республике: нормативно-правовые основания и принципы функционирования // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4.С. 18-53.

5. Садовников Д., Обзор проекта регламента Европейского союза «О европейском подходе для искусственного интеллекта» // *Zakon.ru*. – URL: <https://zakon.ru/blog/2021/10/27/> (дата обращения 10.09.2024).

6. Тополь Э., Искусственный интеллект в медицине: Как умные технологии меняют подход к лечению. Москва: Альпина Пабlishер, 2022. – 476 с.

7. DWP updates Fraud Plan // www.gov.uk. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/dwp-updates-fraud-plan> (дата обращения 10.09.2024).

8. Gates K.A., Wanted Dead or Digitized: Facial Recognition Technology and Privacy // *Television & New Media*. 2002. № 3 (2). С. 235-238.

9. Utegen D., Rakhmetov B.Zh., Facial Recognition Technology and Ensuring Security of Biometric Data: Comparative Analysis of Legal Regulation Models // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 1 (3). С. 825-844.

УДК 327

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС - ОДИН ПУТЬ» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© **Е.В. Карпенко**

*Лаборатория исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии Красноярского научного центра Сибирского отделения РАН,
Сибирский федеральный университет*

В условиях современной международной обстановки происходят серьезные изменения в расстановке сил на региональном уровне. С военно-стратегической точки зрения весьма большой интерес в данном контексте представляет регион Центральной Азии. Ряд геополитических особенностей региона в совокупности с расположением рядом политически непредсказуемых государств Афганистана, Ирана, Пакистана выводят центральноазиатский регион в качестве важнейшей составляющей глобальной и региональной политики России и Китая. РФ и КНР имеют общие границы с центральноазиатскими государствами, их взаимодействие в различных сферах и общность исторического прошлого с Центральной Азией представляют регион как одно из пространств политических, экономических и социально-культурных отношений.

Кроме того, изменение роли России или Китая в Центральной Азии вызывает ряд процессов глобального и регионального характера.

В настоящее время вопросы региональной безопасности актуализируют проблемы взаимоотношений государств, как двустороннего, так и многостороннего характера. В Центральной Азии существует ряд внешних и внутренних угроз региональной и национальной безопасности. Среди наиболее известных и распространенных в большинстве центральноазиатских стран следует признать контрабандную торговлю, наркотрафик, экстремизм, нелегальную миграцию, невысокий уровень социально-экономического развития и бедственное положение населения части региона. Соседство с «проблемными» исламскими государствами (Афганистан, Пакистан, Иран) создают дополнительную угрозу региональной безопасности. Так как центральноазиатский регион располагается на пересечении торгово-экономических путей, имеет богатые запасы полезных ископаемых, состояние региональной безопасности и в целом развитие региона зависит от выстраивания гармоничных отношений не только с сильными соседями (Россия и Китай), но и с другими мировыми державами. Особенного внимания заслуживает вопрос о развитии экономического пространства региона в контексте региональной безопасности. Одно из преимуществ центральноазиатского региона - богатые запасы сырья (нефть, газ, уран, золото, драгоценные и редкоземельные металлы; вода). Одновременно с этим существует проблема развития инфраструктуры региона для выхода на мировой рынок.

Данный доклад связан с реализацией китайской инициативы «Один пояс - один путь» (далее - ОПОП) в контексте региональной безопасности в Центральной Азии. Как известно, инициатива носит преимущественно экономический характер. Однако масштабная деятельность Китая в рамках инициативы, безусловно, оказывает влияние на сферу региональной безопасности, создавая новые факторы, влияющие на ситуацию в регионе.

В рамках инициативы ОПОП для стран-участниц из Центральной Азии были предложены проекты по сотрудничеству в области энерго- и гидроресурсов, транспорта, сельском хозяйстве и торговле. Особенное внимание КНР уделяет инвестиционным проектам. Инициатива ОПОП для Китая - это доступ к дешевым энергетическим ресурсам и получение поддержки со стороны центральноазиатских государств в политических и экономических инициативах. Успех инициативы ОПОП создает новые условия для расстановки сил в регионе. Интерес КНР в регионе связан и с более далеко идущими планами: создание международных экономических коридоров является отражением

инфраструктурных интересов Китая. Кроме того, особенное внимание Китая к региону Центральной Азии обусловлено и геостратегическим положением Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Китайское правительство нацелено на развитие СУАР, в том числе и через интеграцию с соседями - центральноазиатскими государствами. Благополучное социально-экономическое развитие СУАР - важный фактор китайской национальной безопасности. Создание вокруг СУАР и Центральной Азии постоянной зоны стабильности является фактором, противодействующим расширению влияния США в регионе, для которых именно нестабильность в СУАР и некоторых районах ЦА является предпочтительнее. Таким образом, реализация инициативы ОПОП является важным фактором влияния на состояние региональной безопасности в Центральной Азии.

В начальный период реализации инициативы ОПОП китайское правительство характеризовало обстановку в мире как период «стратегических возможностей» и в целом благоприятной внешней среды [1]. За десятилетие реализации инициативы ОПОП произошли значительные изменения в глобальной политике, оказавшие влияние на результаты деятельности Китая в центральноазиатском регионе. С одной стороны, КНР активно демонстрирует успех инициативы ОПОП, с другой - уже выделяются некоторые тенденции, позволяющие всесторонне оценить последствия китайского присутствия в регионе. К масштабным проектам инициативы ОПОП в регионе можно отнести создание международных экономических коридоров: Новый Евразийский континентальный мост (соединяет Роттердам с Ляньюньган в провинции Цзянсу), экономический коридор Китай - Монголия - Россия, экономический коридор через Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Иран и Турцию.

Первые результаты китайской инициативы уже можно оценить. Несмотря на широкомасштабные инфраструктурные проекты, события последних лет (обострение отношений КНР и США, украинский кризис, введение санкций по отношению к России и Китаю, конфликт на Ближнем Востоке, ухудшение ситуации в Тайваньском проливе) значительно изменили предполагаемые результаты региональной политики Китая. Реализация инициативы ОПОП обратила на себя внимание западных держав, опасющихся усиления Китая в Центральной Азии. С другой стороны, складывается перспектива ухудшения отношений Китая с центральноазиатскими странами в результате реализации широкомасштабных экономических проектов.

Во-первых, центральноазиатские государства обеспокоены внешнеполитическими установками китайского правительства. Обращает на

себя внимание концепция «стратегических границ и жизненного пространства». Сама концепция не принята на официальном, правовом уровне, однако она относится к исторически традиционным принципам ведения политики Китая в отношении соседей. Стратегические границы обозначаются пределами, в рамках которых государству необходимо защищать свои интересы. Стратегические границы жизненного пространства естественно расширяются с ростом и развитием мощи страны. История имперского Китая содержит немало примеров расширения стратегических границ жизненного пространства, включения их в состав государства в качестве новых территорий. Центральная Азия непосредственно включена в эти пределы. Само появление инициативы ОПОП является свидетельством реализации концепции как составляющей внешнеполитической доктрины. В настоящее время ряд исследователей из стран Центральной Азии видят серьезную угрозу безопасности в китайской концепции. Казахский исследователь Масабаев К.И. характеризует концепцию «стратегических границ и жизненного пространства» как наступательную, являющуюся «обоснованием для подготовки и осуществления экспансии и агрессии соседних стран» [2, с. 99].

Во-вторых, реализация инициативы ОПОП ведет к росту экономической зависимости центральноазиатских стран от китайского экспорта и инвестиций. В результате реализации инфраструктурных проектов центральноазиатские экономики оказываются привязаны к импорту из КНР. Китайская сторона привлекает к строительству объектов китайских рабочих, использует свои материалы и технологии. Вследствие этого возникает обратная ожиданиям центральноазиатских стран ситуация: расчет на модернизацию собственной промышленности, увеличение производственных мощностей не оправдывается. Растет торговый дисбаланс. В настоящее время Таджикистан и Кыргызстан уже столкнулись с проблемами погашения кредитов. На январь 2020 г. почти половина внешнего долга Кыргызстана составляла долг перед Китаем (1,8 млрд долл. Из 3,9 млрд долл.), основная часть долга Таджикистана приходится на Китай: 1,21 млрд долл из 1,87 млрд долл. [3, с. 308]. В настоящее время задолженность Кыргызстана перед КНР составляет более 45% ВВП. В 2022 г. в заявлении президента Кыргызстана прозвучали опасения, что в случае объявления дефолта Экспортно-импортный банк Китая может получить контроль над ключевыми активами Бишкекской центральной тепловой станции и автомагистрали Север - Юг [4, с. 147]. Это может привести к росту напряженности между КНР и странами центральноазиатского региона.

В-третьих, в процессе реализации китайской инициативы ОПОП существует перспектива разобщения центральноазиатских стран. Китаем созданы условия

для роста конкуренции между странами региона за увеличение товарооборота с Китаем, кредиты и возможность интеграции в перспективное экономическое пространство. Инициатива ОПОП проходит под эгидой совместного формирования «человеческого сообщества единой судьбы». При этом она выступает в качестве своеобразной альтернативы региональной интеграции. Помимо того, что для успешной и глубокой интеграции в регионе существует ряд препятствующих факторов (низкая экономическая плотность территории региона, социокультурные особенности, сложная политическая ситуация в некоторых странах), присутствие Китая в регионе обостряет существующие проблемы и противоречия. Кроме того, основным форматом взаимодействия в рамках инициативы ОПОП является двустороннее сотрудничество «Китай+», которое не располагает к обеспечению защиты интересов других участников.

Наконец, нельзя игнорировать конфликтогенный фактор этносоциальной памяти. Известно, что общественность ряда центральноазиатских государств рассматривает Китай как агрессивное государство, опасается экспансии с его стороны и финансовой зависимости.

Итогом десятилетней инициативы ОПОП стал традиционный Третий форум инициативы ОПОП в 2023 г. Несмотря на то, что в форуме приняли участие представители 151 страны, представительство на высшем уровне было небольшим. Из стран центральноазиатского региона постоянными участниками являются Россия, Казахстан и Монголия. Представители Кыргызстана и Таджикистана на форум не прибыли. На фоне сокращения инвестиций в рамках инициативы ОПОП и изменения международной обстановки уже определилось снижение активности Китая на центральноазиатском направлении. Что касается роли России на фоне активного присутствия КНР в центральноазиатском регионе, то в настоящее время российское правительство демонстрирует покровительство и стремление к интеграции, являясь в некотором смысле гарантом равноправного диалога между центральноазиатскими странами и Китаем. Перспектива обострения отношений Китая с центральноазиатскими странами существует, во многом дальнейшее развитие событий в регионе в сфере региональной безопасности зависит от пересмотра китайской концепции.

Список использованных источников:

1. Виноградов А.О., Данилюк С.А. Эволюция инициативы «Пояс и путь» (2021-2023 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Вып. 29. С. 136-154.

2. Лексютина Я.В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Вып. 25. С. 305-320.

3. Масабаев К.И. Внешнеполитические концепции Китая относительно «стратегических границ» и «жизненного пространства»: внешнеполитические риски для Центральной Азии // Адам элемі. 2022. № 3 (93). С. 87-101.

4. Военная доктрина Китая [中国的军事战略]. Чжунго дэ цзюньши чжанлюй. 2015. [Электронный ресурс: <https://china.huanqiu.com/article/9CaKrnJLowf>], (на китайском языке).

УДК 343.3/7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ И ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ

© Н.В. Качина, © А.С. Мирончик

Сибирский федеральный университет

Проблемы института соучастия всегда остаются предметом «жарких» дискуссий среди криминалистов. Одной из таких проблем является совершение преступлений группой лиц и группой лиц по предварительному сговору. Этот вопрос актуален и в отношении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности.

В настоящее время практически общепризнанной следует признать точку зрения, в соответствии с которой в состав группы лиц обязательно должны входить хотя бы два соисполнителя.

Понятие соисполнителя преступления отражено в ч. 2 ст. 33 УК РФ. Им является лицо, непосредственно участвовавшее в совершении преступления совместно с другими лицами (соисполнителями).

Определяющее значение для признания лица соисполнителем имеет то, принимал он или нет участие в совершении преступления посредством полного или частичного выполнения действий, составляющих объективную сторону состава преступления.

В этой связи представляет интерес проблема установления пределов соисполнительских действий при насильственных половых преступлениях, совершенных группой лиц и группой лиц по предварительному сговору.

Объективная сторона изнасилования (насильственных действий сексуального характера) имеет сложный характер, заключающийся в совершении полового сношения (мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера) с применением физического насилия, угрозы его применения к потерпевшему или другим лицам, а также с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица. Поэтому лица, выполняющие эти действия, признаются соисполнителями.

Совершение этими лицам насильственного полового преступления вызывает сложности в квалификации при множественности потерпевших. И здесь возможны две ситуации: первая – это когда соисполнители совместно применяют насилие к двум или более потерпевшим или угрожают им с целью сломить их сопротивление, а затем каждый из них совершает действия сексуального характера со «своей» жертвой. И вторая ситуация – это когда впоследствии совместных насильственных действий виновные поочередно совершают указанные действия с каждым из потерпевших, при этом меняя жертв. Полагаем, что разницы в оценке действий виновных в этих ситуациях нет, так как они совместно выполняли объективную сторону преступления и соответственно имеет место совершение преступления группой лиц. Вместе с тем возникает вопрос: будет ли здесь совокупность преступлений или единое продолжаемое преступление.

Понятие продолжаемого преступления разъясняет высшая судебная инстанция: это преступление, состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом [12].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» уточняется понятие продолжаемого преступления относительно данных преступных деяний: если виновным было совершено в любой последовательности изнасилование и насильственные действия сексуального характера в отношении одной и той же потерпевшей, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 131 и 132 УК РФ, независимо от того, был ли разрыв во времени между изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера [11].

Как видно, Верховный Суд РФ в качестве обязательного признака продолжаемого преступления, помимо названных выше, указывает и одного потерпевшего, в отношении которого совершаются насильственные действия сексуального характера. Учитывая такой подход, можно констатировать, что и

при групповом совершении этих преступлений совокупность будет в том случае, когда есть несколько потерпевших.

В уголовно-правовой литературе такой подход авторами справедливо поддерживается [2, с. 21; 19, с. 107]. Как правило, исследователи обосновывают свое мнение особенностями объекта посягательства - наличием двух или более потерпевших, а также отсутствием в ст. ст. 131, 132 УК РФ квалифицирующего признака «в отношении двух или более лиц». Н.В. Тыдыкова, говоря о необходимости квалификации подобных ситуаций по совокупности преступлений, в частности отмечает, что умыслом каждого из виновных охватывалось посягательство на половую свободу или половую неприкосновенность каждой из потерпевших, а не нарушение половой свободы или половой неприкосновенности вообще как абстрактной категории [19, с. 107].

Такой подход следует признать обоснованным, в том числе, и с точки зрения согласованности уголовно-правовых норм, расположенных в главе 18 УК РФ. Так, в ст. ст. 134 и 135 УК РФ, в отличие от ст. ст. 131 и 132 УК РФ, в качестве отягчающего обстоятельства названо совершение этих преступлений в отношении двух или более лиц. А поскольку в ст. ст. 131, 132 УК РФ отсутствует квалифицирующий признак «в отношении двух или более лиц», то и совершение насильственных половых преступлений в отношении двух или более потерпевших всегда образует совокупность преступлений.

Кроме того, если в действиях виновных усматриваются квалифицирующие признаки, предусмотренные в ст. ст. 131 и 132 УК РФ, в том числе характеризующие признаки потерпевшего, то они могут вменяться только в отношении конкретного потерпевшего, а не в целом в отношении всех преступлений, входящих в совокупность, совершенных группой лиц. Соответственно неверной будет квалификация, когда при изнасиловании двух или более потерпевших участникам группы вменяется один состав преступления с квалифицирующими признаками, касающимися разных потерпевших.

Неоднозначно специалистами в области уголовного права решается вопрос об оценке совершения насильственных половых преступлений группой лиц, когда один из участников группы совершает с потерпевшей естественный гетеросексуальный половой акт, а второй с этой же потерпевшей совершает действия сексуального характера, предусмотренные ст. 132 УК РФ, при этом они совместно применяют насилие или осуществляют угрозу применения насилия с целью сломить ее сопротивление.

Некоторые исследователи считают, что поскольку оба состава преступления (ст.ст. 131, 132 УК РФ) предусматривают одинаковые способ действия и

квалифицирующие обстоятельства, отличаясь лишь формой удовлетворения половой потребности, то при единстве умысла на оба преступления квалифицировать содеянное первым участником группы представляется правильным по ст. 131 с вменением признака «группой лиц», а вторым — по п. ст. 132 УК РФ также с вменением данного признака [1, с. 22].

Такой подход представляется не совсем обоснованным, так как каждый из соисполнителей в этой ситуации выполняет часть объективной стороны как преступления, предусмотренного ст. 131, так и ст. 132 УК РФ, то есть применяет насилие или осуществляет угрозу с целью сломить сопротивление потерпевшей для совершения с ней половых актов в разных формах. Соответственно обоим соисполнителям вменяется два состава преступления с признаком, «совершенное группой лиц». В судебной практике также встречается указанная квалификация.

Так, приговором одного из районных судов Ульяновской области А.Р.М. и А.А.В. были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 131 ч. 2 п. «а, б» и 132 ч.2 п. «а, б» УК РФ.

Исходя из обстоятельств дела, А.Р.М. совместно с А.А.В., желая вступить в половую связь с Б.Н.М., зашли к ней в комнату и с целью реализации возникшего преступного умысла, действуя совместно и согласованно, совершили в ее отношении изнасилование и насильственные действия сексуального характера. При этом непосредственно насильственное половое сношение совершал только А.Р.М., а иные насильственные действия сексуального характера (анальный половой акт) совершал А.А.В. Однако каждый из виновных в момент, когда другой совершал с жертвой сексуальные действия, действуя с ним совместно и согласованно, применял насилие к Б.Н.М., А.Р.М. также высказывал угрозу убийством, которую потрепавшая воспринимала реально [14].

Еще одной проблемой, часто обсуждаемой в теории, является вопрос о конечном моменте возможного присоединения одного исполнителя к другому, начавшему выполнять действия, входящие в объективную сторону насильственного полового посягательства, при совершении его группой лиц без предварительного сговора. По общему правилу, при совершении преступления группой лиц без предварительного сговора присоединиться второй соисполнитель может до момента юридического окончания преступления.

Так, Р.Р. Галиакбаров пишет, что при группе лиц без предварительного сговора к исполнителю могут присоединиться другие исполнители до юридического завершения посягательства [4, с. 40].

Стоит обратить внимание на то, что юридическим моментом окончания насильственных половых посягательств является момент начала совершения

этих действий, независимо от их физиологического завершения. Соответственно присоединиться второй соисполнитель может до этого момента. Например, один соисполнитель начал совершать естественное половое сношение, а второй присоединился к совершению насильственного полового посягательства путем совершения орального полового акта. Действия этих лиц следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 131 и п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ по признаку «группой лиц». Однако в силу специфики этих преступлений, в группе лиц без предварительного сговора второй исполнитель может присоединиться к первому не только до момента юридического окончания, но и до фактического окончания этих преступлений, когда они впоследствии продолжили совместными действиями совершение полового посягательства. Например, один исполнитель совершил естественное половое сношение (юридически оно окончено, а фактически оно еще продолжается), а второй присоединился и совершил тоже естественный половой акт, но при этом имела совместность их действий (например, первый помогал удерживать жертву).

Как справедливо отмечает Т.В. Кондрашева, в описанной ситуации вновь примкнувший субъект может нести ответственность лишь за те эпизоды, в которых он участвовал [7, с. 313]. Соответственно в приведенном нами примере первый соисполнитель будет нести ответственность по совокупности статей 131 УК РФ по двум эпизодам, при этом по второму эпизоду вменению подлежит пункт «а» ч. 2 указанной статьи по признаку группы лиц без предварительного сговора, в второй будет нести ответственность только за второй эпизод с предложенной квалификацией. Если же второй соисполнитель не совершил с момента его вступления ни одного полового акта по независящим от него обстоятельствам, то его действия следует квалифицировать как покушение на групповое изнасилование. Но при этом он должен частично, совместно с первым, реализовать объективную сторону изнасилования путем применения насилия или его угроз при наличии субъективной связи соисполнителей.

При отсутствии совместности действий соисполнителей признак, предусмотренный п. «а» ч. 2 статей 131 или 132 УК, вменению не подлежит.

Так, в обзоре Пермского краевого суда отражена позиция, в соответствии с которой был исключен квалифицирующий признак изнасилования "группой лиц", поскольку, как пояснил суд, группового изнасилования не будет, поскольку соисполнители совершили поочередно изнасилование, при этом какого-либо содействия друг другу не оказывали, а нахождение одного лица в непосредственной близости от места совершения преступления другим лицом не может расцениваться как соучастие в преступлении [8].

Еще одной проблемой квалификации насильственных половых преступлений является оценка действий субъекта, совершающего эти преступления, совместно с лицом, не обладающим юридическими признаками субъекта преступления. Этот вопрос относится к числу остро дискуссионных как в теории уголовного права, так и в судебной практике.

Некоторые авторы отмечают, что для квалификации с вменением признака группы лиц необходимо, чтобы это преступление было совершено, как минимум, двумя лицами, обладающими всеми признаками субъекта преступления [5, с. 161].

Вместе с тем, ряд авторов предлагает в таких случаях насильственное половое посягательство единственного субъекта, квалифицировать как групповое, обосновывая это повышенной общественной опасностью такого преступления и осознанием жертвой того, что преступление в отношении нее совершается все же несколькими лицами [6, с. 118; 3, с. 33; 4, с. 40]. Р. Галиакбаров, в частности, отмечает: «Для жертвы изнасилования, когда оно, например, совершается пятью пациентами психиатрической больницы, впоследствии признанными невменяемыми, и санитаром, (субъектом) никогда не возникает вопрос, имеются ли здесь признаки соучастия. Она воспринимает себя как жертву именно группового посягательства [4, с. 40]. Другие авторы, придерживаясь данной точки зрения, указывают, что главное заключается в наличии факта содействия членов соответствующей группы друг другу в выполнении объективной стороны изнасилования и осознании этого обстоятельства надлежащим субъектом» [17, с. 47].

На этой же позиции долгое время стояла и судебная практика. Так, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 № 4 (ред. от 21.12.1993) «О судебной практике по делам об изнасиловании» было определено, что действия участников группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, либо в силу требований ст. 10 УК РСФСР, или по другим предусмотренным законом основаниям [9].

Принятые позднее утратившее силу постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 [10] и действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 [11] уже не содержат рекомендации квалифицировать изнасилование, совершенное совместно с лицами, не обладающими юридическими признаками субъекта преступления, как групповое.

Однако на практике судами время от времени принимаются решения, которыми половые посягательства, совершенные несколькими лицами, только

одно из которых является субъектом преступления, оцениваются как групповые. Так, например, действия П. были квалифицированы, в том числе, по п. «а» ч. 3 ст. 131 и п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ. Согласно обстоятельствам дела П. договорился с С., признанным впоследствии невменяемым в отношении инкриминируемого ему деяния, на совершение насильственного полового акта и насильственных действий сексуального характера в отношении ФИО1. Во исполнение данной договоренности П. совместно с С. под угрозой применения насилия, завел ФИО1 против воли в гаражный массив, где П. с целью подавления ее сопротивления и содействия С. нанес один удар кулаком по лицу ФИО1 и один удар рукой по спине, после чего С. совершил с ней насильственный половой акт. Затем П. и С. отвели ФИО1 в другую часть гаражного массива, где П. для подавления сопротивления ФИО1 нанес ей удар рукой по спине, от которого она упала на землю, С. вновь совершил насильственный половой акт, после чего ввел свой половой член в заднепроходное отверстие потерпевшей, а затем вновь совершил насильственный половой акт.

Как видно из обстоятельств дела, единственное лицо, обладающее всеми признаками субъекта преступления, само непосредственно не совершало насильственное половое сношение и насильственные действия сексуального характера с потерпевшей, а только содействовало «ненадлежащему соучастнику» в их совершении путем применения физического насилия к потерпевшей в целях преодоления ее сопротивления.

Суд, квалифицируя действия единственного субъекта, выполнившего только часть объективной стороны половых посягательств, отметил следующее: «групповым изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера признаются не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственный половой акт и насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшей независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости» [15].

И все же основанной на законе представляется позиция, согласно которой не будет соучастия в том случае, когда только одно лицо, совершающее изнасилование, обладает всеми признаками субъекта, в то время как другие участники преступления не подлежат уголовной ответственности вследствие недостижения установленного возраста или невменяемости [1, с. 23; 13, с. 528]. В этой связи стоит отметить, что в доктрине уголовного права отсутствие соучастия в этой ситуации обосновывается тем, что двусторонняя субъективная связь невозможна с невменяемым и малолетним. В сознательно-волевой сфере

таких лиц нет интеллектуального и волевого моментов совместного умысла на совершение преступления [18, с. 84]. И, принимая во внимание тот факт, что группа лиц, группа лиц по предварительному сговору рассматриваются законодателем в рамках института соучастия, можно прийти к выводу, что совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых подлежит уголовной ответственности, не образует квалифицированных видов изнасилования и насильственных действий сексуального характера, предусмотренных п. «а» ч.2 ст.131 и п. «а» ч.2 ст.132 УК РФ.

Ученые отмечают, что в качестве законного средства «компенсации» дефицита правового регулирования сопричинения вреда с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, остается применение при назначении наказания единственному субъекту преступления отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «д» ч.1 ст.63 УК РФ (привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность) [16, с. 371].

Список использованных источников:

1. Андреева Л.А. Квалификация изнасилований: учебное пособие / Л.А. Андреева, С.Д. Цэнгэл. – СПб.: РИО С.-Петерб.юрид. ин-та, 2004. – 68 с.
2. Безверхов А.О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 18-24.
3. Бохан А. Вопросы квалификации изнасилований (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) // Уголовное право. 2014. № 5. С. 32-35.
4. Галиакбаров Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 40-41.
5. Горбатова М.А. Особенности квалификации группового изнасилования // Проблемы права. 2016. № 1. С. 161-167.
6. Дыдо А.В. Изнасилование: проблемы уголовно-правовой квалификации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: / Дыдо Александр Васильевич - Владивосток, 2006. – 214 с.

7. Кондрашева Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. – 347 с.

8. Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за первое полугодие 2015 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 25.09.2024).

9. О судебной практике по делам об изнасиловании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 № 4 (ред. от 21.12.1993) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 25.09.2024).

10. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 (ред. от 14.06.2013) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

11. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

12. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 25.09.2024).

13. Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. 2. Преступления против личности / под ред. А. И. Коробеева. – СПб: Юрид. центр Пресс, 2008. – 680 с.

14. Приговор Новоспасского районного суда (Ульяновская область) № 1-8/2015 от 10.02.2015 по делу № 1-8/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

15. Приговор Самарского областного суда от 31.05.2011 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

16. Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. Ображиева К.В., Пикурова Н.И.-М.: М.: Проспект, 2018. – 464 с.

17. Святенюк Н. Ответственность за изнасилование, совершенное группой лиц, и соучастие в нем // Уголовное право. 2005. № 4. С. 45-48.

18. Тарбагаев А. Куренев Д. Квалификация убийства, совершенного с участием малолетнего или невменяемого // Уголовное право. 2011. № 2. С. 80-86.

19. Тыдыкова Н.В. Проблемы квалификации изнасилования, совершенного группой лиц и группой лиц по предварительномуговору // Уголовное право. 2018. № 2. С. 103-108.

20. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. - СПб.: Издательство профессора Малинина, 2007. – 564 с.

УДК 347.4

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОСНОВАНИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

© В.О. Киндеев

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)*

Согласно статистическому бюллетеню Федресурса по банкротству за 2023 год, количество поданных в рамках дел о банкротстве заявлений о признании сделок недействительными увеличилось с 11 010 в 2019 г. до 23 446 в 2023 г., при этом процент удовлетворенных заявлений также увеличился с 42% в 2019 г. до 44% в 2023 г. Указанная статистика свидетельствует о том, что количество сделок, совершаемых должниками с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов, увеличивается с каждым годом, ввиду чего становится всё более важным разрешение имеющихся коллизий, возникающих при рассмотрении судами заявлений о признании сделок недействительными.

Одна из наиболее актуальных проблем, возникающих при разрешении указанной категории споров как оспаривание сделок в делах о банкротстве – это разграничение оснований недействительности сделок. Так, в делах о банкротстве индивидуальных предпринимателей сделки оспариваются заявителями как по основаниям, предусмотренным ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве), так и по основаниям, предусмотренным Гражданским Кодексом РФ (далее – ГК РФ) и Семейным Кодексом РФ (далее – СК РФ).

В отечественном правопорядке действует известный еще римскому праву принцип *Jura novit curia*, который означает, что суд при рассмотрении дела не

связан правовой квалификацией заявителя, которая дана им в заявлении, и должен самостоятельно определить необходимую для применения норму права и вынести, руководствуясь ей, решение по делу. В связи с этим в решении указанной проблемы особая роль возлагается на суды, которые, разрешая конкретные споры, вырабатывают критерии, позволяющие разграничивать различные основания недействительности сделок, которые в последствии трансформируются в абстрактные правила и становятся базой для законодателя.

Далее представляется необходимым проанализировать, каким образом могут быть разграничены основания недействительности сделок, предусмотренные Законом о банкротстве, ГК РФ и СК РФ.

Определяя критерии разграничения оснований недействительности сделок, предусмотренных Законом о банкротстве и ГК РФ, стоит отметить следующее.

В первую очередь в указанном случае конкурируют два состава недействительности сделок – сделки, совершенные со злоупотреблением правом (ст. 10 и 168 ГК РФ), и сделки, совершенные с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

В настоящее время в правоприменительной практике на уровне высшей судебной инстанции закреплена позиция, что ст. 10 и 168 ГК РФ применяются исключительно в тех случаях, когда порок сделки выходит за пределы диспозиции п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Указанная позиция зачастую находит критическую оценку среди отечественных ученых. Ученными отмечается, что в действительности ст. 10 и 168 ГК РФ и п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве являются единым материальным составом: ст. 10 и 168 ГК РФ должны применяться при оспаривании сделок должника до введения в отношении должника процедур банкротства, а п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве – после.

Стоит согласиться с критической оценкой сформировавшейся в судебной практике позиции. Если применять сформировавшуюся в судебной практике позицию, что ст. 10 и 168 ГК РФ должны применяться лишь в том случае, когда нарушение выходит за рамки диспозиции п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, то получится, что до введения процедур банкротства фраздаторные сделки в принципе оспорены быть не могут. Кроме того, стоит отметить, что некоторые категории должников вообще не могут быть признаны несостоятельными (например, казенные предприятия, учреждения, политические партии и религиозные организации).

Д.О. Османова справедливо отмечает: «Концепция недобросовестного поведения в ее нормативном содержании (ст. 10 ГК РФ во взаимосвязи со ст. 168

ГК РФ) представляет собой более рациональное решение, предполагающее использование не только в рамках иных стадий процедуры банкротства, но и вне рамок несостоятельности» [2].

При этом применение ст. 10 и 168 ГК РФ при оспаривании сделок в рамках дела о банкротстве позволит преодолеть периоды подозрительности, установленные Законом о банкротстве. Кроме того, ст. 10 и 168 ГК РФ в действующей редакции предусматривают ничтожность сделки, а не ее оспоримость, ввиду чего зачастую используются заявителями при пропуске годичного срока исковой давности.

Представляется, что конкуренция указанных составов недействительности сделок могла быть устранена с помощью введения в отечественный правовой порядок единого основания недействительности сделок – сделки, совершенные с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. Указанный состав недействительности сделок применялся бы как до введения процедур банкротства, так и после. Применение указанного состава в ходе процедур банкротства имело бы лишь некоторые особенности с учетом необходимости обеспечения защиты интересов группы кредиторов.

Обращаясь к иностранному опыту, можно отметить, что в Германии оспаривание сделок должника допустимо как во внеконкурсном порядке, так и в конкурсном. Конкурсное оспаривание и внеконкурсное оспаривание являются лишь различными процессуальными формами кредиторского оспаривания: внеконкурсное оспаривание применяется до введения процедур банкротства, а конкурсное – после. При этом для внеконкурсного оспаривания также установлены периоды подозрительности, которые отсчитываются либо с даты предъявления иска о признании сделки недействительной, либо с даты направления уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании сделки недействительной.

Исходя из этого, до внесения изменений в действующее законодательство, кредиторы должны иметь возможность оспорить сделки, заключенные должником, по общегражданским основаниям до введения процедур банкротства, а после их введения для защиты имущественных прав кредиторов должны применяться исключительно специальные нормы Закона о банкротстве (*lex specialis derogat generali*).

Также важно определить, как разграничиваются мнимые сделки и сделки, совершенные с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. На первый взгляд, разграничить указанные составы не составляет трудности: мнимые сделки не направлены на создание правовых последствий, а

франдаторные сделки совершаются именно с целью причинить вред имущественным правам кредиторов.

Однако в судебной практике часто возникают трудности при разграничении указанных составов. Так, например, при заключении брачного договора супруги изменяют установленный режим совместной собственности, однако владеть имуществом продолжают супруги совместно, как и ранее.

Кроме того, абз. 5 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве установлено, что если должник продолжил пользоваться имуществом после совершения сделки с ним, то это обстоятельство презюмирует наличие цели причинить вред указанной сделкой.

Стоит согласиться с мнением Е.В. Блохиной, которая отмечает, что указанная презумпция фактически указывает, что изначально ничтожная (мнимая) сделка становится при наличии признаков фраздаторности оспоримой, что представляется крайне нелогичным [1].

При этом опять же разграничение мнимых и фраздаторных сделок имеет важное значение, поскольку для мнимых сделок периоды подозрительности не установлены, а по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, не могут быть оспорены сделки, которые совершены более чем за три года до возбуждения дела о банкротстве. Исковая давность для применения последствий недействительности мнимой сделки составляет три года, и исковая давность для оспаривания сделок по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, составляет один год.

Представляется, что указанное в абз. 5 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве презюмирующее обстоятельство является признаком не фраздаторной сделки, а исключительно мнимой. При разграничении мнимых и фраздаторных сделок следует изначально проверять признаки мнимости сделки, а затем (в случае отсутствия признаков мнимости) устанавливать цель совершения сделки и наличие иных признаков фраздаторности.

Определяя критерии разграничения оснований недействительности сделок, предусмотренных Законом о банкротстве и СК РФ, стоит отметить следующее.

В первую очередь указанная конкуренция оснований недействительности сделок проявляется при оспаривании в рамках дел о банкротстве заключенных между супругами брачных договоров, соглашений о разделе совместно нажитого имущества и соглашений об уплате алиментов.

П. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве установлено, что может быть признана сделка с неравноценным встречным предоставлением, а п. 2 ст. 61.2 Закона о

банкротстве, что может быть признана недействительной сделка, совершенная с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов.

П. 2 ст. 44 СК РФ установлено, что брачный договор может быть признан недействительным, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение.

В судебной практике зачастую можно встретить дела, когда кредиторы или финансовый управляющий при оспаривании сделок должника ссылаются одновременно на основания недействительности, предусмотренные Законом о банкротстве и СК РФ. Суды, в свою очередь, при вынесении решения по делу также нередко не указывают, на основании какой нормы права сделка признается недействительной, а мотивировочная часть судебного акта содержит лишь ссылки на различные нормы права, которые потенциально могут являться основанием для признания сделки недействительной.

Вместе с тем, разграничение оснований недействительности имеет важное значение. В законе о банкротстве установлены периоды подозрительности, определяющие временной промежуток, в течение которого совершенные сделки могут быть признаны недействительности. Иными словами, по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, не могут быть оспорены сделки, если они совершены более чем за три года до возбуждения дела о банкротстве. СК РФ какие-либо периоды подозрительности не установлены, а заявитель ограничен лишь исключительно сроком исковой давности, который составляет один год.

Представляется, что для разграничение указанных оснований недействительности необходимо установить субъекта, чьи субъективные права подлежат защите путем оспаривания заключенного брачного договора, а также цели, которая заложена в правовой норме.

Так, Е.Д. Суворов отмечает, что каждое основание недействительности сделок направлено на защиту конкретного субъективного права и субъекта, которому предоставляется материальное право на иск о признании сделки недействительной по указанному основанию [3].

Исходя из диспозиции п. 2 ст. 44 СК РФ указанное основание недействительности сделок направлено на защиту субъективных прав одного из супругов при нарушении его прав брачным договором. Если брачный договор содержит крайне неблагоприятные условия для одного из супругов, то он вправе обратиться с заявлением о признании его недействительным.

Основания недействительности, предусмотренные Законом о банкротстве, в действительности направлены не на восстановление прав супруга, а на восстановление прав кредиторов несостоятельного должника. В результате

оспаривания брачного договора (соглашения о разделе имущества) происходит пополнение конкурсной массы и затем за счет этого имущества удовлетворение требований кредиторов.

У финансового управляющего и кредиторов несостоятельного должника отсутствует правовой интерес оспаривать брачный договор с целью защиты имущественных прав несостоятельного должника, поэтому оспаривание сделок указанными лицами должно быть возможно лишь по специальным банкротным основаниям. При этом сам должник в ходе процедур банкротства не должен быть лишен возможности обратиться в установленном процессуальном порядке с иском об оспаривании брачного договора по основаниям, предусмотренным СК РФ.

Разграничение оснований недействительности сделок, предусмотренных ГК РФ и СК РФ, должно осуществляться в зависимости от субъекта, чьи субъективные права подлежат защите путем такого способа защиты права как признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности. На основании пункта 2 статьи 44 СК РФ вправе оспорить сделку исключительно супруг ввиду направленности указанного основания недействительности на восстановление исключительно его прав. Несмотря на то, что в процедуре реализации имущества финансовый управляющий реализует права должника, в том числе на предъявление исков, кажется более правильным считать, что он не вправе оспаривать сделки по основаниям, предусмотренным СК РФ. Иное решение позволит в обход закона преодолеть установленные Законом о банкротстве периоды подозрительности.

Таким образом, в настоящее время большое значение при разграничении оснований недействительности сделок имеет формирующаяся судебная практика. Суды, разрешая конкретные споры, вырабатывают определенные критерии, которые затем трансформируются в абстрактные правила, в результате чего происходит развитие права в целом. Вместе с тем, при выработке данных критериев необходимо обеспечить согласованность различных норм права, чтобы у лиц, участвующих в деле, не было возможности в обход закона использовать одно основание недействительности сделок, когда законодателем введены ограничения на использовании другого.

Список использованных источников:

1. Блохина Е.В. Банкротные способы защиты прав кредиторов в случае оформления активов должника на подставных лиц // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография / под ред. О.А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2020. – 184 с.

3. Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021. – 522 с.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© Л.П. Климович, © Н.Г. Логинова
Сибирский федеральный университет

Уголовные дела о преступлениях экономической направленности относятся к категории наиболее сложных дел, требующих от следователя высокого профессионализма. Согласно Указанию Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» выделены критерии отнесения преступлений к категории экономической направленности. Во-первых, совершение преступления в определенной сфере экономической деятельности (ОКВЭД дает их детализацию), следовательно, вид совершаемых субъектом хозяйственно-экономических операций формирует специфику их документального оформления, и именно в содержании документов финансового, управленческого, налогового и других видов учетов находят отражение признаки противоправных действий. Следует отметить, что к категории таких преступлений относятся совершаемые в процессе или под видом какой-либо экономической деятельности в определенной сфере. Во-вторых, специальный субъект преступления, наделенный определенными полномочиями. К таким субъектам относятся: должностные, материально ответственные и иные лица, выполняющие на предприятиях, в учреждениях и организациях, независимо от форм собственности и организационно-правовых форм, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в процессе производственно-хозяйственной или финансовой деятельности; а также субъекты, не наделенные указанными полномочиями, но имеющие доступ к предмету преступного посягательства для выполнения трудовых функций по роду деятельности или службы; выполняющие

обязанности по охране имущества или объекта, в котором оно хранится, без материальной ответственности. В третьих, в каждом конкретном случае имеют особенности механизм совершения и способы сокрытия преступлений, требующие для их установления применения специфических методов анализа судебно-экономической информации.

В 2023 году выявлено 105257 преступлений экономической направленности. Несмотря на общее снижение их количества по сравнению с предыдущим годом (-5,5%), наблюдается количественный рост таких преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размерах, либо причинивших крупный ущерб (+4.8%), при этом, почти на треть (+28,9%) увеличилось число преступлений против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления с причинением крупного ущерба или совершенных в крупном или особо крупном размере [3].

Перечисленные выше обстоятельства указывают на необходимость обязательного обращения при производстве по уголовным делам экономической направленности к специальным знаниям, прежде всего, экономическим. Формы участия специалиста, обладающего экономическими и бухгалтерскими знаниями, при производстве по уголовным делам различны и зависят от того, в какой из стадий уголовного процесса применяются. Безусловно, что их применение ограничено в стадии возбуждения уголовного дела и наиболее разнообразно в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства: привлечение специалиста к производству следственных действий (ст.168 УПК РФ), назначение и производство судебной экспертизы (ст.ст. 195-207, 283 УПК РФ), участие специалиста в судебном разбирательстве (ст.ст. 251, 270 УПК РФ), допрос эксперта (ст. 205, 282 УПК РФ). К наиболее востребованной форме относится производство экспертиз, относящихся к классу судебных экономических, поскольку, опираясь на выводы по вопросам о суммах совершенных противоправных (или несовершенных, но обязательных к исполнению) экономических операций, о размере понесенных потерь и убытков, именно такие экспертизы позволяют с достоверностью установить размер ущерба, причинённого в результате совершения преступления.

Как правило, расследование уголовных дел рассматриваемого направления поручается в соответствии с имеющейся в органах предварительного расследования специализацией. Субъекты расследования обладают необходимым объемом знаний о родах (видах) судебных экономических экспертиз, формулировании задач, решаемых ими, и затруднений при обращении к специалистам в этой сфере они не испытывают.

Ведомственными инструкциями о порядке назначения и производства судебных экспертиз предписано обращение к экспертам своего ведомства, если оно располагает возможностями производства назначаемой экспертизы. Перечень родов (видов) выполняемых судебных экспертиз напрямую коррелирует с перечнем экспертных специальностей, по которым в ведомстве проводится аттестация экспертов на право самостоятельного производства экспертиз конкретного рода (вида). Каждая экономическая экспертиза решает свои задачи, требует постановки конкретных вопросов, не выходящих за рамки экспертной специальности, исследует содержание конкретных фактов и операций, зафиксированных в различных источниках учетно-экономической информации хозяйствующего субъекта.

Распоряжением Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р [1] утвержден перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, в том числе по ряду уголовных дел экономической направленности. Предпочтение в производстве экспертиз именно в государственных судебно-экспертных организациях в большей степени гарантирует получение достоверных и объективных экспертных выводов, учитывая, что исследования проводятся исключительно по верифицированным экспертным методикам, силами экспертов, имеющих соответствующую квалификацию по конкретным экспертным специальностям. В этот перечень включены и судебные экономические экспертизы, назначаемые по уголовным делам о преступлениях, связанных с неуплатой налогов и сборов, причинением ущерба природным ресурсам, при проверке сообщений о таких преступлениях, а также, начиная с июля 2024 года, по уголовным делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием и хищением бюджетных денежных средств, а также при проверке сообщений о таких преступлениях.

Доказывание виновности по таким делам возможно и путём привлечения специалиста в сфере экономической деятельности (бухгалтера, аудитора, ревизора, специалиста по налогообложению, специалиста по оценочной деятельности, финансового аналитика и др.) к допросу как подозреваемого (обвиняемого), так и иных участников. Допрос с участием такого специалиста способствует достижению полноты и объективности данных при производстве по уголовному делу и позволяет установить обстоятельства, значимые для доказывания. Как правило, такие обстоятельства связаны с содержанием документов и иных источников учетно-экономической информации о совершенных финансовых и хозяйственных операциях, изъятых на стадии возбуждения уголовного дела и в ходе его расследования. Именно участие специалиста в допросе обеспечит правильную оценку содержания ответов

обвиняемого (подозреваемого) на предъявленные ему в процессе допроса документы – доказательства, своевременную корректировку в ходе допроса вопросов к нему, а также точность записи в протоколе допроса его ответов на поставленные вопросы.

Обратим внимание на еще одно значимое обстоятельство, связанное с использованием специальных знаний в расследовании уголовных дел экономической направленности. Преступления экономической направленности совершаются в процессе или под видом какой-либо экономической деятельности в определенной сфере, специальным субъектом, наделенным определенными полномочиями. М.М. Яковлев, утверждение которого мы разделяем, пишет: «Криминалистическое исследование профессиональной деятельности и связанных с ней преступлений, а также информации, проверяемой в уголовном процессе, не может быть успешным без широкого использования субъектами уголовного преследования специальных знаний и возможностей сведущих лиц, поскольку в данном случае расследованию противостоит активность правонарушителей, также обладающих специальными знаниями в сфере своей деятельности производства и оборота продуктов, использования специфических орудий труда, средств производства, технологий и т. д.» [2]. Нами изучена судебная практика (120 судебных актов) по делам экономической направленности, с вынесенными обвинительными приговорами. 92 процента изученных приговоров содержат в числе доказательств детальное описание показаний свидетелей или специалистов, а также сведения из актов документальных проверок и ревизий, ведомственных обследований, в которых представлена следующая информация:

дано описание нормативного порядка осуществления тех или иных производственных и технологических операций и непосредственно установленных нарушений (несоответствий) при осуществлении таких операций;

порядок документального оформления операций, документооборот, в том числе электронный, по таким операциям между отдельными их участниками и ответственными лицами внутри организации;

перечень должностных обязанностей конкретных субъектов экономической деятельности, круг их полномочий при выполнении конкретного вида работ, и, исходя из этого, дается описание выявленных нарушений установленного порядка ведения производственной деятельности.

Учитывая разнообразие уголовно-правовой квалификации рассматриваемых деяний, мы пришли к выводу: при производстве по уголовным делам экономической направленности необходимо обращение, наряду с экономическими знаниями, и к специальным знаниям в других

областях и сферах, это связано как с развитием научно-технического прогресса, информационно-коммуникационных технологий, других областей науки, техники, интеграционными процессами в различных сферах экономики, обусловленными цифровизацией. Причём, указать все сферы невозможно, их перечень не имеет границ. Это может быть связано: 1) с экспертной оценкой производственного, технологического процесса, что на практике решается путем назначения и производства строительно-технических экспертиз и других экспертиз, направленных на исследование технологических процессов и установление всех обстоятельств правонарушения; 2) с оценкой качества выполненных работ, товаров, услуг, что на практике реализуется посредством как товароведческих, так и других экспертиз, выполняемых государственными организациями, не относящимися к судебно-экспертным учреждениям (например, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека). Специфичность обстоятельств, которые необходимо установить с помощью сведущих лиц, порождает ряд проблем, как процессуального, так организационного и криминалистического характера. Процессуальная: при оценке заключения эксперта следователь должен быть уверен в том, что средства и методы применялись научно обоснованные. К организационным относятся: проблемы определения рода (вида) назначаемой судебной экспертизы и выбора экспертного учреждения, проблема поиска специалиста соответствующей профессиональной компетенции, который окажет консультативную помощь. Криминалистические проблемы – формулирование экспертных задач, выбор оптимального времени для обращения к специалисту с учетом имеющегося объема информации на конкретный момент расследования дела.

Несомненно, что влияние указанных обстоятельств на уголовное судопроизводство будет только возрастать. По нашему мнению, решение вопросов эффективного, оптимального использования специальных знаний лежит в плоскости совершенствования криминалистической подготовки субъектов расследования, прежде всего, путем проведения методических семинаров соответствующими органами предварительного расследования в части методики расследования преступлений экономической направленности, доведения обзоров следственной практики, содержащих сведения о положительном опыте расследования уголовных дел. В рамках образовательной подготовки будущих юристов (преимущественно по программам специалитета уголовно-правовой специализации) при разработке учебных планов и программ следует учитывать необходимость увеличения объема часов по базовым юридическим дисциплинам: «Криминалистика», «Уголовный процесс». Также,

целесообразно предусмотреть возможность включения в образовательный процесс обучение будущих юристов таким узкоспециализированным дисциплинам как «Судебная технология и товароведение», «Судебная бухгалтерия», «Судебная экспертиза». Изучение таких дисциплин направлено на формирование, прежде всего, общепрофессиональных компетенций в блоке «Правоприменительная деятельность» (если рассматривать компетенции на примере специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности») а также профессиональных компетенций с учетом выбора вузом профессионального стандарта, соответствующего будущей профессиональной деятельности выпускников.

Список использованных источников:

1. О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями: распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Яковлев М.М. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.09 / Яковлев Макар Макарович; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. – Краснодар, 2008.

3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России: статистика. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/>.

УДК 343.8

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИЗУЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

© М.В. Климчук

Сибирский федеральный университет

В январе 2024 года поэтапно стали вступать в законную силу положения Федерального Закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробаии в Российской Федерации». В Российской Федерации институт пробаии находится на стадии активного развития и совершенствования. На протяжении последних лет

предпринимаются значительные усилия по изучению зарубежного опыта и разработке собственной нормативной базы, обеспечивающей эффективное функционирование системы пробации.

Юридическая природа пробации заключается в её комплексном характере, включающем нормы уголовно-исполнительного права и других отраслей права. Пробация, как субинститут уголовно-исполнительного права, регулирует общественные отношения, связанные с ресоциализацией, социальной адаптацией и реабилитацией осужденных. Она направлена на исправление и предупреждение новых преступлений, а также защиту прав участников пробационных отношений.

Субинститут пробации обладает сложной правовой структурой, включающей элементы различных отраслей права, что требует детального анализа и систематизации для адекватного понимания его нормативной базы и механизмов реализации. Глубокое теоретическое исследование позволяет выявить правовые пробелы и предложить пути их устранения [3, с. 129].

Пробация обладает значительным регулятивным потенциалом, сочетая императивные и диспозитивные методы правового регулирования, что позволяет ей гибко адаптироваться к изменяющимся социальным условиям и индивидуальным потребностям осужденных. Исследование этого потенциала позволяет оптимизировать правоприменительную практику.

Цели пенитенциарной пробации включают коррекцию социального поведения осужденных, ресоциализацию, социальную адаптацию, социальную реабилитацию и предупреждение новых преступлений. Во-первых, коррекция поведения способствует успешной интеграции осужденных в общество и снижению уровня преступности. Во-вторых, ресоциализация возвращает осужденных к нормальной жизни через психологическую поддержку и трудовую деятельность. Третьей целью является социальная адаптация, включающая обучение и трудоустройство. Четвертая цель – социальная реабилитация, направленная на восстановление прав и обязанностей осужденных. Наконец, предупреждение новых преступлений достигается через надзор и поддержку, снижая риск рецидива [4, с. 234].

Исследование пенитенциарной пробации в контексте современного уголовно-исполнительного права является важным направлением научной деятельности для достижения целей пробации, данный субинститут представляет собой эффективный инструмент в борьбе с рецидивной преступностью и способствует гуманизации уголовного правосудия. Пенитенциарная пробация, как мера уголовно-правового воздействия, направлена на обеспечение социальной адаптации и реабилитации

осужденных, предотвращение рецидива преступлений и содействие в решении социальных и бытовых вопросов, связанных с их жизнью после освобождения из мест лишения свободы [6, с. 203].

Необходимо обозначить методы исследования пенитенциарной probation, которые позволяют достичь более глубокого понимания данного субинститута.

Изучение литературы и документов является основополагающим методом в исследовании правовых вопросов, в том числе и в области пенитенциарной probation. Этот метод позволяет систематизировать и анализировать нормативные акты, научные работы, исследования, а также судебную практику и другие правовые источники.

В российском законодательстве основополагающими документами, регулирующими probation, являются Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) и Федеральный закон «О probation в Российской Федерации». УК РФ определяет основания и условия применения probation, а УИК РФ регламентирует порядок исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Закон «О probation» устанавливает правовые и организационные основы probation, функции probationных служб, права и обязанности осужденных.

Научная литература по теме probation обширна и включает как отечественные, так и зарубежные исследования. Важными источниками являются работы таких исследователей, как Т.П. Бутенко, Т.В. Васильева, М.А. Калужина, Н.С. Малолеткина, А.В. Серебренникова, А.П. Скиба, П.В. Тепляшин и ряд других авторов, которые подробно рассматривают нормативно-правовые и организационные аспекты probation, а также ее роль в системе уголовного правосудия. Их исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к ресоциализации осужденных и интеграции probationных программ с социальными и медицинскими службами.

Зарубежные исследования также предоставляют ценный материал для анализа. Важными являются работы, посвященные probation в США, Великобритании, Германии и Казахстана, где probation широко используется и имеет богатый опыт.

Изучение нормативных актов, научной литературы позволяет получить комплексное представление о состоянии и проблемах пенитенциарной probation, выявить эффективные практики и предложить пути их внедрения в российскую систему.

Сравнительное правоведение является важным методологическим инструментом для анализа и оценки законодательства и правоприменительной

практики в различных юрисдикциях. Этот метод позволяет выявлять эффективные элементы правовых систем и применять полученные знания для улучшения национального законодательства. В контексте пенитенциарной пробации сравнительное правоведение позволяет изучить, как различные страны подходят к организации и функционированию пробации, какие методы и практики они используют для ресоциализации и реабилитации осужденных, а также для снижения рецидива преступности.

Одним из примеров успешного применения сравнительного правоведения является исследование пробационных систем США и Казахстана.

Так, например, в США пробация регулируется на федеральном уровне и уровне штатов, что позволяет учитывать специфические потребности и условия разных регионов. Основные элементы американской системы пробации включают жесткий надзор, регулярные отчеты осужденных, участие в реабилитационных программах и строгие санкции за нарушения условий пробации. Важным аспектом является сочетание контроля и поддержки, что позволяет достичь значительных успехов в снижении рецидива преступности и успешной ресоциализации осужденных.

В свою очередь в Казахстане пробация регулируется на национальном уровне, с акцентом на реабилитацию и ресоциализацию осужденных. Казахстанская система пробации включает строгий надзор, участие в образовательных и трудовых программах, а также социальную поддержку. Пробационные офицеры играют ключевую роль, обеспечивая индивидуальный подход к каждому осужденному. Важное внимание уделяется восстановлению социальных связей и подготовке осужденных к самостоятельной жизни после освобождения, что способствует снижению уровня рецидива и успешной интеграции осужденных в общество.

Сравнительный анализ законодательства и правоприменительной практики в различных юрисдикциях позволяет выявить ключевые элементы, которые могут быть адаптированы и внедрены в российскую систему пробации. Например, использование индивидуальных планов реабилитации, активное участие социальных работников и психологов, а также внедрение инновационных программ профессионального обучения и трудоустройства.

Также хочется обратить внимание на такой исследовательский метод, как юридическая герменевтика. Метод интерпретации текстов имеет древние корни, восходящие к античности и средневековью, и сегодня активно используется в правоведении для анализа и толкования терминов, правовых норм и документов. Герменевтический метод представляет собой систему принципов и приемов, направленных на понимание и объяснение значений

текстов, в том числе правовых актов. Применение герменевтики в праве позволяет выявить глубокие смысловые слои юридических текстов, понять их исторический контекст и интерпретировать их в соответствии с современными реалиями.

В контексте пенитенциарной пробации герменевтический метод играет важную роль в интерпретации терминов, регулирующих эту сферу.

Слово «probation» имеет латинские корни и происходит от латинского слова «probus». «Probus» в латинском языке означает «порядочный, честный, добродетельный. Хороший, исправный, превосходный, способный».

В современном английском языке слово «probation» используется в контексте испытательного срока, когда человек находится под наблюдением и оценкой своей работы или поведения.

Таким образом, с помощью герменевтического метода выявлено, что эволюция значения слова «probation» отображает его происхождение от латинского слова «probus» и связанную с ним идею признания и демонстрации своих навыков и качеств, чтобы получить общественное одобрение или признание.

При этом Т.В. Васильева, говоря о современной интерпретации, выделяет термин «пробация» применительно к уголовному праву, который применяется к уголовному сроку как периоду надзора за правонарушителем, назначаемому судом вместо уголовного наказания в виде лишения свободы [1, с. 193].

Другим важным аспектом герменевтического метода является анализ текстов нормативных актов с точки зрения их внутренней логики и структуры. Это позволяет выявить ключевые понятия и категории, используемые в законодательстве о пробации, и понять их взаимосвязь. Например, анализ Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов России с точки зрения герменевтики позволяет выявить основные принципы пробации, такие как гуманизм, индивидуальный подход к осужденным и ориентация на ресоциализацию.

Указанный метод также помогает разрешать коллизии и неопределенности в правовых нормах. В практике часто возникают ситуации, когда правовые нормы могут быть истолкованы по-разному. Применение герменевтики позволяет найти оптимальное толкование, соответствующее целям и принципам пробации. В этой связи нельзя не заметить, что, по мнению П.В. Тепляшина, «перечень принципов пробации является неполным» [5, с. 18]. Соответственно, если в нормативных актах недостаточно четко прописаны права осужденных на социальную поддержку, герменевтический анализ может помочь уточнить эти права и определить их содержание.

Моделирование позволяет идеально воспроизвести анализируемые ситуации и выработать гипотезы без необходимости проведения реальных экспериментов, что особенно ценно в сфере правовых исследований, где проведение реальных экспериментов может быть затруднительным или невозможным [2, с. 26]. Моделирование представляет собой процесс мысленного абстрагированного конструирования ситуации с целью проверки гипотез и теоретических предположений. Так моделирование позволяет исследователю рассмотреть различные правовые ситуации, прогнозировать их развитие и оценивать последствия применения тех или иных правовых норм. Это метод особенно полезен при разработке новых законодательных инициатив или реформ, когда необходимо предварительно оценить их возможное влияние на общество и правоприменительную практику.

В контексте пенитенциарной пробации, моделирование различных аспектов функционирования пробационной системы позволит оценить, как это нововведение может повлиять на уровень рецидивной преступности, на процесс ресоциализации осужденных и на общую эффективность пробационной системы.

В рамках моделирования можно представить, что все осужденные на пробации обязаны пройти профессиональное обучение. Цель – оценить влияние этого нововведения на их реинтеграцию и уровень рецидивизма. Гипотеза: обязательное обучение снизит рецидивизм и улучшит шансы на трудоустройство.

Также можно смоделировать введение более строгих санкций за нарушения условий пробации. Цель – оценить влияние ужесточения санкций на поведение осужденных и эффективность пробации. Гипотеза: ужесточение санкций снизит количество нарушений, но может увеличить число осужденных, отправленных в места лишения свободы.

Ещё один вариант моделирования может рассматривать активное сотрудничество органов системы исполнения наказаний с социальными и медицинскими учреждениями. Цель — оценить, как интеграция с этими услугами улучшит ресоциализацию и снизит уровень рецидивной преступности. Гипотеза: такая интеграция приведет к успешной реабилитации осужденных и снижению повторных преступлений.

Использование моделирования и анализа различных сценариев способствует более глубокому пониманию функционирования пробационной системы и выработке эффективных законодательных и организационных решений. Этот метод помогает прогнозировать возможные последствия новых

инициатив и реформ, минимизировать риски, которые могут возникнуть после их внедрения.

Опросы, тестирование и анкетирование являются ключевыми методами исследования, каждый из которых имеет свои уникальные особенности и применение в контексте изучения пенитенциарной пробации.

Опросы направлены на получение мнений и предпочтений респондентов, включают как открытые, так и закрытые вопросы для выявления субъективных взглядов. Тестирование оценивает знания и навыки, предполагает наличие правильных и неправильных ответов, измеряя уровень профессиональной компетентности. Анкетирование систематизирует данные с помощью структурированных анкет, удобно для массового сбора информации.

Указанные методы помогут собрать мнения специалистов о текущем состоянии пробационной системы, выявление существующих проблем и оценка эффективности применяемых мер с помощью опросов.

Тестирование поможет оценить профессиональные знания сотрудников пробационных служб или определить психологические характеристики осужденных для разработки индивидуальных программ реабилитации.

В форме анкетирования можно собрать информацию о профессиональном опыте, мнениях и предложениях специалистов служб пробации.

Использование опросов, тестирований и анкетирования позволяет получить всестороннюю и достоверную информацию о текущем состоянии системы, выявить проблемы и определить пути их решения.

Следует обратить внимание, что при использовании указанных методов стоит учитывать такие ограничения как недостаточно полные или искаженные ответы со стороны респондентов. Поэтому использование опросов, тестов и анкет при изучении пенитенциарной пробации может быть более эффективным в сочетании с другими исследовательскими методами.

Исследование методологических основ позволяет выявить ключевые аспекты и предложить теоретические подходы к анализу и совершенствованию пенитенциарной пробации. Таким образом, исследование методологических основ пенитенциарной пробации позволяет последовательно подойти к исследованию субинститута пробации с целью определения соответствующих проблем, а также разработать надлежащие меры для их решения, правового регулирования, достижения целей, поставленных законодателем перед пенитенциарной системой и осужденными, находящимися под их надзором.

Список использованных источников:

1. Васильева, Т.В. Институт пробации в отечественном уголовном праве // Заметки ученого. 2022. № 12. С. 193-196.
2. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. – Москва : Эксмо, 2010. – 384 с.
3. Тепляшин, П.В. Пробация как субинститут уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3 (56). С. 126-135.
4. Тепляшин, П.В. Цели пробации (в контексте Федерального закона от 6 февраля 2023 года «О пробации в Российской Федерации»): содержание, проблемы и перспективы достижения // Цели наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт): сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск: АмГУ, 2023. С. 233-234.
5. Тепляшин, П.В. Принципы пробации (в контексте Федерального закона от 6 февраля 2023 года «О пробации в Российской Федерации»): вопросы законодательного учета и перспективы реализации // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Томск: Томский ИПКР ФСИН России, 2023. С. 17-20.
6. Шагагпоев, З.Л. Акаева, Х.А. К вопросу о влиянии ресоциализации на механизм противодействия рецидивной преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 1. С. 201-204.

УДК 343.985

**ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ КАК СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ
РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО
КОМПЛЕКСА**

© Е.Е. Космодемьянская

Сибирский юридический институт МВД РФ

© С.А. Орешенко

Сибирское отделение РАН, Институт леса им. В.Н. Сукачева

На совещании 10.02.2023 по вопросам развития лесопромышленного комплекса президент РФ В.В. Путин еще раз обозначил, что «на долю России приходится пятая часть мировых запасов древесины. Вопрос в том, насколько

рачительно мы распоряжаемся этим ресурсом. Так, в 2020 году был принят ряд важнейших решений по развитию лесопромышленного комплекса, включая меры по контролю за использованием лесных богатств по всей технологической цепочке, а также по совершенствованию лесоустройства и лесного надзора. В результате реализованных на сегодняшний день решений объём незаконных рубок древесины сократился в 1,6 раза по сравнению с 2020 годом» [8].

Эти тенденции, безусловно, благоприятны для предупреждения преступности в сфере лесопромышленного комплекса (далее ЛПК), в которой большинство преступлений связано с незаконной рубкой лесных насаждений, уклонением от уплаты налогов, контрабандой древесины и лесопродукции, незаконными приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбытом заведомо незаконно заготовленной древесины, коммерческим подкупом и т.д. Поэтому тематика исследования актуальна и в настоящее время.

Безусловно, основную долю в массиве данных преступлений составляют незаконные рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) – до 60% от общего количества. Напомним, что к таковым относятся рубки без разрешительных документов, а также рубки, произведенные на основании разрешительных документов, если документы выданы или сама рубка произведена с нарушением действующего законодательства. На территории Красноярского края такие преступления совершаются ежегодно и в значительных количествах. Так, *«сотрудники экономической безопасности и противодействия коррупции МО МВД России «Большеулуйское» Красноярского края в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий установили, что индивидуальный предприниматель из Бирилюсского района 1998 года рождения причастен к незаконной рубке леса. По версии оперативников, мужчина нанял бригаду лесорубов, введя их в заблуждение о наличии у него разрешительных документов на работу. В результате с января по март 2023 года незаконно было вырублено 849 деревьев, в том числе 489 кедров, 182 пихты, 92 берёзы и 86 елей. Общая сумма ущерба составила более 15 миллионов рублей. По материалам, собранным оперативниками, следователями МО МВД России «Большеулуйское» в отношении бизнесмена возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 260 Уголовного кодекса Российской Федерации» [1].*

Одним из последних примеров такого вида противоправной деятельности может быть следующий: *«35-летний мужчина нашел трех владельцев земельных участков, которые имели право на заготовку древесины для личных нужд. Получив от них доверенности и необходимые документы, он*

организовал оформление и подписание договоров купли-продажи лесных насаждений с КГБУ «Емельяновское лесничество», что давало право на заготовку древесины на территории Кемчугского и Никольского участков. Создав видимость оказания услуг гражданам по заготовке древесины, мужчина незаконно вырубил ели, пихты, сосны, осины и березы – всего более 500 кубических метров. Ущерб лесному фонду оценивают в сумму более шести миллионов рублей. Следственный отдел по Емельяновскому району завершил расследование уголовного дела в отношении местного жителя. Он обвиняется в совершении преступления по статье о незаконной рубке лесных насаждений» [2].

Среди основных средств доказывания по уголовным делам такого рода фигурируют следственные осмотры, допросы всех участников уголовного судопроизводства, обыски, проверки показаний на месте, очные ставки и иные следственные действия при их необходимости. Интересной является практика, сложившаяся на территории регионов, по вопросам установления ущерба. Так, анализ Приговоров судов общей юрисдикции Красноярского края показал, что главным средством доказывания ущерба выступает справка-расчет ущерба, формируемая на основе пересчетной ведомости инженером определенного лесничества, усиленная показаниями специалиста по расчету ущерба: *«справкой расчетом КГБУ «...», согласно которой ущерб от незаконной рубки лесных насаждений в квартале 115 выделе 13 Дзержинского участкового лесничества Дзержинского лесничества в июле 2022 года составил 356 152 рублей; Расчет ущерба произведен в соответствии с Постановлением «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства», утвержденными Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2018 № 1730 » [4], «Свидетель №10, будучи допрошенным в ходе предварительного расследования, пояснял, что в КГКУ «Лесная охрана» с 2020 работал старшим государственным инспектором... по данным пересчётным ведомостям деревьев был произведен расчет ущерба. На основании Постановления Правительства РФ от ..., им был произведен расчет ущерба, причиненного в результате незаконной рубки лесных насаждений в квартале ...» [5].*

Это же подтверждает опыт коллег из Кемеровской, Вологодской, Иркутской, Ленинградской, Архангельской, Свердловской областей. В том же случае, если обвиняемые заявляют ходатайства о проведении лесотехнической экспертизы, следователи (дознаватели) им отказывают, ссылаясь на соответствующую инструкцию, которая среди материалов предусматривает «справку о расчете причиненного ущерба, содержащую ссылки на методику

исчисления размера ущерба и таксы в соответствии с действующими нормативными правовыми актами» [6].

В этой связи мы хотим обратить внимание на такую существующую сегодня проблему, как использование в качестве средства доказывания ущерба как последствий незаконной деятельности в сфере ЛПК справку-расчет ущерба, формируемую на основе перечетной ведомости инженером лесничества, а не заключение судебной лесотехнической экспертизы, которая позволяет выявить соответствие объемов и качества лесных вырубок и лесозаготовок нормативным правовым актам. Эксперт исследует материалы лесоустройства, устанавливает давность и масштаб рубки деревьев и определяет ущерб, нанесенный незаконной заготовкой и сбором лесных ресурсов.

Еще в исследованиях 10-летней давности авторы справедливо указывали на такой фактор, детерминирующий преступления в лесном комплексе, как «бланкетный характер норм Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за экологические преступления. Так, в ст. 260 УК РФ содержатся специальные термины, за уяснением значения которых приходится обращаться к лесному законодательству РФ. Кроме того, примечание к данной статье для определения ущерба отсылает правоприменителя к таксам, утвержденным постановлением правительства РФ. Все это очень усложняет деятельность правоохранительных органов, поскольку им приходится обращаться к огромному объему специального нормативного материала». [9]

Вот пример современной правоприменительной практики: *«В соответствии с приложениями по обязательному расчету ущерба по каждой породе, ущерб, нанесенный государственному лесному фонду, рассчитан в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2018 года № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства», размер вреда, подлежащего возмещению, определяется с точностью до 1 рубля. Ставка платы за единицу объема древесины, заготавливаемой на землях, находящихся в федеральной собственности, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.05.2007 года № 310 «О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности». В 2021 году данные ставки применяются с повышающим коэффициентом 2,72 в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.10.2019 г. № 1318 «О применении в 2021-2023 годах коэффициента к ставкам платы за единицу объема лесных ресурсов и ставкам платы за*

единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности» [3].

Полностью разделяя позицию вышеупомянутого автора о сложностях расследования т.н. «бланкетных» преступлений, полагаем, что сложившаяся в нашем регионе практика не в полной мере отвечает критериям полноты и комплексности установления последствий, а именно: стоимости, экологической ценности количества порубленных или поврежденных лесных насаждений, размера вреда, нанесенного иному растительному и животному миру, и фактических затрат на компенсацию нанесенного ущерба, что обусловлено тем фактом, что по всем уголовным делам потерпевшей стороной заявляются иски о возмещении последнего, которые удовлетворяются судом в полном объеме. Возникает вопрос: что будет более весомым доказательством в таком случае: справка инженера лесничества или заключение эксперта по результатам проведенной лесотехнической экспертизы? Полагаем, ответ очевиден.

В настоящее время среди актуальных проблем судебных экспертиз, проводимых при расследовании данной категории преступлений (лесотехнической, землеустроительной, дендрохронологической и т.п.), следует назвать такие:

1. Транспортная недоступность требующих обследования лесных участков, отсутствие у органов лесного хозяйства и лесничеств специализированной техники и специальных средств доставки, осмотра, отбора образцов;
2. Необходимость проведения большого количества исследований (лесотехнические и лесоустроительные, землеустроительные, дендрологические, трасологические, экономические, биологические, почвоведческие, математические экспертизы и др.);
3. Общепринятая методика расчета не соответствует (устарела) изменившемуся лесному законодательству, в связи, с чем имеет много ошибок;
4. Недостаточный уровень подготовки специалистов лесного хозяйства на местах.

Согласно общепринятому мнению, к занятию должности эксперта в экспертном учреждении должны предъявляться определённые требования:

- а) иметь высшее профессиональное образование;
- б) пройти конкретную последующую подготовку по конкретной экспертной специальности;
- в) получить аттестацию в качестве государственного судебного эксперта;
- г) проходить периодические пересмотры специальными экспертно-квалификационными комиссиями для поддержания требуемого уровня профессиональной подготовки эксперта.

Однако данное положение имеет не обязательное, а рекомендательное значение. Согласно ст. 57 УПК РФ, экспертом может быть любое лицо, обладающее специальными познаниями и назначенное для производства экспертизы и дачи заключения.

К должности эксперта и специалиста должны предъявляться единые, конкретные, четко сформулированные и закрепленные в законодательстве требования и стандарты, а не абстрактная конструкция в виде «любое лицо, обладающее специальными познаниями». Так, возможно следует согласиться с мнением некоторых авторов, что для обеспечения контроля выполнения рекомендаций и требований экологической экспертизы необходимо создание в нашей стране Федеральной службы, обеспеченной соответствующими техническими средствами и возможностями, основной задачей которой должна быть именно указанная деятельность. Это обеспечит неукоснительное выполнение требований экологических экспертиз и предотвратит возможный вред, который может быть причинен окружающей среде [7].

Список использованных источников:

1. В Красноярском крае полицейские выявили факт незаконной вырубке леса на 15 млн рублей: Пресс-служба ГУ МВД России по Красноярскому краю. URL: <https://mvdmedia.ru/news/operativnye-novosti/v-krasnoyarskom-krae-politseyskie-vyyavili-fakt-nezakonnoy-vyrubki-lesa-na-15-mln-rublej/>(дата обращения 06.09.2024).

2. На 6 млн рублей вырубил леса житель поселка Кедровый в Красноярском крае. URL: <https://sibnovosti.ru/news/435166/>(дата обращения 05.09.2024).

3. Приговор Абанского районного суда Красноярского края от 16.01.2024 по делу № 1-121/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qrRQM9XwgW/?regular-txt=&regular-case_doc(дата обращения 05.09.2024).

4. Приговор Дзержинского районного суда Красноярского края от 18.01.2024 по делу 24RS0011-01-2023-000409-32. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6UPBhaxbraLx/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo%29&regular-date_from=01.01.2024 (дата обращения 05.09.2024).

5. Приговор Рыбинского районного суда Красноярского края от 17.01.2024 по делу № 1-10/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ArjEu7ngMKJw/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения 05.09.2024).

6. Проект Приказа МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия при выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений в сфере лесопользования» (подготовлен МВД России 03.07.2017). URL:

https://www.consultant.ru/law/podborki/instrukciya_o_poryadke_vzaimodejstviya_pri_vyyavlenii%252C_presechenii%252C_rassledovanii_i_raskrytii_prestuplenij_v_sfere_lesopolzovaniya/ (дата обращения 06.09.2024).

7. Силантьева Д.В., Марков В.П. Актуальные проблемы экологической экспертизы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-4 (51). С. 67-69.

8. Совещание по развитию лесопромышленного комплекса. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70494> (дата обращения 06.09.2024).

9. Шутова В.Н. Проблемы законодательной техники и альтернативные социальные регуляторы как факторы, детерминирующие преступления в лесном комплексе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2013. № 3 (13). С. 56-58.

УДК 343.9

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ РАБОТНИКАМИ ОРГАНИЗАЦИЙ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© В.В. Кострыкина

Сибирский федеральный университет

Коррупция в организациях представляет серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Широкое распространение данного негативного социально-правового явления способно нанести существенный вред общественным отношениям в политической, экономической, социальной, духовной и иных сферах, которые в современных условиях нуждаются в особой охране.

Именно в этой связи одним из направлений государственной антикоррупционной политики является приоритетное применение мер по предупреждению коррупции. Следует констатировать, что в современной России основные усилия государства направлены на разработку мер предупреждения коррупционных проявлений в сфере деятельности органов государственной и муниципальной власти. По словам исследователей, на

сегодняшний день в указанной сфере сформированы единые организационно-правовые основы для предупреждения коррупции [13, с. 94] и «несмотря на то, что ряд механизмов и нормативных положений вызывают обоснованную критику в научно-практическом сообществе, в целом следует отметить положительную динамику развития системы предупреждения коррупционных правонарушений в сфере государственной и муниципальной службы» [15, с. 101].

В свою очередь, правовое и организационное обеспечение предупреждения коррупции в организациях менее развито. Отчасти это обусловлено более поздним началом соответствующей работы [15, с. 101]. Отправной точкой в области предупреждения коррупции в организациях, стало принятие в декабре 2012 г. общей для всех организаций ст. 13.3, обязывающей таковых принимать меры по предупреждению коррупции. Данная статья содержит также перечень предупредительных мер, которые могут реализовываться в организации. По словам В.В. Астанина «обоснованием данной нормы выступают положения антикоррупционных конвенций, в которых участвует Российская Федерация, приняв обязательства о борьбе с подкупом не только в публичном, но и в частном секторе, включая сферу коммерческой деятельности юридических лиц.

В частности, такие нормы содержатся в Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении внешнеэкономической деятельности, Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию» [4, с. 15].

В целях оказания методической помощи при реализации ст. 13.3. организациям разработаны и размещены в открытом доступе на официальном сайте Министерства труда и социальной защиты РФ соответствующие рекомендации [25; 26; 27].

Таким образом, в законодательстве о противодействии коррупции в отношении организаций установлено общее требование принятия мер по предупреждению коррупции. А на уровне ведомственных актов предложены рекомендации по реализации соответствующих мер.

Вместе с тем «существенность причиняемого вреда от коррупционных проявлений в деятельности организаций, обеспечивающих обороноспособность государства, и организаций, оказывающих услуги по ремонту и пошиву одежды, различны» [16, с. 371]. В этой связи предъявление к организациям общих требований принятия мер по предупреждению коррупции не соответствует принципу комплексного организационно-правового подхода к

антикоррупционному государственному воздействию на организации в зависимости от характера и степени их коррупциогенности.

Коррупционные проявления в организациях предопределили повышенный научный интерес со стороны таких отечественных исследователей как: В.В. Астанин [2; 3; 4], В.К. Ботнев [5], Б.В. Волженкин [6], Ю.П. Гармаев [7], А.С. Горелик [9], Г.С. Гончаренко [8], Р.Н. Гулаков [11], Л.В. Иногамова-Хегай [20], Э.А. Иванов [7; 18], С.К. Илий [19], С.Д. Красноусов [22], Н.А. Лопашенко [24], С.А. Маркунцов [7], В.И. Михайлов [27], Т.А. Некрасова [28], С.В. Плохов [31], С.Ю. Суйков [35], Ю.В. Трунцевский [36], Л.П. Тумаркина [37], Т.Я. Хабриева [38], И.В. Шишко [10], С.Н. Швердяев [40], Н.В. Щедрин [43], А.М. Шунаев [42], Э.С. Шишмилова [41], Е.С. Шалыгина [39], С.В. Юхачев [45], П.С. Яни [46] и др.

Названные работы позволили сформировать основные подходы к пониманию особенностей коррупции в организациях различных, а также способы ее предупреждения. Между тем, в доктрине пока еще не сформировалась концепция предупреждения коррупции в организациях, основанная на закономерностях воспроизводства коррупционных деяний в зависимости от их организационно-правовой формы, целей создания, источников финансирования и иных значимых параметров [16, с. 372].

Перспективным направлением научных исследований в указанном области является типологизация. В нашем раннем труде была предложена рабочая типология организаций в аспекте противодействия коррупции [16, с. 367-384]. В основу дифференциации организаций в зависимости от их типа были положены такие признаки как: сфера деятельности организации; цель и вид(ы) деятельности организации; участие государства в деятельности организации; характер и степень влияния деятельности организации на состояние национальной безопасности [16, с. 376-377].

На основе указанных признаков были выделены следующие типы организаций: публичные; публично-частные; частно-публичные; частные [16, с. 376-377].

Коррупционные проявления в публичных, публично-частных, частно-публичных и частных организациях различны по своему характеру и степени общественной опасности. Наиболее высокую общественную опасность представляет совершение работниками организаций различных типов коррупционных преступлений. При этом среди названных типов организаций наибольшую опасность представляют коррупционные проявления в публичных организациях, например, обеспечивающих обороноспособность и безопасность государства.

В целях предупреждения совершения работниками организаций различных типов коррупционных преступлений необходимо принятие своевременных мер. При этом, как отмечают исследователи, в предупредительной деятельности необходимо руководствоваться принципом «основного звена» [14, с. 23], который «позволяет найти главную задачу деятельности по предупреждению преступлений, вычлнить ключевую проблему или несколько проблем и сконцентрировать на их решении имеющиеся ресурсы» [44, с. 7]. Приминительно к организациям в предупредительном аспекте роль «основного звена» выполняют антикоррупционная профилактика и антикоррупционные стандарты поведения.

Антикоррупционная профилактика представляет собой «совокупность непринудительных мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение субъективных и объективных детерминант, которые способствуют совершению коррупционных правонарушений, а также на формирование антикоррупционной культуры в поведении физических лиц и деятельности государственных, муниципальных органов, организаций и институтов гражданского общества» [12, с. 40]. Антикоррупционная профилактика имеет важное значение для предупреждения коррупционных преступлений в организациях, поскольку позволяет на ранних этапах предупреждать совершение субъектами организации коррупционных деяний, стимулируя различными способами и средствами их осознанное антикоррупционное поведение [13, с. 92]. Антикоррупционная профилактика также способна обеспечить экономию ресурса, затрачиваемого на применение мер принудительного воздействия [12, с. 35]. Как совершенно верно в этой связи указывает А.В. Кудрявцев, что «гораздо более эффективно с позиции обеспечения законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства не допустить совершения преступления, чем реагировать на факт его совершения» [22, с. 147].

Осуществление антикоррупционной профилактики в организациях возможно с использованием различных непринудительных средств. К их числу следует отнести антикоррупционную информационную открытость, антикоррупционное просвещение, антикоррупционное образование, антикоррупционное локальное нормотворчество, антикоррупционное поощрение и т.д.

Одним из активно развивающихся направлений научных исследований в рассматриваемой сфере стал антикоррупционный комплаенс [3, с. 6; 18, с. 106; 38, с. 394-401; 34, с. 27-34; 1, с. 6-8; 7, с. 134-176]. По словам исследователей

«антикоррупционная профилактика и антикоррупционный комплаенс имеют больше схожих признаков, нежели отличительных, поскольку оба направления обеспечивают антикоррупционную безопасность организации и направлены на предупреждение коррупционных проявлений различной степени общественной опасности в деятельности организации и его сотрудников» [15, с. 101].

Антикоррупционные стандарты поведения представляют собой совокупность обязанностей, запретов, ограничений и рекомендаций [14, с. 24], возлагаемых на работников организаций в целях предупреждения коррупции. Как и было указано выше Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» регламентирована общая обязанность организаций разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции (ч. 1 ст. 13.3). Одной из таковых мер является разработка и утверждение антикоррупционной политики и кодексов этики (ч. 2 ст.13.3). В развитие указанной нормы Министерство труда и социальной защиты РФ в методических рекомендациях «Меры по предупреждению коррупции в организациях»[24] предлагает организациям закреплять в своих локальных нормативных актах (например, антикоррупционная политика, кодексы этики, положения и пр.) антикоррупционные стандарты поведения. К их числу могут быть отнесены: ограничение на совместную работу родственников, предупреждение и урегулирование конфликта интересов, запрет на получение вознаграждений (подарков), запрет на спонсорскую, благотворительную деятельность, взносы на политические цели, пожертвования политическим партиям и др.

Анализ положений ФЗ «О противодействии коррупции» так же позволил прийти к выводу, что в нем содержатся не только общие, но и специальные меры, применяемые к конкретным организациям. Например, в нормах настоящего закона устанавливается специальный перечень антикоррупционных стандартов поведения в отношении ряда организаций (ст. 11.1). В методических материалах о противодействии коррупции, разработанных Генеральной Прокуратурой РФ, указано, что при установлении указанных мер законодатель исходил из того, что «правовое положение должностных лиц соответствующих организаций сопряжено с повышенными коррупционными рисками, которые предопределены такими особенностями их правового статуса, как: формирование имущества за счет Российской Федерации, наделение помимо общегражданских прав и обязанностей целым рядом публично-правовых полномочий, реализация которых затрагивает значительную часть населения страны» [30].

Тем не менее в настоящее время не существует дифференцированного набора антикоррупционных стандартов поведения в организациях в

зависимости от ее типа. Большинство организаций самостоятельны в вопросе закрепления того или иного антикоррупционного стандарта поведения в своих локальных нормативных актах, исходя из потребностей, финансовых возможностей, масштабов деятельности и иных признаков.

Указанная тенденция негативно отражается на эффективной предупредительной деятельности коррупционных преступлений, совершаемых работниками организаций различных типов, поскольку объем и содержание антикоррупционных стандартов поведения, содержащийся в локальных нормативных актах организаций, должен соответствовать реальным коррупционным угрозам организации конкретного типа.

Полагаем, что существует необходимость вмешательства государственного регулятора в целях законодательного закрепления дифференцированного набора антикоррупционных стандартов поведения работников организаций различных типов. При этом важно отметить, что набор конститутивных признаков предложенных нами типов организаций, характеризующих качественное отличие одних от других, нуждается в дополнительном обосновании и формировании устойчивого понятийно-категориального аппарата, раскрывающего их содержание. Последующее научное познание коррупционных преступлений, совершенных работниками организаций различных типов позволит вскрыть резервы антикоррупционной деятельности и обеспечить системный уровневый подход в ее обеспечении.

Список использованных источников:

1. Арзамасов Ю.Г. Комплаенс как вид антикоррупционного мониторинга // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2. С. 6-8.
2. Астанин В.В. О развитии антикоррупционной мировой политики в контексте борьбы с подкупом в частной сфере // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 49-51.
3. Астанин В.В. Корпоративный антикоррупционный комплаенс: проблемы и ресурсы практического обеспечения // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 5-8.
4. Астанин В.В. Профилактика коррупционных правонарушений в организациях, контролируемых госкорпорациями: практическое пособие; Холдинг АО «Вертолеты России», Государственная корпорация «Ростех». – Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2019. 264 с.

5. Ботнев В.К. Сущность, причины и последствия деловой коррупции в Российской Федерации // Государственная служба. 2014. № 5. С. 47-50.

6. Волженкин Б.В. Служебные преступления: учебно-практическое пособие. Москва: Юрист, 2000. 367 с.

7. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. Москва: ИД «Юриспруденция», 2020. 240 с.

8. Гончаренко Г.С. Коммерческий подкуп: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 212 с.

9. Горелик А.С. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп // Юридический мир. 1999. № 1-2. С. 16-19.

10. Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях: монография. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1998. 200 с.

11. Гулаков Р.Н. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с теневой экономикой: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 233 с.

12. Дамм И.А. Антикоррупционная профилактика в системе противодействия коррупции // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 4. С. 33-42.

13. Дамм И.А. Антикоррупционная профилактика в сфере образования: вопросы теории и практики // Право и политика. 2019. № 8. С.89-100.

14. Дамм И.А. Основные направления предупреждения совершения педагогическими работниками коррупционных преступлений // Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы: Сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием, Москва, 21 ноября 2019 года. Том II. – Москва: Издательский Дом «Третьяковъ», 2019. С. 23-27.

15. Дамм И.А. Основные субъекты антикоррупционной профилактики в организациях // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России: материалы Всероссийского Круглого стола, Ростов-на-Дону, 09 декабря 2020 года. – Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2021. С. 101-114.

16. Дамм И.А., Кострыкина В.В. Типология организаций в аспекте противодействия коррупции в Российской Федерации // *Russian Journal of Economics and Law*. 2023. Т. 17, № 2. С. 367-384.

17. Заброда Д.Г. Корпоративная антикоррупционная политика: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2016. 106 с.

18. Иванов Э.А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС: монография. Москва: Юриспруденция, 2015. 136 с.

19. Илий С.К. Предупреждение коррупции в организациях и учреждениях органами прокуратуры // *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2018. № 2. С. 90-95.

20. Иногамова-Хегай Л.В. Английский законодательный опыт противодействия коррупции в частном секторе // *Международное публичное и частное право*. 2022. № 1. С. 36-38.

21. Красноусов С.Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе: понятие и противодействие: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2012. 237 с.

22. Криминология: учебник для бакалавриата и специалитета / под общ. ред. А.В. Кудрявцева и А.Е. Михайлова. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 220 с.

23. Лопашенко Н.А. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) // *Уголовное право*. 2013. № 5. С. 83–88.

24. Меры по предупреждению коррупции в организациях: утв. Минтрудом России // *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

25. Методические рекомендации по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // *Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ*. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-16-src-1603018608.1133.docx>.

26. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции // *Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ*. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0>.

27. Михайлов В.И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // *Lex russica*. 2017. № 6. С. 85-100.

28. Некрасова Т.А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 161 с.

29. Памятка Минтруда России «Закрепление обязанностей работников организации, связанных с предупреждением коррупции, ответственность и стимулирование» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. – Режим доступа: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=333658&cacheid=6B86981394D7B0EF47A5E3FA1C0FAB5B&mode=splus&rnd=BRhyA#tFU0zBUy6uWFEygz>.

30. Памятка для предпринимателей о противодействии коррупции: утв. Генпрокуратурой России // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pamjatka-dlja-predprinimatelei-ot-protivodeistvii-korruptsii-utv-genprokuraturoi-rossii/?ysclid=lvko44h884492282768>

31. Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 278 с.

32. Противодействие коррупции в сфере бизнеса: научно-практическое пособие / отв. ред. Т.Я. Хабриева, О.С. Капинус. Москва: ИД «Юриспруденция», 2020. 255 с.

33. Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-106-src-1568817604.7941.pdf>.

34. Сагиева Г.К. Понятие и правовая природа антикоррупционного комплаенса // Мир Закона. 2022. № 5-6. С. 27-34.

35. Суйков С.Ю. Административно-правовые аспекты предупреждения коррупции в нефинансовой сфере российской экономики: на примере коммерческих корпоративных организаций: дис ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 196 с.

36. Трунцевский Ю.В. Методика оценки коррупционного риска в сфере частного бизнеса (индекса риска делового взяточничества) // Безопасность бизнеса. 2016. № 5. С. 33-40.

37. Тумаркина Л.П. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 155 с.

38. Хоролоец О.В. Антикоррупционный комплаенс как метод профилактики коррупции в представлении студенческой молодежи // Научные труды

Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21-4. С. 394-401.

39. Шалыгина Е.С. Коммерческий подкуп: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 257 с.

40. Шевердяев С.Н. Проблемы противодействия муниципальной коррупции, затрагивающей предпринимателей // Право и экономика. 2017. № 10. С. 5-14.

41. Шимшилова Э.С. Преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих организациях: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 161 с.

42. Шунаев А.М. Механизмы противодействия коррупционной угрозе в коммерческом секторе экономики: дис. ... канд. эконом. наук. Санкт-Петербург, 2021. 178 с.

43. Щедрин Н.В., Востоков А.А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. 2009. № 1. С. 58-61.

44. Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учеб. пособие. – Красноярск: Красноярский университет, 1999. 58 с.

45. Юхачев С.В. Коррупция как экономические отношения социума: дис. ... д-ра экон. наук. Тамбов, 2010. 291 с.

46. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. Москва: Бизнес-школа «Интел-синтез», 1997. 201 с.

УДК 343.3/.7

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

© В.В. Лисаускайте

Восточно-Сибирский институт МВД России

Международная безопасность в настоящее время представляет собой многогранную систему правоотношений, включающую в себя различные сферы, влияющие на мир и правопорядок как отдельных государств, конкретных регионов, так и всего мирового сообщества в целом. С момента создания ООН мировое сообщество пыталось выстроить систему безопасности с едиными

устоями для всего человечества. Некоторые из правил получили закрепление в Уставе ООН, некоторые в иных международных договорах, а некоторые и в актах органов Организации.

Говоря о мире и правопорядке, с учетом положений Устава ООН, одним из важных вопросов является борьба с международными преступлениями. Их специфика напрямую связана и влияет на международную безопасность, поэтому состояние такого механизма борьбы и качество его реализации выступает показательным критерием самой безопасности.

Согласно положениям Устава ООН, одной из целей Организации является «Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира» [5]. В тоже время, практика показала, что положения Устава не всегда помогают реализовать ту или иную процедуру в целях восстановления международной безопасности и прекращения правонарушений. Одним из результатов такого правового кризиса стало принятие концепции «ответственности по защите», фактически определяющей легитимность международного вмешательства в дела конкретного государства – правонарушителя.

Данная концепция основывается на нескольких компонентах:

- государства обязаны защищать население от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток;
- если государство не в состоянии обеспечить эти условия, международное сообщество обязано ему помочь путем использования методов раннего предупреждения, обеспечения переговоров между политическими партиями, укрепления безопасности, мобилизации военных сил и многих других действий;
- если государство не в состоянии защищать своих граждан, и мирные средства не действенны, международное сообщество несет ответственность за вмешательство сначала дипломатическими способами, а затем, в качестве крайней меры, с использованием вооруженных сил [6]. Как мы видим, первый компонент вновь подтверждает обязательство государств не совершать и привлекать к ответственности лиц, виновных в совершении международных преступлений.

В тоже время, несмотря на существование всеобщего признания конкретных деяний в качестве международных преступлений и достаточного количества международных договоров в этой сфере и имплементации их

положение в национальное законодательство, эти деяния по-прежнему совершаются, а виновные (как государства, так и конкретные физические лица) уходят от ответственности. Поэтому в рамках международной полемики и научной дискуссии давно поднимается вопрос о необходимости совершенствования этого механизма, как элемента международной безопасности.

В его основе должны быть установлены модернизированные международно-правовые нормы относительно понимания и особенностей как самих международных преступлений, так и ответственности за их совершение. К сожалению, в настоящее время в рамках ООН такая работа более не ведется. Последним документом в этой сфере стал Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, к итоговому содержанию которого у теоретиков существует много вопросов, поскольку ряд правил получили свою формулировку не в результате всеобщего признания их общественной опасности, а как компромисс государств в результате бурной дискуссии и в далеком от первоначального формата выражении. И даже в таком содержании документ так и остался в статусе проекта, несмотря на эскалацию конфликтов и их последствия в виде совершения международных преступлений в период конца 20-го – начала 21-го веков.

Таким образом, мы можем предположить, что в настоящее время мировое сообщество в рамках ООН не готово включать в повестку, разрабатывать и обсуждать, а тем более принимать какой-либо межгосударственный документ формата международного договора, который закрепит конкретизацию международных преступлений и механизм ответственности.

В тоже время, происходящие в мировой политике события, на наш взгляд, параллельно с признанием кризиса глобальных отношений, свидетельствуют о развитии регионального уровня, хоть и не в системном формате. Поэтому, как попытка формирования рассматриваемого правового механизма, предлагаем использование именно этого уровня интеграции. Учитывая значимость России в международном процессе, в качестве таких региональных площадок предлагаем использовать активно развивающиеся в последние годы структуры, одной из которых является Организация договора коллективной безопасности (далее ОДКБ).

Данная региональная организация основана в 2002 году в следствии принятия Устава, основанного на Договоре о коллективной безопасности [2], участниками которого стали Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Согласно его положениям, именно вопросы безопасности являются первостепенной целью сотрудничества государств [4].

Традиционным направлением деятельности ОДКБ выступает военно-политическое сотрудничество. Однако, за последние годы Организация расширила свои интересы, включив в сферу совместной безопасности и ряд вопросов борьбы с преступностью, которые представляют угрозу для данного региона. Результатом такой деятельности стало формирование Координационных советов руководителей по противодействию незаконному обороту наркотиков, незаконной миграции, компьютерным инцидентам. Следовательно, само понимание международной региональной безопасности в рамках ОДКБ легитимно расширяется и реализуются взаимодействие по укреплению иных ее элементов.

«Уникальность ОДКБ в том, что она обладает всем набором инструментов для обеспечения безопасности как стран-членов, так и объединения в целом: от политических рычагов до собственного военного потенциала» [5, С. 23]. Как отмечает К.Н. Лобанов, «отдельным направлением сотрудничества является совместное противодействие новым вызовам и угрозам безопасности. Серьезную озабоченность среди них представляет экспорт терроризма и экстремизма из «горячих» точек, расположенных по периметру границ бывшего СССР, на территорию стран-участниц ОДКБ» [3, С. 15]. Таким образом, Организация учитывает актуальные проблемы своей территории и различными способами осуществляет их решение посредством сотрудничества государств.

За период существования Организации было разработано и подписано достаточное количество соглашений по сотрудничеству в различных узких вопросах ее компетенции. На наш взгляд, именно в рамках этой региональной структуры коллективной безопасности может быть создан международный договор, закрепляющий виды, понятия и конкретные составы международных преступлений, устанавливающий обязательство государств – членов привлекать к уголовной ответственности виновных за их совершение. Эти нормы, с одной стороны, должны соответствовать действующим общепризнанным императивам международного уголовного права, получившим закрепление в: Уставе Международного военного трибунала 1945 г.; Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала 1950 г.; Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. и других документах.

Государства – члены ОДКБ относятся к странам, подверженным вооруженным конфликтам, в результате которых, чаще всего, совершаются международные преступления. Создание такого соглашения именно данными странами может стать толчком в развитии нормативного совершенствования

действующего механизма борьбы с международными преступлениями как элемента международной безопасности.

Список использованных источников:

1. Бокерия С.А. Взаимосвязь глобальной и региональной систем безопасности (на примере ООН, ОДКБ и ШОС) // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. № 1. С. 21-38.

2. Договор о коллективной безопасности 1992 г. Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezопасности/#loaded (дата обращения: 08.09.2024).

3. Лобанов К.Н. Организация договора о коллективной безопасности и проблемы безопасности Евразии // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, В 2 ч., Чита, 18 сентября 2020 года. Том Часть 2. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2020. С. 12-16.

4. Устав ОДКБ 2002 г. Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасности/#loaded (дата обращения: 08.09.2024).

5. Устав ООН 1945 г. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 08.09.2024)

6. The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. – Ottawa: International Development Research Centre. 2001. 108 pp.

УДК 347.1

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АНТИСОЦИАЛЬНОЙ СДЕЛКИ: ВЗГЛЯДЫ В. П. ШАХМАТОВА И ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

© Т.В. Мельникова

Сибирский федеральный университет

Предшественницей ст. 169 действующего Гражданского кодекса [1], закрепляющей последствия недействительности сделки, совершенной с целью,

противной основам правопорядка или нравственности, была ст. 30 ГК РСФСР 1922 г., согласно которой недействительна сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства [2]. Многие юристы тех лет высказывались в пользу того, что под действие ст. 30 ГК РСФСР подпадают как сделки, цель которых объективно противоречит закону, так и сделки, заведомо противоправные (об этом: [3, с. 73-83]).

Последствия недействительности данного вида сделок в анализируемой статье закреплены не были. Однако, в ст. 147 ГК РСФСР говорилось: в случае недействительности договора, как противозаконного или направленного к явному ущербу для государства (ст. 30), ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата, исполненного по договору, неосновательное обогащение взыскивается в доход государства. В то же время, как отмечал В. П. Шахматов, «судебные и арбитражные органы не во всех случаях квалификации сделки по ст. 30 ГК применяли ст. 147 того же кодекса, то есть не всегда взыскивали неосновательно полученное в доход государства, а нередко приводили стороны в первоначальное положение по правилам ст. 151 ГК 1922 года, которая не имела прямого отношения к противоправным сделкам... Статья 147 ГК 1922 года не давала оснований для учета виновности лица, совершившего противоправную сделку. Однако суд и арбитраж... требовали виновности для применения статьи 147» [4, с. 214].

ГК РСФСР 1964 г. учел указанные проблемы правовой практики: в нем появились ст. 49, посвященная сделкам, совершенным с целью, заведомо противной интересам социалистического государства и общества, и ст. 48, регулировавшая недействительность сделки, не соответствующей требованиям закона [5]. Однако, такой подход законодателя породил другой вопрос – о том, как разграничить эти два вида сделок: не соответствующую требованиям закона и антисоциальную.

В. П. Шахматов, который разработал теорию состава недействительных сделок и разделял все недействительные сделки на противоправные, характеризующиеся общественной вредностью, и иные, вызывающие «общественно нежелательные последствия» сделки [4], писал о таких различиях: «Все противоправные по содержанию сделки делятся ... законодательством, во-первых, на сделки, совершенные с целью, заведомо противной интересам социалистического государства и общества, и, во-вторых, на такие противоправные по содержанию сделки, которые совершены без цели, заведомо противной государственным и общественным интересам. Это такие сделки, которые, хотя объективно и нарушают государственные и общественные

интересы, но совершены без умысла, направленного на достижение цели, противной интересам государства и общества. Для первых последствия исполнения связываются со взысканием в доход государства (ст. 49 ГК). Последствия исполнения вторых заключаются в возврате сторон в первоначальное положение по правилам ... ст. 48 ГК» [4, с. 170].

Состав любой противоправной сделки, к которой он относил в том числе сделку, совершенную с целью заведомо противной интересам государства и общества, он рассматривал как «состав определенного правонарушения» и выделял субъективные признаки (особенности цели сделки и вины) и объективный признак, в качестве которого ученый определил содержание сделки, отмечая что противоправные сделки всегда посягают на определенный объект – общественные отношения [4, с. 209-213].

Следует отметить, что не все современные ученые согласны с таким подходом. Так, в отношении действующего в настоящее время правового регулирования, в анализируемой части аналогичного законодательству 1964 г., Е. В. Богданов отмечает: «На наш взгляд, в указанной норме права было допущено смешение мотива с целью» [6, с. 69].

Действительно, с одной стороны, мотив – это то, что движет субъектом, а цель – это предполагаемый результат, который реализуется в ходе исполнения сделки. Однако, навряд ли правильно применять к субъекту какие-то негативные последствия за ненадлежащие мотивы. Этим не может быть нанесен вред государству и обществу. А вот реализовавшийся, предполагаемый при заключении сделки, результат, состоящий в нарушении определенных общественных отношений, может причинить такой вред.

В. П. Шахматов полагал, что для квалификации сделки по ст. 49 ГК требуется такой признак, как умышленная вина [4, с. 214]. Что касается особенностей объективного признака, то он отмечал: «Смысл ст. 49 ГК позволяет сделать вывод о существовании, наряду с субъективным признаком (вина в форме умысла), и другого, объективного признака таких сделок, который заключается в повышенной общественной опасности» [4, с. 222]. При этом сделки, заведомо противные интересам социалистического государства и общества, «являются особым видом противоправных (противозаконных) сделок» [4, с. 226].

Учитывая содержание правового регулирования антисоциальных сделок в ГК РСФСР 1964 г., логичным выглядело и содержание ст. 169 современного ГК в первой редакции, которая также, как и ст. 49 ГК РСФСР 1964 г., предусматривала взыскание в доход государства всего полученного (причитающегося) по сделке при наличии умысла у обеих сторон и взыскание полученного одной стороной

или причитающегося одной из сторон при наличии умысла у одной стороны сделки.

Преемственность в правовом опыте, накопленном цивилистами XX в., мы можем наблюдать в определении признаков анτισоциальной сделки в первой редакции ст. 169 ГК, а также в судебной практике, в том числе в той, которая складывается в настоящее время. В частности, из абз. 2 п. 85 Постановления Пленума № 25 [7] следует, что Верховный суд РФ характеризует недействительные сделки, последствия совершения которых предусмотрены ст. 169 ГК, посредством указания на противоправную цель сделки, умышленную вину хотя бы одной из сторон сделки, а также более высокую, чем по другим недействительным сделкам, общественную опасность.

Вместе с тем, в 2013 г. законодатель изменил содержание ст. 169 ГК: Федеральным законом от 07.05.2013 г. [8] в качестве последствий недействительности такой сделки были установлены те, которые предусмотрены ст. 167 ГК. И только в случаях, предусмотренных законом, как указал законодатель, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом.

Эта редакция ст. 169 ГК имела следствием актуализацию ряда проблем, в частности: о разграничении данного вида недействительных сделок с недействительными сделками, подпадающими под действие ст. 168 ГК, и о возможных случаях применения взыскания полученного по сделке в доход государства. Обе проблемы тесно связаны.

Что касается первой из проблем, то пытаясь ее разрешить, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 12.03.2024 № 69-КГ23-15-К7 пояснила: «Гражданским кодексом Российской Федерации недействительность сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта, в отсутствие иных, специальных оснований недействительности сделки предусмотрена статьей 168 данного кодекса.

Однако если сделка не просто незаконна, а совершена с целью, противной основам правопорядка и нравственности, что очевидно в случае ее общественной опасности и уголовно-правового запрета, такая сделка является ничтожной в силу статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна» [9].

Подобные разъяснения по указанной проблеме встречаются в практике нижестоящих судов. Например, Арбитражный суд Уральского округа в Постановлении от 27.02.2023 № Ф09-2339/18 по делу № А50-10758/2017 указал:

«Из содержания статьи 169 ГК РФ и приведенных в пунктах 75 и 85 Постановления N 25 разъяснений следует, что положения статьи могут применяться как к сделкам, чье содержание противоречит фундаментальным принципам общественной морали или основам правопорядка, но не нарушает конкретную императивную норму закона, так и к таким сделкам, которые нарушают те или иные особо важные императивные нормы, отражающие основы нравственности или правопорядка, объективно доминирующие в российском общественном сознании» [10].

Такой подход не позволяет сделать вывод о целесообразности квалификации противозаконной сделки по ст. 169 ГК, если законодатель не установил такие последствия ее недействительности как изъятие полученного в доход государства. Кроме того, возникает вопрос о том, что, если сделка по ст. 169 ГК РФ характеризуется общественной опасностью и нарушает «особо важные императивные нормы», почему ее последствия такие же, как и по сделкам, не обладающим подобными признаками.

Более того, применив теорию состава противоправных сделок В.П. Шахматова, можно обнаружить, что в ст. 169 ГК РФ закреплены, как минимум, три вида недействительных сделок, каждая из которых имеет свой состав: противоправные сделки, характеризующиеся умышленной виной и повышенной общественной вредностью (видимо, именно поэтому законодатель может установить в их отношении такое последствие, как взыскание в доход государства полученного по сделкам); противоправные сделки, характеризующиеся содержанием, противоречащим императивным нормам законодательства, при неосторожной форме вины либо ее отсутствию (в связи с установлением в качестве последствия двусторонней реституции именно их невозможно отличить от тех сделок, которые подпадают под действие ст. 168 ГК РФ) и сделки, «нежелательные для общества», которые не нарушают конкретные императивные нормы законодательства, однако, противоречат основным принципам правопорядка и нравственности.

Такая редакция ст. 169 ГК, в которой оказались смешанными различные составы сделок, породила и вопрос о том, что следует понимать под законом, который предусматривает возможность взыскать в доход Российской Федерации все полученное по сделке сторонами, действовавшими умышленно.

Существуют судебные решения, в которых таким законом признается УК [11]: например, получение взятки за совершение заведомо незаконных действий рассматривается как антисоциальная сделка и применяются правила о взыскании в доход государства полученного по ней (например, [12]). Однако, Верховный суд РФ в настоящее время сформулировал позицию о том, что

конфискация по УК РФ – это вид наказания, а не следствие недействительности сделки [13].

Подобный подход подтвердил и Конституционный суд РФ, который пояснил, что «предусмотренное статьей 169 ГК Российской Федерации правило о том, что в случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом, не является мерой уголовно-правового характера и не равнозначно штрафу как виду уголовного наказания» [14].

Вероятно, аналогичный вывод должен быть сделан и в отношении применения конфискации имущества в рамках привлечения к административной ответственности.

Следует отметить, что сегодня существует пример закрепления законом последствий сделки в виде взыскания полученного в доход государства. Федеральным законом от 28.04.2023 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства" [15] статья 15 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ "О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (с изменениями и дополнениями) [16] была дополнена пунктом 1.1. следующего содержания: «Суд применяет последствия недействительности ничтожной сделки в соответствии с гражданским законодательством, в том числе может взыскать в доход Российской Федерации приобретенные в результате совершения ничтожной сделки сторонами, действовавшими умышленно, акции (доли), составляющие уставный капитал хозяйственного общества, имеющего стратегическое значение, либо приобретенное в результате совершения ничтожной сделки сторонами, действовавшими умышленно, имущество, которое относится к основным производственным средствам хозяйственного общества, имеющего стратегическое значение, а также взыскать в доход Российской Федерации доходы, полученные в результате совершения ничтожной сделки сторонами, действовавшими умышленно».

Учитывая, складывавшуюся по таким делам судебную практику по 31.08.2013 (например, [17]), и содержание действующего законодательства, в соответствии с которым взыскание полученного в доход государства возможно только по антисоциальным сделкам, очевидно, следует сделать вывод о том, что законодатель, устанавливая вышеуказанные правила, имел ввиду именно ст.

169 ГК. Однако, если взять во внимание публичный характер данного правонарушения, возникает вопрос о целесообразности такого решения – в пользу закрепления изъятия имущества в доход государства как последствия недействительной сделки, а не административного наказания. Возможно, такое положение дел также является следствием смешения составов недействительных сделок в ст. 169 ГК.

Таким образом, может быть сделан вывод о том, что в ст. 169 ГК закреплены три вида (состава) недействительных сделок. При этом отсутствует четкое разграничение этих составов, что порождает проблемы в правоприменительной деятельности, в частности, касающиеся квалификации недействительных сделок и применения последствий их недействительности.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Федеральный закон от 30.11.1994 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Гражданский кодекс РСФСР : Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Желонкин, С.С. Недействительность антисоциальных сделок. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2017. - 159 с.
4. Шахматов, В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. - 307 с.
5. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Богданов, Е.В. Психологические аспекты гражданско-правовой сделки // Современное право. 2024. № 3. С. 64 - 72.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 28.12.2016) //

Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.03.2024 № 69-КГ23-15-К7 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа в от 27.02.2023 № Ф09-2339/18 по делу № А50-10758/2017 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

12. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 03.10.2017 по делу № 33-4132/2017 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.03.2024 № 69-КГ23-15-К7 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2023 № 1660-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Семениченко Александры Павловны на нарушение ее конституционных прав статьями 167 и 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

15. Федеральный закон от 28.04.2023 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства"» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

16. Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

17. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15.05.2023 по делу № А40-221753/22-189-1781 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 342.5

О ВЕТВЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

© С.С. Митин

Сибирский федеральный университет

Теория разделения властей уже при ее формулировании в XVII – XVIII вв. не содержала жестко унифицированного набора подсистем государственного аппарата, являющихся ветвями государственной власти. Так, один из её основоположников английский философ Дж. Локк выделял законодательную, исполнительную и федеративную власти [2, с. 317]. Последняя из указанных ветвей, по его мнению, представляет государство в международных отношениях. Судебная власть, с точки зрения английского мыслителя, отдельной ветвью государственной власти не является и реализуется в рамках исполнительной. Другой же, не менее известный автор данной концепции, французский правовед и просветитель Ш. Монтескье полагал, что государственная власть должна быть разделена на законодательную, исполнительную и судебную [3, с. 169-170].

Названные ученые жили в условиях абсолютной монархии, вся власть в которой принадлежала одному человеку (единоличному монарху, королю). Поэтому они протестовали против подобного единства государственной власти и выступали за ее разделение, рассматривая, в первую очередь существование законодательной и исполнительной властей, их взаимодействие и взаимоотношения. По сути, Дж. Локк и Ш. Монтескье заложили теоретический фундамент, принцип организации разделения власти в государственном механизме, не акцентируя внимание на количестве осуществляющих её ветвей.

Во второй половине XX – начале XXI вв. в данном отношении указанная теория не изменила своего характера. Нужды политической практики в разных суверенных политических организациях требуют неодинаковых комплектов властей как составных частей разделенной системы государственных органов. В частности, Конституцией Китая 1912 года были установлены не только традиционные законодательная исполнительная и судебная ветви государственной власти, но и экзаменационная, осуществляющая отбор лиц на государственную службу, а также контрольная, выполняющая функции государственного контроля. В Конституции Венесуэлы 1999 года дополнительно к уже упомянутой триаде властей указаны избирательная власть, регулирующая и обеспечивающая процесс проведения выборов, и гражданская власть,

призванная следить за соблюдением прав человека и состоящая из омбудсмана, генерального прокурора и генерального ревизора [7, с. 124-125].

Появление в конституционных актах различных стран мира новых ветвей государственной власти, выходящих за рамки классической концепции разделения властей, вызывает необходимость дать теоретическое определение понятию «ветвь государственной власти» и выделить её признаки. По мнению известного российского ученого-правоведа В.Е. Чиркина, исследовавшего теорию государственной власти и её практическое воплощение в государственных механизмах РФ и зарубежных стран, ветвь государственной власти – это обособленная организационно-функциональная структура целостного механизма осуществления государственной власти, органы которой, реализуя определенную функцию государственного механизма по управлению обществом, при осуществлении своих полномочий не подчинены органам других ветвей государственной власти и применяют в своей деятельности специализированные формы, методы и процедуры [5, с. 6].

Исходя из указанного определения, можно выделить следующие признаки ветви государственной власти.

В первую очередь, ветвь государственной власти занимает своё, особое место в государственном механизме, выполняет определенную важную общегосударственную функцию, работу по государственному управлению, осуществляет специализированную деятельность. В частности, законодательная власть реализует функцию по принятию законов, исполнительная власть – по исполнению законов, судебная власть – по их применению.

Во-вторых, каждая ветвь государственной власти материализуется в специальных органах, являющихся структурной частью единого государственного аппарата. Ветвь власти – это организационно-юридическая трансформация определенной функции государства в специализированную структуру (орган) государственного аппарата [5, с. 5]. Согласно классической модели разделения властей законодательная власть осуществляется парламентом, исполнительная – правительством и министерствами, судебная – судами.

В-третьих, указанные органы обладают самостоятельностью и независимостью, выполняя свои функции они не подчинены другим государственным органам. Названными качествами обладают, например, парламент в процессе своей законодательной деятельности или суд при осуществлении правосудия. При этом, однако, необходимо отметить, что всеобъемлющая и полная независимость какой-либо ветви власти может привести к узурпации ею государственной власти, тирании. Система сдержек и

противовесов предотвращает отмеченные последствия, предоставляя каждой ветви власти особые полномочия, позволяющие блокировать незаконные действия другой ветви. К таковым полномочиям, например, относятся право президента наложить вето на принятый парламентом закон, право законодательной власти объявить импичмент президенту и другим должностным лицам.

В-четвертых, ветвь государственной власти представляет собой определенную структуру (часть) государственного механизма. Такой структурой её делает единство организационных качеств или осуществляемых функций [5, с. 5]. В частности, к контрольной ветви государственной власти, если признавать её существование, относится прокуратура, представляющая собой единую федеральную централизованную систему органов. С другой стороны, в государственном механизме существуют независимые друг от друга органы, осуществляющие одну и ту же государственную функцию (Красноярский краевой суд и Арбитражный суд Красноярского края относятся к судебной власти, но действуют независимо друг от друга).

В-пятых, каждая ветвь государственной власти осуществляет свою деятельность с помощью особых специфических форм, методов и процедур, присущих только ей. Законопроекты обсуждаются в парламентских комитетах и комиссиях, после чего выносятся на рассмотрение и голосование в парламенте. Результатом деятельности законодательной власти является принятый закон, т.е. общие правила поведения, которые имеют высшую юридическую силу. Исполнительная власть занимается исполнением законов, принимает подзаконные нормативные правовые акты (постановления) и осуществляет оперативное руководство деятельностью государства. В свою очередь, судебная власть разрешает возникшие споры (конфликты) путем применения действующего законодательства к конкретным правовым ситуациям и характеризуется наличием нескольких инстанций (апелляционной, кассационной, надзорной), которые отсутствуют в других ветвях власти.

Анализ отмеченных признаков ветви государственной власти позволяет сделать вывод о наличии в Российской Федерации, помимо «классических» законодательной исполнительной и судебной, ещё и президентской, а также контрольной власти.

В самом деле, Президент РФ занимает обособленное место в государственном механизме и осуществляет особую, специализированную деятельность. В соответствии со ст. 80 Конституции РФ он является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией РФ порядке он принимает меры по охране суверенитета РФ, ее

независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Деятельность президентской ветви государственной власти материализуется в конкретном должностном лице – Президенте РФ. Он является частью государственного механизма РФ, обладает самостоятельностью и независимостью при осуществлении своих конституционных полномочий, никакой государственный орган не может оказать на него влияние. Основными формами деятельности Президента РФ являются указы и распоряжения (ч. 1 ст. 90 Конституции РФ), а также поручения.

Существование президентской ветви государственной власти возможно лишь в условиях той формы республиканского правления, которую именуют полупрезидентской, поскольку президент в президентской республике включён в исполнительную власть и возглавляет её (например, в США), а в парламентской республике не обладает значимыми полномочиями и не является самостоятельной политической фигурой (федеральный канцлер в Германии играет более важную роль в политической системе этой страны, чем её президент).

В научной литературе выделяют ещё и контрольную ветвь государственной власти [1; 6]. Наиболее очевидным её представителем выступает прокуратура, органы которой выполняют особую – контрольную – функцию государства, осуществляют надзор за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 129 Конституции РФ). Прокуратура является структурным элементом единого государственного механизма России, в силу п. 1 ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура РФ составляет единую федеральную централизованную систему органов и организаций и действует на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. Ст. 5 этого же закона устанавливает недопустимость какого-либо вмешательства в деятельность прокурора и принимаемые им решения. К основным формам деятельности прокурора относятся протест, представление, постановление и предостережение о недопустимости нарушения закона.

Некоторые авторы находят иные, помимо отмеченных, ветви государственной власти. В частности, Г.А. Тосунян и А.Ю. Викулин высказывают мнение о появлении так называемой «денежной власти» в системе государственной власти РФ. Они полагают, что в связи с качественным изменением роли и значения денег в жизнедеятельности общества и государства становится очевидной необходимость выделения четвертой власти

– «денежной власти» и ее включение в качестве самостоятельной ветви в единую систему государственной власти [4, с. 192]. Такая точка зрения с учётом вышеперечисленных признаков ветви государственной власти представляется спорной, дискуссионной и представляет возможности для дальнейших научных исследований по данной тематике.

Список использованных источников:

1. Карпов, Н.Н. К вопросу о месте прокуратуры в системе государственной власти Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2019. Том 6. №1 (18).

2. Локк, Дж. Соч.: В 3т. Т.3. / Ред. и сост., авт. примеч. А.Л.Субботин: Пер с.англ. и лат. М.: Мысль, 1988.

3. Монтескье, Ш. Избранные произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.

4. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и проблемы банковской системы. – 3-е изд., перераб. и допол. М.: Дело, 2000.

5. Чиркин, В.Е. О понятии «ветвь государственной власти» // Право и политика. 2003. № 4 (40).

6. Чиркин, В.Е. Прокуратура РФ в системе единства государственной власти и разделения её ветвей // Российский юридический журнал. 2009. № 3.

7. Чиркин, В.Е. Статьи 10 и 11 Конституции Российской Федерации: три или четыре ветви государственной власти в России? // Государство и право. 2018. № 9.

УДК 340.5

АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК МЕРА УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

© Е.В. Мороз

Сибирский федеральный университет

Актуальность исследования по данной теме заключается в том, что преступления экстремистского характера в XXI в. стали серьёзной угрозой для международной безопасности. Особую распространённость преступления экстремистского характера получили в XXI в. в связи с развитием и

распространением компьютерных технологий и сети «Интернет» в виде агитации и призывов экстремистского характера.

Не обошла стороной эта проблема и Российскую Федерацию из-за социально-экономических и политических потрясений последних 30 лет, а также наличия экстремистских настроений у некоторых лиц и преступных группировок на территории РФ. Российская Федерация занимает далеко не последнее место по количеству совершаемых преступлений экстремистской направленности. Только за январь - декабрь 2023 года в Российской Федерации зафиксировано 1340 преступлений экстремистского характера [7].

Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа отечественного и зарубежного антиэкстремистского законодательства как меры укрепления международной безопасности. Методологическую основу исследования составляет сравнительно-правовой метод.

Обсуждение проблемы необходимо начать с сравнительного анализа определений «экстремизма» в российском и зарубежном законодательстве.

В российском законодательстве термин «экстремизм» закреплен в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1]. Данное определение является в полной мере исчерпывающим и не требующим дополнительного пояснения.

В отличие от российского законодательства в законодательстве США отсутствует легальное определение «экстремизма»: ни в одном законе или подзаконном акте нет конкретного определения данной противозаконной деятельности. Так же в российском праве, в отличие от американского более конкретно разграничены терроризм и экстремизм.

Еще одна особенность американского права в сфере борьбы с экстремизмом заключается в том, кто осуществляет борьбу с его проявлениями. Первая поправка к Конституции США гласит, что «Конгресс США не будет принимать закон относительно установления религии или запрещения её исповедания, или ущемления свободы слова или печати, или права народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [3]. Фактически эта статья Конституции США означает, что роль самого государства в борьбе с проявлениями экстремизма ограничивается им самим. Данная функция возложена на специализированные общественные организации, научные и независимые политические центры. Данная практика является не типичной для РФ, где полномочия по борьбе и противодействию экстремизму традиционно переданы правоохранительным органам, а общественные и научные организации могут лишь оказывать научно-аналитическую поддержку данным органам.

Если переходить к понятию «экстремизма» в праве Германии, то в нём, в отличие от российского права не содержится данного понятия, но имеет в своём составе ряд уголовно-правовых норм, которые содержат признаки экстремистских преступлений. Так же, в отличие от российского права в праве ФРГ экстремизм относится сугубо к политически мотивированному преступлению, то есть к преступлению, совершаемому сугубо по политическим мотивам, которая влечет за собой совершение разных деяний [6, с. 108].

Сравнивая с уголовным правом РФ необходимо отметить, что мотивы данного преступления могут быть различными, а не только политическими. Например, в статье 282 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ) установлена уголовная ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти, вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации [2].

В современном законодательстве Франции не закреплено легальное понятие термина «экстремизм». В этом законодательство Французской Республики схоже с правовыми положениями немецкого и американского законодательства. При этом французское законодательство четко разделяет экстремизм на два вида – религиозный и политический. Религиозный экстремизм ставит своей целью возвращение доминирующего положения в обществе и пропагандируется различными радикальными сектами и движениями. Политический же экстремизм представлен радикальными и крайними движениями (нацистскими, анархическими и др.).

Преступления экстремистского характера указаны в книге IV «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия» в книге VI «О нарушениях» Уголовного кодекса Республики Франция (далее УК Франции). В пункте 1 статьи 421-1 УК Франции предусмотрена ответственность за действия, в которых присутствует факт умышленного посягательства на жизнь, личную неприкосновенность, незаконное лишение свободы или похищение человека, угон корабля, самолета или любого иного транспортного средства, совершаемые физическими или юридическими лицами, с целью нарушения общественного порядка путем устрашения или террора [4].

В свою очередь статья 431-6 УК Франции предусматривает ответственность за прямую провокацию вооруженного сборища (группы лиц), выражающаяся в публичных выступлениях, лозунгах, или же в расклеивании, распространении

листовках, либо любым другим способом передачи текста, речи или изображения [4]. Аналогичный состав преступления можно проследить и в статье 280 УК РФ, где предусматривается наказание за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные, в том числе, и с использованием СМИ и сети «Интернет».

В статье R 624-3 УК Франции ответственность предусматривается за факт осуществления лицом непубличного распространения порочащих сведений (диффамация), направленные против конкретного лица или группы лиц в силу его или их происхождения, действительной или предполагаемой принадлежности или непринадлежности к какой-либо этнической группе, нации, расе, религии [4].

Так же уголовная ответственность, в соответствии со статьей R 624-4 УК Франции, предусмотрено за публичное оскорбление, которое имеет расистский или националистический характер или подтекст [4]. Субъектами этого состава преступления могут выступать физические или юридические лица. В уголовном праве Российской Федерации мы тоже видим санкции за подобного рода правонарушения, предусмотренные ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» под этим понимается в соответствии с п. 1 «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации» [2].

В соответствии со статьей R-40-3 УК Франции привлекаются к ответственности лица, носящие или демонстрирующие знаки отличия и эмблемы, униформу сходные и напоминающие те, которые носили или демонстрировали члены организаций, объявленных преступными, на основе ст. 9 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге, или лица, признанные французским международными судами, виновными в преступлениях против человечества [4]. Данная норма имеет свой аналог в отечественном законодательстве в виде статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», где, по мнению автора одним из действий по реабилитации нацизма в форме одобрения совершенных нацистскими и фашистскими организациями преступлений против человечества как раз и является ношение знаков и символов данных организаций или сходных с ними [2].

Анализируя антиэкстремистские нормы в праве Германии, необходимо отметить, что данному вопросу в ФРГ отводится особое внимание. В ФРГ

наличие экстремистских взглядов не является уголовно наказуемым. Только конкретные действия - применение насилия, посягательство на государственное устройство, распространение материалов неонацистской и неонацистской тематики являются уголовно наказуемыми [8, с. 44]. К таковым относятся составы преступлений, указанные в параграфах 84 «Продолжение деятельности партии, объявленной противоречащей Конституции», 86 «Распространение пропагандистских материалов организаций, являющихся неконституционными», 86а «Использование знаков неконституционных организаций» УУ ФРГ [5].

В соответствии с пунктом 1 параграфа 84 УУ ФРГ лицо, выполняющее организаторские функции, направленные на поддержание организационного единства организации (партии), которые были объявлены неконституционными, либо организации, в отношении которой Федеральный Конституционный Суд ФРГ установил, факт того, что она является организацией, подобной запрещенным ранее, подлежит уголовной ответственности [5]. Также на основании пункта 2 параграфа 84 уголовное наказание грозит и лицам, которые являются участниками данной организации [5]. Примерными аналогами данных составов УУ ФРГ являются статьи 282.1 и 282.2 УК РФ, где так же предусмотрена ответственность за организацию экстремистского сообщества, организации деятельности и участие в данном сообществе [2].

Особенностью немецкого законодательства является отсутствие ответственности, если пропагандистские материалы или знаки отличия применяются для гражданской агитации, защите устремлений, не противоречащих Конституции ФРГ, науке искусству, истории Германии, или иным подобным целям. Данное положение является серьезной отличительной чертой по сравнению с российскими аналогичными нормами уголовного права (статья 280 и 282 УК РФ), которые предусматривают ответственность за любое использование экстремистских материалов, без каких-либо исключений. На наш взгляд, логика отечественного законодателя является более оправданной, так как практически невозможно публичное использование экстремистских материалов не в экстремистских целях. Законодательство ФРГ в данном случае вносит для правоприменителей ненужную путаницу, так как размывает смысловую границу между экстремистскими материалами и обычной агитацией политических лозунгов и идей, а также защитой гражданской позиции.

Параграф 129 УУ ФРГ предусматривает уголовное наказание для лиц, занимающихся организацией, непосредственным участием или поддержкой деятельности террористических сообществ, чьи цели или деятельность нацелены на совершение таких преступных деяний как: убийство, тяжкое убийство, геноцид, преступления против человечности, военные преступления,

преступления против личной свободы, разрушение важных средств производства, а также преступления, указанные в разделе XXVIII УУ ФРГ [5]. Немецкое законодательство пошло по пути совмещения преступлений, которые можно отнести к террористическим и к экстремистским одновременно, при этом оставив разработку понятийного аппарата юридической науке и судебной практике [10, с. 225]. По нашему мнению, данный подход является так же не вполне корректным, так как признание состава преступления как одновременно экстремистского и террористического вносит дополнительные сложности для правоприменителя. Они могут проявиться в том, что может возникнуть противоречие, какое преступление совершило лицо - экстремистское за которое идет ответственность по одним нормам УУ ФРГ или террористическое, за которое предусмотрена ответственность по другим нормам УУ ФРГ. Так же спорным является подход оставления разработки понятийного аппарата в сфере экстремистских преступлений судам и научной деятельности юристов. Это в целом привносит некоторую запутанность для всех участников уголовного права и процесса, так как помимо основного закона приходится обращаться и анализировать перечень нормативно-правовых актов подзаконного характера от судов и юридической литературы. Наоборот, в сфере антиэкстремистского законодательства РФ практически все необходимые понятия сосредоточены в УК РФ, ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Законодательство США, так же, как и российское, рассматривает противодействие экстремизму и борьбу с радикальными взглядами определенных социальных групп как одну из главных задач обеспечения международной безопасности по вполне понятным причинам. В американской судебной практике уголовная ответственность наступает за преступные действия, которые называются «hate speech» и «hated crime», то есть понятие «экстремизма» крайне редко применяется [8, с. 46]. То есть в праве США происходит целенаправленная борьба именно с распространением экстремистских материалов, с речевыми практиками (высказываниями) экстремистского характера, а также насилием в отношении определенных социальных и этнических групп на экстремистской почве.

В заключение настоящего сравнительно-правового исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, выдвигается концептуальный тезис, согласно которому исключительная сложность экстремизма как политико-правового феномена детерминирует разнообразие подходов к определению экстремизма в российском и зарубежном законодательстве.

Во-вторых, российское антиэкстремистское законодательство по своей сути достаточно близко к законодательству Франции и Германии, особенно в виде схожих по содержанию норм уголовного права. Законодательство США, относящееся к другой правовой семье, при этом ощутимо отличается от всех прочих сравниваемых правовых систем, как своей структурой с ярко выраженной автономией штатов в вопросах борьбы с экстремизмом, а так же участием в борьбе с экстремизмом большого количества специальных негосударственных организаций, так и содержанием в виде отсутствия общефедеральной понятийной базы с сфере экстремизма.

В-третьих, если законодательство РФ и Франции имеет общие особенности в сфере борьбы с экстремизмом, то законодательство ФРГ имеет некоторые «ослабления» в отношении использования экстремистских материалов, по сути, разрешая их публикацию в некоторых случаях. Законодательство США же в сфере борьбы с экстремизмом радикально отличается от других трёх сравниваемых правовых систем, хотя и имеет те же цели и использует примерно те же методы, что и законодатели в РФ, Франции и Германии.

В-четвертых, можно выделить высокий уровень проработанности содержания российского антиэкстремистского законодательства: оно удобно структурировано и не перегружено большим количеством норм, что позволяет без больших сложностей, обратившись всего к нескольким нормативно-правовым актам, работать правоприменителю.

В целом, при сравнении отечественного законодательства в сфере борьбы с экстремизмом с зарубежным, прослеживается однозначный вывод о крайне большой степени и уровне проработанности антиэкстремистских норм в российском праве, что подчеркивает, что российское право находится на одном уровне с зарубежным антиэкстремистским законодательством. Все эти факторы, как видится, позволяют признать эффективными законодательные меры по борьбе с экстремизмом в Российской Федерации, что способствует укреплению международной безопасности.

Список использованных источников:

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024). – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12127578/>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10108000/>.

3. Конституция Соединённых Штатов Америки: принята 17.09.1787 (полный текст с 26 поправками). – Режим доступа: https://yurist-online.org/laws/foreign/const_of_USA/ru/konstitucija_ssha.pdf.

4. Уголовный кодекс Франции: принят 22.07.1992. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070719>.

5. Головненков, П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона. - Universitätsverlag Potsdam, 2021. – Режим доступа: <https://publishup.unipotsdam.de/opus4ubp/frontdoor/deliver/index/docId/47371/file/sdrs04.pdf>.

6. Ильяшенко, А.Н. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности по УК РФ и УК ФРГ: сравнительно-правовой анализ // Общество и право. 2013. №3. С. 108-110.

7. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. – Режим доступа:

https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/%D0%A1%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%811.pdf.

8. Сериков, А.М., Венцель, А.М. Опыт противодействия молодежному экстремизму в Германии, США и Великобритании: сравнительный анализ // Философия права. 2017. № 4. С.43-49.

УДК 342.9

ЦЕЛИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

© Н.А. Морозова

Сибирский федеральный университет

Под «чрезвычайным законодательством» в литературе [1, с. 7-12] понимается совокупность нормативно-правовых актов, которые регулируют общественные отношения в условиях чрезвычайных ситуаций.

Его основу и ядро составляют Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральный конституционный

закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», Федеральный от 30.03.1999 № 52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Помимо названных актов в «чрезвычайное законодательство» некоторыми учеными включают иные законы и подзаконные акты [2, с. 40-44].

Содержание «чрезвычайного законодательства» составляют нормы (в том числе «спящие» [3, с. 112]), закрепляющие основания для возникновения, порядок введения и характеристики особых правовых режимов, права и обязанности субъектов управления, а также признаки ситуаций, характеризующихся как «чрезвычайные». Введение особых правовых режимов означает перераспределение властных полномочий между имеющимися и специально созданными органами публичной власти, изменение правил ведения разных видов деятельности, а также возможность ограничения прав подвластных субъектов [4, с. 5-6]. Особые правовые режимы должны иметь временные и территориальные границы.

Особенностью «чрезвычайного» законодательства является то, что многие конструкции в нем формируются умозрительно, исходя из предположения о наилучшем поведении в сложных, экстренных ситуациях, и экстраполяции опыта, полученного в схожих условиях иными субъектами [5, с. 83-89]. В дальнейшем, при неудачном развитии событий, эти конструкции могут быть проверены на практике, при этом корректировка неверных управленческих решений затруднена, а иногда и не возможна, каждое же такое решение влечет дополнительные потери. Чрезвычайные ситуации характеризуются, как правило, внезапностью наступления и плохо поддаются прогнозированию. В силу этого законодатель оставляет широкое поле для дискреции тех органов, которые непосредственно должны осуществлять принимать управленческие решения в чрезвычайных условиях [6, с. 45-53] – поскольку действовать им предлагается нередко исходя из обстановки, в условиях ограниченного времени, ресурсов и информации. В этой ситуации крайне важным является установление тех ориентиров, которые задают общий вектор направленности деятельности органа в экстраординарных условиях – иными словами, указание на цели.

Далеко не все из перечисленных законов содержат в тексте упоминание целей правового регулирования или деятельности органов.

Собственно, цели указаны только в ч. 2 ст. 1 Закона о военном положении, ст. 2 Закона о чрезвычайном положении, ст. 3 Закона о защите от чрезвычайных ситуациях. Если обобщить их указания, то целями является:

- предупреждение возникновения и развития ситуации,
- ее ликвидация,
- минимизация последствий.

И только Закон о чрезвычайном положении указывает в качестве цели на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиту конституционного строя Российской Федерации.

Вместе с тем, учитывая, что права и свободы являются высшей ценностью, именно их защита и охрана, прежде всего, должны быть приоритетной целью любой деятельности государства, в том числе и в экстраординарных условиях [7, с. 45-55].

Отсутствие такого указания в законах создает условия для формирования неверного представления о границах должного и допустимого со стороны органов, временно или постоянно уполномоченных на принятие каких-либо мер, влияющих на права граждан. Показательных историй, например, из недавнего опыта борьбы с вирусом COVID19, можно рассказать огромное количество – начиная от неоправданных ограничений на массовые мероприятия, и заканчивая посягательствами на права собственности, которые не были обусловлены ни логикой, ни целесообразностью противодействия распространению болезни.

Вместе с тем, следует признать, что в ситуации, когда обеспечить соблюдение всех прав и свобод возможности не представляется, у правоприменителя должна иметься некоторая схема их приоритетности.

Основой для таких рассуждений являются нормы Конституции РФ, где помимо общего указания на недопустимость ограничений прав иначе, чем федеральным законом (ч. 3 ст. 55) есть еще указание на то, что некоторые из них вообще не могут подвергаться ограничениям:

- право на жизнь и достоинство личности (ст. 20 и 21) и вытекающие из них запрет пыток, насилия или унижения (ст. 21),
- право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (ст. 23 и 24),
- право на честь и доброе имя (ст. 23),
- право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23),
- свобода совести, свобода вероисповедания (ст. 28),
- свобода предпринимательской деятельности (ст. 34),
- право на жилище (ст. 40),
- право на получение квалифицированной юридической помощи и на судебную защиту (в том числе и для потерпевших от преступлений), с

обязательным рассмотрением дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, а при необходимости – и судом присяжных (ст. 48, 46, 47 и 52),

- право не доказывать свою невиновность и при этом считаться невиновным пока виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке, с использованием допустимых доказательств, и установлена вступившим в законную силу приговором суда (который, кстати, может быть пересмотрен или смягчен) (ст. 49 и 50),

- право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ст. 51),

- право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53),

- право не отвечать за деяния, не являвшиеся проступками на момент их совершения, не отвечать за деяния многократно, и не нести ответственности по закону, ухудшающему положение (ст. 50 и 54).

Ничего из этих прав и свобод не может быть ограничено, принесено в жертву для достижения более важных целей – поскольку их соблюдение и есть важнейшая цель.

Безусловно, Конституция РФ является актом прямого действия [7], но все же представляется важным закрепление в упомянутых законах, составляющих чрезвычайное законодательство, буквального текста с перечислением важнейших ценностей нашего государства.

Список использованных источников:

1. Мелехин А.В. Роль и место правового режима чрезвычайной ситуации в системе чрезвычайных правовых режимов Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. М., 2010. № 3(15). С. 7-12.

2. Калина Е.С. О «чрезвычайном праве» и праве чрезвычайной ситуации // Административное право и процесс. 2013. № 10. С. 40-44.

3. Подмарев А.А. Конституционное регулирование ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайных режимов в национальных правовых системах // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 112-120.

4. Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика: монография / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М., 2017.

5. Шалберкина М.Н. Правовые проблемы разработки и внедрения механизмов защиты конституционных прав граждан в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 83-89.

6. Старостин С.А. Управленческие решения в чрезвычайных ситуациях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 5 (118). С. 45-53.

7. Шелегов Ю.В. О конституционно-правовых основах введения режима чрезвычайного положения в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3. С. 45-55.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. №1.

УДК 343.9

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И ПАМЯТИ В КНР

© Г.Л. Москалев

Сибирский федеральный университет

Под культурой, в широком значении этого термина, понимается накопленная человечеством за весь период его существования, совокупность знаний и умений, направленных на его самосохранение, воспроизводство, самосовершенствование и воплощенная в нормах жизни, в предметах материальной и духовной культуры [6, с. 456]. В этом смысле право вообще и уголовное право в частности являются частью человеческой культуры, «необъемлемой частью общего культурного пространства» [7, с. 5].

При этом культура различных наций, являясь частью общечеловеческой культуры, содержит достижения характерные только или преимущественно для конкретной нации [9, с. 50]. На этом основании последователи культурологического подхода в уголовно-правовых науках предлагают «разграничивать деяния, криминализованные с учетом культурных универсалий, посягающие на правовые блага, признаваемые независимо от культурной специфики правовой системы, и деяния, криминализованные под влиянием культурной доминанты, которые посягают на общественные отношения, отражающие культурные особенности соответствующей правовой системы» [7, с. 10].

Ко второй группе запретов следуют отнести составы преступлений, предусмотренные УК РФ, и направленные на уголовно-правовую охрану исторической правды и памяти. В 2020 году Конституция РФ обогатилась ч. 3 ст. 67.1, первое предложение которой гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды» [1]. Во исполнение этого нового положения основного закона страны нормы, посвященные исторической правде, стали активно включать в различные правовые акты: Стратегию национальной безопасности РФ [3], Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4], Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024 - 2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5]. Кроме того, в УК РФ была включена ст. 243.4, непосредственно направленная на защиту исторической правды, а в существовавшей еще ранее ст. 354.1 УК РФ содержатся составы, охраняющие историческую правду и память.

В связи с возрастающими в последние годы темпами сотрудничества России и Китая актуальным направлением научных исследований является сравнительный анализ национальных правовых систем двух государств. Вопрос о сходствах и различиях в подходах к охране исторической правды и памяти в РФ и КНР связан не только с обнаружением общих тенденций развития уголовного права двух стран, но и в целом, с поиском точек пересечения двух, казалось бы, очень отличающихся друг от друга культур.

Право Китая, в отличие от российского, не использует понятия «историческая правда» и «историческая память». Тем не менее, содержательно охватываемые этими категориями вопросы все же находятся в сфере нормативного регулирования и охраны в КНР.

Глава 6 «Преступления против порядка управления и общественного порядка» УК КНР содержит ст. 299-1 «Посягательство на честь, достоинство живых и покойных героев». Данная статья была введена Постановлением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва от 26 декабря 2020 г. и предусматривает уголовную ответственность за «Оскорбление, клевету или посягательство иным образом в отношении чести, достоинства живых и покойных героев, нарушение общественных интересов, совершенные при отягчающих обстоятельствах» [10, с. 154].

Нормативным основанием появления этой статьи в УК КНР выступила ст. 26 Закона КНР «О защите героев и мучеников» (принят Постановлением

Постоянного комитетом Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва от 27 апреля 2018 г.), которая установила необходимость уголовного преследования лиц, совершающих указанные действия. Важно, что целью принятия закона являлось противодействие искажению китайской истории, попытки которого состоят в умалении чести и достоинства героев и мучеников [8, с. 383], деяния и дух которых являются общей исторической памятью Китая [8, с. 385]. При этом определения указанных категорий лиц в самом законе не содержатся.

Как указывает Д.В. Кузнецов «В настоящее время, решение о включении кого-либо в группу «мучеников» принимается на уровне Министерства гражданской администрации КНР, т.е. центрального народного правительства и народных правительств провинций, Народно-освободительной армией Китая и Министерством общественной безопасности КНР» [8, с. 380]. Критерии для отнесения того или иного лица к героям и мученикам закреплены нормативно. Их обобщение позволяет говорить, что к героям и мученикам могут быть отнесены как военные, так и гражданские лица, которые, соответственно, совершили подвиг или отдали жизнь во имя интересов КПК или китайского государства.

Хотя действующее «Положение о чествовании героев и мучеников» классифицирует данных лиц по историческим обстоятельствам, в рамках которых появились основания наделения лица почетным статусом, ретроспективный анализ регулирования все же позволяет классифицировать данных лиц. К ним относятся герои и мученики периодов:

- революции 1911 года;
- антимилитаристских военных походов (1924-1927 гг.), направленных на консолидацию Китая, за исключением военнослужащих, участвовавших в антикоммунистической борьбе;
- первый этап гражданской войны в Китае (1927-1937 гг.) в части участников коммунистических сил;
- Японо-Китайская война (1937-1945 гг.) в части участников противостояния Японской оккупации страны;
- второй этап гражданской войны в Китае (1946-1950 гг.) в части участников коммунистических сил;
- современный Китай (1950-н.в.).

Нетрудно заметить, что запрет, изложенный в ст. 299-1 УК КНР, имеет значительное сходство с ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, направленной на охрану исторической правды и памяти, в части, регламентирующей ответственность за «оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства

ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично». Разумеется, перечень лиц, память которых охраняется в рассматриваемых УК, отличается и связан и с историей каждой страны. Тем ни менее, примечательно сходство объектов охраны, подходов к её осуществлению и значительное хронологическое совпадение событий, в связи с которыми осуществляется охрана исторической памяти и правды. Ясно, что в связи с распадом СССР в УК современной России не указываются герои революционных событий и гражданской войны в нашей стране начала XX в. В то же время аналогичные события в Китае охраняются правом этой страны ввиду преемственности курса КПК. При этом в ст. 354.1 УК РФ особо отмечаются ветераны Великой Отечественной войны, важнейшей составляющей участия нашей страны во Второй мировой войне. В свою очередь существенной составляющей героев и мучеников КНР признаются лица, проявившие себя в ходе Японо-Китайской войны, значительная часть которой хронологически относится ко Второй мировой войне.

Еще одним направлением охраны исторической правды и памяти является защита мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих историю страны. В УК РФ такая охрана обеспечивается ст. 243.4. Уголовный закон Китая подобной нормы не содержит (статьи § 4 УК КНР охраняют памятники культуры вне зависимости от их мемориального значения). Однако это не означает, что в Китае подобные объекты остаются без правовой охраны. Среди 10 типичных дел, связанных с защитой прав и интересов героев и мучеников, два касаются привлечения виновных за противоправные действия на мемориальных объектах (кладбищах), посвященных указанным категориям лиц, к административной и гражданской ответственности [11].

Таким образом, такие отличающиеся на страны как Россия и Китай сходятся в вопросах правовой охраны исторической правды и памяти. Содержательное наполнение объекта охраны зависит от национальной истории каждой из стран, но и здесь обнаруживаются как минимум существенные хронологические совпадения событий, правда и память о которых храниться двумя государствами.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1991 (ред. от 06.10.2022) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.07.2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

5. Распоряжение Правительства РФ от 01.07.2024 № 1734-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024 - 2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 08.07.2024. № 28. Ст. 4058.

6. Балашов, Л.Е. Философия: Учебник. Электронная версия. – М., 2005. – 672 с.

7. Библик, О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.08 / Библик Олег Николаевич. - Екатеринбург, 2015. – 37 с.

8. Кузнецов, Д.В. Национальный пантеон героев Нового Китая. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2021. – 542 с.

9. Москалев, Г.Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ) : монография. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 188 с.

10. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева и А.И. Коробеева, пер. с китайского Хуан Даосю. 2-е изд. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021.— 312 с.

11. Верховный народный суд опубликовал 10 типичных дел, связанных с защитой прав и интересов героев и мучеников // Информационный портал China Court International при поддержке Главного управления новостей и средств массовой информации Верховного народного суда КНР. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2022/12/id/7055388.shtml> (дата обращения: 03.09.2024).

УДК 340.14

**ПРАВОТВОРЧЕСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ
НАЛОГОВОМ ПРАВЕ**

© А.В. Николаев

Сибирский федеральный университет

Статус Комментариев к Модельной конвенции Организации экономического сотрудничества и развития в отношении налогов на доходы и капитал (далее – Комментарии к МК ОЭСР) в практике применения соглашений об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН) с российским участием задан арбитражными судами, с 2011 г. характеризующими их как рамочный документ, устанавливающий общие принципы и подходы к устранению двойного налогообложения. «И если не относиться чрезмерно взыскательно к слову "устанавливающий", – замечает И.А. Хаванова, – поскольку выражаемая им императивность не присуща в полной мере данному документу, можно приветствовать баланс между необязательной природой и характером документа («рамочный») и его значением при толковании (“установление общих принципов и подходов...”» [1, с. 9].

Берясь обосновать применимость Комментариев к МК ОЭСР при толковании СИДН с российским участием суды наделяют их статусом «одного из средств толкования» согласно ст. 32 «Дополнительные средства толкования» Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (к примеру, см. определения Верховного Суда РФ от 06.03.2018 № 304-КГ17-8961 по делу № А27-25564/2015 или от 05.04.2018 № 305-КГ17-20231 по делу № А40-176513/2016). Если знать историю формирования текста ряда положений Комментариев к МК ОЭСР, устанавливающих те самые «общие принципы и подходы к устранению двойного налогообложения», то вырисовывается экстраординарная правотворческая роль национальных судов в формулировании таких принципов, посредством норм о толковании международных договоров Венской конвенции влияющих на практику применения положений СИДН государствами, для которых суды, сформулировавшие такие принципы, являются иностранными.

Так, утвержденная в 1977 г. МК ОЭСР [4] с первой редакции содержит в ст. 10-12 условие о предоставлении предусмотренных ими налоговых льгот только тому получателю дивидендов, процентов или роялти, кто является их бенефициарным собственником (beneficial owner в англоязычной и bénéficiaire

effectif во франкофонной версиях). Комментарии к указанным статьям МК ОЭСР редакции 1977 г. ограничивались разъяснением, что предусмотренные в статьях налоговые льготы недоступны у источника дохода, если «между бенефициаром [дохода] и плательщиком размещен посредник, такой как агент или номинальный владелец...». Этого было недостаточно для практики применения положений о бенефициарном собственнике дохода СИДН, заключенных различными государствами, вследствие чего национальные суды государств (в т.ч. континентальной семьи права) были вынуждены выносить судебные решения с выведением принципов, прямо не прописанных в тексте как статей о налогообложении у источника дивидендов, процентов и роялти в СИДН, так и ст. 10-12 МК ОЭСР и Комментариев к ним в редакциях от 1977 г. до 2014 г.

Филипп Бейкер полагал самым ранним таким случаем решение, вынесенное в 1994 г. Верховным судом Нидерландов по делу Royal Dutch Petroleum / market maker (Hoge Raad, 6 Apr. 1994, BNB 1994/214) [2, с. 10]. Британский фондовый брокер, действовавший как market maker, приобрел у люксембургской холдинговой компании (не имевшей права на льготы в отношении дивидендов по СИДН Нидерландов с Люксембургом) дивидендные купоны по акциям нидерландской Royal Dutch Petroleum без приобретения самих акций. После выплаты дивидендов брокер воспользовался налоговыми льготами, предусмотренными СИДН Соединенного Королевства с Нидерландами, но получил отказ по основанию, что бенефициарным собственником дивидендов был держатель акций, лишенный права на получение таких льгот, а брокер, не владеющий акциями, выступил его агентом для получения дивидендов и с целью применения налоговых льгот. Вынося решение в пользу брокера, Верховный суд Нидерландов указал, что (1) владение доходом от имущества не требует от получателя доход обязательно быть собственником приносящего доход имущества и брокер может быть признан владельцем дивидендов без владения акциями; (2) приобретая дивидендные купоны брокер получил право собственности на них и мог свободно распоряжаться как купонами, так полученными по ним дивидендами, следовательно, действовал не как добровольный агент в интересах другого лица либо агент по поручению принципала, а от собственного имени и за свой счет.

Вторым случаем Ф. Бейкер указывал решение, вынесенное в 2001 г. Швейцарской федеральной апелляционной комиссией по налоговым вопросам в деле VPB 65.86 [2, р. 16; 5]. Люксембургская V. SA, приобретая за счет займа, полученного от своего британского акционера, у резидента США акции швейцарской I. SA, ставшие ее единственным активом, в течение двух лет получила от I. SA дивиденды, в отношении которых применила льготу,

предусмотренную СИДН Швейцарии с Люксембургом. Судебный орган отказал V. SA в праве на это, поскольку та не является бенефициарным собственником дивидендов: ее деятельность исчерпывается владением акциями I. SA а все поступившие дивиденды истрачены на обслуживание займа и другие расходы, не связанные с деловой деятельностью. Между тем бенефициарный собственник это тот, кто непосредственно пользуется льготами и извлекает выгоду, а не тот, кто применяет льготы в интересах другого лица. Поэтому акционер не обязательно является бенефициарным собственником дивидендов, а компания, переводящая дивиденды третьему лицу без того, чтобы воспользоваться выгодами от них, не является их бенефициарным собственником.

Третьим случаем в том же ряду Ф. Бейкер видел решение, вынесенное в 2006 г. английским Апелляционным судом по гражданскому делу Indofood [2, с. 16; 6]. Индонезийская PT Indofood Sukses Makmur TBK (далее – Indofood) организовала привлечение заемных средств с международного рынка по схеме снижения налогов, удерживаемых выплачиваемых с процентов. Ее маврикийская дочерняя компания Indofood International Finance Ltd разместила кредитные ноты на международном рынке, перечислив в тот же день привлеченные средства займы Indofood на условиях, совпадающих с условиями размещения кредитных нот. Суммы, выплачиваемые Indofood по займу дочерней компании, перечислялись компанией держателям ее кредитных нот, к процентам, выплачиваемым Indofood, применялись льготы по СИДН Индонезии с Маврикием. После расторжения данного СИДН представитель кредиторов предложил заменить маврикийскую дочернюю компанию на дочернюю компанию в Нидерландах с использованием льгот, предусмотренных СИДН Индонезии с Нидерландами. В споре, является ли такая дочерняя компания бенефициарным собственником выплачиваемых Indofood процентов, английская апелляционная инстанция заметила, что: (1) термин «бенефициарный собственник» должен иметь международное фискальное значение, а не значение по законодательству государств, заключивших СИДН; (2) значение термина не ограничено техническим и юридическим подходом, а должно относиться к сути дела; (3) поскольку привлеченные от размещения нот средства в полном объеме передаются займы Indofood, а обязательства по нотам исполняются за счет средств, поступающих от Indofood по договору займа, без возможности иным образом распорядиться обращающимися средствами или привлечь другие источники для выплат по нотам, то дочерняя компания не может квалифицироваться в качестве бенефициарного собственника дохода.

Принципы и подходы квалификации получателя дивидендов и роялти в качестве их бенефициарного собственника развились и были алгоритмизированы в канадских судебных решениях 2008 г. по делу *Prévost* [7] и 2012 г. в деле *Velcro* [8]. В изыскании международного фискального значения термина «бенефициарный собственник» СИДН с участием Канады судьи полагались на Комментарии к соответствующим статьям МК ОЭСР 1977 г. и на документы ОЭСР, выпущенные позже, поскольку всемирное признание положений МК ОЭСР и их включение в большинство СИДН сделали Комментарии к МК ОЭСР общепринятым руководством для толкования. Судьи определили, что бенефициарным собственником дивидендов и роялти является лицо, получающее их в свое собственное пользование и полностью ими обладающее, принимающее на себя риски, связанные с их получением, и контролирующее их. Так были выделены четыре универсальных элемента, присутствие которых у получателя дохода было необходимым и достаточным условием для его квалификации в качестве бенефициарного собственника: (i) владение доходом, (ii) пользование доходом, (iii) несение рисков, связанных с извлечением дохода, (iv) контроль над доходом.

Положения МК ОЭСР и Комментариев к ней – плод совместной работы делегаций стран-участниц ОЭСР, специалистов самой международной организации и привлекаемых ею экспертов. Все они руководствуются в работе договорной и правоприменительной практикой государств в сфере избежания двойного налогообложения и противодействия избежанию налогов с использованием СИДН, а также подходами доктрин международного налогового права. Две эти сферы включают судебную практику или опираются на нее, а делегаты стран-участниц ОЭСР, ее эксперты и сотрудники становятся для принципов, сформулированных в решениях судов, проводниками в текст положений МК ОЭСР и Комментариев к ней.

В частности, после длительной подготовительной работы и начатого в 2011 г. публичного обсуждения, в 2014 г. ОЭСР приняла новую редакцию положений о бенефициарном собственнике дохода Комментариев к ст. 10-12 МК ОЭСР [9]. В них мы встречаем обобщение принципов и подходов, сформулированных в перечисленных выше решениях национальных судов по конкретным делам.

Термин «бенефициарный собственник» имеет международное фискальное значение, которое: не сводится к какому-либо значению из внутреннего законодательства договаривающихся государств; толкуется в контексте устранения потенциальных трудностей использования слов «уплаченных ... резиденту» в п. 1 ст. 10 и 11 МК ОЭСР и разъяснения того, как ст. 12 применяется к выплатам посреднику; не тождественно какому-либо техническому значению,

своиственному внутреннему законодательству договаривающегося государства; понимается в свете объекта и целей МК ОЭСР, включая устранение двойного налогообложения и предотвращение избежания налогов и уклонения от их уплаты. Международное фискальное значение термина в контексте ст. 10-12 МК ОЭСР отличается от значения, придаваемого ему в контексте иных (не фискальных) международных соглашений, актов и документов, касающихся определения лиц, осуществляющих конечный контроль над объектами или активами. Лицо, выступающее агентом, номинальным владельцем или кондуктивной компанией для другого лица, фактически извлекающего выгоду из дохода, не является бенефициарным собственником, поскольку обладают очень узкими полномочиями в отношении дохода. Оно ограничено договорным или юридическим обязательством либо фактическими обстоятельствами, обязывающими передать полученный платеж другому лицу, явно лишено права пользоваться и распоряжаться доходом. Бенефициарным собственником дохода будет его получатель, обладающий правом пользоваться и распоряжаться им без ограничений упомянутыми договорными, юридическими или фактическими обязательствами передать полученный платеж другому лицу. При этом бенефициарная собственность на доходы не тождественна праву собственности на активы, приносящие эти доходы: ст. 10-12 МК ОЭСР относятся к бенефициарному собственнику дохода, отличающемуся от владельца прав или собственности, в отношении которых доход выплачивается, т.к. в некоторых случаях их владельцем может быть иное лицо.

Тем самым национальные суды сыграли правотворческую роль в формировании международных фискальных положений Комментариев к ст. 10-12 МК ОЭСР редакции 2014 г., устанавливающих общие принципы и подходы к устранению двойного налогообложения у источника дивидендов, процентов и роялти при применении СИДН, в т.ч. отечественными фискальными регуляторами и судами (например, см. письма Минфина РФ от 09.04.2014 № 03-00-РЗ/16236 и ФНС РФ от 19.02.2024 № БВ-4-7/1786@). Те же положения воспроизведены в Комментариях к статьям 10-12В Типовой конвенции ООН об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами (далее – Комментарии к ТК ООН) редакции 2021 г. [10]. Те же принципы воспроизведены в п. 2-3 ст. 7 Налогового кодекса РФ.

Примеры правотворческой роли национальных судов в международном налоговом праве не исчерпываются разъяснениями условия о бенефициарном собственнике дохода в Комментариях к ст. 10-12 МК ОЭСР. Значение термина «тест основной цели» п. 9 ст. 29 МК ОЭСР и ТК ООН редакции 2017 г. [11; 12] и п. 1 ст. 7 многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к

налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения [13], раскрывается в Комментариях к п. 9 ст. 29 МК ОЭСР редакции 2017 г. Толкование осуществляется в т.ч. посредством разъяснения содержания теста основной цели через примеры его применения в модельных ситуациях, являющих собой обобщение реальных судебных споров. В частности, пример п. 180 Комментариев, демонстрирующий применимость теста основной цели к схеме реализации лицом имущества после смены места жительства, когда одной из основных целей переезда было получение договорной выгоды, даже если у лица были другие основные цели переезда (такие как содействие продаже имущества или реинвестирование вырученных от этого средств), базируется на рассмотренном в 2006 г. канадском деле MIL (Investments) S.A. [14]. Или, обратившись к п. 187 Комментариев обнаруживаем там пример «А», основанный на ранее нами упомянутом нидерландском деле Royal Dutch Petroleum / market maker, пример «В», основанный на французском деле 2006 г. Bank of Scotland [15], и пример «С», основанный на деле Aiken Industries, INC., рассмотренном в 1971 г. в США, все вместе иллюстрирующие применение теста основной цели к сделке или схеме, не имеющим реальной экономической сущности. И это не все примеры правотворческой роли национальных судов в урегулировании договорного теста основной цели в международном налоговом праве [З. с. 34-37, 71-73].

Список использованных источников:

1. Хаванова, И.А. Юридическое значение Комментариев к Модельной налоговой конвенции ОЭСР. Что изменилось? // *Налоги*. 2024. № 1. С. 9-13.
2. Baker, P. Possible Extension of the Beneficial Ownership Concept / P. Baker – Progress Report of Subcommittee on Improper Use of Tax Treaties: Beneficial Ownership. Addendum. Note by the Coordinator of the Subcommittee on Improper Use of treaties: Proposed amendments. E/C.18/2008/CRP.2/Add.– Режим доступа: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2014/10/4STM_EC18_2008_CRP2_Add1.pdf.
3. Duff, D.G. Tax Treaty Abuse and the Principal Purpose Test – Part II // *Canadian Tax Journal / Revue fiscale Canadienne*. 2018. Vol. 66. № 4.
4. OECD (1977), Model Tax Convention on Income and on Capital: Report of the OECD Committee on Fiscal Affairs 1977, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264055919-en> (дата обращения: 11.06.2024).
5. Décision de la Commission fédérale de recours en matière de contributions du 28 février 2001 en la cause V. SA [CRC 2000-055]. URL:

https://entscheide.weblaw.ch/cache.php?link=VPB-2001-III-2001-02-28-65.86&q=&sel_lang=it&sel_sort=alpha (дата обращения: 11.06.2024).

6. Indofood International Finance LTD and JPMorgan Chase Bank N.A., London Branch (Formerly J P Morgan Chase Bank, London Branch). URL: www.baillii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2006/158.html (дата обращения: 11.06.2024).

7. Tax Court of Canada Judgments: Prevost Car Inc. v. The Queen; Federal Court of Appeal Decision: Canada v. Prévost Car Inc. URL: <https://decisions.fca-caf.gc.ca/fca-caf/decisions/en/item/36329/index.do> (дата обращения: 11.06.2024).

8. Tax Court of Canada Judgments: Velcro Canada Inc. v. The Queen. URL: <https://decision.tcc-cci.gc.ca/tcc-cci/decisions/en/item/30726/index.do?r=AAAAAQArVmVsY3JvIENhbmFkYSBJbmMulHYuIElhIcBNYWplc3R5IHRobzSRdWVlbgE> (дата обращения: 11.06.2024).

9. OECD (2014), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2014, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2014-en (дата обращения: 11.06.2024).

10. United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries: 2021 Update. New York: UN, 2021. URL: <https://doi.org/10.18356/9789210001007> (дата обращения: 11.06.2024).

11. OECD (2017), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2017-en (дата обращения: 11.06.2024);

12. United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries: 2017 Update. New York: UN, 2017. URL: <https://doi.org/10.18356/cc8f6035-en> (дата обращения: 11.06.2024).

13. Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting, Done at Paris, the 24th day of November 2016. URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-BEPS.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

14. MIL (Investments) S.A. v. The Queen, 2006 TCC 460 (CanLII). URL: <https://www.canlii.org/en/ca/tcc/doc/2006/2006canlii29001/2006canlii29001.html> (дата обращения: 11.06.2024).

15. Conseil d'État, 3ème et 8ème sous-sections réunies, 29/12/2006, 283314, Publié au recueil <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000018004870> (дата обращения: 11.06.2024).

16. Aiken Industries, INC. (Successor by Merger to Mechanical products, INC.), Petitioner v. Commissioner of Internal Revenue, Respondent: Docket № 292-69 // 56 T.C. 925 (1971). URL: <https://www.leetcode.com/decision/197198156brtc9251912> (дата обращения: 11.06.2024).

УДК 342

«ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ» МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: УГРОЗА КОНСТИТУЦИОННЫМ ПРИНЦИПАМ

© М.В. Пенизев

Сибирский федеральный университет

Современный мир переживает период глубоких трансформаций, характеризующийся крахом прежнего миропорядка и формированием новых правовых институтов. Местное самоуправление, будучи одной из основ конституционного строя Российской Федерации, играет ключевую роль в обеспечении прав и свобод граждан, развитии демократии и эффективном управлении на местах.

Гарантированная Конституцией РФ самостоятельность местного самоуправления предполагает его организационную и функциональную обособленность от органов государственной власти [4, с. 56]. Однако в последние годы наблюдается тенденция к усилению влияния государства на муниципальный уровень, что вызывает опасения относительно сохранения автономии местного самоуправления и его способности адекватно реагировать на потребности местных сообществ.

Особенно остро эта проблема встала в контексте конституционной реформы 2020 года, вводящей принцип единства публичной власти. Интерпретация данных поправок различными высшими должностными лицами государственной власти, хотя и декларирует необходимость взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления и отсутствие желания подчинить местное самоуправление государственной власти [6, с. 51], в то же время на практике создает риски для самостоятельности муниципалитетов и может привести к их фактическому включению в систему государственной власти.

Нечеткость законодательного оформления принципа единства публичной власти, отсутствие конкретных гарантий для местного самоуправления в рамках «единой системы» и тенденция к централизации управления усугубляют эти риски. Вместо укрепления конституционных гарантий местного самоуправления, в России наблюдается тенденция к его «огосударствлению» – это процессу постепенного включения органов местного самоуправления в систему органов государственной власти, с потерей самостоятельности и

подчинением воле вышестоящих органов, что представляет угрозу для всей системы публичного права [7, с. 47-48].

Так, закрепленное в Конституции право участия (а фактически вмешательства) органов государственной власти в формирование органов местного самоуправления принимает разнообразные формы, в том числе противоречащие иным конституционным положениям. Хотя Конституция РФ допускает такое участие только в случаях и порядке, установленных федеральным законом, на практике оно зачастую выходит за эти рамки, что выхолащивает суть статьи 12 Конституции РФ, провозглашающей самостоятельность местного самоуправления [3]. Анализ законодательства показывает, что нормы о возможности согласования кандидатур на должности в органах местного самоуправления, содержатся не только в Законе о местном самоуправлении, но и в отраслевых законах и даже подзаконных правовых актах [2]. Такая практика предоставляет государству дополнительные рычаги влияния на кадровую политику муниципалитетов и способствует формированию корпуса лояльных государственной власти глав муниципальных образований, а также приводит к распространению неправовой формы взаимодействия между государственной властью и местным самоуправлением, вплоть до того, что в ряде случаев решение местных проблем переходит на «ручное управление» со стороны высших должностных лиц субъектов РФ.

Представляется, что участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в формировании органов муниципального уровня должно иметь место в исключительных случаях, как, например, установление отдельных ограничений прав граждан, возможно в условиях чрезвычайного положения (ст. 56). В условиях чрезвычайного положения оперативность решения вопросов местного значения, а, следовательно, и обеспечение деятельности органов местного самоуправления имеет приоритет ввиду необходимости обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя, непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан. К числу таких можно отнести ситуации, когда существуют реальные обстоятельства, свидетельствующие о невозможности формирования органов местного самоуправления на основе ординарных демократических процедур, предполагающих самостоятельное формирование этих органов населением муниципального образования. Но такое участие должно быть ограничено во времени, поскольку также обуславливается периодом существования исключительных обстоятельств. Однако в стандартных условиях всегда должен отдаваться приоритет принципу народовластия и праву населения муниципального образования самостоятельно формировать структуру органов

местного самоуправления и определять кто именно должен занять то или иное место в этом органе. Аналогичную позицию высказывал Конституционный Суд Российской Федерации, указывая, что участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления должно исключать «решающее участие органов государственной власти в собственно формировании органов местного самоуправления» [5].

Не менее серьезной проблемой остается финансовая зависимость местного самоуправления [1, с. 4]. Несмотря на то, что муниципалитетам гарантируется право на собственные доходы, их недостаточность для решения вопросов местного значения делает муниципалитеты зависимыми от межбюджетных трансфертов. Эта зависимость усиливается конкурсными условиями распределения финансовых ресурсов и отсутствием четких критериев их предоставления, которые предполагают необходимость софинансирования мероприятий за счет местных бюджетов, когда средства на реализацию федеральных и региональных программ выделяются только при условии вложения собственных ресурсов муниципалитетов, усугубляет проблему нехватки финансов. Такой подход приводит к тому, что муниципалитеты вынуждены отказываться от участия в важных программах или сокращать расходы на другие не менее значимые нужды, чтобы получить от федеральных и региональных органов власти хоть какое-либо софинансирование своих полномочий. При этом, муниципальные образования, которые в силу различных причин не могут обеспечить выделение собственной части расходов остаются без какой-либо поддержки.

Наиболее страшными результатами «огосударствления» местного самоуправления является снижение уровня участия населения в решении местных вопросов, утрата обратной связи между властью и населением, переориентирование местного самоуправления с решения реальных проблем населения на решение сиюминутных имиджевых задач, направленных на манипулирование общественным мнением. Всему этому способствуют помимо абсолютной финансовой зависимости органов местного самоуправления от органов государственной власти также формальный характер ряда форм непосредственной демократии – публичных слушаний, сходов граждан, опросов населения, а также отсутствие иных реальных механизмов учета мнения граждан, что в конечном счете приводит к отчуждению местного сообщества от процессов управления и формируют пассивную гражданскую позицию.

Таким образом, реализация положений конституционной реформы 2020 года, в части обеспечения принципа единства публичной власти, при отсутствии четкого правового механизма его реализации и гарантий для местного

самоуправления, создает дополнительные риски для его автономии, а также угрожает иным конституционным принципам местного самоуправления.

Необходимость согласованности действий различных уровней публичной власти не должна приводить к уничтожению самостоятельности муниципалитетов и ограничению прав граждан на решение вопросов местного значения. Напротив, развитие местной демократии и повышение эффективности управления на местах требуют укрепления института местного самоуправления, расширения его полномочий и обеспечения необходимыми ресурсами. В этих процессах органы государственной власти должны становиться помощниками, которые сбалансируют неравномерность развития муниципальных образований, но не будут предрешать то каким образом тому или иному муниципальному образованию следует развиваться, кого выбирать в качестве местных депутатов или мэров.

Для обеспечения реального, а не декларативного баланса между принципами единства публичной власти и самостоятельности местного самоуправления необходимо укрепление конституционных гарантий местного самоуправления, ограничение возможностей вмешательства государства в его деятельность, обеспечение финансовой самостоятельности муниципалитетов и повышение уровня участия граждан в решении местных вопросов. Только таким образом можно сохранить и развить местное самоуправление как один из важнейших институтов демократического общества.

Список использованных источников:

1. Аверьянова, Н.Н. Местное самоуправление: теоретический взгляд на правовую природу в контексте состоявшихся и будущих реформ // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. № 1. С. 2-5.
2. Андреечев, И.С. Развитие конституционного принципа участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 2. С. 17-18.
3. Болдырев, О.Ю. Проект нового закона о местном самоуправлении без самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 65-70.
4. Колесников, А.В. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти: организационно-правовые аспекты: дис. д-ра юридических наук: 5.1.2. – Саратов, 2022. – 589 с.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П. Режим доступа: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512040002 (дата обращения: 20.10.2023).

6. Шайхутдинова, Р.Р. Принцип единства системы публичной власти: конституционно-правовое закрепление и проблемы реализации: дис... канд. юрид. наук. Москва. 206 с.

7. Шугрина, Е.С. «Огосударствление» местного самоуправления: формы и пределы // Регионология. 2005. № 4 (53). С. 47-60.

УДК 349.3

ЕДИНАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© Е.И. Петрова

Сибирский федеральный университет

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.02.2021 № 431-р утверждена Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 года, предусматривающая создание в России системы «социального казначейства» [6].

Основными целями указанной Концепции являются повышение адресности и эффективности предоставления мер социальной поддержки гражданам на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также рациональное использование средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, направляемых на реализацию указанных мер. Для реализации положений Концепции и эффективного применения законодательства о мерах социальной поддержки граждан с 1.01.2024 начала функционировать Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере (далее – Единая цифровая платформа), в которую вошли 13 ранее существующих информационных систем, в том числе Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО) [2].

Единая цифровая платформа призвана осуществлять формирование и ведение классификатора мер социальной поддержки, перечня категорий получателей мер социальной поддержки; обеспечивать выявление нуждающихся граждан и доводить до них информацию об основаниях,

условиях, способах, формах и фактах предоставления мер социальной поддержки в соответствии с действующим законодательством, а также об организациях, предоставляющих указанные меры. Оператором Единой цифровой платформы является Фонд пенсионного и социального страхования РФ (Социальный фонд России), а координатором – Министерство труда и социальной защиты населения РФ [3]. Со дня вступления закона в силу по 31.12.2024 включительно устанавливается переходный период, в течение которого Социальный фонд России, органы государственной власти и местного самоуправления, организации, находящиеся в их ведении, проводят организационные и технологические мероприятия в целях реализации принятых положений.

Предполагается, что запуск Единой цифровой платформы позволит обеспечить комплексный подход к реализации всех процессов, связанных с назначением и предоставлением мер социальной поддержки. Все необходимые документы ведомства будут получать с помощью информационного взаимодействия между собой. Таким образом, при работе с системой в перспективе планируется сокращение количества необходимых для предоставления мер поддержки документов, сроков предоставления таких мер по времени, а также увеличение доли услуг, которые можно будет получить в электронном виде и в беззаявительном порядке (проактивно).

Однако вызывают сомнения концептуальные подходы, на которых осуществляется внедрение информационных систем и цифровых платформ в сферу социальной защиты населения и которые порождают серьезную трансформацию в правовом регулировании фундаментальных организационно-правовых форм социального обеспечения, сложившихся в нашей стране, а именно: обязательного социального страхования и государственной социальной помощи.

Первая из организационно-правовых форм – обязательное социальное страхование – представляет собой часть государственной системы социальной защиты населения, спецификой которой является осуществляемое в соответствии с федеральным законом страхование *работающих граждан* от возможного изменения материального и (или) социального положения, в том числе по независящим от них обстоятельствам [5]. Федеральный закон «Об основах обязательного социального страхования» называет в качестве застрахованных лиц, прежде всего, лиц, работающих по трудовым договорам, и лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой. Другими словами, это экономически активная часть населения, которая участвует в формировании средств обязательного социального страхования и приобретает тем самым

право на соответствующий вид обеспечения в связи с наступлением страхового случая.

Вторая организационно-правовая форма – государственная социальная помощь – подразумевает согласно Федеральному закону «О государственной социальной помощи» *адресную поддержку уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих одиноко проживающих граждан, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума на душу населения, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации* [4].

Более того, представляется верным вывод о том, что «организационно-правовая форма есть не что иное, как внешнее выражение общественных отношений, подпадающих под действие норм права социального обеспечения и составляющих предмет этой отрасли» [1. с. 92].

Тем не менее, законодатель не учел сложившийся в науке и праве социального обеспечения дифференцированный подход к правовому регулированию двух разных по целевому назначению организационно-правовых форм социального обеспечения и посчитал возможным включить главу о Единой цифровой системе именно в Закон о государственной социальной помощи, предусмотрев в ней нормы, относящиеся к обязательному социальному страхованию. Это: ведение индивидуального (персонифицированного) учета в системах обязательного пенсионного страхования; формирование и ведение единого реестра субъектов обязательного пенсионного страхования, обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Таким образом, Закон о государственной социальной помощи, регулирующий правовые и организационные основы оказания государственной социальной помощи малоимущим категориям граждан, пополнился нормами, относящимися к обязательному социальному страхованию, что само по себе ведет к расширению предмета его регулирования за рамки, которые обозначены в Преамбуле и статьях, посвященных понятийному аппарату и целям оказания государственной социальной помощи. Наряду с этим подзаконные нормативные акты, регулирующие внедрение Единой цифровой платформы, вводят новую терминологию, не поясняя, каким образом она должна сочетаться с понятиями, закрепленными в действующих федеральных законах.

Так, Регламент функционирования государственной информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»

предусматривает новый термин «жизненное событие», т.е. событие, наступление которого предоставляет гражданину возможность получения мер социальной защиты (поддержки). В рамках обязательного социального страхования это называется страховым случаем. Спрашивается, следует ли отказаться от этого термина, закрепленного в ФЗ РФ «Об основах обязательного социального страхования»?

Вызывает также недоумение данное в Регламенте определение меры социальной защиты (поддержки). Это меры социальной защиты (поддержки), социальные услуги, предоставляемые в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иные социальные гарантии и выплаты, установленные законодательством Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, муниципальными нормативными правовыми актами. Другими словами, названные меры связаны только с одной организационно-правовой формой социального обеспечения – государственной социальной помощью. Упоминание о второй, т.е. об обязательном социальном страховании, в определении отсутствует.

Все это свидетельствует о серьезных просчетах в юридической технике нормативных актов, посвященных правовому регулированию функционирования Единой цифровой платформы.

Однако, на наш взгляд, можно говорить и о более серьезных последствиях, которые выражаются в нарушении устоявшейся за последние двадцать пять лет логики правового регулирования социально-обеспечительных отношений, а также в размывании страховых принципов, на которых должна базироваться система обязательного социального страхования и которые отличаются от принципов государственной социальной помощи.

Бесспорно, новые возможности, обусловленные развитием цифровых технологий и платформ, позволяют адаптировать социальную сферу к возрастающим ожиданиям граждан и их требованиям относительно получения предусмотренных законодательством выплат и услуг. Но, с другой стороны, роль государства не может исчерпываться только фактом внедрения новых информационных систем и формальным регулированием вопроса о том, в каком из существующих законодательных актов отразить процесс такого внедрения.

На наш взгляд, следовало бы принять специальный закон, посвященный единой централизованной цифровой платформе в социальной сфере, содержание которого могло бы отразить такие факторы, как: функциональная характеристика источника финансирования социально-обеспечительных предоставлений; основание права требования обеспечения и степень его

гарантированности; статус нуждающегося; разделение мер поддержки на страховые и нестраховые; возможность их предоставления страховым фондом либо органами социальной защиты населения. В этом случае организационно-правовая форма социального обеспечения выступала бы системообразующим фактором, определяющим содержание новых «цифровых» институтов права социального обеспечения, способствовала бы последовательности правового регулирования и его непротиворечивости.

Список использованных источников:

1. Агашев Д.В. О понятии и структуре организационно-правовой формы в контексте системы отрасли права социального обеспечения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13).

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 10.07.2023 № 293-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. О государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» (вместе с Положением о государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»): Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2386 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Об основах обязательного социального страхования: Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.34

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ СУПРУГОМ СТАТУСА УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

© Е.Н. Петрова

Сибирский федеральный университет

В настоящее время супруги при расторжении брака и бывшие супруги решают не только вопросы с кем останутся дети или как поделить приобретенные в браке вещи. Всё чаще на практике возникает необходимость определить судьбу юридического лица, созданного супругами в браке или доли в уставном капитале организации, приобретенной в браке за счет общего имущества супругов.

По данным Федеральной налоговой службы РФ на 01.10.2024 в Едином государственном реестре юридических лиц зарегистрировано 2 619 812 коммерческих организаций. Из них 2 539 624 – это общества с ограниченной ответственностью [12]. Общество с ограниченной ответственностью удобная организационная правовая форма, которая подходит для ведения как малого, так среднего бизнеса.

В свою очередь, по данным Торгово-промышленной палаты РФ, в России 74% малых и средних предприятий, по сути, являются семейными компаниями [11].

Зачастую складывается ситуация, при которой только один из супругов при создании общества с ограниченной ответственностью или приобретении доли в таком обществе за счет общих средств супругов становится его участником. Это означает, что имущественные права на долю в уставном капитале общества принадлежат обоим супругам, если иное не предусмотрено соглашением между ними. Другая категория прав – корпоративные права – принадлежит только непосредственному участнику общества. Именно он может участвовать в управлении обществом, истребовать информацию, необходимую для этого, осуществлять преимущественное право покупки доли другого участника и пр. Другой же супруг, который не вошел в состав участников общества с ограниченной ответственностью, такими корпоративными правами не обладает. Тем не менее, он может приобрести и такие права, если устав общества не предусматривает запрета или особого порядка принятия третьих лиц (в частности, по единогласному решению общего собрания) в качестве участников.

Конституционный суд РФ неоднократно указывал на то, что положение п. 2 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) о возможности отчуждения доли третьим лицам по своему характеру является диспозитивным (определения Конституционного суда РФ от 21.12.2006 № 550-О и от 03.07.2014 № 1564-О) [1; 2; 3]. Таким образом, участникам предоставляется право предусмотреть в уставе общества, особенностью которого является стабильный состав его участников, запрет на продажу или отчуждение иным образом участником общества своей доли в уставном капитале общества третьим лицам; предусмотреть необходимость получения согласия участников общества при продаже или отчуждении иным образом участником своей доли в уставном капитале общества третьему лицу.

Внесение одним из супругов вклада в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью, а следовательно, приобретение именно им статуса участника общества предполагает, что другой супруг дал свое согласие на подобное распоряжение общим имуществом супругов, тем самым согласившись и с положениями устава организации, указывающими на необходимость получения согласия других участников общества на отчуждение участником общества своей доли в уставном капитале общества третьим лицам, то есть на включение его в "свой" круг участников общества.

Таким образом, супруг, который не вошел в число участников общества с ограниченной ответственностью, рассматривался в качестве третьего лица, для которого возможность приобретения корпоративных прав могла быть исключена в соответствии с положениями устава общества.

Верховный Суд РФ, в свою очередь, обратил внимание на то, что положения устава, ограничивающие возможность вступления в общество новых участников, должны существовать к моменту раздела общего имущества, а не возникать на фоне конфликта между супругами или после произведенного раздела общего имущества, включающего долю в обществе с ограниченной ответственностью. Внесение препятствий после подачи иска о разделе или в процессе его рассмотрения не может ограничить права супруга, не являющегося участником (Определение Верховного Суда РФ от 03.06.2014 № 5-КГ14-9) [4]. Так, при рассмотрении дела суды установили, что в состав совместного имущества супругов входила доля в размере 75% уставного капитала общества с ограниченной ответственностью. Суд первой инстанции разделил долю поровну между супругами. Суд апелляционной инстанции, напротив, решение отменил и присудил супруге денежную компенсацию за причитающуюся ей долю в уставном капитале. Апелляция, при этом, руководствовалась тем, что в

соответствии с уставом общества отчуждение доли участника общества третьим лицам возможно лишь при полном согласии остальных участников, но такое согласие отсутствовало. Верховный Суд РФ, отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции, заметил, что новая редакция устава общества была принята уже после раздела общего имущества супругов, поэтому никаких ограничений на приобретение супругой долей в уставном капитале общества не было.

В другом деле Верховный Суд РФ указал, что участники общества (единственный участник) при определении условий, на которых возможно отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества третьим лицам, не вправе вносить изменения в устав общества только для того, чтобы создать препятствия к вхождению в состав участников общества супруга (бывшего супруга) в период, когда процесс раздела общего имущества уже был начат или в преддверии раздела. Такое поведение, в особенности в ситуации, когда изменения вносятся по инициативе единственного или контролирующего участника против интересов супруга (бывшего супруга), следует рассматривать как злоупотреблением правом (определение Верховного Суда РФ № 306-ЭС23-26474 от 01.07.2024) [10].

Если предположить, что соответствующее ограничение в уставе общества для третьих лиц появилось не на фоне конфликта, без признаков недобросовестности и злоупотребления правом со стороны супруга-участника, то каковы же действия супруга, который участником не является, в случае, если он захочет приобрести корпоративные права? В первую очередь закон предписывает ему обратиться к участникам общества за получением согласия на вступление в их число (п. 10 ст. 21 Закона об ООО) [1]. При отсутствии согласия второй супруг приобретает только право на получение действительной стоимости доли. Следовательно, если суд разделит имущество пополам, включая долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, то супруг-не участник, сначала должен подать заявление о включении его в состав участников. Только после отказа он может потребовать выплатить ему действительную стоимость доли (определения ВС РФ от 15.12.2020 г. № 308-ЭС20-11834 и от 06.04.2021 г. от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249) [5;6].

Данный подход был скорректирован Верховным судом РФ в 2023 г. для ситуаций, когда в уставе общества предусматривался полный запрет на отчуждение доли третьим лицам, без оговорок в отношении супругов (бывших супругов) или иных лиц о возможности получить согласие на вхождение в состав участников. В таком случае у супруга сразу должно возникать право обратиться к обществу с требованием о выплате действительной стоимости, присужденной

ему доли. В обращении с заявлением о вступлении в общество нет необходимости (определение ВС РФ от 30.03.2023 N 304-ЭС22-20237) [7].

Таким образом, достаточно долгое время супруг, не являющийся участником общества с ограниченной ответственностью, рассматривался именно как третье лицо в случае наличия в уставе общих ограничений или запретов на приобретение статуса участника третьими лицами.

Тем не менее, практика Верховного суда РФ за последние полтора года заставляет по-другому взглянуть на возможность супруга, который не является участником общества с ограниченной ответственностью, приобрести корпоративные права участника.

Так, Верховный Суд РФ в определении от 06.04.2023 г. № 305-ЭС22-26611 упомянул, что сам по себе факт приобретения доли в уставном капитале в период брака одним из супругов не означает, что второй супруг обладает правом на участие в управлении делами соответствующего общества (корпоративным правом) [8]. С одной стороны, это похоже на позицию, которая неоднократно высказывалась выше. С другой стороны, называется только одно право – право на участие в управлении делами. Далее указывается, что для получения полноценного статуса участника супругу (бывшему супругу) необходимо потребовать раздела имущества в части доли участия. В случае присуждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества или же получения части доли как пережившему супругу, такой супруг имеет возможность войти в состав участников со всеми корпоративными правами путем соответствующего заявления, адресуемого обществу. Таким образом, использованные формулировки «полноценный участник» со «всеми корпоративными правами» наталкивает на мысль, что супруг, не являющийся участником общества, до определенного момента может рассматриваться как субъект, обладающий не всеми корпоративными правами и впоследствии может их пополнить.

В определении № 306-ЭС23-11144 от 01.02.2024 г. Верховный Суд РФ отметил, что ограничения относительно супруга должны быть прямо выражены в уставе [9]. Наличие такого ограничения не может быть подразумеваемым. Запрет или необходимость получения согласия супругу или иным близким лицам должно быть явно и недвусмысленно выражено в уставе общества, а любые неопределенности относительно наличия ограничений – интерпретированы в пользу их отсутствия.

Наконец, в определении № 306-ЭС23-26474 от 01.07.2024 сформулирован похожий подход, в соответствии с которым по общему правилу предполагается, что участники общества заинтересованы в сохранении за своими близкими

возможности участвовать в ведении общего дела в рамках общества с ограниченной ответственностью и в получении прибыли, что не тождественно однократной выплате действительной стоимости доли [10]. Дело также касалось ограничений, внесенных в устав для третьих лиц.

Таким образом, если раньше суды исходили из четкой дихотомии «свой-чужой» и безусловно распространяли ограничения, предусмотренные в уставе для третьих лиц, на супругов (бывших супругов), не являющихся участниками общества с ограниченной ответственностью, то в последнее время данная категория всё чаще именуется «близкие лица», в отношении которых в уставе должна быть сделана недвусмысленная оговорка. В противном случае, ограничения, связанные с участием, могут быть признаны отсутствующими.

Список использованных источников:

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бояркиной Раисы Алексеевны на нарушение ее конституционных прав статьей 168 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 21 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью: Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2006 N 550-О // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 N 1564-О // Вестник Конституционного Суда РФ. № 6. 2014.

4. Определение ВС РФ от 03.06.2014 № 5-КГ14-9 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Определение ВС РФ от 15.12.2020 № 308-ЭС20-11834 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Определение ВС РФ от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Определение ВС РФ от 30.03.2023 N 304-ЭС22-20237 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Определение ВС РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Определение ВС РФ от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Определение ВС РФ от 01.07.2024 № 306-ЭС23-26474 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. Очень личный бизнес // Торгово-Промышленная палата РФ. – Режим доступа: <https://family.tpprf.ru/about/>

12. Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц // Федеральная налоговая служба РФ. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77//related_activities/statistics_and_analytics/forms/14414858/

УДК 347.736

НЕДОСТАТОЧНАЯ КАПИТАЛИЗАЦИЯ КОМПАНИИ КАК ПРИЧИНА СУБОРДИНАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

© О.О. Петроченко

Сибирский федеральный университет

Субординация требований кредиторов – один из относительно «молодых» развивающихся институтов банкротного права. Как известно, суть субординации требований кредиторов заключается в понижении очередности таких требований при их включении в реестр. Иными словами, субординированное требование погашается после погашения всех требований кредиторов, включенных в реестр, а также учтенных за реестром. Фактически это предпоследняя очередь реестра – ниже в очереди только участники юридического лица.

Большое развитие институт субординации получил после утверждения Президиумом Верховного Суда РФ Обзора по субординации (далее также –

Обзор) [5]. Во-первых, в нем была закреплена «мягкая» модель субординации, означающая, что не каждое требование контролирующего должника лица или аффилированного с должником лица подлежит субординации (в то время как, например, в Германии прижилась «жесткая» модель субординации, где субординируется требования всех таких кредиторов) [1].

Во-вторых, в Обзоре подробно изложены условия для субординации требований в зависимости от основания возникновения таких требований, а также даны рекомендации по доказыванию этих оснований.

Одним из условий для субординации, получившим неоднозначную оценку со стороны юридического сообщества, стало такое условие, как недостаточная капитализация общества при его создании, т.е. наделение юридического лица уставным капиталом в минимальном размере, как правило, 10 000 рублей, и последующее предоставление заемных денежных средств для осуществления деятельности (п. 9 Обзора).

В случае банкротства такого юридического лица Верховный Суд РФ предлагает понижать очередность требования заимодавца (как правило, это руководитель, являющийся единственным (мажоритарным) участником), если будет доказано, что такая модель финансирования была выбрана для перераспределения рисков при банкротстве.

Отметим, что речь идет именно о таком порядке финансирования компании, при котором она полностью профинансирована, однако это сделано не за счет увеличения уставного капитала. Кроме того, особенность этого условия для субординации состоит в том, что финансирование происходит не в кризисный период, у общества отсутствуют кредиторы, и оно фактически платежеспособно. Однако в последующем участник, профинансировавший его таким образом, с большой вероятностью подвергнется субординации при банкротстве.

На первый взгляд, такое положение стоит оценить критически. В частности, возникают сомнения относительно справедливости такого основания, учитывая отсутствие у общества кредиторов на момент финансирования, что не предполагает какой-либо вред третьим лицам и, соответственно, приводит к дисбалансу прав кредиторов и участников обществ.

Кроме того, спорной остается обратная сила этого пункта, как и всего Обзора в целом, поскольку, например, в данном случае фактически на такого участника общества ретроспективно возлагается ответственность за правомерные действия, не запрещенные законом (в первую очередь – законом, действовавшим на дату предоставления займа) [3].

В связи с этим предлагается рассмотреть пример из судебной практики, который демонстрирует, почему такое основание субординации вполне допустимо и справедливо. Считаем, этот пример наглядно демонстрирует, в каких именно случаях должен применяться обсуждаемое положение Обзора.

Так, в рамках дела о банкротстве Общества с заявлением о включении в реестр обратился его единственный участник, являющийся также руководителем. При создании Общество было наделено минимальным уставным капиталом, составляющим 10 000 рублей. Через несколько месяцев после создания участник предоставил Обществу заем на сумму более 25 000 000 рублей. После чего Общество поучаствовало в торгах по реализации дебиторской задолженности, на покупку которой ушло около 88% предоставленных заемных денежных средств. Какую-либо деятельность Общество не осуществляло, получая прибыль исключительно от последующего взыскания купленной дебиторской задолженности.

После рассмотрения двух кассационных жалоб арбитражного управляющего требование участника из этого договора займа было понижено в очередности. Суды первой и апелляционной инстанций дважды соглашались с доводами участника об отсутствии финансового кризиса у Общества в период предоставления займов, что, по их мнению, препятствует субординации такого требования. При этом также отмечалось, что иными способами сформировать такой капитал для Общества было невозможно и Должник был не в состоянии исполнить требование законодательства по обеспечению размера увеличенного уставного капитала.

В данном деле важным фактором было доказывание цели создания общества, которое стало возможным при сравнении даты учреждения общества и дат публикации объявлений о проведении торгов, даты заключения договора займа и дат проведения торгов. Обязательным был анализ выписки по счету общества, установление расходования денежных средств непосредственно на покупку дебиторской задолженности (вначале внесение задатков для участия в торгах, в последующем оплата остатка покупной цены) и финальное заключение договора купли-продажи. По мнению автора, в этом деле «перегибов на местах» [2] допущено не было.

Считаем, что подобный пример опровергает критические отзывы относительно девятого пункта Обзора по субординации. Несмотря на то что у общества не было финансового кризиса, предоставляя заем, участник фактически допускал такой кризис в будущем, понимая, что собственных денежных средств у общества нет. Каких-либо разумных причин, почему участник не внес эти же денежные средства в уставный капитал общества через

механизм его увеличения, приведено не было. Скорее, речь идет о российской (и не только) правовой традиции: создавать общество с минимальным уставным капиталом и финансировать его через займы до необходимых сумм, которые будут впоследствии использоваться для ведения хозяйственной деятельности [4].

Хотелось бы отметить, что указанное основание субординации необходимо толковать узко и применять только для случаев финансирования общества на начальном этапе его создания и только при доказанности цели подобного финансирования. Считаем неверным применение такого основания в случае финансирования общества и последующих трат на обычные хозяйственные нужды. Кроме того, важным является срок предоставления займа – начальный этап деятельности. Иначе возникает риск бесконтрольной субординации требований в отсутствие финансового кризиса, что приведет к созданию дисбаланса уже в обратную сторону: пострадают участники, предоставившие заем на хозяйственные нужды компании в ситуации, когда нельзя говорить ни об имущественном кризисе, ни о будущем банкротстве.

В любом случае практика применения данного основания достаточно распространена, поэтому остается ее корректировать по пути узкого применения девятого пункта Обзора с целью исключить чрезмерное ограничение заемных правоотношений между юридическими лицами и их участниками, которое в том числе зависит от уровня развития экономики и правовой культуры общества.

Список использованных источников:

1. Горчаков Д., Беккер А., Черных А., Беккер Д., Гричанин К., Шайдуллин А., Акимов Е., Николаев А. Мягкая или жёсткая субординация? Комментарий к Обзору Верховного Суда // Цивилистика. 2020. № 2
2. Егоров, А.В. Субординация аффилированных кредиторов при банкротстве: актуальный вызов времени // Экономика и жизнь. 2018. № 39.
3. Егоров, А.В. «Тотальная» субординация не может иметь обратной силы / Сборник статей к 20-летию действующего закона о банкротстве и 30-летию первого российского закона о банкротстве. М.: Национальная ассоциация «Банкротный клуб», 2023.
4. Мифтахутдинов, Р.Т., Шайдуллин, А.И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве: научно-практический комментарий к обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и

аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9.

5. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

УДК 347.1

ЭКСТРАОРДИНАРНОЕ И ВНЕКОНКУРСНОЕ ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

© С.Н. Пирсаидов

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Основная цель процедуры банкротства заключается в удовлетворении требований кредиторов, однако недобросовестные кредиторы, часто аффилированные с должником лица, пытаются использовать судебные решения с фиктивной задолженностью с целью осуществления над процедурой банкротства контроля, утверждения подконтрольного им арбитражного управляющего, а также получения дополнительных голосов на собрании кредиторов.

Возможность экстраординарного оспаривания впервые появилась в пункте 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дела о банкротстве». Согласно данному пункту, если права и законные интересы конкурсных кредиторов были нарушены судебным актом, на основании которого требование было включено в реестр требований кредиторов, то арбитражный управляющий или конкурсные кредиторы имеют право обжаловать в общем процессуальном порядке указанный судебный акт.

Согласно указанным разъяснениям, арбитражный управляющий, либо конкурсный кредитор мог подать апелляционную жалобу в месячный срок, либо подать ходатайство о его восстановлении, однако после внесения поправок в Закон о банкротстве процедура обжалования судебных актов, на основании которых происходит включение в реестр требований кредиторов, изменилось.

Согласно положению п. 12 ст. 16 Закона о банкротстве при условии, если судебный акт нарушает права и законные интересы других кредиторов в рамках процедуры банкротства, то арбитражный управляющий и (или) кредиторы имеют право обратиться в арбитражный суд, который вынес судебный акт, с заявлением о его отмене по правилам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. В свою очередь срок на подачу данного заявления начинается течь с момента, когда лицо, имеющее право на подачу заявления, узнало или должно было узнать о нарушении своего права и законного интереса.

Необходимо также упомянуть, что при экстраординарном оспаривании, нам необходимо решить проблему:

1) оспаривания сделки, которая является основанием для судебного акта, с помощью которого кредитор включал в реестр требования;

2) обжалования самого судебного акта.

С точки зрения законодателя, вопрос был разрешен однозначно в пользу обжалования судебного акта, однако можно использовать, на наш взгляд, положения Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" без пересмотра судебного акта». В соответствии с п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 по правилам главы III.1 Закона о банкротстве могут, в частности, оспариваться действия по исполнению судебного акта, в том числе определения об утверждении мирового соглашения. Следовательно, на этом основании механизм обжалования судебного акта по новым и вновь открывшимся обстоятельствам вполне может быть заменен оспариванием действий по исполнению судебного акта, а желаемого эффекта по возврату имущества должника в конкурсную массу в этом случае можно добиться именно оспариванием действий по исполнению судебного акта.

Раскрывая вопрос о соотношении внеконкурсного и экстраординарного оспаривания, стоит отметить, что внеконкурсное оспаривание по своей правовой природе позволяет использовать основания для оспаривания сделок, предусмотренные Законом о банкротстве, до момента возбуждения дела о банкротстве. Следовательно, речь идет при внеконкурсном оспаривании исключительно о процессуально-правовых отличиях между обычным конкурсным и внеконкурсным оспариванием, а также о субъектах оспаривания и последствиях в виде возврата имущества субъекту оспаривания.

В свою очередь, рассматривая экстраординарное оспаривание в рамках Закона о банкротстве, видна попытка восполнить пробел за счет

общегражданских и общепроцессуальных правовых норм, не используя при этом все возможности внеконкурсного оспаривания.

Согласно классификации, которая была выделена Й. Колером, можно обозначить:

- деликтный Паулианов иск;
- Паулианов иск из дарения;
- конкурсный Паулианов иск.[2, с. 212].

Несмотря на то, что имеются существенные различия между той классификацией, что была предусмотрена в Германии и той, которая на сегодняшний день имеется в рамках российской правовой доктрины, все же отдельные положения недействительности сделок, оспариваемых в процедурах банкротства, могут быть использованы вне конкурса. Это, разумеется, касается двух видов иска, а именно Паулианова иска из дарения и деликтного Паулианова иска. [1, с. 412]

Учитывая то, что на сегодняшний день ничего более эффективного, чем комбинация ст. 10 и 168 ГК РФ российской судебной практикой не было выработано, можно сделать вывод о необходимости реформирования законодательства о банкротстве, урегулирования оснований внеконкурсного оспаривания.

Список использованных источников:

1. Шишмарева Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03. - Москва, 2021, с. 546.

2. Kohler J. Lehrbuch des Konkursrechts. Stuttgart: Enke, 1891. – 732 s.

УДК 343.346

**СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 264.1 УК РФ**

© В.В. Питецкий

Сибирский федеральный университет

С момента включения федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ в уголовное законодательство ст. 264.1 УК РФ прошло значительное количество времени. Тем не менее в теории и судебной практике остается немало вопросов определения содержания признаков данного преступления. На наш взгляд, научный и практический интерес представляет его субъективная сторона. Однако непосредственно в ст. 264.1 УК РФ признаки субъективной стороны преступления не раскрываются. Субъективная сторона данного преступления представляет собой внутреннее отношение субъекта к факту взаимодействия с транспортным средством как источником повышенной опасности, направленному на управление им в состоянии опьянения. В большинстве источников по уголовному праву встречается утверждение о том, что рассматриваемое преступление является исключительно умышленным. Эта правовая позиция отражена в п. 10.8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», где указывается, что по смыслу уголовного закона преступления, предусмотренные ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ, совершаются умышленно. Многие авторы при этом уточняют, что умысел может быть только прямым ввиду того, что по юридической конструкции его состав является формальным. Лицо осознает общественную опасность повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения и желает этого [2, с. 15]. Лицо, будучи осведомленным о том, что оно является лицом, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, осознает общественную опасность управления транспортным средством в состоянии

опьянения и желает управлять транспортным средством в состоянии опьянения [1, с. 23].

Такой подход определения субъективной стороны в преступлениях с формальным составом является распространенным и в целом верным. Однако предъявляет определенные требования к установлению содержания умысла в конкретном деянии. При его отсутствии говорить о совершении данного умышленного преступления нельзя. Такой вывод следует из законодательного определения умышленной формы вины (ст. 25 УК), где обязательным признаком признается осознание лицом общественной опасности своего действия или бездействия. Соответственно содержание интеллектуального элемента умышленной вины зависит от способа законодательного описания преступления. В него входит осознание характера объекта, фактического содержания и социального значения совершаемого деяния. Если законодатель вводит в число признаков состава преступления какой-либо признак, характеризующий место, время, предмет, обстановку и т. п., то осознание этих дополнительных признаков общественно опасного деяния также входит в содержание интеллектуального элемента умышленной вины и является обязательным для установления [9, с. 54]. Схожую правовую структуру состава имеют, например, преступления, предусмотренные ст. 150 и ст. 151 УК. Верховный Суд РФ в п. 42 постановления Пленума от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» обоснованно указал, что необходимо устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий. Если взрослый не осознавал этого, то он не может привлекаться к ответственности по ст. 150 и 151 УК РФ.

Таким образом предметом сознания и в преступлении, предусмотренном ст. 264.1 УК, являются те объективные факторы, которые определяют юридическую характеристику данного вида преступления, то есть входят в число обязательных признаков состава этого преступления.

Управление механическим транспортным средством, как признак рассматриваемого преступления, предполагает исключительно целенаправленное с ним взаимодействие. «Управление - преднамеренная направленность действия; процесс организации целенаправленного воздействия на некоторую часть среды, называемую объектом управления, в результате чего удовлетворяются потребности субъекта, взаимодействующего с этим объектом» [11, с. 453]. Об умышленном характере управления транспортом

говорит и п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», которое определяет его как «целенаправленное воздействие, которое приводит транспорт в движение». Соответственно при отсутствии в действиях лица желания контролировать процесс перемещения транспортного средства посредством воздействия на его органы управления (например, при неосторожном воздействии на них), содеянное не может квалифицироваться по ст. 264.1 УК РФ. В случае причинения вреда при этих обстоятельствах, ответственность может наступать по иным статьям главы 27 УК РФ или нормам о преступлениях против жизни или здоровья. Так суд неверно усмотрел признаки управления транспортным средством при следующих обстоятельствах: Яковлев 15 апреля 2012 года в вечернее время, по просьбе П. пытался завести автомобиль, для этого соединял провода зажигания помимо замка, автомобиль после этого дёрнулся, немного проехал вперёд и столкнулся со служебным автомобилем П. [7]. По другому делу при схожих обстоятельствах действия Б. были обоснованно переквалифицированы с ч. 2 ст. 264 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ в связи со следующими обстоятельствами. Б., находясь рядом с местом водителя, по его просьбе повернул ключ зажигания с целью прогреть машину. При повороте ключа зажигания машина резко дернулась и поехала назад, прижав задней частью к стене В. и А. Верховный Суд РФ пришел к выводу, что из совокупности собранных доказательств по делу следует, что Б. автомобилем не управлял. Осуществляя поворот ключа в замке зажигания, не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был предвидеть эти последствия, т.е. проявил небрежность, что повлекло причинение смерти В. и легких телесных повреждений А. [6].

Однако содержание субъективной стороны данного преступления этим не ограничивается. Лицо, действующее умышленно, должно осознавать и другие юридически значимые обстоятельства – нахождение в состоянии опьянения и статус лица, подвергнутого административному наказанию или имеющему судимость за аналогичное деяние.

Исследование судебной практики показало, что суды не всегда в должной мере учитывают названные аспекты осознания в данном преступлении. Особенно это касается признака нахождения в состоянии опьянения. Во-первых, опьянение – состояние временное, имеет свои физиологические и временные границы, которые могут иметь неверную субъективную оценку. Во-вторых, оно

может вызываться наличием в организме весьма разнообразных веществ, свойства которых для большинства граждан бывают не известными или не очевидными, что может приводить к отсутствию осознания такого особого состояния.

Так, приговором Амурского городского суда Хабаровского края Г. был осуждён по ст. 264.1 УК РФ. На судебном заседании Г. вину не признал, пояснив, что управлял транспортным средством в трезвом состоянии. Ранее врач-нарколог, у которого проходил лечение подсудимый, назначил Г. лекарственный препарат «Трамадол», который, по словам врача, является сильным обезболивающим. Никакая информация от врача-нарколога о том, что большая дозировка лекарственного препарата может вызвать наркотическое опьянение, а также о запрете управления транспортным средством в ходе прохождения лечения Г. не доводилась. Кроме того, в день задержания его сотрудниками ГИБДД, Г. не употреблял алкоголь, наркотические или психотропные вещества, также не употреблял лекарственный препарат «Трамадол». Действие данного препарата имеет накопительный характер (более 2 недель), в связи с чем у Г. было установлено состояние наркотического опьянения [8]. При таких обстоятельствах речь может идти не только об обязанности лечащего врача либо фармацевта предоставить пациенту информацию о рецептурном лекарственном препарате, но и внимательном ознакомлении самого пациента с инструкцией к препарату. В инструкции указано, что при применении «Трамадола» необходимо воздержаться от вождения автотранспорта и занятий потенциально опасными видами деятельности, требующими повышенной концентрации внимания и быстроты психомоторных реакций. Однако Г. должным образом не ознакомился с инструкцией или не уточнил данную информацию у лечащего врача, тем самым допустил управление транспортным средством в состоянии опьянения.

По другому делу обвиняемый Е. совершил нарушение Правил дорожного движения и при оформлении административных документов пояснил сотруднику ГИБДД, что в связи с заболеванием сердца он иногда принимает препараты «Корвалол» и «Валокордин». Была проведена процедура медицинского освидетельствования, согласно которой в крови Е. были обнаружены следы фенобарбитала из группы барбитуратов, который признан психотропным веществом. В суде первой инстанции не стали принимать во внимание объяснение автомобилиста Е., лишив его водительского удостоверения по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ в связи с установленным наркотическим опьянением. Автомобилист подал апелляцию, пытаясь доказать, что приём лекарственных препаратов нельзя считать наркотическим опьянением, в

особенности если «Корвалол» или «Валокордин» употреблялись несколько дней назад. Решением Верховного суда РФ постановление о привлечении Е. к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ оставлено без изменений [10].

Такая судебная практика привела некоторых исследователей к мнению о том, что деяние, предусмотренное статьей 264.1 УК РФ, может совершаться не только умышленно, но и по неосторожности. Преступная небрежность, по мнению К.С. Баканова и В.Ф. Васюкова, выражается в случаях, когда лицо принимает лекарственные препараты, которые содержат наркотические или психотропные вещества. При этом лицо не удостоверилось в отсутствии противопоказаний к занятию потенциально опасными видами деятельности перед приемом таких препаратов, хотя, в соответствии с пунктом 2.7 ст. 2 постановления Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» водителю запрещается управлять транспортным средством под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения [3, с. 65]. Подобный подход оценки субъективной стороны признается возможным и в некоторых зарубежных правовых системах. Так, например, в Уголовном уложении ФРГ предусмотрена ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения, совершенное по неосторожности (п. 2 § 316) [4, с. 423]. В связи с этим некоторыми авторами было высказано предложение об исключении из п. 10.8 постановления Пленума Верховного суда РФ от 09.12.2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» указания на умышленный характер данного преступления, как излишне категоричного [5, с. 510].

Однако, с нашей точки зрения, такой подход на практике может иметь обратный, негативный эффект. Как справедливо пишут В.А. Якушин и В.В. Назаров, норма, согласно которой, в умышленном преступлении с формальным составом, к конструктивному признаку которого допускается неосторожная форма вины, является абсолютно недопустимой. Она ведет к судебному произволу, субъективизму в следствии, а, в конечном итоге, к беззаконию [12, с. 36]. Поэтому более правильным, на наш взгляд, стало бы уточнение содержания субъективной стороны данного умышленного преступления в рамках п. 10.8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их

неправомерным завладением без цели хищения» путем указания на то, что лицо, совершающее рассматриваемое преступление, должно целенаправленно воздействовать на органы управления механического транспортного средства, приводящее его в движение, а также осознавать нахождение себя в состоянии опьянения и статус лица, подвергнутого административному наказанию или имеющему судимость за аналогичное деяние.

Список использованных источников:

1. Аюпова, Г.Ш. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2018.

2. Афанасьев, М.В. Уголовно-правовая характеристика нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Legal Bulletin. 2017. № 2.

3. Баканов, К.С., Васюков, В.Ф. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Уголовный процесс. 2016. № 6.

4. Головненков, П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016.

5. Дашкова, А.И. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ // Проспект Свободный – 2022: матер. XVIII Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. Красноярск: СФУ, 2022.

6. Постановление президиума Верховного суда РФ от 14.08.1998 по делу Блохина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 5.

7. Постановление Московского городского суда № 4А-689/2012 от 29.07.2012. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yNCgRsUHvKUA> (дата обращения: 01.09.2024).

8. Приговор Амурского городского суда Хабаровского края по делу № 1-248/2019 от 06.12.2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jcXa1O5z4d5B> (дата обращения: 08.03.2024).

9. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2002.

10. Решение Верховного суда РФ № АКПИ21-794 от 16.12.202. URL: <https://base.garant.ru/403395403> (дата обращения: 08.03.2024).

11. Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. 22-е, новое, переработ. изд. под ред. Г. Шишкоффа / общ. ред. В.А. Малинина. М.: Республика, 2003.

12. Якушин В.А., Назаров В.В. Ошибка в уголовном праве и ее влияние на пределы субъективного вменения (теоретические аспекты). Ульяновск: УлГУ, 1997.

УДК 343.34

ПРЕКРАЩЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА В СВЯЗИ С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ (ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ПРИЗЫВА РАБОТНИКА ПРИЗЫВА НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО МОБИЛИЗАЦИИ) ИЛИ НА ЗАМЕНЯЮЩУЮ ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ

© Н.Г. Плотникова

Сибирский Федеральный университет

Проблемы, связанные с прекращением трудовых отношений, являются одними из самых актуальных вопросов трудового права. В современном обществе постоянно меняются экономические и социальные условия, что влияет на динамику занятости и безработицы

В соответствии с п. 1 ч.1 ст. 83 ТК РФ трудовой договор подлежит прекращению в связи с призывом работника на военную службу (за исключением призыва работника на военную службу по мобилизации) или направление его на заменяющую ее альтернативную гражданскую службу.

Это те обстоятельства, по которым трудовые отношения с работником прекращаются вне зависимости от воли работника и работодателя.

Согласно ст. 59 Конституции РФ «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [1].

В соответствии с п. 14 постановления Правительства РФ от 27.11.2006 № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» воинскому учету в военных комиссариатах, органах местного самоуправления и организациях подлежат [10]

1. граждане мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет, обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе (далее - призывники);

2. граждане, пребывающие в запасе (далее - военнообязанные):

2.1 мужского пола, пребывающие в запасе;

2.2 уволенные с военной службы с зачислением в запас Вооруженных Сил Российской Федерации;

2.3 успешно завершившие обучение в военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования по программам военной подготовки офицеров запаса, программам военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программам военной подготовки солдат, матросов запаса или в военных образовательных организациях высшего образования по программам военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программам военной подготовки солдат, матросов запаса;

2.4 успешно завершившие обучение на военных кафедрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования по программам военной подготовки офицеров запаса, программам военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программам военной подготовки солдат, матросов запаса;

2.5 не прошедшие военную службу в связи с освобождением от призыва на военную службу;

2.6 не прошедшие военную службу в связи с предоставлением отсрочек от призыва на военную службу или не призванные на военную службу по каким-либо другим причинам, по достижении ими возраста 30 лет;

2.7 уволенные с военной службы без постановки на воинский учет и в последующем поставленные на воинский учет в военных комиссариатах;

2.8 прошедшие альтернативную гражданскую службу;

2.9 женского пола, имеющие военно-учетные специальности.

Не подлежат воинскому учету, согласно п. 15 Положения, в военных комиссариатах, органах местного самоуправления и организациях граждане:

1) освобожденные от исполнения воинской обязанности в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе»;

2) проходящие военную службу;

3) отбывающие наказание в виде лишения свободы;

4) женского пола, не имеющие военно-учетной специальности;

5) постоянно проживающие за пределами Российской Федерации;

6) имеющие воинские звания офицеров и пребывающие в запасе Службы внешней разведки Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Основанием, в связи с которым трудовой договор прекращается по п. 1 ч. 1 ст. 83 ТК РФ, является решение призывной комиссии военного комиссариата о призыве на военную службу либо о направлении его на альтернативную гражданскую службу.

Таким образом, к обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, согласно п. 1 ч. 1 ст. 83 ТК РФ относятся инициатива и решение третьего лица, не являющегося стороной трудового договора (призывной комиссией или военного комиссара), предписание которого обязательно для обеих сторон трудового договора.

Если работник призван на военную службу по мобилизации по Указу Президента РФ от 21.09.2022 № 647 [8], трудовой договор или служебный контракт нельзя прекратить по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 83 ТК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 39 Закона о государственной гражданской службе [6], Его действие приостанавливается в соответствии с ч. 1 ст. 351.7 ТК РФ, п. 10 Особенности правового регулирования трудовых отношений [11].

Обязанность прохождения военной службы по призыву императивно возложена на граждан в силу закона, тогда как заключение контракта зависит от волеизъявления самого гражданина и может быть только добровольным., то есть работник, который изъявил желание поступить на военную службу по контракту, не может быть уволен по п. 1 ч. 1 ст. 83 ТК РФ [4].

В соответствии с п. 1 ч ст 1 ст, 83 № ТК РФ трудовой договор подлежит прекращению в связи с призывом работника на военную службу (за исключением призыва по мобилизации) или направление его на заменяющую ее на альтернативную гражданскую службу. Это те обстоятельства, по которым трудовые отношения с работником прекращаются вне зависимости от воли работника и работодателя.

Согласно ст. 59 Конституции РФ защита отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской.

Приказ о прекращении трудового договора составляется по унифицированной форме № Т-8. Основанием для его издания является повестка о явке для направления к месту прохождения военной службы, в которой указан день отправки призывника к месту прохождения военной службы. В приказе указывается последний день работы работника, предшествующий дате отправки к месту прохождения военной службы.

С приказом (распоряжением) о прекращении трудового договора работник должен быть ознакомлен под роспись. Если данный документ невозможно довести до сведения работника или работник отказывается ознакомиться с ним под подпись, в приказе (распоряжении) делается соответствующая запись на основании ст. 84.1 ТК РФ. Помимо приказа составляется записка-расчет.

Необходимость внесения такой записи в трудовую книжку (если она ведется) и информации в сведения о трудовой деятельности следует из ч. 4 ст. 66, ч. 2 ст. 66.1 ТК РФ, п. п. 4, 19 Порядка ведения и хранения трудовых книжек.

В рассматриваемом случае запись (информация) об основании и о причине увольнения приводится в соответствии с формулировкой, предусмотренной п. 1 ч. 1 ст. 83 ТК РФ, со ссылкой на данную норму. Этот вывод можно сделать исходя из положений ч. 5 ст. 84.1 ТК РФ, п. п. 15, 19 Порядка ведения и хранения трудовых книжек.

При прекращении трудового договора по данному основанию работнику выплачивается выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка в соответствии с ч. 7 ст. 178 ТК РФ). Все остальные причитающиеся работнику суммы (зарплата, компенсация за неиспользованные дни отпуска) должны быть выплачены в день прекращения трудового договора, т.е. в день увольнения согласно ч. 1 ст. 140 ТК РФ. Если в этот день работник не работал, то в силу указанной нормы соответствующие суммы выплачиваются не позднее дня, следующего после предъявления уволенным работником требования о расчете. В случае спора о размерах сумм, причитающихся работнику при увольнении, работодатель обязан выплатить не оспариваемую им сумму в соответствии с ч. 2 ст. 140 ТК РФ [4].

Согласно ст. 127 ТК РФ при прекращении трудового договора работнику выплачивается денежная компенсация за все неиспользованные отпуска.

При увольнении в связи с призывом на военную службу или направлением на альтернативную гражданскую службу необходимые работнику документы выдаются в общем порядке.

Работодатель обязан сообщить в течение двух недель в военкомат муниципального образования и (или) орган местного самоуправления об увольнении работника, подлежащего воинскому учету. Это предусмотрено пп. "а" п. 29 Методических рекомендаций по ведению воинского учета в организациях, утвержденных Минобороны России 11.07.2017 [12] и пп. "а" п. 32 Положения о воинском учете, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 27.11.2006 [10]: Сведения об увольняемом подаются по форме, приведенной в Приложении № 9 к указанным Методическим рекомендациям.

В соответствии с ч. 2 ст. 21.4 КоАП РФ За неисполнение этой обязанности виновному (руководителю организации или работнику, ответственному за военно-учетную работу) грозит штраф от 40 000 до 50 000 руб. [5].

Кроме того, при увольнении необходимо выдать работнику сведения для постановки на воинский учет по месту пребывания в военных комиссариатах или органах местного самоуправления. Это правило действует в отношении тех, кто подлежит воинскому учету и не имеет регистрации по месту жительства и месту пребывания, а также тех, кто прибыл на место пребывания на срок более трех

месяцев и не имеет регистрации по месту пребывания (пп. "д" п. 30 Положения о воинском учете).

Как отмечает М.В. Пресняков, в связи с тем, что трудовое законодательство не содержит в себе какие-либо ограничения относительно срока прекращения трудового договора в связи с призывом работника на военную службу или направлением его на альтернативную гражданскую службу, а «стало быть дата прекращения трудового договора определяется по соглашению сторон» [13].

При прекращении трудового договора место работы (должность) за уволенным работником не сохраняется. У работодателя нет обязанности предоставить работу бывшему сотруднику, вернувшемуся после увольнения с военной службы. Необходимо отметить, что в соответствии с п. 5 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» за гражданами, работавшими до призыва в государственных организациях и уволенными с военной службы, в течение трех месяцев после увольнения с военной службы сохраняется право на поступление на работу в те же организации, а за проходившими военную службу по призыву – также право на должность не ниже занимаемой до призыва на военную службу.

Закон СССР от 12.10.1967 «О всеобщей воинской обязанности» устанавливал правило сохранения права за лицами, работавшими до призыва на предприятиях, в учреждениях или организациях право поступления на работу на то же предприятие, в учреждение или организацию [7].

На наш взгляд, целесообразно внести изменения в трудовое законодательство: а именно дополнить положением о сохранении права за призванными на военную службу работником поступить на работу в ту же организацию. Данная норма может повысить статус и популярность военной службы, а также сам работник будет уверен в своем социальном статусе.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Федеральный Конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Федеральный Конституционный закон «О военном положении» от 31.01.2002 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Закон «О всеобщей воинской обязанности» от 12.10.1967 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Указ Президента РФ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» от 21.09.2022 № 647 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Указ Президента РФ «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» № 756 от 19.10.2022 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Постановления Правительства РФ «Об утверждении Положения о воинском учете» от 27.11.2006 № 719 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. Постановление Правительства РФ «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 - 2024 годах» от 30.03.2022 № 511 (ред. от 17.04.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

12. Методические рекомендации по ведению воинского учета в организациях (утв. Генштабом Вооруженных Сил РФ 11.07.2017) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. Пресняков М.В. Прекращение трудового договора по обстоятельствам, независящим от воли сторон: проблемы правоприменительной практики // Трудовое право.-2010.-№ 2.

УДК 343.1

**О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ СПЕЦИАЛИСТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕШЕНИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ**

© Я.М. Плошкина, © Л.В. Майорова
Сибирский федеральный университет

В результате принятия ФЗ от 4.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ» (далее – Федеральный закон № 92-ФЗ) в УПК РФ появились новые виды уголовно-процессуальных доказательств - заключение и показание специалиста, положения о которых стали сразу же предметом многочисленных жалоб граждан в Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) на проверку их соответствия Конституции РФ. Исходя из практики КС РФ, рассмотрим лишь некоторые проблемы, связанные с использованием в уголовном процессе специалиста и его заключения и показаний.

Первая проблема – это соотношение правового статуса специалиста и свидетеля. Так, на практике имеют место случаи допроса лица сначала в качестве свидетеля в досудебном производстве, а затем этого же лица в статусе специалиста, но уже в суде.

КС РФ в своем постановлении от 11.07.2024 № 37-П настаивает на недопустимости совмещения в одном производстве лицом статусов: специалиста и свидетеля. Данный вывод следует из различного правового статуса данных участников уголовного процесса. Из системного толкования норм УПК РФ специалист является незаинтересованным в деле лицом, имеющим процессуальную автономность. Свидетель, в отличие от специалиста, хотя и причислен к иным участникам процесса, которые не относятся к сторонам и не имеют, как следствие, собственного интереса в деле, фактически может быть заинтересованным в уголовном деле лицом. Кроме того, свидетель может обладать специальными знаниями, вместе с тем главным является тот факт, что ему известны сведения о фактических обстоятельствах произошедшего, и, давая показания, он сообщает правоохранительным органам, суду основанную на его субъективном восприятии событий информацию, а не выводы, полученные на каких-либо объективных знаниях.

КС РФ обращает внимание, что личное восприятие факта преступления не исключает предвзятое, субъективное отношение лица к случившемуся, что затрудняет объективное, без предупреждения использование специальных знаний. В результате чего перевод лица в одном деле из свидетеля в

специалиста порождает сомнения в объективности, непредвзятости, беспристрастности сведений, суждений специалиста, как лица, обладающего специальными знаниями, и соответствующих доказательств (речь идет о показаниях и заключении специалиста), поскольку использование специальных знаний сопряжено с субъективным отношением к случившемуся. Все это влечет проблемы с допустимостью, достоверностью полученных таким образом доказательств, по сути речь идет об использовании непригодных средств в доказывании.

Схожая позиция имеет место быть, например, и в германском уголовном процессе, где хотя и нет специалиста, однако существует проблема отличия эксперта как участника уголовного судопроизводства от свидетеля, обладающего специальными знаниями [1, с. 118; 2, с. 125-126]. Согласно 85 УПК ФРГ если доказывание имевших место фактов или состояния лица требует особых специальных знаний, то могут быть допрошены лица, обладающие специальными знаниями по правилам, установленным для допроса свидетелей. Свидетели, обладающие специальными знаниями, отличаются от экспертов тем, что они дают показания о своем восприятии фактов на основании специальных знаний, но без поручения на проведение экспертного заключения со стороны суда [3, с. 344].

Другой проблемой, освященной в решениях КС РФ, является вопрос разграничения заключений специалиста и эксперта, когда в уголовном процессе используются специальные знания. Существует достаточная практика судов общей юрисдикции, которая не признает представленные документы с процессуальной точки зрения заключениями специалиста в смысле ст. 80 УПК РФ и не расценивает их в качестве доказательства по уголовному делу на том основании, что содержит не суждения специалиста по имеющим значение для уголовного дела вопросам, а основывается на проведенном исследовании с приведением выводов, то есть фактически подменяет собой заключение эксперта (апелляционное определение Московского городского суда от 14.05.2020 по делу № 10-1546/2020, от 29.04.2020 по делу № 10-4562/2020).

КС РФ неоднократно в своих решениях отмечает, что *«УПК РФ не предусматривает полномочий специалиста по оценке экспертных заключений или проведению схожих с экспертизой исследований»* (определения КС РФ от 27.12.2023 № 3304-О, от 27.06.2023 №1751-О, от 31.01.2023 № 6-О, от 21.01.2023 № 6-О, от 28.09.2021 № 2082-О, от 26.10.2021 № 2177-О и др.). Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде (что отражается в протоколе судебного заседания), так и в виде заключения (которое приобщается к материалам дела). Заключение

специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу. Если из устных разъяснений или заключения специалиста следует, что имеются основания назначить дополнительную или повторную экспертизу, суду по ходатайству стороны или по собственной инициативе следует обсудить вопрос о назначении такой экспертизы (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»). Для назначения повторной или дополнительной экспертизы необходимо установить, соответственно, наличие сомнений в обоснованности заключения эксперта (ч. 2 ст. 207 УПК), недостаточную ясность и полноту заключения, а также наличие новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств (ч. 1 ст. 207).

Аналогичную позицию занимает Пленум ВС РФ, например, в своем постановлении от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», где в п. 91 отмечает о необходимости производства судебной экспертизы, если требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в той или иной области науки и техники. Если же проведение исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста в порядке, предусмотренном ч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ.

Однако судебная позиция об отсутствии у специалиста полномочий по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований вызывает вопросы. Не ясно, как сторона защиты может воспользоваться отмеченной КС РФ возможностью с опорой на суждения, высказанные привлеченными ею специалистами для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, приводить суду доводы, опровергающие заключение судебной экспертизы, обосновывать ходатайства о производстве дополнительной либо повторной экспертизы (определения КС РФ от 26.10.2021 № 2177-О, 28.04.2022 № 886-О, 26.10.2021 № 2177-О, 26.10.2021 № 2177-О), если специалист не вправе оценить экспертное заключение, как можно усомниться в обоснованности заключения эксперта или установить недостаточную ясность и полноту заключения без его оценки лицом, обладающим специальными знаниями, специалистом, у которого нет соответствующего полномочия.

Данная проблематика обусловлена разграничением специалиста от эксперта. Если исходить из терминологического различия в законе и характера самой работы лица, обладающего специальными знаниями, то заключение эксперта (ч. 1 ст. 80 УПК РФ) представляет собой исследование и выводы по

вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами, а заключение специалиста – это в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). КС РФ (определения КС РФ от 31.01.2023 № 6-О, 28.06.2022 № 1529-О, 26.10.2021 № 2177-О) отмечает, что заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу, т.е. там, где необходимо проводить исследование, то следует получить заключение эксперта, а если необходимости в исследовании нет, то возможно ограничиться заключением специалиста.

Некоторые ученые, например, Е.Р. Россинская отмечает, что «в отличие от эксперта специалист не проводит исследований материальных объектов, фактически заключение специалиста представляет собой письменную консультацию по вопросам, входящим в его компетенцию, представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами» [4, с. 238]. Когда консультация специалиста по вопросам, входящим в его компетенцию, не оформляется в письменном виде, то полученные данные в устной форме возможно признать такими доказательствами как показания специалиста при условии их фиксации в ходе допроса [5, с. 44-49]. Суть заключения специалиста состоит в письменной консультации в разъяснении вопросов, входящих в компетенцию данного сведущего лица, без производства исследований. В случае, когда специалист не может ответить на поставленные вопросы без всестороннего исследования объекта, то он вправе отказаться от дачи заключения, порекомендовать назначить по уголовному делу соответствующую экспертизу [5, с. 44-49].

Однако разделяем позицию ученых, утверждающих, что проблематично формализовать лабораторную и мыслительную работу исследователя (коими являются специалист и эксперт), поскольку она имеет творческий характер. В связи с этим проблематично разграничивать заключения эксперта и заключения специалиста, исходя из противопоставления «исследований» и «суждений» [6, с. 516]. Полагаем, что следует исходить из целей принятия Федерального закона от 4.07.2003 № 92-ФЗ, который ввел два новых вида доказательства: заключение и показания специалиста. Согласны с учеными, считающими, что понять смысл данного нововведения возможно только, оттолкнувшись от сравнительно-правового анализа, от двух типов экспертиз: континентальной и англосаксонской экспертизы. Принятие Федерального закона № 92-ФЗ – попытка найти компромисс между двумя данными моделями экспертизы, попытка имплементировать в российский уголовный процесс экспертизу англосаксонского типа, когда стороны (защита и потерпевший), лишенные

властных полномочий, вправе получить мнение (заключение) еще иного другого лица, обладающего специальными знаниями, помимо эксперта, на вопросы, поставленные перед специалистом сторонами. Ведь институт заключения эксперта в российском уголовном процессе отражает континентальную модель экспертизы, для которой характерно, что назначение экспертизы, определение конкретного эксперта и постановка вопросов – прерогатива лица, ведущего производство по делу, поэтому заключение эксперта является результатом специального следственного (судебно-следственного) действия [6, с. 517-518]. В связи с чем разделяем позицию Я.В. Комиссаровой о наделении специалиста правом проводить исследования и давать заключения при проведении проверки научной обоснованности заключения эксперта, а также когда требуются для производства по делу специальные знания из области, не охваченной ранее проведенными экспертизами [7, с. 135-142; 8, с. 115-119]. Считаем, что и специалист, и эксперт как лица, обладающие специальными знаниями, проводят исследования и вправе оценивать заключения друг друга в случае необходимости, если это необходимо для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. На наш взгляд, исходя из целей принятия Федерального закона № 92-ФЗ, разграничивать данных участников процесса следует из того, кто инициирует проведение экспертизы: если лицо, ведущее производство по делу, или суд, то речь идет о заключении эксперта, если иные участники процесса, не наделенные государственно-властными полномочиями (защитник, самостоятельно потерпевший, не согласный с заключением эксперта), то – заключение специалиста.

Вызывает много дискуссий вопрос использования в уголовном процессе заключения специалиста в области права, представленное, например, стороной защиты, в качестве такого вида доказательства как заключение специалиста. Так, КС РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина, который просил признать несоответствующими Конституции РФ отдельные положения УПК РФ в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, допускают возможность суду кассационной инстанции не рассматривать заключение специалиста в области права, предоставленное стороной защиты в подтверждение своих доводов, поскольку вопросы применения права относятся к исключительной компетенции суда (Определение КС РФ от 28.06.2022 № 1529-О). Конституционный Суд РФ отметил, что «специалист как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекается к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном этим Кодексом, в том числе его статьями 58, 164, 168 и 270, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении

технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Никаких иных полномочий специалиста, в том числе по оценке судебных решений, а также по вопросам права, подлежащих разрешению судом, этот Кодекс не предусматривает. Полученное стороной защиты суждение от лица, обладающего специальными знаниями в области права, по вопросам, входящим в исключительную компетенцию суда и оформленное в виде заключения, не является заключением специалиста по смыслу п. 3.1 ч. 2 ст. 74 и ч. 3 ст. 80 УПК РФ. Вместе с тем полученные суждения, в том числе изложенные в письменной форме, квалифицированного специалиста в области права не препятствуют адвокату-защитнику, также обвиняемому с опорой на такие суждения приводить суду доводы в защиту прав и законных интересов».

С одной стороны, юриспруденция, как и другие сферы, предполагает наличие специальных знаний. В связи с этим не совсем ясно, чем специалист в области права отличается от специалиста в иной области, когда имеется необходимость в специальных знаниях. Помимо этого любое доказательство, в том числе и заключение специалиста, не имеет заранее установленной силы.

Однако, на наш взгляд, изложенное в письменном виде суждение, мнение специалиста, в роли которого выступает эксперт-юрист, не является доказательством по уголовному делу, поскольку представляет собой профессиональное мнение, позицию профессора права, теоретика по вопросам применения правовых норм, например, вопросов о квалификации, допустимости тех или иных доказательств, т.е. является вопросом права, решение которого находится в компетенции органов, ведущих производство по уголовному делу, и суда, и не касается фактических обстоятельств дела. Поэтому считаем правильным позицию КС РФ, когда подобное мнение о праве специалиста в области права не приобщается к материалам уголовного дела в качестве такого вида доказательства как заключение специалиста.

Вместе с тем считаем необходимым развивать практику привлечения в уголовный процесс, в расследование конкретного уголовного дела специалистов в области права, например ученых, теоретиков, известных юристов, чтобы их научная, обоснованная, требующая специальных знаний позиция по вопросам права, его толкования была услышана участниками конкретного уголовного процесса, в том числе органами, ведущими расследование, и судом. Вовлечение подобных специалистов в области права позволит повысить профессионализм участников процесса, сблизить теорию и практику, так сказать «впрячь в одну телегу коня и трепетную лань». Опираясь на позицию КС РФ (Определение КС РФ

от 28.06.2022 № 1529-О), согласно которой «полученные суждения, в том числе изложенные в письменной форме, квалифицированного специалиста в области права не препятствуют адвокату-защитнику, также обвиняемому с опорой на такие суждения приводить суду доводы в защиту прав и законных интересов», считаем, что адвокат-защитник может заявить в письменном виде ходатайство и в приложении приложить позицию специалиста по правовым вопросам, которая рассматривается как составляющая часть обоснования, подтверждающая аргументированную позицию адвоката-защитника. При необходимости адвокат-защитник вызвать специалиста в области права в суд на допрос при возникновении каких-либо вопросов и с целью уточнения озвученной посредством адвоката-защитника позиции.

Таким образом, анализ практики Конституционного Суда РФ выявил многие проблемы, связанные с правовым статусом специалиста в уголовном процессе.

Список использованных источников:

1. Beulke, W., Swoboda, S. Strafprozessrecht. 16. Auflage. 2022.
2. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ / перевод с нем. Я.М. Плошкиной, под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск. 2004. 352 с.
3. Meyer-Goßner, StPO, 55. Aufl. 2012.
4. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Москва: Норма, 2005. 656 с.
5. Елагина, Е.В. Заключение специалиста: некоторые проблемы формирования и использования // Криминалисть. 2016 № 2 (19). С. 44-49.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. 3-е издание, 2021. 1328 с.
7. Комиссарова, Я.В. К вопросу об основаниях разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 135-142.
8. Комиссарова, Я.В. Разграничение функций эксперта и специалиста: реалии сегодняшнего дня // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 18-19 октября 2022 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 115-119.

УДК 343

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 3 СТ. 284.1 УК РФ**

© А.Ю. Попова

Сибирский федеральный университет

Согласно ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Субъект преступления – один из таких признаков любого состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Анализ Особенной части УК РФ позволяет прийти к выводу, согласно которому наряду с общими признаками субъекта преступления, законодатель наделил последнего дополнительными признаками, наличие которых позволяет привлечь его к уголовной ответственности. Такой субъект преступления доктриной уголовного права был обозначен как специальный.

В науке уголовного права сложилось немало позиций относительно понимания специального субъекта преступления. Г.Н. Борзенков под специальным субъектом преступления понимает лицо, которое наряду с общими признаками субъекта, обладает также дополнительными признаками, обязательными для данного состава преступления [1, с. 158]. По мнению А.В. Рагулиной, специальный субъект – это лицо, которое кроме трех основных признаков, обладает также факультативными признаками, являющиеся для конкретного состава преступления обязательными [2, с. 216]. Н.С. Лейкина и Н.П. Грабовская специального субъекта определяют, как «субъекта, который обладает особенностями, указанными в статьях УК РФ, а именно в диспозициях норм» [3, с. 389]. Исходя из представленных позиций ученых, следует, что признаки специального субъекта являются неотъемлемой частью некоторых составов преступлений, и должны быть указаны в диспозициях статей Особенной части УК РФ.

Однако Особенная часть УК РФ предусматривает и такие составы преступлений, где диспозиция статьи не устанавливает признаки специального субъекта преступления. Они могут быть обнаружены только лишь путем толкования нормы и детального анализа объективной стороны конкретного состава преступления. Примером такой нормы является ч. 3 ст. 284.1 УК РФ, где анализ объективной стороны позволяет прийти к выводу о наличии

специального субъекта в данном составе преступления. Указанная норма предусматривает уголовную ответственность за организацию деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее – нежелательная организация). Сразу отметим, нежелательная организация – это не преступная организация или преступное сообщество, а легально зарегистрированное юридическое лицо с определенными, формально соответствующими закону целями деятельности.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 284.1 УК РФ, включает активное действие – организацию деятельности нежелательной организации. В связи с чем, определение функций организатора деятельности такой организации является важной составляющей для выделения признаков специального субъекта указанного преступления.

К функциям организатора деятельности нежелательной организации, чья деятельность признана нежелательной на территории РФ в соответствии с законодательством Российской Федерации, по нашему мнению, следует отнести: создание (регистрацию) структурного подразделения такой организации; поиск лиц для участия в деятельности такой организации; формирование умысла, целей у участников; разработка планов деятельности; организация материально-технического обеспечения; планирование собраний, митингов, шествий; определение места и времени деятельности такой организации; оформление необходимой для деятельности организации документации, начисление и выплата заработной платы штатным сотрудникам. Указанные функции представляют собой набор управленческих функций, которые выполняет лицо, организующее деятельность этой организации. Очевидно, что перечисленные функции организатора деятельности такой организации совпадают по содержанию с функциями, лица, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Для подтверждения нашего вывода обратимся к примечанию к ст. 201 УК РФ, а также Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Как указано в примечании к ст. 201 УК РФ, такое лицо постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих или иных организациях. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 16.10.2009 № 19 к организационно-распорядительным функциям относит руководство коллективом; формирование

кадрового состава и определение трудовых функций работников; принятие решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия. К административно-хозяйственным функциям относятся полномочия по управлению и распоряжению имуществом, денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций (например, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием) [4].

В соответствии с примечанием к ст. 201. УК РФ, а также положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19, функции организатора деятельности нежелательной организации можно разделить на организационно-распорядительные и административно-хозяйственные. К организационно-распорядительным функциям следует отнести: поиск лиц для участия в деятельности такой организации; формирование умысла, целей у участников организации; разработка планов деятельности; планирование мероприятий; оформление необходимой для деятельности организации документации. К административно-хозяйственным функциям относится организация материально-технического обеспечения деятельности такой организации, начисление и выплата заработной платы штатным сотрудникам.

Очевидно, что организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции организатора деятельности нежелательной организации во многом совпадают по содержанию с аналогичными функциями, выполняемыми в коммерческой или иной организации. Следовательно, мы можем утверждать, что субъект преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 284.1 УК РФ должен быть специальным, поскольку помимо общих признаков, он наделен еще и дополнительным признаком - выполнением управленческих функций в иной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ.

Однако примечание к ст. 201 УК РФ предусматривает выполнение управленческих функций лицом только в составах преступлений, предусмотренных Главой 23 УК РФ, а также в ст. 304 УК РФ. В связи с чем, организатор деятельности такой организации формально не попадает под критерии, указанные в примечании к ст. 201 УК РФ, и, значит, не является лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, что автоматически исключает наличие специального субъекта в составе преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 284.1 УК РФ.

Поэтому, считаем, что в примечание к ст. 201 УК РФ необходимо включить упоминание о ч. 3 ст. 284.1 УК РФ, чтобы лицо, выполняющее управленческие

функции при организации деятельности организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации, стало также субъектом всех преступлений, предусмотренных Главой 23 УК РФ.

Список использованных источников:

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.

2. Рагулина А.В. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание 2-е переработанное и дополненное / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008.

3. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 1968.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16.10.2009 № 19 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.575

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ
НАРКОТИКОВ**

© А.А. Примак

Сибирский федеральный университет

Современное уголовное антинаркотическое законодательство представлено достаточно разветвлённой системой правовых норм, которая направлена на противодействие не только различным формам распространения наркотических средств и других психоактивных веществ, но и уголовно-правовую предупреждение условий совершения данных преступлений, а также правовую профилактику наркотизма в целом как социально-негативного явления. Вместе с тем, несмотря на относительно полную систему норм признать ее совершенной не представляется возможным. На наш взгляд, значительным ее недостаток являлось отсутствие уголовно-правового запрета пропаганды наркотиков.

Федеральным законом № 226-ФЗ от 08.08.2024 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1], который вступает в силу с 1.09.2025, указанный недостаток устранен. Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 230.3, устанавливающей уголовную ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

Социальная обусловленность уголовно-правового запрета пропаганды наркотиков выражается в наличии общественной опасности этого деяния. Она представляет свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений вместе взятых производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения [5, с. 5]. Прежде всего, это относится к объекту уголовно-правовой охраны, поскольку именно в нем наступают негативные изменения в результате преступного поведения [4, с. 24]. Однако как результат человеческой практики преступная деятельность производит негативные изменения в социальной действительности, которые в сочетании с другими криминальными актами «таит в себе угрозу качественного изменения условий существования общества» [6, с. 6].

Безусловно, указанные изменения уже представляют определенную степень вредности для социума, однако на этом они не прекращают своего негативного влияния на общественные интересы. Имманентно присущие им свойства неизбежно детерминируют наступление последствий второго порядка. С позиции социального явления общественная опасность преступления создает угрозу дальнейшего нарушения общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Ни у кого не может возникнуть сомнения, что пропаганда наркотиков ведет к совершению других более тяжких преступлений, определяемых как распространение наркотиков, на основе которых может проявляться и другая криминальная активность.

В целом, вызываемые пропагандой наркотиков и других психоактивных веществ негативные изменения второго порядка, деструктивно влияющие на функционирование всего общества, выражаются не только в способствовании наркотизации населения, но и в нарушении нормального социально-психологического климата в стране; воспроизводстве преступности и проникновении в общество идеологии преступного мира, а также стимулировании антиобщественного поведения; нейтрализации либо минимизации позитивных факторов, заложенных в современной системе социального контроля; увеличении финансовых затрат социума, связанные не

только с предупреждением наркопреступности, но и лечением наркозависимых и преодолении социальных и иных последствий наркотизма.

О том, что пропаганда наркотиков таит в себе угрозу качественного изменения окружающего мира, т.е. обладает общественной опасностью, отмечается и в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733 [3], в которой данное явление относится к угрозам национальной безопасности.

Дополняют социальную обусловленность уголовно-правового запрета пропаганды наркотиков и других психоактивных веществ нормативное регулирование информационной политики. Так, в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], определяются организационно-технические меры ограничивающие доступ к технологическим ресурсам, содержащим информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений.

Самостоятельной предпосылкой уголовно-правового запрета выступает невозможность удержания потенциальных преступников от совершения пропаганды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, другими правовыми средствами. Установление уголовной ответственности за данное деяние, с позиции теории социального нормирования, представляет собой прежде всего снижение привлекательности возможного отклонения от нормы [7, с. 17]. Содержащиеся в ст. 6.13. КоАП РФ меры административной ответственности не способные в настоящее время изменить наркопреступность, о чем свидетельствуют ее основные показатели.

Не менее значимым фактором, определяющим потребность общества в установлении уголовной ответственности за пропаганду наркотиков, выступает состояние современной наркопреступности. Статистические данные первичного учета преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотиков, свидетельствуют об относительно стабильном уровне регистрируемой наркопреступности. Вместе с тем, качественные ее показатели имеют ярко выраженные негативные тенденции. При этом даже на этом фоне обращает на себя внимание возросшая криминальная активность наркобытчиков, использующих электронные и информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»), поскольку преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст.228.1 УК РФ, в документах вторичного учета преступности, имеет

опережающую тенденцию роста. В целом, это свидетельствует о постоянно увеличивающемся спросе на наркотики в информационно-телекоммуникационной среде, что способствует стремительному их распространению.

Представленные предпосылки уголовно-правового запрета пропаганды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры позволяет констатировать социальный запрос на установление уголовной ответственности за распространение взглядов, фактов и аргументов, одобряющих потребление наркотических средств и психотропных веществ.

Необходимо отметить, что в уголовном законодательстве и до Федерального закона № 226-ФЗ от 08.08.2024 за определенные формы пропаганды наркотиков предусматривалась ответственность. В частности, если в процессе распространения информации о наркотических средствах, психотропных веществах и их аналогов имеет место склонение к их потреблению, то такие действия необходимо квалифицировать по ст. 230 УК РФ. Не изменится эта позиция и с 1.09.2025, когда вступит в юридическую силу ст. 230.3 УК РФ, поскольку в процессе пропаганды наркотиков, осуществляемой в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), могут быть установлены признаки склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, что образует состав преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ. Соотношение обозначенных выше норм всегда необходимо будет проводить в процессе применения ст. 230.3 УК РФ.

Конструктивной особенностью состава преступления, предусмотренным ст. 230.3 УК РФ, является административная преюдиция, при которой обязательным условием уголовной ответственности выступает предшествующее привлечение лица два и более раза в течение года к административной ответственности за аналогичное деяние. Речь идет об административном правонарушении, регламентированном ст. 6.13. КоАП РФ, при этом в измененной редакции, которая вступит в силу с 1.09.2025. Детализирую законодательное положение об ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ их аналогов и прекурсоров следует отметить, что необходимым условием уголовной ответственности выступает привлечение к административной ответственности только по ч. 3 ст. 6.13. КоАП РФ (в определенных случаях ч. 4 ст. 6.13. КоАП РФ), поскольку пропаганда наркотиков в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), как аналог уголовно-

наказуемого деяния, предусмотрена только в этой части статьи административного законодательства.

Другой конструктивной альтернативной особенностью данного состава преступления выступают признаки специального субъекта, обладающего судимостью за совершение преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ. Здесь не идет речь о специальном рецидиве, поэтому должны учитываться и судимости, приобретенные в несовершеннолетнем возрасте. Вместе с тем возникает вопрос: почему законодатель необходимым криминообразующим элементом признает только судимости за данное преступление. Обозначенные предпосылки уголовно-правового запрета показывают взаимосвязь пропаганды наркотиков и их распространения. В связи с этим представляется целесообразным привлечение к уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ их аналогов и прекурсоров не только лиц, ранее совершивших данное преступление, но и лиц, имеющих судимость за их распространение.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 08.08.2024 № 226-ФЗ // Российская газета. 2024. 15 августа.

2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. №31. ст. 3448 (Часть I).

3. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» от 23.11.2020 № 733 // СЗ РФ. 2020. № 48. ст.7710.

4. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991.

5. Марцев А.И. Некоторые вопросы методологии уголовно-правовых исследований // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики. Красноярск, 1997.

6. Марцев А.И. Преступление как социальное явление // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 1998.

7. Усс, А.В. Социально-интегративная роль уголовного права. Красноярск, 1993.

УДК. 340.12

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА АДВОКАТА НА ДОСТОИНСТВО

© Т.В. Протопопова

Сибирский федеральный университет

В современной России задача теоретического исследования идеи человеческого достоинства в праве представляется весьма актуальной. Дело в том, что хотя человеческое достоинство, несмотря на свой в немалой степени абстрактный характер, находит весьма конкретное выражение в правовых нормах, этого недостаточно. Например, в юридических правилах следует отразить в полной мере достоинство людей как специалистов разных профессий.

В отечественном праве пока эта задача полностью не решена. В частности, так обстоят дела с закреплением в юридических нормах необходимых идей для обеспечения достоинства адвоката.

Чтобы предложить идеи для такого закрепления, возможно начать с определения содержания достоинства личности, ибо адвокат является таковой. Достоинство личности – это осознание ею своего общественного значения, осознание ею права на общественное уважение, на признание обществом социальной ценности человека. Человеческое достоинство как сложное и многогранное явление – это самоуважение личности, её нравственное справедливое отношение к себе, стремление к снисканию уважения других людей, предполагающее при реализации необходимость уважать других индивидов [2].

Следующим шагом исследования выступает определение содержания достоинства адвоката как личности особого рода. По этому вопросу следует отметить, что достоинство адвоката – это многоплановое понятие, заключающиеся в самоуважении адвоката как личности, в нравственном справедливом отношении адвоката к себе, в стремлении к снисканию уважения других людей. Достоинство адвоката проявляется в высокой профессиональной компетентности, великодушии, принципиальности, справедливости, честности, отзывчивости, благоразумии и ряде других положительных качеств.

Идея о содержании человеческого достоинства адвоката находит своё выражение в ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», вступившем в силу с 1.07.2002 [1]. Здесь записано, что адвокатская деятельность – это, прежде всего, квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на

профессиональной основе. Как видим, достоинство адвоката заключается в том, что он достаточно квалифицирован и является профессионалом в своей сфере. Закон подчёркивает, что адвокат оказывает юридическую помощь в целях защиты прав, свобод и интересов граждан и организаций. Права, свободы и интересы – это категории, теснейшим образом связанные с идеей человеческого достоинства. Тот человек, чьи права защищены, интересы учитываются, а свободы обеспечиваются, чувствует себя по-настоящему достойным.

Из этого законодательного положения следует такой вывод. Адвокат, честно выполняющий столь значимую работу – защиту прав, свобод и интересов – сам своим благородным трудом демонстрирует своё достоинство.

Нужно отметить, что согласно рассматриваемой статье Федерального Закона одна из целей адвокатской деятельности – обеспечить гражданам и организациям доступ к правосудию. Притом адвокат стоит на стороне права на достоинство, так как без свободного доступа к правосудию защитить это право весьма проблематично.

Отражается ли право адвоката на достоинство в ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»? Эта статья называется «Адвокат». На этот вопрос должен быть дан положительный ответ по крайней мере в силу следующего. Прежде всего в ней записано, что адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Как правило, лицо, которое можно назвать «независимым профессиональным советником», обладает весьма значимым чувством собственного достоинства. Ведь когда человек независим (а значит достаточно свободен), то повышается и его самооценка и его оценка обществом. Определение «профессиональный советник» говорит о том, что это лицо в своей профессии разбирается лучше, чем обычные работники, а значит и обладает профессиональным адвокатским достоинством.

Вдобавок с точки зрения законодательного закрепления достоинства ценно то, что ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» указывает, что адвокат не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности. Очень хорошо, что только что сформулированным положением законодатель фактически признает занимающихся указанными делами адвокатов творческими личностями и поэтому достойными уже в силу этого.

Притом если развить приведенную законодательную идею, то следует признать, что в среде профессиональных адвокатов лицо, имеющее кроме стажа работы по специальности ещё и учёную степень по юридическим наукам, может

претендовать на более высокую общественную оценку, и, следовательно, и на более высокое достоинство.

Разумеется, последнее авторское суждение может быть оценено неоднозначно. Но очень вероятно то, что отмеченные идеи об адвокатском достоинстве, зафиксированные в ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», следует только приветствовать.

Другое дело, что указанный закон возможно улучшить в рассматриваемом отношении. Для этого скорее всего следует ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» после слов «в целях защиты их прав, свобод и интересов» дополнить словами «опираясь на идею человеческого достоинства». Кроме того, ч. 1 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» после слов «Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам» следует дополнить словами «Адвокат неукоснительно следует идее защиты достоинства граждан и соблюдения высокого достоинства российской адвокатуры».

Именно так, вероятно, необходимо поступить для расширения закрепления содержания достоинства адвоката как профессионала в отечественном праве. Правда, разумеется, этого мало. Необходимо думать и об иных способствующих повышению достоинства адвоката предложениях по совершенствованию нормативных правовых актов, например, относительно того, какими словами в законодательном тексте возможно усилить роль адвоката в борьбе с коррупционными проявлениями [3].

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; Кодекс профессиональной этики адвоката: текст с последними изменениями и дополнениями на 1 февраля 2023 года. М: Эксмо, 2023.
2. Протопопова Т.В. Правовое регулирование обеспечения человеческого достоинства. М.: Проспект. 2020.
3. Drobyshevskii S. A. Kinship in a Politically Organized Society and Legal Regulation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2024 17 (6).

УДК 34, 378

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ ПО ПРОГРАММАМ
СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ МВД РОССИИ)**

© С.А. Пунтус

Сибирский юридический институт МВД России

Повышенное внимание в отечественной образовательной системе к среднему профессиональному образованию (далее – СПО) находит свое отражение как в создании общегосударственных проектов (например, федеральный проект «Профессионалитет» в рамках постановления Правительства РФ от 16.03.2022 № 387), так и трансформации деятельности образовательных организаций – от профессиональных образовательных организаций до ведомственных высших учебных заведений. Причем среди последних, особенно выделяются вузы МВД России, которые, благодаря «ускоренной подготовке» кадров, стремятся нивелировать проблемы кадрового обеспечения [1, с. 108].

В настоящее время в России действуют 4 федеральных государственных образовательных стандарта (далее – ФГОС, стандарты) СПО, направленные на подготовку юристов: 40.02.01 Право и организация социального обеспечения; 40.02.02 Правоохранительная деятельность, 40.02.03 Право и судебное администрирование, 40.02.04 Юриспруденция (первый прием состоится в 2024 году). Учитывая специфику полицейской деятельности, в вузах МВД России реализуются основные профессиональные образовательные программы (далее – ОПОП), разработанные на основе ФГОС СПО по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность.

Несмотря на то, что 3 из вышеназванных ФГОС СПО во многом морально устарели (приняты в 2014 году) и о необходимости их замены неоднократно проводились обсуждения в юридическом сообществе (в том числе уже более года разработан проект нового ФГОС СПО по специальности 40.02.02), стандарты продолжают действовать, а внимание к ним «обострилось» с принятием приказа Минпросвещения России от 03.07.2024 № 464 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования» (далее – приказ № 464).

Безусловно, приказ № 464, затронувший 246 действующих ФГОС СПО, следует оценить позитивно (единообразие компетенций, упрощение структуры

ОПОП, приведение формулировок в соответствии с иными нормативными правовыми актами и др.). Но только с содержательной точки зрения (порядок введения его в действие вызывает вопросы) и повторно вызывает недоумение вопрос о причинах, не позволивших принять новые юридические ФГОС СПО.

Опираясь на довод, что построение профессиональной прослойки юристов среднего звена позволит вернуть престиж профессии [2, с. 44], обратимся к ряду вопросов подготовки юристов по ОПОП СПО, включая осмысление проблем реализации приказа № 464, на примере образовательных организаций МВД России.

1. Несмотря на то, что ОПОП по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность реализуются почти во всех ведомственных вузах, обучение по очной форме осуществляется лишь в некоторых из них.

Потребность в ускоренной подготовке кадров для органов внутренних дел выступила главным фактором перехода на обучение с ОПОП по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (срок обучения 5 лет) на направление подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка (срок обучения 4 года). При этом возможность укомплектовывать большую часть вакантных должностей выпускниками ведомственных вузов по ОПОП СПО (с еще меньшим сроком обучения) не реализуется из-за «проблемы армии» и ее реальность переплетена с потребностью соответствующих изменений Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (а именно п. «з» ч. 1 ст. 24) [3, с. 96].

2. Вступление в силу приказа № 464 обусловило потребность изменения всех реализуемых программ СПО в кратчайшие сроки.

Приказ № 464 вступил в силу 23.08.2024, не сделав никаких исключений по реализации новых норм ФГОС СПО (в том числе из-за того, что некоторые ФГОС СПО уже больше не допускают набора на обучение). Но в отношении специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность такая постановка вопроса очень актуальна – с 1 сентября приступает к обучению новый набор, для которого уже разработаны и утверждены ОПОП.

Безусловно, для образовательных организаций, не входящих в сферу действия ст. 81 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, «палочкой-выручалочкой» послужили разъяснения Минпросвещения России (письмо Департамента государственной политики в сфере среднего профессионального образования и профессионального обучения от 15.08.2024 № 05-2950) со ссылкой на приказ от 24.08.2022 № 762: «...С учетом положений гражданского законодательства изменение ФГОС СПО согласно приказу № 464 влечет за собой необходимость актуализации соответствующих основных

образовательных программ, принятых после издания указанного приказа № 464...».

Но на ведомственные вузы не распространяет свое действие приказ Минпросвещения России от 24.08.2022 № 762! Например, в системе образования МВД России порядок организации и осуществления образовательной деятельности (как и особенности методической деятельности) по образовательным программам СПО регламентируется приказам МВД России от 19.09.2022 № 689 и № 691. В силу чего изменения во ФГОС СПО стали для вузов МВД России императивными и обязательными к исполнению как для набора 2024 года (начало реализации ОПОП с 1 сентября), так и для ОПОП наборов 2022 и 2023 годов, которые требуется корректировать.

3. В подготовке юристов среднего звена требуется научное осмысление новых компетенций, предусмотренных ФГОС СПО.

Приказ № 464 не только ввел новые общие компетенций (далее – ОК) во ФГОС СПО по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность, но и упразднил «привязку» ОК и профессиональных компетенций (далее – ПК) к отдельным компонентам ОПОП. Такой подход позволит избежать перенасыщения ОК и ПК учебных дисциплин, практик и т.д. Например, ранее учебная практика предусматривала формирование 29 (!!!) ОК и ПК, а ведь кроме рабочей программы практики, компетенции находили воплощение и в оценочных, и в методических материалах. И ряд из них был явно избыточным.

Иное количество (теперь их 10 вместо 14), а главное формулировка, ОК заставляют задаться вопросом о сопоставлении нового и прежнего перечней. Однако новый подход к ОК не позволяет сделать некую «таблицу сопоставления» и заставляет задаться вопросом – каким образом встроить ОК в уже частично реализованную ОПОП.

У специалистов присутствует и ряд закономерных вопросов по содержанию ОК в проекции на подготовку юристов СПО. Так, для данного уровня и области образования:

- не очень уместны планирование и реализация предпринимательской деятельности в профессиональной сфере (ОК 3);
- не оправдано включение «экологической компетенции» (ОК 7);
- сомнительна потребность пользоваться профессиональной документацией на иностранном языке (ОК 9).

4. Неоднозначные требования к материально-техническому обеспечению ОПОП.

В подготовке юристов среднего звена, в первую очередь по специальности 40.02.02, приказ № 464 не устранил нарекания, о которых неоднократно

упоминалось экспертным сообществом (в том числе по вопросам государственной аккредитации образовательной деятельности).

Так, остаются «живыми» кабинет первой медицинской помощи (что зачастую требует от образовательных организаций искусственно вводить его в свой аудиторный фонд, наряду с кабинетом первой помощи) и актовый зал (в котором необходимо организовывать и учебную деятельность, включая в расписание занятий), спортивный комплекс включает в себя такой элемент как «стрелковый тир» и т.д. До сих пор по ФГОС СПО имеются необоснованные отличия: спортивный зал / зал спортивных игр; кабинет гуманитарных и социально-экономических дисциплин / кабинет социально-экономических дисциплин; и др.

5. Необоснованно обходятся стороной кадровые вопросы реализации ОПОП по подготовке юристов среднего звена (методическая подготовка преподавателей).

Ключевая ошибка педагогического состава юридических вузов, в которых реализуются ОПОП СПО, состоит в игнорировании особенностей образовательного процесса в отношении такой категории обучающихся: не учитывается уровень подготовки студентов (которые зачастую не поступили на ОПОП высшего образования (далее – ВО)); изложение учебного материала либо тождественно либо не имеет логического продолжения с ОПОП ВО; и т.д. Обучение юристов по программам СПО требует особых методик, педагогических приемов и подходов. Полагаю, что для эффективной реализации ОПОП СПО юридического профиля требуется обучение педагогического состава (повышение квалификации; работа школ педагогического мастерства и др.)

6. Юридическому сообществу следует популяризировать СПО.

Среди различных форм привлечения внимания к подготовке юристов по программам СПО предлагается обратить внимание на включение в орбиту Всероссийского чемпионатного движения по профессиональному мастерству.

Данный вопрос уже частично становился предметом обсуждения, но сквозь призму движения WorldSkills. Отмечалось, что участие в его мероприятиях способствует профориентации, определению профессиональных траекторий участников и способствуют экономическому росту регионов [4, с. 50], в том числе и в отношении обучающихся по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность.

Учитывая огромное внимание к чемпионатному движению, целесообразно всем образовательным организациям, занимающимся подготовкой юристов среднего звена, и экспертам от юридических организаций включиться в развитие соответствующих компетенций.

Так, с 2024 года компетенция «Правоохранительная деятельность (Полицейский)» вошла в региональные этапы Чемпионата по профессиональному мастерству «Профессионалы». Несмотря на успешность проекта, в том числе на территории Красноярского края, численность его участников следует значительно увеличить, также как и интерес к самому конкурсу (в том числе и за счет включения новой «юридической» компетенции).

Таким образом, в сфере подготовки юристов среднего звена остается достаточное количество проблем, юридическое сообщество и работодатели недооценивают потенциал кадров с уровнем СПО. При этом вектор государственной политики в отношении данного уровня образования, стремление ряда заинтересованных министерств и ведомств завершить работу по разработке новых юридических ФГОС СПО и оптимизировать действующие, потребность обеспечить рынок труда квалифицированными юристами, безусловно, вызывает внимание научного сообщества к ОПОП СПО юридического профиля.

Список использованных источников:

1. Пунтус, С.А. Подготовка кадров для правоохранительных органов: тенденции развития системы российского образования сквозь призму деятельности ведомственных образовательных организаций // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : XXVII международная научно-практическая конференция: в 2-х частях, Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2024. С. 107-109.

2. Аверьянов, В.Г. Формирование профессиональной компетентности юриста в процессе получения современного среднего профессионального образования // Традиции и инновации в профессиональном образовании : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 мая 2023 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2023. С. 39-45.

3. Пунтус, С.А. Среднее профессиональное образование в системе МВД России: осмысление современного состояния и перспективы развития // Актуальные вопросы образовательного процесса : материалы Международной научно-методической конференции (3-4 марта 2022 г.). – Москва: Колледж полиции, 2022. С. 93-97

4. Сюзева, Н.В. О включении специальности 40.02.02 "Правоохранительная деятельность" в чемпионатное движение WorldSkills // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 1. С. 50-54.

УДК 342

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УСМОТРЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

© З.Р. Рахматулин

Сибирский федеральный университет

© П.В. Сорокун

Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

Разработка новых основ правового регулирования, их корректировка являются наисложнейшими задачами, поскольку они должны учитывать интересы большого количества субъектов – участников различных управленческих правоотношений. «Особую актуальность проблема совершенствования правотворческого процесса приобретает в периоды глубоких преобразований, происходящих в различных сферах общественной жизни, сопровождающихся разрушением или отказом от применения существующих норм и острой потребностью в скорейшем принятии новых» [5, с. 124].

Ввиду этого целесообразно вести речь о том, что принимаемые нормативные документы должны оцениваться и с точки зрения того, насколько широкое усмотрение в них заложено правотворцем. В этом вопросе законодательное (законотворческое) усмотрение тесно связано с правоприменительным усмотрением. Если расширяются границы правотворческого процесса, то сужаются пределы правоприменительного усмотрения и наоборот. Однако данная зависимость в определенных случаях достаточно условна, но законодатель при принятии нормативных документов различного уровня должен эти аспекты учитывать.

Однозначно весь спектр вопросов, содержащих в себе усмотрение, не может быть урегулирован только федеральными законами, огромный массив информации содержится в подзаконных документах, а следовательно, в этой статье речь пойдет об усмотрении в правотворческой деятельности в целом, а не только при реализации законодательного процесса.

Отметим, что в юридической литературе [5, с. 125-126] достаточно аргументировано различают эти понятия. Их более детальное рассмотрение целесообразно для того, чтобы иметь представление о субъектах и границах правотворческого усмотрения, допустимости усмотрения на различных этапах государственной деятельности по принятию нормативных документов и их изменению.

Во-первых, правотворчество – это более емкая категория, поскольку включает в себя деятельность по разработке и принятию законов, а также процесс подготовки и принятия подзаконных нормативных документов.

Во-вторых, «субъектами, осуществляющими соответствующую деятельность. Законотворчество — это исключительная компетенция органов законодательной ветви власти (кроме случаев принятия Конституций и других законов всенародным голосованием), представленных в России на двух уровнях: федеральном и региональном (субъектов РФ)... Подзаконное правотворчество может осуществляться самостоятельно и другими государственными и муниципальными органами, а также организациями различных организационно-правовых форм и форм собственности (например, локальные нормативно-правовые акты)» [5, с. 125].

В-третьих, органы законодательной власти функционируют для того, чтобы принимать законы, а подзаконные нормативные документы принимаются соответствующими ведомствами, которые наряду с подзаконным нормотворчеством выполняют ежедневно поставленные перед ними иные задачи в различных в различных сферах.

Безусловно, в юридической литературе выделяется еще немало отличий, которые позволяют разграничивать вышеуказанные категории, однако, для того, чтобы понять уровень дозволенного порога усмотрения различных субъектов, выделенных пунктов вполне достаточно.

Отметим, что усмотрение законодателя в правотворческом процессе довольно обширно. Оно выражается в том, какой проект нормативного документа будет принят, насколько сохранится или изменится его содержание, какой будет окончательный его вариант.

Первый принимаемый документ может являться «магистральным» для последующих, в этом документе будут фигурировать правила, которые содержат в себе определенную возможность усмотрения в актах, которые принимаются иными органами власти (как правило, — это подзаконное нормотворчество). Примеров подобного регулирования достаточно много в современной правовой системе.

Следовательно, «двухуровневое» законодательное усмотрение представляет собой явление, при котором в самом первом принимаемом документе закладываются основы для соответствующей дискреции в нижестоящих нормативных документах ввиду невозможности детальной проработки и фиксации правил поведения в первом акте.

Законодательное усмотрение взаимосвязано с административным и судебным усмотрением, в связи с этим акцентируем внимание на этих вопросах.

В юридической литературе применительно к различным отраслям права авторы ведут речь о судебном и административном усмотрении [6, с. 123]. Безусловно, их характеристика играет важную роль для осмысления отдельных аспектов того или иного вида юридической деятельности, что имеет прикладное значение для теории и практики.

Так, К.И. Комиссаров под судебным усмотрением понимает «предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение, возможность которого вытекает из общих и относительно определенных указаний закона, в случаях отсутствия прямого, абсолютно определенного указания найти такое из ряда предполагаемых законом решений, которое наиболее точно соответствует идее законодателя»[3, с. 51].

Судебное усмотрение включает в себя свободу при принятии решений по разрешению правового спора судьями, исходя из его внутренних качеств, требований и принципов законодательства.

Административное усмотрение, как правило, реализуется федеральными органами исполнительной власти. В юридической литературе вполне обоснованно отмечается, что важнейшая характеристика административного усмотрения – это возможность «исходить из принципа целесообразности при обращении к гражданам с конкретными повелениями, основанными на законе и направленными на исполнение закона [4, с. 123], представляя собой «оптимальное соотношение законности и целесообразности»[4, с. 9].

Наличие усмотрения, предусмотренного в правовых нормах, ведет в определенных случаях к неоднообразной правоприменительной практике. В связи с тем, что в рамках одной статьи невозможно охватить деятельность всех органов исполнительной власти, акцентируем внимание на деятельности некоторых из них.

Так, в нормах действующего законодательства предусмотрено, что осужденные обязаны выполнять законные требования администрации учреждений и органов, исполняющих наказания. Согласно толковому словарю, законный – означает «основанный на законе, соответствующий закону». Но в

законодательстве предусмотрен не весь перечень таких требований, которые должностные лица вправе предъявлять гражданам. К примеру, в Федеральном законе № 3 от 07.02.2011 «О полиции» они закреплены в ч. 1 ст. 13. Принципиальным здесь является то, какие требования должностных лиц являются законными. Более того, на практике вызывает сложность неурегулированность некоторых аспектов данной деятельности и понимание правовых положений сотрудниками правоохранительных органов. «Возникает вопрос о правомерности требования предъявить документы или проследовать к месту последующего содержания и т.д., даже при условии, что у сотрудника есть законные основания для проверки документов (п. 2 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») или для доставления (п. 13, 14, 15 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», ст. 27.2 КоАП РФ)» [2, с. 18]. Отметим, что в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы встречаются также аналогичные проблемы, которые во многом состоят в том, что не все ее аспекты можно урегулировать в нормах действующего законодательства. Например, лицу, содержащемуся в исправительной колонии или тюрьме, применено взыскание в виде водворения в ШИЗО. А оно отказывается пройти туда. Прописано ли такое требование в нормах действующего законодательства? Если да, то в этом случае спектр усмотрения должностных лиц может быть очень широким.

Отметим, что несоблюдение этих требований может влечь за собой применение разных видов ответственности. В практической деятельности по исполнению уголовных наказаний встречались случаи, когда за отказ от выполнения тех или иных требований мнение должностных лиц и судей по применению соответствующего вида санкции к виновному существенно отличалось либо не соответствовало нормам действующего законодательства. Например, неисполнение определенных требований действующего законодательства осужденными к ограничению свободы. Правоприменитель сталкивается с комплексом проблем, связанных с невыполнением обязанностей осужденным по надлежащему обращению с электронными средствами фиксации. Причем, мнение судей и должностных лиц органов исполнительной власти по этим вопросам иногда принципиально не совпадает ввиду широкого диапазона усмотрения у каждой стороны. Это имеет место потому, что, в Приказе Минюста РФ от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» содержится правило, согласно которому начальник инспекции либо лицо, его замещающее, в соответствии с ограничениями, установленными осужденному судом, на основании сведений, характеризующих его личность, а также исходя из технической возможности установки соответствующего оборудования может

принять решение о применении к нему технических средств надзора и контроля при постановке осужденного на персональный учет, а также в дальнейшем при исполнении наказания.

Таким образом, анализ вопросов законодательного, судебного и административного усмотрения имеет как теоретическое, так и прикладное значение. В этой связи изучение этих аспектов должно приводить к тому, что законодателем или юридической практикой должны быть выработаны оптимальные критерии по ограничению подобной дискреции. Безусловно, такие пределы предусмотреть в нормах действующего законодательства сложно или невозможно вовсе, однако в таком случае их целесообразно зафиксировать в ведомственных документах или соответствующих разъяснениях Высших Судов.

Список использованных источников:

1. Административное право Российской Федерации. Краткий курс / под ред. А.В. Мелехина. – М., 2016. 536 с.
2. Жильцов А.В. О правовой определенности категории «устное требование сотрудника полиции» // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практик: материалы XXIV международной научно-практической конференции. Часть 1. Красноярск, 2021. С. 17-19.
3. Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49-56.
4. Купреев С.С. Об административном усмотрении в современном праве // Административное право и процесс. 2012. № 1. С. 8-11.
5. Никитин А.А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника: дис. докт. юрид. наук. Саратов, 2021. 514 с.
6. Шарнина Л.А. Усмотрение в конституционном праве: дис. докт. юрид. наук. Москва, 2019. 353 с.

УДК 342

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОТВОДА СЛУЖАЩЕГО (ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА)
В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ**

© О.В. Роньжина

Сибирский федеральный университет

В российском законодательстве отсутствуют правовые предписания, которые бы устанавливали систему способов урегулирования конфликта интересов. Некоторые из таких способов перечислены в ч.ч. 4 и 5 ст. 11 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ-273). В правоприменительной практике используется более широкий перечень мер, чем тот, что указан в данной норме. Кроме того, законодателем не определены условия и порядок применения каждого из таких способов. Задача по интеграции способов урегулирования конфликта интересов в российское служебное (трудовое) право также не решена.

Исходя из ч. 5 ст. 11 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» наряду с иными способами предотвращения и урегулирования конфликта интересов применяется отвод или самоотвод, которые осуществляются в случаях и порядке, предусмотренных законодательством. Субъектом применения отвода является в соответствии с ч. 2 этой же статьи представитель нанимателя, работодателя или иное уполномоченное лицо. Такая мера как самоотвод применяется самим лицом, оказавшимся в ситуации конфликта интересов.

М.М. Дикажев отмечает, что «на сегодняшний день в рамках отечественного законодательства отсутствует нормативный правовой акт, устанавливающий случаи и порядок применения отвода и самоотвода» [4, с. 18]. Эта отсылочная норма действительно повторяется из закона в закон, но вместе с тем для некоторых видов субъектов основания и порядок применения института отвода и самоотвода регламентированы достаточно подробно, например, в процессуальном праве [2, с. 21]. Ч. 1 ст. 19 ГПК РФ, ч. 1 ст. 24 АПК РФ, ч. 1 ст. 34 КАС РФ предусматривают, что при наличии оснований для отвода мировой судья, судья, прокурор, помощник судьи, секретарь судебного заседания, эксперт, специалист, переводчик обязаны заявить самоотвод. По тем же основаниям отвод может быть заявлен лицами, участвующими в деле, или рассмотрен по инициативе суда. Согласно ч. 1 ст. 62 УПК РФ при наличии оснований для отвода судья, прокурор, следователь, начальник органа

дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, помощник судьи, секретарь судебного заседания, переводчик, эксперт, специалист, защитник, а также представители потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика обязаны уклониться от участия в производстве по уголовному делу. Ч. 1 ст. 29.3 КоАП РФ распространяет этот институт на судей, членов коллегиального органа, должностных лиц, на рассмотрение которых передано дело об административном правонарушении. Ч. 2 ст. 63 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» устанавливает, что при наличии оснований для отвода судебный пристав-исполнитель, переводчик, специалист обязаны заявить самоотвод. Помимо указанных выше положений право-обязанность на самоотвод вводится рядом подзаконных актов для некоторых видов комиссий (см., например, Постановление Правительства РФ от 16.07.2015 № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности»; Приказ Минобрнауки России от 15.04.2022 № 349 «О комиссии по проведению отбора проектов в целях реализации планов мероприятий ("дорожных карт") Национальной технологической инициативы» и др.).

Отдельные федеральные законы рассматривают самоотвод только как институт процессуального законодательства, ограничивая его от таких видов мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов как, например, отстранение служащего от взаимодействия с конкретным лицом, предприятием. Так, в ч. 6 ст. 71 Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» предусмотрено, что меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов могут включать в себя изменение служебного положения сотрудника органов внутренних дел, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от выполнения служебных обязанностей в установленном порядке и (или) отказ сотрудника от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов, а в отношении сотрудника, осуществляющего в соответствии со своими служебными обязанностями процессуальные полномочия, также его отвод или самоотвод в порядке, установленном законодательством РФ.

Отсюда следует, что институт отвода и самоотвода применяется в отношении сотрудника, осуществляющего в соответствии со своими служебными обязанностями процессуальные полномочия. Аналогичные положения установлены ч. 6 ст. 72 Федерального закона от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной

противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

Анализ указанных положений позволяет выделить узкий и широкий подход к содержанию понятий «отвод» и «самоотвод» в ситуации конфликта интересов. В первом случае действия по отводу и самоотводу допускаются исключительно в процессуальных отношениях, по основаниям, указанным в соответствующих законодательных актах. Узкого подхода придерживаются и ряд правоведов, например, Д.С. Дерхо [3].

Недостаток узкого законодательного подхода состоит в том, что институт отвода не распространяется на тех служащих органов внутренних дел, противопожарной службы, которые не подпадают под действие УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ или КАС РФ. Вместе с тем, ситуация конфликта интересов может возникнуть вне процессуальных отношений. Например, оперативный дежурный или старший оперативный дежурный уполномочены принимать решение о помещении ребенка в центр временного содержания для несовершеннолетних (Приказ МВД России от 09.04.2013 № 198 «Об утверждении Перечня должностей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных выносить постановление о помещении несовершеннолетних на срок до 48 часов в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел»). Вынесение служащим постановления в отношении ребенка родственника или свойственника недопустимо в силу наличия в этом случае личной заинтересованности. Наиболее релевантной мерой по урегулированию конфликта интересов, которая может быть применена в указанной ситуации, является отвод служащего.

Отметим также, что в процессуальных отношениях решение об отводе, как правило, принимается специальным субъектом этих процессуальных отношений, а не представителем нанимателя, работодателя. Так, в ходе судебного производства решение об отводе прокурора принимает суд, рассматривающий уголовное дело (ч. 1 ст. 66 УПК РФ), решение об отводе начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя принимает прокурор (ч. 1 ст. 67 УПК РФ). Следовательно, процедура, содержание и объем обязанностей представителя нанимателя отличается при реализации института отвода, предусмотренного процессуальным законодательством и законодательством о противодействии коррупции.

В широком смысле слова под «отводом» с точки зрения Н.А. Мельниковой и С.В. Крижановского можно понимать «предоставление права сотруднику не выполнять какие-либо действия, связанные с осуществлением своих

профессиональных обязанностей, в связи с личной заинтересованностью и права передать свои функции другому» [5, с. 32].

Широкого подхода к пониманию института отвода придерживаются и судебные инстанции. Например, суды излагают положения об отводе (ч. 5 ст. 11 ФЗ-273), как норму подлежащую применению в деле в решениях относительно конфликта интересов депутата при голосовании по избранию главы муниципального образования [8] или о выплате вознаграждения главе муниципального образования [7], заместителя министра здравоохранения Алтайского края при рассмотрении вопросов распределения субсидий на иные цели, медицинским организациям подведомственным Министерству здравоохранения Алтайского края [6].

На наш взгляд, следует определять термин «отвод», исходя из его положения в системе мер по урегулированию конфликта интересов. Близкими к отводу мерами по урегулированию конфликта интересов являются: отстранение служащего от взаимодействия с конкретными субъектами и выполнение действий в отношении конкретных объектов; изменение служебных (должностных) полномочий служащего; перевод и перемещение служащего; временное отстранение служащего (должностного лица) от осуществления полномочий.

«Отвод» служащего (должностного лица) представляет собой одну из мер по урегулированию конфликта интересов, при которой служащий (должностное лицо) одноразово отстраняется от осуществления служебных (должностных) полномочий в конкретном деле, производстве, административной процедуре. Например, отвод служащего от ведения дела по заявлению родственника служащего по предоставлению разрешения на отчуждение жилого помещения, приобретенного на материнский капитал. Такой отвод носит разовый характер и не требует каких-либо изменений при организации деятельности органа на будущий период.

Отстранение служащего от взаимодействия с конкретным субъектом (или выполнением) действий в отношении конкретных объектов в отличие от отвода носит длительный характер. Например, принимается решение об отстранении служащего на будущее от взаимодействия с конкретным застройщиком с момента приобретения долевого до момента выкупа построенного жилого помещения. В дальнейшем у руководителя служащего и кадровой службы при применении данной меры возникают дополнительные обязанности по распределению дел, производств, административных процедур между служащими.

Предлагаем разграничение «отвода» и «отстранения от взаимодействия» проводить по периоду применения мер по урегулированию конфликта интересов.

Отвод служащего (должностного лица) не влечет трансформации трудовой функции, условий труда служащего в отличие от таких мер урегулирования конфликта интересов как изменение служебных (должностных) полномочий служащего, а также перевод и перемещение служащего.

Представляется, что институт отвода, который сформировался в отношении судебной власти со времен римского права «*Nemo iudex in propria causa*» (Никто не судья в собственном деле) активно проникает в регулирование отношений по противодействию коррупции. Некоторые аспекты отвода субъектов процессуальных отношений стали по аналогии переноситься на служащих и иных публичных должностных лиц, внедряться в российское антикоррупционное право.

Непрерывное совершенствование антикоррупционного законодательства актуализирует потребность в поиске новых научно обоснованных механизмов предупреждения коррупции [4], нивелирования такого коррупциогенного фактора как конфликт интересов [9, с. 149].

Список использованных источников:

1. Антикоррупционные меры безопасности / Е.А. Акунченко, С.П. Басалаева, М.А. Волкова [и др.] ; Сибирский федеральный университет. – Москва: Проспект, 2021. – 496 с.
2. Вердиян Г.В. Институт отводов в процессуальном праве. Проблемы правоприменения // *Мировой судья*. 2024. № 5. С. 21-28.
3. Дерхо Д.С. Порядок урегулирования конфликта интересов в учреждении // *Справочная правовая система «Консультант Плюс»*. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Дикажев М.М. Актуальные проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе // *Административное право и процесс*. 2022. № 9. С. 16-19.
5. Мельникова Н.А., Крижановский С.В. Конфликт интересов в системе мер профилактики коррупции на правоохранительной службе // *Российский следователь*. 2015. № 23. С. 30-33.
6. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2024 № 88-1571/2024 // *Справочная правовая система «Консультант Плюс»*. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Решение Билибинского районного суда Чукотского автономного округа от 06.08.2024 по делу № 2а-100/2024 (УИД 87RS0004-01-2024-000154-94 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Решение Благовещенского городского суда Амурской области от 25.07.2024 № 2а-5423/2024 (УИД 28RS0004-01-2024-010342-08 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Роньжина, О. В. Особенности привлечения депутатов представительных органов муниципального образования к конституционной ответственности за коррупционные правонарушения // Роль юридического сообщества в противодействии коррупции : Сборник научных статей по итогам VI Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 15–16 декабря 2022 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. – С. 148-153.

УДК 342.84

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© **Д.С. Рымарев**

Сибирский федеральный университет

Избирательное законодательство в Российской Федерации остается одним из самых динамичных. За все время действия Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) [5], который является базовым для регулирования общественных отношений в сфере организации и проведения выборов, было принято 119 законодательных актов, вносящих в него изменения. При этом за последние пять лет его действия было принято 26 таких актов (21 % от общего числа всех федеральных законов, которыми вносились соответствующие изменения).

На современном этапе развития избирательного законодательства можно выделить следующие основные направления. Первый блок изменений направлен на обеспечение активного избирательного права граждан РФ. Второй блок изменений, затрагивает отдельные аспекты реализации пассивного

избирательного права. Третье направление связано с цифровизацией избирательного процесса.

1. Обеспечение реализации гражданами Российской Федерации права избирать. Прежде всего, необходимо отметить, что в Федеральном законе № 67-ФЗ последовательно закрепляются положения, направленные на обеспечение реализации активного избирательного права как можно большего числа граждан Российской Федерации, которые в дни голосования не могут посетить избирательный участок по месту своего жительства в виду различных причин.

В частности, за последние несколько лет в избирательном законодательстве появились следующие возможности для граждан Российской Федерации реализовать свое активное избирательное право:

1) голосование на избирательных участках за пределами территории субъекта Российской Федерации, где такие избиратели обладают активным избирательным правом (п. 5.1 ст. 19 Федерального закона № 67-ФЗ). Данная возможность доступна только после принятия соответствующего решения избирательной комиссии субъекта Российской Федерации при проведении выборов в органы государственной власти;

2) голосование избирателей, находящихся в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых за пределами соответствующего избирательного округа (п. 17 ст. 64; п. 17 ст. 65; п. 19 ст. 66 Федерального закона № 67-ФЗ). Порядок проведения данного голосования устанавливается Центральной избирательной комиссией Российской Федерации (далее – ЦИК России). При этом решением ЦИК России определяется, в каких субъектах РФ и на каких выборах, осуществляется данное голосование.

3) образование избирательных участков в вахтовых поселках. При этом законом может быть предусмотрено, что участковая избирательная комиссия на таком избирательном участке формируется из числа работников, привлекаемых к работам вахтовым методом (п. 1.1 ст. 27 Федерального закона № 67-ФЗ);

4) голосование избирателей в течение нескольких дней подряд, но не более трех дней. Данное решение принимается избирательной комиссией, организующей выборы не позднее чем в десятидневный срок со дня официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов и не подлежит пересмотру (п. 1 ст. 63.1 Федерального закона № 67-ФЗ);

5) голосование избирателей с использованием дополнительных возможностей реализации избирательных прав (вне помещения для голосования на территориях и в местах, пригодных к оборудованию для проведения голосования (на придомовых территориях, на территориях общего пользования и в иных местах; голосование групп избирателей, которые

проживают (находятся) в населенных пунктах и иных местах, где отсутствуют помещения для голосования и транспортное сообщение с которыми затруднено) (п. 4 ст. 63.1 Федерального закона № 67-ФЗ).

2. В рамках обеспечения реализации пассивного избирательного права следует отметить изменения, направленные на недопустимость иностранного влияния на избирательный процесс, а также введение соответствующих заградительных барьеров для лиц, причастных к деятельности экстремистских и террористических организации (п. 3.6 ст. 4 Федерального закона № 67-ФЗ).

В 2021 году Федеральным законом от 20.04.2021 № 91-ФЗ в Федеральный закон № 67-ФЗ вводятся понятия «кандидат, являющийся иностранным агент» и «кандидат, аффилированный с иностранным агентом» [1], что в свою очередь налагает на данных кандидатов обязанность, указывать данный статус в заявлении о согласии баллотироваться, в агитационных материалах, а также в избирательном бюллетене.

В 2024 году Федеральным законом от 15.05.2024 № 99-ФЗ [2] были внесены изменения, которые обязали кандидатов, являющихся иностранными агентам, к моменту представления документов на регистрацию прекратить соответствующий статус (п. 3.4 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ). При этом в качестве корреспондирующих данной обязанности были введены новые основания для отказа и отмены регистрации в качестве кандидата (пп. «а3» п. 24 ст. 38; пп. «к» п. 7 ст. 76 Федерального закона № 67-ФЗ).

Федеральный закон № 99-ФЗ также ввел положения о том, что иностранные агенты не могут быть назначены в качестве наблюдателей, доверенных лиц, уполномоченных представителей кандидатов (избирательных объединений).

3. В качестве отдельного направления происходящих в избирательном процессе соответствующих преобразований необходимо отметить комплекс мероприятий, направленных на цифровизацию избирательного процесса.

ЦИК России последовательно проводит мероприятия по модернизации системы ГАС «Выборы». В качестве ее новой версии планируется применять цифровую платформу реализации основных гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ (Цифровая платформа – ГАС «Выборы») [4].

На официальном сайте ЦИК России представлено 6 цифровых сервисов, которыми могут воспользоваться участники избирательного процесса для получения информации об отдельных этапах проведения избирательной кампании [6].

Благодаря внедрению цифровых технологий, стало возможным проведение дистанционного электронного голосования. Решение о проведении данного вида голосования на выборах в органы государственной власти субъекта РФ принимается избирательной комиссией соответствующего субъекта Российской Федерации (на выборах в органы публичной власти федеральной территории, органы местного самоуправления по предложению территориальной избирательной комиссии федеральной территории, избирательной комиссии, организующей подготовку и проведение выборов в органы местного самоуправления) по согласованию с ЦИК России (ст. 64.1 Федерального закона № 67-ФЗ).

В сентябре 2024 года 25 субъектов Российской Федерации применяли дистанционное электронное голосование на федеральной платформе ДЭГ [3]. В одном регионе (г. Москва) дистанционное голосование проводилось на региональной платформе (сайте mos.ru).

При этом особого внимания заслуживают выборы депутатов Московской городской Думы, где применялось только электронное голосование, а для того, чтобы получить избирательный бюллетень на бумажном носителе, гражданину Российской Федерации необходимо было заранее подать соответствующее заявление либо через личный кабинет на сайте mos.ru с 22 июля по 2 сентября, либо с 5 августа по 2 сентября в территориальной избирательной комиссии.

Подобный способ голосования принципиально меняет соответствующий характер работы избирательных комиссий, сложившиеся за время действия Федерального закона № 67-ФЗ.

Таким образом, необходимо отметить, что избирательное законодательство остается одним из самых динамичных в Российской Федерации, отражающим происходящие в Российской Федерации изменения в подходах к государственному управлению с учетом внешних вызовов. В этом отношении мы наблюдаем постоянно расширяющийся перечень ограничений для реализации пассивного избирательного права с целью максимального исключения иностранного влияния на российский избирательный процесс. С другой стороны, мы видим явно выраженную тенденцию создания максимальных удобств для реализации гражданами Российской Федерации активного избирательного права. При этом с учетом внедрения цифровых технологий, возможно, уже в ближайшем будущем традиционные способы голосования посредством бумажным бюллетеней могут уже восприниматься больше как исключение, чем правило.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 20.04.2021 № 91-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 17. Ст. 2877.

2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 15.05.2024 № 99-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 21. Ст. 2650.

3. О согласовании проведения дистанционного электронного голосования на выборах, которые должны быть назначены на 8 сентября 2024 года : постановление ЦИК России от 14.06.2024 № 172/1344-8 // Вестник ЦИК России. 2024. № 11.

4. Об итогах общероссийской тренировки с участием избирательных комиссий, действующих в Российской Федерации, по использованию подсистем и компонентов цифровой платформы реализации основных гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : выписка из протокола заседания ЦИК России от 19.06.2024 № 173-1-8 // Вестник ЦИК России. 2024. № 11.

5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

6. Цифровые сервисы ЦИК России. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/digital-services>. Дата обращения: 09.10.2024.

УДК 347.61/.64

**ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В СОСТАВЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ**

© Н.Ю. Рычкова

Сибирский федеральный университет

В науке гражданского права возникает множество вопросов, связанных с отнесением исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности к общему имуществу супругов [1; 2; 5; 6; 7]. В фокусе данной статьи находится только один из них.

В Семейном и Гражданском кодексах РФ закреплены три модели правового регулирования отношений. Обращение к той или иной модели зависит от того, кто автор результата интеллектуальной деятельности: один супруг, оба супруга или результат создан третьим лицом.

Если результат интеллектуальной деятельности (далее – РИД) создан третьим лицом (не супругом), то по общему правилу, исключительное право на РИД, будучи нажитым в браке, входит в состав общего имущества супругов, если только в силу установленных законом исключений (приобретение по безвозмездной сделке, за счет личных доходов или специальных денежных выплат) оно не является личным имуществом.

Если супруги-соавторы, оба супруга становятся и сообладателями, а значит, имеют равные права на получение доходов от осуществления исключительного права.

Наконец, в соответствии со ст. 34, 36 СК РФ исключительное право на РИД – это личное имущество супруга-автора, тогда как доходы от его использования, полученные во время брака – совместная собственность супругов, а полученные после расторжения брака – личная собственность супруга-автора.

Установленные в законодательстве варианты принадлежности исключительного права и, соответственно, распределения доходов от использования РИД, зависящие от наличия или отсутствия творческого вклада одного из супругов в его создание, полностью коррелируют с положениями ст. 1228 ГК, где сказано: все права (в том числе, исключительное право) принадлежат автору – физическому лицу, создавшему РИД. Лица, представлявшие консультационную, организационную, финансовую или иную помощь нетворческого свойства, авторами не признаются, а значит правообладателями не становятся. Эти лица могут приобрести исключительное право (стать производными правообладателями) впоследствии, на основании закона или соглашения и, в частности, если говорить о супругах, в силу брачного договора. Таким образом, финансирование создания РИД само по себе – не основание приобретения исключительного права, если на то нет воли автора – первоначального правообладателя.

Однако нельзя не обратить внимание на отдельные, частные случаи, применительно к которым закрепленные в законе модели правового регулирования не кажутся столь бесспорными. Так, например, создание отдельных произведений требует значительных инвестиций (написание картин, ваение скульптур, создание фотоальбомов, запечатлевших красоты труднодоступных и потому посещаемых редко или практически закрытых для посещения мест (заповедники и пр.), и некоторых других). Оплата расходов

осуществляется, чаще всего, за счет совместно-нажитых средств, однако другой супруг при этом может вкладывать свои личные накопления, кроме того, с его стороны не исключена организационная, техническая, иная поддержка проекта. Однако каким бы финансово емким этот проект не оказался, супруг-помощник не вправе рассчитывать на получение доходов от использования РИД после расторжения брака, если брачного договора нет и его заключение не планируется. Тому можно найти объяснение: начала любви и заботы, призванные быть основой крепкого брака, не имеют ничего общего с товарно-денежными отношениями и не предполагают каких-либо строгих экономических расчетов между сторонами. Вместе с тем, объем вложенных в создание РИД совместных или, что более значимо, личных средств может быть столь существен, что в иных обстоятельствах, в отсутствие поддержки, супруг-автор был бы лишен возможности творчески реализовать себя, стать правообладателем РИД и обеспечить себя после расторжения брака за счет получаемых доходов от его использования.

Положения части четвертой ГК РФ допускают возможность осуществления супругом-помощником отдельных прав собственника (ст. 1291 ГК РФ) в отношении части созданных в браке картин, скульптур и иных аналогичных произведений, переданных ему после раздела общего имущества супругов. Однако супруг-помощник получает лишь вещные права на материальные носители произведений, но не исключительные права на сами произведения, и потому (по сравнению с супругом-автором) он скован рядом законодательных ограничений. Кроме того, данные положения рассчитаны только на объекты, имеющие материальное (вещественное) воплощение. Сегодня вещественная форма выражения произведения постепенно уходит в прошлое, уступая место цифровой. Расширение цифрового пространства, «втягивание» в него объектов авторских прав, их создание и последующее тиражирование (воспроизведение, распространение) в цифровой форме в некоторой степени нивелирует действие ст. 1291 ГК РФ. Воспроизведение произведения в цифровой форме – это правомочие в составе исключительного права, но не вещного. Поэтому имущественные интересы супруга-помощника, организовавшего экономически создание цифрового произведения, после расторжения брака фактически не обеспечены.

Семья – экономическая ячейка общества. Имущество – семьи составляют все объекты, приобретенные супругами во время брака, независимо от того, занимался супруг трудовой, предпринимательской деятельностью или вел домашнее хозяйство. Все нажитое имущество становится предметом раздела в случае расторжения брака. Из раздела исключаются только те объекты, что

непосредственно предназначены другому супругу (как дар, в силу наследования или безвозмездной сделки, специальные целевые денежные выплаты) или приобретены за счет личных средств. Более того, положения ст. 37 СК РФ позволяют трансформировать режим личного имущества супругов, признав его совместно нажитым, если в результате значительных имущественных вложений или трудозатрат другого супруга (несобственника), вызванных, например, капитальным ремонтом или реконструкцией недвижимого имущества, стоимость личного имущества существенно увеличилась. Все это говорит о намерении законодателя учесть, сбалансировать и защитить имущественные интересы обоих супругов в случае расторжения брака.

В таком случае, какие возможны способы достижения баланса интересов супругов? Первый – признание исключительного права на РИД совместным имуществом супруга-автора и супруга-помощника. Среди норм Семейного кодекса РФ единственным правовым основанием такого решения могли бы стать положения ст. 37 СК РФ. Безусловно, на непосредственное применение в отношении исключительного права эта статья не рассчитана, но как будто допустима возможность ее применения в силу аналогии закона. Подчеркнем – как будто, лишь на первый взгляд. В действительности это не соответствует характеру складывающихся отношений.

В отличие от требований ст. 37 СК РФ, где сравнению подлежит стоимость объекта до и после изменения, в рассматриваемой нами ситуации исключительное право возникает впервые. Следовательно, предметом оценки должна стать не динамика изменения стоимости исключительного права, а выявление и учет стоимости, вложенной в его создание. Тогда нужно установить обстоятельства возникновения объекта, оценить стоимость вложений в РИД, выяснить вероятность его появления, если объем финансирования в совместный проект был бы вдвое меньше (так как доли супругов в имуществе по общему правилу равны). Итак, применение ст. 37 СК РФ означает обязательную оценку стоимости создания объекта интеллектуальной собственности. Выделяют затратный, доходный и сравнительный подходы к оценке объекта интеллектуальной собственности [4]. Затратный подход имеет ограниченное применение, так как существует сложность определения функционального и экономического устаревания объекта (обесценения, потери стоимости), которые, как правило, могут быть определены только в результате реализации доходного подхода. В свою очередь, в качестве основных причин отказа от применения доходного подхода к оценке называются: невозможность спрогнозировать денежные потоки от объекта оценки (величина, периодичность, вероятность поступления) с достаточной степенью

достоверности; большая погрешность расчетов по сравнению с результатами расчетов по другим подходам [3]. Сравнительный подход к оценке также не свободен от недостатков.

Очевидно, предложенный путь – через включение исключительного права в состав общего имущества супругов – чрезвычайно сложен, более того, он нецелесообразен. Закрепление исключительного права за обоими супругами, получающими тем самым статус сообладателей, может затруднить осуществление права супругом-автором РИД, поскольку расторжение брака нередко сопряжено с конфликтом сторон. Выплата половины стоимости исключительного права при разделе общего имущества не решит главной проблемы – участия в доходах от использования РИД после расторжения брака.

Оптимальным видится иное решение – то, что обеспечит будущее участие супруга-помощника в доходах от осуществления исключительного права. При этом нужно исключить зависимость последнего от поведения бывшего супруга-автора. Пассивное или экономически невыгодное отношение к распоряжению своим исключительным правом, не должно влиять на возможность бывшего супруга-помощника по своему усмотрению использовать РИД, извлекая доходы. В ГК РФ урегулированы отношения по поводу создания произведения по заказу. В силу ст. 1296 ГК РФ подрядчик, создавший произведение по договору, наделен правом использовать РИД на основании безвозмездной лицензии (ст. 1296 ГК РФ). Исключительное право при этом принадлежит заказчику. Этот вариант решения спорного вопроса (через предоставление супругу-помощнику безвозмездной лицензии на срок действия исключительного права) представляется в сравнении с остальными более гибким и перспективным направлением дальнейшего исследования.

Список использованных источников:

1. Аристов В.В., Туличинский А.С. Некоторые соображения о принадлежности исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, созданный супругом в браке. URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1755693/> (дата обращения: 14.10.2024).

2. Матвеев А.Г. Режим совместного имущества супругов и исключительное право на товарный знак: ошибки судебной практики // Российский судья. 2023. № 2. С. 18-22.

3. Методические рекомендации по оценке стоимости прав на интеллектуальную собственность. URL: <https://srosovet.ru/press/news/100822/> (дата обращения: 14.10.2024).

4. Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов (ФСО XI)»: Приказ Министерства экономического развития от 30.11.2022 № 659. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=433817&dst=100001&cacheid=E36222A358079DE89E0DD286E590321B&mode=splus&rnd=2iEWFRU073bqToур#nnRWFRUCHLDoCwx> (дата обращения: 14.10.2024).

5. Подузова Е.Б. Исключительное право на "искусственный интеллект" (или технологию "искусственного интеллекта"): проблемы квалификации в качестве общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 8-11.

6. Рузакова О.А., Рузаков А.Б. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в имуществе супругов // Семейное и жилищное право. 2007. № 2. С. 15-19.

7. Тагаева С.Н. Исключительные права на результаты творческой деятельности и режим совместного имущества супругов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 5. С. 89-95.

УДК 343.3/.7

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ (Ч. 1. СТ. 146 УК РФ): НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

© Н.Ю. Рычкова

Сибирский федеральный университет

Присвоение авторства (плагиат) признается преступным, если деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю (ч. 1 ст. 146 УК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 говорится, что при установлении факта нарушения авторских прав путем присвоения авторства (плагиата), предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ, суду надлежит иметь в виду, что указанное деяние может состоять, в частности, в *объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени* [6].

Присвоить само авторство как личное нематериальное благо, разумеется, невозможно, поэтому под присвоением авторства следует понимать выдачу

чужого произведения за свое, а способы выдачи могут быть самыми разными. Чаще всего лицо заимствует, использует чужое произведение [10] полностью или в какой-то части (наименованием чужого произведения называет свое, включает абзацы чужой работы в свою, издает части или все чужое произведение под собственным именем (псевдонимом).

Заимствование произведения независимо от объема использования (если при этом не указывается имя автора) всегда означает нарушение исключительного права. Это следует из содержания ст. 1229, 1270 и 1274 Гражданского кодекса РФ. Так, согласно ст. 1229, 1270 ГК РФ автору принадлежит право использовать произведение науки, литературы и искусства по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом, в том числе, посредством воспроизведения произведения. Другие лица не могут использовать данное произведение без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ. В ст. 1274 ГК РФ перечислены такие случаи свободного использования произведения при условии обязательного указания имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования. Следовательно, если имя автора при использовании фрагмента его работы не упоминается, использование не является свободным, налицо нарушение исключительного права.

Реже присвоение авторства выражается в том, что автор без согласия соавторов не указывает их имена, тем самым создавая у окружающих впечатление, что вся работа над произведением проведена только им, либо лицо называет себя в качестве автора чужого произведения, опубликованного под псевдонимом или анонимно, или произведения, созданного для него по заказу. Во всех этих случаях также искажается представление о подлинном создателе произведения. Следовательно, нарушается как право авторства, так и исключительное право.

Утверждается, что сущность плагиата заключается в нарушении права авторства [2, с. 61], но присвоение авторства обычно происходит посредством использования объекта авторского права, а использование – это то, что составляет сущность иного права – исключительного. Как справедливо заметил С.А. Судариков: «Нарушение права авторства – это лишь часть плагиата. Второй его частью является присвоенное нарушителем исключительное право» [9, с. 313]. О том, что присвоением другим лицом права авторства (плагиатом) ущемляются не только личные, но и имущественные права автора писал ранее и В. Г. Камышев [3, с. 7]. Итак, исключительное право наряду с правом авторства составляет непосредственный объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ.

Среди упомянутых выше способов присвоения авторства особый интерес представляет *издание под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени*. В науке уголовного права его содержание отдельно не раскрывается и формулировки Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 повторяются практически дословно [1; 4; 5; 8]. В этой связи основу дальнейшего анализа составят положения гражданского права.

Присвоить авторство (т.е. нарушить право авторства) может только лицо, не являющееся автором. Автор – гражданин, творческим трудом которого создан объект авторского права (ст. 1228 ГК РФ). Поэтому совершить это преступление способно только лицо, не внесшее в создание произведения науки, литературы и искусства никакого творческого вклада. Подчеркнем – никакого. Количественных требований к объему творческого вклада, «подлежащего внесению» в создание объекта авторского права, закон не предъявляет. Любой минимальный творческий вклад (составляющий, например, несколько строк для малообъемного произведения), формально позволяет лицу обосновать право на проставление своего имени на произведении. Таким образом, присвоить авторство может только тот, кто не внес совершенно никакого творческого вклада в создание произведения науки, литературы и искусства. Оказание автору консультационного, технического, равно как и любого другого нетворческого содействия, помощи либо осуществление над ним контроля не является основанием для включения помощника, консультанта, контролера в число соавторов (ст. 1228 ГК РФ).

Присвоение авторства (плагиат) в виде издания под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени относится только к случаям раздельного соавторства. Соавторство может быть раздельным (произведение состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение) и нераздельным (произведение представляет единое целое) (ст. 1258 ГК РФ). При раздельном соавторстве части произведения создаются самостоятельным творческим трудом каждого из соавторов. Так как части имеют самостоятельное значение, легко установить, где «начинается» и где «заканчивается» труд каждого соавтора. Следовательно, соавтор, решивший объявить себя автором части произведения, в создание которой он не внес творческого вклада, также присваивает авторство. Данный вывод справедлив по отношению к присвоению авторства и на другие охраняемые законом элементы (части) произведения, созданные в раздельном соавторстве, например, персонаж произведения.

По мнению Т.А. Прудниковой, автор (соавтор) результата творческой деятельности также может выступать в качестве субъекта преступления, если после передачи своих имущественных прав иным правообладателям совершит указанные в диспозиции статьи действия вопреки своим обязательственным отношениям с правообладателем [7, с. 97]. С таким утверждением трудно согласиться, так как присвоение авторства (плагиат) посягает как на исключительное право, перешедшее к правообладателю, так и на неотчуждаемое право авторства. Поэтому нарушить собственное право авторства автор не способен.

Как правило, не присваивает авторства и лицо, изменившее или дополнившее произведение с нарушением установленного ГК РФ порядка. Внесение изменений и дополнений в содержание произведения обязательно согласуется с автором, а после его смерти – с правообладателем (ст. 1266 ГК РФ). Изменение или дополнение чужого произведения без согласия автора (или правообладателя) нарушает право на неприкосновенность произведения, в ряде случаев может привести к нарушению права авторства. Присвоение авторства при таких обстоятельствах возможно в редких случаях: если в ранее созданное произведение вошли новые самостоятельные части, при этом нарушено соглашение с первоначальным автором (или правообладателем), достигнутое по поводу обозначения на произведении имени автора этой новой части, и наконец, вследствие такого нарушения искажено представление об авторстве первоначального автора (т.е. присвоено авторство).

Присвоить авторство (совершить плагиат) иногда способен и правообладатель. Данное утверждение не расходится с признанием правообладателя (обладателя имущественного интеллектуального права) потерпевшим. В этом проявляется специфика предмета посягательства. Нематериальная природа произведения науки, литературы и искусства допускает возможность его неограниченного использования разными субъектами. Так, например, одно исключительное право может принадлежать нескольким правообладателям – в таком случае говорят о совместном правообладании (сообладании). В подобной ситуации один совместный правообладатель, присвоивший авторство, преступает закон, а другой правообладатель (тот, кому причиняется крупный ущерб) становится потерпевшим. Соглашение правообладателей о распределении доходов от использования права позволяет установить, действительно ли в результате неправомерного поведения одного сообладателя другому причинен крупный ущерб.

Список использованных источников

1. Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В., Бирюкова Т.А., Болдырев С.А., Буранов Г.К., Воробьев Н.И., Галкин В.А., Дудко Д.А., Егоров Ю.В., Захарова Ю.Б., Копьёв А.В. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.
2. Воцинский М. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав по новой редакции статьи 146 УК // Российская юстиция. 2003. № 6.
3. Камышев В.Г. Права авторов литературных произведений. – М.: «Юридическая литература», 1972.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Х. М. Ахметшин, А.Н. Игнатов, В.П. Котов и [и др.]; под ред. В.М. Лебедева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Г. Н. Борзенков, В. П. Верин, Б. В. Волженкин [и др.]; отв. ред. В.М. Лебедев. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2010.
6. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7. С. 3-10.
7. Прудникова Т.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере интеллектуальной собственности: субъективные признаки // Сацьяльна-еканамічнія і правовые даследаванні. 2018. № 1(51). С. 92-98.
8. Серебренникова А.В. К вопросу о необходимости совершенствования статьи 146 УК РФ // Современное право. 2006. № 10.
9. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учеб. – М.: Проспект, 2009.
10. Хохлов В.А. Вопросы практики применения правил о компенсации в связи с нарушением исключительных прав // Закон. 2007. № 10.

УДК 343.573

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И (ИЛИ) ОБОРОТ ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

© К.В. Садовыx

Сибирский юридический институт МВД России

Под субъектом преступления принято понимать – физическое лицо, а его обязательным признаком являются вменяемость и установленный законом возраст уголовной ответственности [7, с. 192].

Рассмотрим обязательные признаки субъекта состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ. При этом важно отметить, что криминализация данного преступления отражает ситуацию, при которой «переход России к рыночным отношениям с необходимостью требовал, чтобы законодательство, в том числе и уголовное, способствовало этому процессу» [10, с. 48]. Как известно этот процесс крайне сложен и неоднозначен. Соответственно, субъекты «рыночных» преступлений также вызывают проблемы уголовно-правовой оценки.

Так, субъектом рассматриваемого состава преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16 лет.

Спорным вопросом для данного состава преступления выступает вопрос о том общим или специальным является субъект исследуемого состава преступления. Отвечая на данный вопрос следует отметить, что ст. 171.3 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 171 УК РФ.

В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» [4], законодатель отразил основные признаки субъекта незаконной предпринимательской деятельности. Так, под субъектом ст. 171 УК РФ относятся: лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя, и лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Исходя из указанного тезиса, законодатель относит субъект исследуемого преступления к общему, то есть, расширяя круг лиц и лишая специфического признака – регистрации в Единый государственный реестр юридических лиц или

Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей. Ведь «специальный субъект преступления характеризуется дополнительными признаками, например, признаками лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ), признаками должностного лица (примечание к ст. 285 УК РФ)» [9, с. 25-26].

В науке уголовного права нет единого взгляда на то, является ли данный субъект специальным или же для его установления достаточно наличия трех обязательных признаков.

Существует три различных точки зрения по определению субъекта незаконного предпринимательства (ст.ст. 171, 171.1, 171.3 УК РФ):

1. Субъект общий – физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, то есть, устанавливая возможность привлечения к ответственности лица, без какой-либо регистрации в налоговом органе. К сторонникам данного тезиса можно отнести П.С. Яни, А.В. Грошева, А.В. Наумова, С.С. Бахтеева и других [11, с. 12; 3 с. 127; 6, с. 182, 206; 1, с. 90]. Полагаем, что данной позицией можно согласиться частично, а именно с отнесением к субъекту лица, не имеющего регистрации в налоговом органе, однако лица, которые имеют указанную регистрацию, могут избежать уголовной ответственности.

2. Субъект – специальный [8, с. 128]. По мнению В.И. Тюнина субъектами выступают должностные лица и руководители организаций, индивидуальные предприниматели [5, с. 30]. Вторя указанной позиции, А.И. Чучаев к субъекту относит руководителей коммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей, а также лиц, занимающиеся подобной деятельностью без регистрации и при отсутствии соответствующей лицензии [2, с. 293]. Не соглашаясь с данной точкой зрения, необходимо акцентировать внимание на том, что при данном подходе лица, которые будут осуществлять незаконный оборот продукции без регистрации, но в установленном размере диспозициями статей окажутся вне рамок уголовного поля, а соответственно их действия останутся безнаказанными, что считаем недопустимым.

3. Субъект может быть общим и специальным. Согласно позиции В.С. Денисова, субъект преступлений в сфере производства и оборота алкогольной продукции может быть как общим, т.е. физическое (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин, лицо без гражданства) вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцати лет, так и специальным, в зависимости от конструкции диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы. Считаем, что статус индивидуального предпринимателя или директора организации не относит субъект к специальному, так как официальный статус в налоговом органе не является

исключительным признаком, то есть круг лиц, входящих в субъект данного состава гораздо шире и включает в себя, в том числе, лиц, не имеющих статуса, соответственно возможность отнести данный субъект к специальному отсутствует.

На основании изложенного, считаем верным отнести субъект ст. 171.3 УК РФ к общему, то есть им является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъектом может быть, как индивидуальный предприниматель или директор организации, осуществляющие незаконный оборот продукции без лицензии, так и лицо, осуществляющее указанную деятельность без государственной регистрации в качестве организации и индивидуального предпринимателя без соответствующей лицензии, то есть любой вменяемый гражданин, достигший возраста 16 лет.

Список использованных источников:

1. Бахтеев С.С. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции (по материалам Уральского федерального округа): дис ... к.ю.н. М., 2005.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. М., 2011.
3. Преступления в сфере экономики: учебник для вузов/ И.А. Подройкина (и др.) / под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько. – 6 изд., перераб и доп. М., 2024.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Тюнин В.И. Уголовная ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт немаркированных товаров и продукции // Законность. 2000. № 1. С. 27-30.
6. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / А.В. Наумов [и др.] / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. М., 2024.
7. Уголовное право. Общая часть: учеб пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016.
8. Уголовное право. Особенная часть. Преступления в сфере экономики: учебник для вузов / В.И. Гладких [и др.]; под общ. ред. В.И. Гладких, А.К. Есаяна. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024.

9. Уголовное право (Общая и Особенная части): учебное пособие / под ред. С.М. Малькова. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.

10. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации: учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин, Е.А. Федорова. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020.

11. Яни П.С. Незаконное предпринимательство и легализация преступно приобретенного имущества // Законность. 2005. № 3. С. 11-14.

УДК 347.132

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

© Н.О. Семерня

Первая Красноярская коллегия адвокатов Красноярского края

На современном этапе развития человечества, с учетом огромного спроса на топливные, рудные и не рудные полезные ископаемые, сфера недропользования для государства будет оставаться одной из наиболее значимых, обеспечивающих социально-экономическое развитие регионов и страны в целом.

Добыча полезных ископаемых и их переработка невозможна без привлечения к этому процессу на договорной основе подрядных организаций. Поскольку правовое регулирование недропользования содержит как элементы частноправовых, так и элементы публично-правовых отношений, заключаемые между недропользователями и их контрагентами договоры должны соответствовать не только нормам Гражданского кодекса РФ, но и другим законам, в том числе Закону РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах», Федеральному закону от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», нормам Налогового кодекса РФ.

Изучив судебную практику с участием недропользователей, представляю исследовательский интерес вопросы недействительности сделок в разрезе статьи 169 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности».

Вопросами недействительности так называемых «антисоциальных сделок» и их правовых последствий занимались как советские правоведы Н.В. Васева,

Д.М. Генкин, В.К. Райхер, В.П. Шахматов, так и современные цивилисты – О.В. Гутников, С.К. Скловский, Д.О. Тузов и другие.

Наличие в ст. 169 ГК РФ особых правовых последствий недействительности сделки в виде возможности взыскания всего полученного по такой сделке в доход государства, в юридической науке и практике остро поставило вопрос об отграничении данного состава от иных составов недействительных сделок (в частности от п. 2 ст. 168 ГК РФ). Правовые последствия такой сделки нередко отождествляются с «конфискацией», которая является мерой уголовно-правовой и административно-правовой характера (глава 15.1 УК РФ, ст. 3.7 КоАП РФ), но не присуща гражданскому праву с его основными принципами – неприкосновенностью частной собственности и свободой договора. Исходя из содержания ст. 243 ГК РФ, конфискация может быть применена в виде санкции за совершения преступления или иного правонарушения. В свою очередь, как отмечает Д.О. Тузов, *«недействительная сделка не является юридическим фактом, а значит, не может быть и правонарушением»* [1], вследствие которой имущество по сделке обращается в доход государства.

Иной позиции придерживался В.П. Шахматов, который отождествлял состав рассматриваемого правонарушения с «составом противоправной сделки», объективным признаком которой является её повышенная вредность [2]. Впрочем, советское гражданское право, в основе которого лежал принцип приоритета общественного интереса над личным, имеет ряд значительных отличий от современного гражданского права РФ.

Законодатель многократно подвергался обоснованной критике за использование в норме статьи неопределенных понятий «основы правопорядка» и «нравственность», в связи с чем норма ст. 169 ГК РФ нередко именуется «каучуковой».

Разъяснения применения ст. 169 ГК РФ, содержащиеся в п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» охватывают лишь некоторые примеры недействительных сделок, но не задают четких критериев и ориентиров для квалификации недействительной сделки, как совершенной с целью противной основам правопорядка и нравственности.

Как отмечается в литературе, из-за столь абстрактной формулировки, положения статьи 169 ГК РФ могут быть использованы в качестве инструмента давления государственных органов на участников гражданских правоотношений [3; 4; 5]. Некоторыми исследователями высказываются предложения о том, чтобы отказаться от применения в ст. 169 ГК РФ неопределенных понятий

«основы правопорядка» и «основы нравственности», и дать новое звучание данной норме: «Недействительность сделки, совершенной умышленно с нарушением закона или иных правовых актов» [6].

В судебных спорах с участием недропользователей случаи применения статьи 169 ГК РФ, а порой, активные попытки её применения со стороны государственных органов и иных лиц, связаны со следующими обстоятельствами:

1. обход установленного законом порядка получения разрешения (лицензии) на право пользования недрами;
2. получение подрячиком права собственности на добываемое полезное ископаемое, находящееся в недрах (т.е. до стадии его извлечения);
3. реализация недропользователем полученного при добыче основного полезного ископаемого попутного компонента;
4. реализация недропользователем полезного ископаемого, добыча которого осуществлена без наличия соответствующей лицензии на добычу;
5. совершение природопользователем сделок по отчуждению образовавшихся от добычи отходов производства, с целью уклонения от несения платы за негативное воздействие на окружающую среду.

В качестве иллюстрирующих примеров рассмотрим судебную практику окружных арбитражных судов.

Первый и второй случаи рассмотрены в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.07.2023 № Ф04-7378/2021 по делу № А02-1460/2020 [7].

В деле о банкротстве конкурсным управляющим ООО «Ровер» предъявлено требование о признании недействительными на основании ст. 61.2 Закона о банкротстве, ст. 10, 168, 169, 170 (п. 2) ГК РФ, заключенных должником договоров на проведение добычных работ и покупки угля в недрах, а также договоров поставки, комиссии и агентского договора, применении последствий недействительности сделок.

Определением Арбитражного суда Республики Алтай от 20.03.2023 исковые требования конкурсного управляющего удовлетворены, сделки признаны недействительными по ст. 61.2 Закона о банкротстве, ст. 10, 168 ГК РФ, п. 2 ст. 170 ГК РФ.

Представляют интерес доводы заявителя в обоснование позиции по недействительности сделки на основании ст. 169 ГК РФ и итоговые выводы суда.

В обоснование своей позиции один из созаявителей (кредитор) указал: *«...на основании оспариваемых сделок третьему лицу переданы права лицензиата, что влечет «утрату смысла лицензирования», тем самым*

сделки нарушают основы лицензирования (основы правопорядка лицензирования). Оспариваемыми сделками легализована возможность, при которой на основании сделок между недропользователем и третьим лицом уголь добывается третьим лицом и обращается в собственность третьего лица при его добыче, что запрещено законодательством о недрах».

Вывод суда кассационной инстанции: *«Совокупность представленных в материалы дела доказательств позволяет прийти к выводу, что ООО «Омега Трейд» и бывшим руководством ООО «Ровер» была создана схема по передаче комплекса прав недропользователя третьему лицу в целях вывода активов ООО «Ровер» в адрес третьего лица, путем заключения договора на проведение комплекса добычных работ, договора покупки угля в недрах, договора поставки, агентского договора, договора комиссии, которые являются ничтожными сделками, прикрывающими одну сделку по выводу активов ООО «Ровер».*

Как возможно увидеть, ст. 169 ГК РФ не стала одним из оснований для признания сделок недействительными и какой-либо позиции суда по её неприменению в судебных актах не содержится. Можно предположить, что норма ст. 169 ГК РФ не применена судом из-за её правовых последствий, которые бы только навредили и без того пострадавшим от такой сделки добросовестным кредиторам, что идет в разрез с целями банкротного законодательства.

Показательным примером признания недействительной сделки, совершенной в обход установленного законом порядка получения разрешения (лицензии) на право пользования недрами, служит Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.07.2021 № Ф02-3642/2021 по делу № А58-12965/2018 [8].

ООО «Сириус» обратилось в Арбитражный суд Республики Саха (Якутия) с иском ООО «Норд Голд» о взыскании долга по договору подряда.

Дело рассматривалось в суде первой инстанции два раза и при последнем рассмотрении решением Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 18.12.2020 в иске ООО «Сириус» отказано.

Отказывая в удовлетворении исковых требований при новом рассмотрении дела, суд первой инстанции исходил из того, что договор подряда заключен в нарушение установленного законодательством порядка пользования недрами и влечет бесконтрольное их использование, в связи с чем он является недействительным на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ; истцом не доказано выполнение подрядных работ на заявленную ко взысканию сумму.

Суд кассационной инстанции в своем постановлении дополнительно указал: *«Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства по правилам статьи 71 АПК РФ, суды, сопоставив объем выполняемой истцом по спорному договору работ с содержанием предоставленного лицензией недропользования самому ответчику, установили, что по договору подряда ООО «Норд Голд» фактически передало ООО «Сириус» исполнение предусмотренного лицензией полного цикла работ, то есть вид деятельности, составляющий саму суть недропользования ООО «Норд Голд», а не отдельные виды работ, необходимые для такого недропользования, получив за право пользования недрами на месторождении денежные средства.*

Законодательством не предусмотрена возможность осуществления вида деятельности (а не отдельных видов работ) по недропользованию без лицензии, но на основании подрядных и иных гражданско-правовых договоров».

Как и в предыдущем деле, судом применены нормы п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Дело, иллюстрирующее попытку налогового органа подвести под ст. 169 ГК РФ сделку по реализации недропользователем полученного им при добыче основного полезного ископаемого попутного компонента рассмотрено Арбитражным судом Красноярского края.

В деле № А33-11371/2011 Межрайонная ИНФС № 22 по Красноярскому краю предъявила требования к ООО «Восточное карьероуправление» и ООО «Дорожно-строительная компания» о признании недействительным договора поставки инертных материалов (скального грунта), как сделку, совершенную с целью противной основам правопорядка и нравственности и применении последствий недействительности сделки в виде взыскания в доход Российской Федерации полученной ООО «Восточное карьероуправление» по договору оплаты.

В удовлетворении исковых требований налоговому органу судом было отказано. Решение первой инстанции осталось без изменений при рассмотрении жалоб налогового органа в судах апелляционной и кассационной инстанций.

Налоговый орган обосновывал свои требования тем, что реализация поставщиком скального грунта произведена при самовольном пользовании недрами не в соответствии с выданной лицензией на право пользования недрами.

Отказывая в иске, суды посчитали, что у истца, отсутствуют полномочия на обращение в суд с иском о признании спорной сделки недействительной, поскольку контроль за соблюдением лицензионных требований по

недропользованию не входит в полномочия налоговых органов. Также судами сделан вывод о недоказанности нарушения оспариваемой сделкой норм права, *«...поскольку скальный грунт, извлеченный обществом в результате вскрышных работ, не является полезным ископаемым. Реализованная порода получена в результате горно-подготовительных работ, проводимых с целью добычи основного полезного ископаемого, лицензия на которое у общества имеется»* [9].

Многие недропользователи, занимающиеся добычей россыпного золота, следили за делом № А58-4766/2021, в котором прокуратура Республики Саха пыталась признать недействительным по ст. 169 ГК РФ договор купли-продажи золота в слитках между ООО «Байдам» и ПАО «Сбербанк России», ссылаясь на незаконность действий общества по добыче и последующей реализации золота в отсутствие соответствующей лицензии.

В удовлетворении требований прокуратуры судом было отказано с формулировкой: *«Общество правомерно осуществило извлечение золота в рамках геологоразведки (наличие у общества лицензии на геологическое изучение месторождений предполагает добычу полезных ископаемых и их реализацию), при этом количество реализованного золота не превысило разумных объемов сопутствующего получения драгоценных металлов в ходе геолого-разведочных мероприятий»* [10].

Данный пример является довольно неоднозначным, поскольку суд в своей мотивировке использовал оценочное понятие *«разумные объемы получения драгоценных металлов в ходе геолого-разведочных работ»*, которые зависят от конкретного участка недр (содержания металла в породе), способа разведки полезного ископаемого и иных факторов, оценку которым может дать лишь лицо, обладающее специальными познаниями в области геологии.

Показательным примером применения ст. 169 ГК РФ по отношению к сделкам по отчуждению образовавшихся от добычи полезных ископаемых отходов производства служит Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.04.2017 № Ф05-3619/2017 по делу № А40-90887/2016.

Департамент Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Центральному федеральному округу обратился в суд с требованием к природопользователю ООО «ЕФН-Экотехпром МСЗ 3» о взыскании задолженности в счет оплаты за негативное воздействие на окружающую среду.

Судом установлено, что ответчик на основании нескольких договоров передал в собственность третьему лицу - ООО «МеталлИнвестРегион» отходы газоочистки для рекультивации последним отработанного карьера. Департамент

посчитал данные договоры недействительными на основании ст. 169 ГК РФ, доначислив Ответчику оплату задолженности за негативное воздействие на окружающую среду в пятикратном размере почти в 140 миллионов рублей и обратился за взысканием задолженности в суд.

Требование Департамента судом удовлетворено, мотивировав это следующим: *«Ответчик был не вправе отчуждать опасные отходы в пользу третьего лица, а последнее было не вправе рекультивировать отработанный карьер золошлаковыми отходами и отходами газоочистки, так как это нарушает положения проекта рекультивации и не отвечает задачам рекультивации - восстановлению земель. Ответчик, передавая право собственности на отходы по сделкам об отчуждении золошлаковых отходов, преследовал цель уклонения от внесения платы за негативное воздействие на окружающую среду, что противоречит основам правопорядка и нравственности и влечет ничтожность сделок на основании статьи 169 ГК РФ»* [11].

Подводя некоторые итоги данной статьи, можно отметить следующее.

В половине вышеприведённых дел истцами выступали государственные органы – Федеральная налоговая служба, органы прокуратуры, Росприроднадзор, каждый из которых при обращении в суд по своему усмотрению толковал понятия «основы правопорядка и нравственности». Судебные акты по данным делам являются очередным подтверждением того, что в отсутствие установленных законодателем понятных критериев недействительности «антисоциальных сделок» и широкой свободы судейского усмотрения (в т.ч. применять или не применять «конфискацию» в каждом конкретном случае), норма ст. 169 ГК РФ является грубым инструментом воздействия на субъектов гражданских правоотношений, не способствующая стабильности гражданского оборота и требует корректировки.

Список использованных источников:

1. Тузов Д.О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности, в судебно-арбитражной практике и проекте изменений гражданского кодекса России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1.
2. Шахматов В.П. Сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества. Томск, 1966.
3. Сасов К.А. Статья 169 Гражданского кодекса неконституционна?. - Режим доступа: <http://nasha-hause-rus.ru/cms/41/index.html> 21.

4. Пепеляев С.Г. По-большевистски... // Налоговед. № 2.
5. Пепеляев С.Г. Налоги и право: Правоприменение по-большевистски // Ведомости. № 112 (1886).
6. Каменщиков А.В. Недействительность сделки, совершенной с целью противной основам правопорядка и нравственности: проблемы правового регулирования и способы их решения. // ВЭПС. 2011. № 2.
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.07.2023 №Ф04-7378/2021 по делу №А02-1460/2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.07.2021 №Ф02-3642/2021 по делу №А58-12965/2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30.03.2012 № А33-11371/2011 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.06.2022 № Ф02-2797/2022, Ф02-2805/2022 по делу №А58-4766/2021 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.04.2017 № Ф05-3619/2017 по делу № А40-90887/2016 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.8

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
В ВОСПИТЕЛЬНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)**

© К.К. Серен-Чимит

Тувинский государственный университет

*Воспитательные идеи каждого народа проникнуты
национальностью более чем что-либо другое*
К.Д. Ушинский

Несмотря на многонациональность народа нашей страны, во всех исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации действуют установленные на федеральном уровне требования к целостному процессу воспитательного воздействия на лиц, попавших, в сущности, в трудную жизненную ситуацию, - осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации как основной нормативно-правовой акт отечественного уголовно-исполнительного законодательства установил психолого-педагогические методы в качестве основных инструментов воспитательной работы с такой категорией граждан как осужденные.

На территории одного из южных субъектов Сибирского федерального округа – Республики Тыва – функционируют четыре исправительных учреждения УФСИН России по Республике Тыва, где подавляющее большинство осужденных к лишению свободы – это представители тувинской этнической культуры и традиции.

Этнопедагогическое наследие тувинского народа представляет собой систему прогрессивных идей и опыта духовно-нравственного, трудового, умственного, эстетического, физического воспитания и хранит в себе все богатство общечеловеческих ценностей. Оно структурировалось под влиянием стратегии жизнедеятельности кочевых народов и сформировало свою уникальную идею воспитания человека [1, с. 195].

Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Государство защищает культурную самобытность

всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

Таким образом, поддерживаемая государством этнопедагогика выполняет культурную и воспитательную функции в том или ином регионе, ее можно рассматривать как один из методов воспитательной и исправительно-профилактической работы с осужденными лицами. В этом аспекте эстетически-нравственное либо некое культурное воспитание служит в качестве вида воспитательного воздействия.

В настоящее время дифференцированная воспитательная работа обеспечивается соответствующей материально-технической базой исправительных учреждений: зрительным залом, классом общеобразовательного обучения, комнатой воспитательной работы, помещением радиоузла, читальным залом библиотеки, книгохранилищем библиотеки, площадкой для просмотра кинофильмов со зрительскими местами. Данные положения закреплены не только в соответствующих статьях УИК РФ, но и в постановлении Правительства РФ от 2.08.1997 № 974 «Об утверждении норм создания материально-технической базы для организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях».

В то же время базовые идеи и принципы этнопедагогики как глубоко личностной науки должны влиться в систему государственного воспитания. Ведь, что культурные ценности народа подвержены негативному влиянию многих внешних факторов. Данное направление государственной деятельности представляет значительный научный интерес также и с позиций реализации относительно нового для Российской Федерации института пробации, который стал предметом пристального анализа со стороны ведущих ученых-пенитенциаристов России [3; 4].

Современная тувинская культура – это причудливое соединение реликтов вековой истории, трансформационных последствий XX в. с советским наследием, этнических деклараций возрожденческого пафоса конца XX в., веяний глобализации и вестернизации. Тувинскую культуру невозможно представить без юрт, шаманизма, буддизма, горлового пения, обрядов, скачек, хуреша, Шагаа, Наадыма... [2, с. 4-5].

Этнопедагогика делает ставку на интеграцию, диалог культур, ибо учитывает то обстоятельство, что узнать народы по-настоящему можно только по их исторически сложившейся этнической системе воспитания [1, с. 16].

Одним из флагманов культуры Республики Тыва, специализирующихся на возрождении, развитии и популяризации многовековых традиций коренного

населения, является Государственное бюджетное учреждение «Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел имени К.Б. Ондара».

В рамках соглашения, достигнутого между УФСИН РФ по Республике Тыва и региональным Министерством культуры, видные деятели культуры, искусства и ремесел данного профильного учреждения проводят целый комплекс культурных и воспитательных мероприятий в исправительных учреждениях.

Вместе с тем, на наш взгляд, требуется дальнейшее совершенствование этнопедагогических традиций в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы в сельскохозяйственном регионе, так как эти идеи возвращают их к родовым истокам и оказывают влияние на этническое восприятие как человека, так и всего народа.

Родной язык, как известно, являясь средством сохранения духовного богатства народа, обеспечивает воспитание через пословицы, поговорки, афоризмы и произведения устного народного творчества,

Например, пословица: «Кто не знает прошлого – ошибается, кто не признает родню – несчастливим будет» (тоогу билбес чазар, торел билбес турээр) подчеркивает важность знания истории народа и признания родни.

Следует также выделить свидетельства педагогической мудрости: «Мягкое дерево дятел отыщет, мягкого (добродушного) человека народ оценит» (ыяш чымчаан торго тывар, кижичымчаан чон тывар); «Птице нужны крылья, молодому нужны советы» (чанар кушка чалгын херек, чаш уругга суме херек). «Старшего уважай, младшего воспитай» (улугну хундулээр, уругну азыраар). «Когда не посолишь – нет вкуса, когда нет желания – нет силы» (дус чокта амдан чок, тура чокта куш чок).

Многие пословицы пронизаны идеями воспитания умелого скотовода: «У кого есть коровы – тот сыт, обеспечен. У кого овцы – тот наряжен, одет (инектиг кижичи тодуг, хойлуг кижичи каас). «Старый конь не собьется с дороги» (кырган аът орук часпас).

В произведениях устного педагогического творчества воспеваются физическая сила, неутомимость, настойчивость и почитание родословных гор (оваа), что является показателем высокой педагогической культуры народа.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что анализируемые народные способы воздействия на человека как этнопедагогические традиции могут быть широко применены в дифференцированной воспитательной работе с осужденными к лишению свободы в национальной республике. При этом совершенствование подобного культурного воспитания могло бы быть весьма полезно в условиях становления пенитенциарной пробации и заслуживает пристального научно-исследовательского внимания.

Список использованных источников:

1. Волков, Г.Н. Салчак, К.Б., Шаалы, А.С. Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл: Изд.-полиграф. Отдел «Билиг», 2009. 212 с.
2. Ламажаа, Ч.К. Очерки современной тувинской культуры. Спб.: Нестор-История, 2021. 192 с.
3. Скиба, А.П. Принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»: некоторые направления развития законодательства о противодействии преступности // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2 (59). С. 65-79.
- Тепляшин П.В. Пробация как субинститут уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3 (56). С. 126-135.

УДК 341.4

**К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ ПРОЕКТА КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ
КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ**

© Т.Ю. Сидорова

Сибирский федеральный университет

В 2017 году впервые прозвучала инициатива России о необходимости разработки проекта универсальной конвенции о борьбе с преступностью в киберпространстве [8], а в декабре 2019 году резолюцией ГА ООН был создан специальный комитет, который занялся разработкой проекта конвенции [4; 5]. Сейчас можно сказать, что почти пятилетняя работа над проектом завершена, в августе 2024 года Спецкомитет одобрил проект конвенции, который должен быть внесен на рассмотрение текущего заседания ГА ООН [6].

Процесс разработки и обсуждения конвенции был непростым. Он довольно явно показывает основные расхождения во мнениях государств относительно будущего сотрудничества в борьбе с киберпреступностью, показывает неоднозначное понимание того, что входит в киберпреступления, и свидетельствует о том, что многие государства обеспокоены не только сохранением цифрового суверенитета, но и контроля над своим информационным пространством, которое уже не существует вне информационно-коммуникационной системы (далее – ИКС).

Рассматривая эту конвенцию, можно отметить, что инициатива России была вызвана двумя причинами: 1. Начать разработку документа, значительно отличающегося в своих подходах от Будапештской конвенции Совета Европы. В этом Россия могла бы иметь успех, опираясь не только на поддержку Китая, но и многих других стран, в первую очередь развивающихся [1]. 2. Получить преимущество и диктовать повестку в сфере борьбы с киберпреступностью, не поддержать которую государства не могут, поскольку ее распространение наносит большой ущерб как интересам национальной безопасности, так и интересам граждан и компаний.

Однако обсуждение проекта, возможно, пошло не совсем в том направлении, в котором предполагала Россия [1]. Эксперты отмечают, что в итоге она оказалась в двусмысленном положении: будучи не вполне довольной окончательным вариантом содержания конвенции, она менее всего заинтересована в провале своей же инициативы.

Рассмотрим ключевые моменты этой конвенции в проекте, который Спецкомитет одобрил в августе 2024 года.

Конвенция носит следующее название: Конвенция ООН против киберпреступности (преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной системы). Она состоит из 67 статей, объединенных в 9 глав. То есть представляет собой довольно объемный документ с детальной проработкой основных механизмов взаимодействия государств и их правоохранительных органов, которые используются в настоящее время.

Конвенция указывает три цели: повышение эффективности в борьбе с киберпреступностью, укрепление международного сотрудничества в этой сфере и техническая помощь в интересах развивающихся стран.

Далее конвенция перечисляет определения ряда терминов, используемых в конвенции. Отметим, что различаются абонентские данные и персональные данные. В соответствии с российским законодательством все это будут персональные данные [7]. Но конвенция проводит разделение для того, чтобы обозначить интерес правоохранительных органов непосредственно к тем, кто имея доступ к ИКС, подозревается в совершении преступления. Фактические абонентские данные позволяют идентифицировать получателя услуг провайдера, а конвенция указывает состав этих данных: личность абонента, адрес, номер телефона, счета и платежи.

Также важно отметить термин «серьезное преступление», который охватывает преступления с максимальным сроком наказания не менее 4 лет лишения свободы.

Глава 2 конвенции посвящена вопросам криминализации преступлений. Всего включено 11 преступлений. Часть из них в российской практике носят название компьютерных, то есть они возникли именно вследствие развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ): незаконный доступ к ИКС, подлог с использованием ИКС, неправомерное использование устройств и программного обеспечения (например, фишинг), кибератаки на ИКС.

Часть преступлений приобрели особый характер в связи с использованием ИКТ, например хищения, и особенно мошенничества, отмыwanie доходов, в том числе от киберпреступлений. Или преступления с вмешательством в частную жизнь: распространение интимных изображений без согласия. Особое внимание уделено преступлениям против несовершеннолетних: размещение материалов со сценами сексуальных преступлений в отношении детей, домогательство или создание доверительных отношений с целью совершения сексуального преступления в отношении детей.

Особенности и условия криминализации отражены в каждой из статей. Конвенция не диктует наказания за каждое из преступлений, указывая лишь, что санкции должны быть эффективные и соразмерные.

Третья глава посвящена вопросам юрисдикции. Для киберпреступлений это также очень важный вопрос, потому что зачастую они совершаются удаленно, когда преступник физически не находится на территории государства, чьи интересы пострадали, и которое имеет интерес в его преследовании.

В связи с этим установлены такие основания криминализации как территориальный (совершено на территории государства), субъектный (гражданин государства совершает преступление), преступление совершено против граждан данного государства, преступление совершено против интересов данного государства. Очень интересно решен вопрос о юрисдикции в отношении отмыwania доходов. Так, государство, на территории которого совершено отмыwanie доходов от киберпреступности, будет иметь юрисдикцию и в отношении преступлений, представляющих собой консультирование по вопросам отмыwania доходов, где бы это консультирование не осуществлялось.

Таким образом, мы видим расширение экстерриториальной юрисдикции, но пока нельзя сказать, чтобы государства стремились сделать юрисдикцию универсальной.

Следующая глава посвящена мерам, которые принимаются для расследования преступлений, включая получение информации от провайдеров и операторов ИКС, обыск и изъятие электронных данных, мониторинг и сбор данных в режиме реального времени, перехват данных и другие.

В пятой главе урегулировано международное сотрудничество. В частности, установлено регулирование выдачи. Причем государства могут отказаться воспринимать конвенцию основанием для выдачи, если сделают соответствующее заявление при ратификации. Для всех остальных выдача за преступления, описанные в конвенции, может наступать на основании ее положений, т.е. конвенцию можно рассматривать как правовое основание выдачи.

Основанием для выдачи названа двойная криминализация, от которой запрашиваемое государство может отступить. Как такового перечня оснований отказа в выдаче нет, за исключением пункта о том, что отказ возможен при подозрениях дискриминационного преследования лица. Кроме выдачи, государства могут договориться о передаче расследования уголовного дела.

В перечень правовой помощи входят такие действия, как получение свидетельских показаний и заявлений, проведение обысков, изъятий и замораживаний, включая обыски и доступ к электронным данным, вручение судебных документов. Передача запросов и документов идет через центральное учреждение юстиции, назначаемое для целей этой конвенции каждым государством самостоятельно. Также есть привычный для нас перечень оснований отказа и общее требование о мотивировании отказа в оказании правовой помощи.

Отдельные статьи посвящены взаимной правовой помощи в получении доступа к электронным данным, сохранении данных о трафике, перехвате данных и других мерах, которые создают специфику помощи по этим преступлениям. Также указывается на сотрудничество в обмене оперативной информацией.

Интересный подход в конвенции к выдаче на время. В других договорах [2; 3] это разновидность экстрадиции, и согласие лица на это не спрашивается. Однако данная конвенция включает это в статью о правовой помощи и указывает как основание такой временной передачи свободное осознанное согласие лица.

Ст. 41 конвенции обязывает каждое государство назначить контактный центр, работающих 24/7, для обеспечения неотложной помощи, включая сохранение данных, техническая консультационная помощь, сбор доказательств, определение местонахождения лица.

В шестой главе говорится о мерах предупреждения, где рекомендуется разработать государствам свою политику по борьбе с киберпреступлениями. Седьмая глава посвящена технической помощи и обмену информацией.

Таким образом, из анализа проекта конвенции мы видим, что государства составили перечень киберпреступлений, установили особые виды правовой помощи по уголовным делам, создали правовую основу для оперативного обмена информацией. Вместе с тем, довольно сложно прогнозировать срок вступления данной конвенции в силу, поскольку она не смогла урегулировать или хотя бы смягчить противоречия.

Список использованных источников:

1. Гулло К., Родригес К. Хронология обсуждений Конвенции ООН о киберпреступности. – Режим доступа: <https://www.eff.org/ru/deeplinks/2023/04/un-cybercrime-treaty-timeline> (дата обращения 15.09.2024).
2. Европейская конвенция о выдаче. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/16800645eb> (дата обращения 15.09.2024).
3. Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901898597> (дата обращения 15.09.2024).
4. Об итогах голосования в Генассамблее ООН по российскому проекту резолюции по противодействию киберпреступности. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1480774/ (дата обращения 15.09.2024).
5. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 27 декабря 2019 года. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/440/31/pdf/n1944031.pdf> (дата обращения 15.09.2024).
6. Проект резолюции для рассмотрения Генеральной Ассамблеей. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v24/055/50/pdf/v2405550.pdf> (дата обращения 15.09.2024).
7. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция от 08.08.2024). – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.09.2024).
8. Шакиров О. Состав киберпреступления: что ждать от новой конвенции ООН по борьбе с хакерами источник. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/mneniya/518976-sostav-kiberprestuplenia-cto-zdat-ot-novoj-konvencii-oon-po-bor-be-s-hakerami> (дата обращения 15.09.2024).

УДК 343.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© Ю.А. Соловьева

Красноярский финансово-экономический колледж - филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Нестабильность социально-экономической, политической обстановки закономерно ведет к обострению многих негативных социальных явлений. Так, в научных кругах достаточно широко распространена точка зрения о прямой корреляции между уровнем преступности и социально-экономической стабильности общества [7]. В настоящее время Россия переживает непростые времена, в связи с чем вопрос борьбы с преступностью становится наиболее актуальным.

Между тем, нестабильность общества наиболее ярко отражается на благополучии одной из наиболее социально уязвимых категорий населения – детях, что и обусловлено их незащищенностью в виду возраста: как психологической, так и социально-экономической. В связи с чем закономерно наблюдается рост девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних, борьба с которыми невозможна без анализа эффективности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, начиная от работы её отдельных субъектов (органы внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП), образовательные учреждения и др.), заканчивая реализацией мер, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям.

Нормативно-правовая база, регулирующая данную сферу отношений достаточно обширна, т.к. включает в себя основные отраслевые акты (Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ) [2]) с институциональными включениями нормативного регулирования ответственности несовершеннолетних. Так УК РФ закреплён институт принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к достигшим возраста уголовной ответственности несовершеннолетним, совершившим преступления, когда исправление и перевоспитание таких лиц возможны без применения уголовного наказания только воспитательными средствами. К числу таких мер законодатель относит: предупреждение; передача под надзор

родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Специальным законодательным актом, регулирующим данные правоотношения, является Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3], который выстраивает общую структуру системы профилактики, а также устанавливает некоторые процессуальные особенности ее реализации, при этом закрепляя лишь основу применения мер воздействия к несовершеннолетним правонарушителям, к которым неприменимы отраслевые (УК РФ, КоАП РФ) меры ввиду недостижения возраста соответствующего вида ответственности. Конкретный арсенал данных мер урегулирован на уровне субъекта РФ, в Красноярском крае – Законом Красноярского края 31.10.2002 № 4-608 «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Меры, применяемые к несовершеннолетним совершившим общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности (далее – ООД) практически содержательно дублируют меры УК РФ: объявление замечания, передача под надзор родителей или иных законных представителей в целях обеспечения его надлежащего поведения; ходатайство о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – ЦВСНП), проведение разъяснительной работы по вопросу о недопустимости совершения действий, ставших основанием для применения меры воздействия, и правовых последствиях их совершения.

Нормативно-правовая база предоставляет инструментарий в борьбе с правонарушающим поведением несовершеннолетних. Однако для оценки его эффективности необходимо обратиться к конкретным статистическим показателям. Прежде всего, источником такой информации является КДНиЗП, которая координирует деятельность всей системы профилактики, аккумулируя информацию о состоянии детской преступности. Постановлением КДНиЗП Красноярского края от 22.03.2024 № 28-кдн «Об итогах работы органов и учреждений системы профилактики края по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в 2023 году и мерах по дальнейшему совершенствованию и развитию региональной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в основу которого легла аналитическая записка «О состоянии работы и эффективности деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за 2023 год» были подведены итоги 2023 года [4]. Так,

несмотря на общую позитивную тенденцию к снижению уровня детской преступности, число общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности (далее – ООД), в 2023 году возросло на 5,8 % (с 411 до 435), также возросло и количество участников ООД на 0,8 % (с 500 до 504). Среди основных причин совершения несовершеннолетними преступлений, в аналитической записке в числе первых указано «чувство безнаказанности, которое формируется у несовершеннолетнего, в силу правовых смягчающих обстоятельств в силу его возраста, а также легкомысленное отношение к оценке своих поступков и поведения вследствие недостаточного жизненного опыта, неосознанность последствий» [4].

Можно предположить, что такой рост порожден не только внешними факторами, но и недостаточной эффективностью проводимой работы как превентивного, так и посткриминального характера. Выявление причин общего роста преступности наиболее показательно через анализ отдельных показателей. Так, сохраняется опасный уровень групповой преступности несовершеннолетних, на что указал и руководитель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин [9]. Данный показатель является опасным фактором криминализации несовершеннолетних через социальное окружение: авторитетные члены группы вовлекают в систематическую преступную деятельность несовершеннолетних, которые в иной социальной обстановке не склонны к подобного рода девиациям. А в дальнейшем влияние среды на таких ситуативных преступников становится еще больше.

Данное явление обусловлено комплексом причин, связанных не только с работой системы профилактики. Первопричиной часто становятся психологические проблемы, в том числе семейного характера: отвержение и ненужность детей, отсутствие эмоциональной связи с родителями при внешнем благополучии семьи, недостаток внимания, отсутствие навыков эффективной коммуникации внутри семьи и навыков разрешения конфликтов. В данной части необходимо совершенствование системы оказания психолого-педагогической помощи, в частности, проводить превентивную работу, направленную на раннее выявление признаков неблагополучия через анализ психологической обстановки в семье, расширять просветительскую работу, направленную на борьбу со стереотипами о работе психолога, устранение барьера в виде стигматизации психологических служб как крайней меры, необходимой исключительно для лиц с психическими заболеваниями, нежеланием выносить конфликт за пределы семьи и т.д.

Во-вторых, несовершеннолетние, особенно в подростковом возрасте, восполняют семейные дефициты при помощи окружения, в поиске поддержки «на стороне» часто находят либо авторитетного сверстника, либо авторитетного взрослого, склонного к противоправному поведению, что особенно привлекательно для детей с учетом возрастных особенностей психики – демонстративное, нигилистическое поведение, подростковое отрицание устоев. Преступная группа становится суррогатом семьи. Ситуацию усугубляет недостаточная эффективность работы органов системы профилактики по разобщению групп преступной направленности. В данной части также проявляется проблема низкого уровня психологической культуры - необходима психодиагностика ролевой структуры преступных групп с целью выявления наиболее уязвимых ее членов - ситуативных преступников, установления вторичных выгод, которые дает им членство в преступной группе и поиска позитивных способов их получения. Продолжая работу со структурой преступной группы, нужно организовать замещение негативных авторитетных фигур, стоящих на вершине ее иерархии, через поиск позитивных авторитетных фигур, способных ориентировать на позитивные паттерны поведения. Необходимо отметить, что с учетом демографических особенностей РФ – в российских семьях дети часто воспитываются матерью, бабушкой - наблюдается дефицит мужской ролевой модели у подростков. Поэтому стоит активизировать поиск такой модели не только в семье, но и в образовательной среде – через поиск наставников (педагоги, тренеры, мастера производства мужского пола и т.д.).

Далее обратимся к анализу правового инструментария работы с несовершеннолетними правонарушителями. Недостаток работы субъектов системы профилактики в данном направлении связан прежде всего с неэффективностью применяемых мер воздействия, «после принятия таких решений у подростков четко формируется чувство безнаказанности за совершенное преступное деяние, что способствует совершению ими в дальнейшем повторных преступлений» [8]. Действительно, применение УК РФ часто ограничивается передачей под надзор родителей либо вынесением предупреждения, а в случае ООД – вынесением замечания. Такой ограниченный арсенал мер воздействия, предусмотренного законодательством (ст. 12 Закона Красноярского края «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5]) не позволяет реализовать цели исправления и превенции противоправного поведения несовершеннолетних ввиду их несоразмерности деянию. Отсюда следует необходимость расширения

арсенала мер воздействия с учетом индивидуальных особенностей совершенного деяния и личности правонарушителя.

Одним из эффективных путей совершенствования системы профилактики является развитие профориентационной, просветительской работы. Так, в социально-демографическом разрезе преступность и правонарушающее поведение – явление более распространенное среди несовершеннолетних, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, нежели в среднего профессионального образования. Это может свидетельствовать о важности профессиональной ориентации несовершеннолетних и ориентации их на позитивные способы заработка, ведь окончившие 9 классов дети (16-17 летние), поступившие в профессиональные учреждения, вовлечены в профессиональную деятельность и ориентированы на дальнейшую трудовую деятельность, тогда как школьники 16-17 лет, часто оставшиеся в школе по причине непоступления в профучреждения, не замотивированы ни на какую деятельность, не имеют ориентиров, «плывут по течению» в школе, поэтому и находят асоциальные способы заработка, предпочитая их трудовой деятельности. Также совершение преступления (наиболее популярны кражи [6]) часто становится способом заработка несовершеннолетних подросткового возраста, причина такого явления, в т.ч. возрастное стремление к финансовой независимости, к самореализации. В таком случае необходимо расширить просветительскую деятельность в части осведомления подростков о позитивных способах заработка, вариантах трудоустройства, вовлечения в актуальную ныне проектную грантовую деятельность, необходимо организовать более тесное взаимодействие образовательных организаций и организаций молодежной политики с некоммерческими организациями.

В заключение можно сказать, что эффективная работа системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних невозможна без совершенствования правового инструментария воздействия на несовершеннолетних через его детализацию, индивидуализацию, а также его психологическую проработку с целью объективной оценки его исправительного эффекта. При этом, немаловажным остается вопрос улучшения системы не столько посткриминального, сколько превентивного воздействия, в частности через более активное включение иных субъектов, не относящихся к силовым ведомствам, а также через более широкое применение достижений современной психологии.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 (ред. от 26.06.2024) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: (ред. от 22.06.2024) // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Федеральный закон Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края от 22.03.2024 № 28-кдн «Об итогах работы органов и учреждений системы профилактики края по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в 2023 году и мерах по дальнейшему совершенствованию и развитию региональной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». – Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/kdns/reshen/doc/0/id/69320>

5. Закон Красноярского края «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 31.10.2002 № 4-608. – Режим доступа: <http://zakon.krskstate.ru/doc/7820>

6. Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края от 22.03.2024 № 28-кдн «Об итогах работы органов и учреждений системы профилактики края по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в 2023 году и мерах по дальнейшему совершенствованию и развитию региональной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». – Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/kdns/reshen/doc/0/id/69320>.

7. Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

8. Об основных причинах, оказывающих влияние на формирование показателей подростковой преступности / Е.М. Осадчая, С.С. Сотников, О.А. Архипова // Российский следователь. 2021. № 12. С. 15-18.

9. Бастрыкин обсудил с коллегами вопросы расследования преступлений с участием подростков // Российская газета.: 2024. 10 апр.

УДК 349+349.2

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ

© М.К. Старикова

Сибирский федеральный университет

В вопросе об обязательном социальном страховании дистанционного работника за границей [1], возникают правовые проблемы.

Согласно гл. 34 НК РФ, регулирующей страховые взносы, в случае заключения дистанционного трудового договора с работником, находящимся за границей, заработная плата облагается страховыми взносами. Следовательно, такие взносы работодатель должен оплачивать.

Этот подход поддержан и в Письме Минфина № 03-04-06/21160 от 14.03.2023 [2], работодателю необходимо платить страховые взносы за дистанционного российского работника, проживающего за границей на обязательное пенсионное страхование [3], обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством [4], на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [5], а также на обязательное медицинское страхование [6], независимо от того, появляется ли такой работник на территории РФ.

Поскольку исчисление страховых взносов зависит от гражданства работника, то в соответствии с п. 5 ст. 420 НК РФ, если дистанционный трудовой договор заключен с иностранным работником, то его доходы не являются объектом исчисления страховых взносов, соответственно работодатель не должен оплачивать страховые взносы.

Далее дадим оценку целесообразности таких подходов законодателя. Сначала рассмотрим дистанционных работников – российских граждан, работающих за границей.

В отношении обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, полагаем, что у работодателя не должно быть такой обязанности. Работодатель не организует, не обслуживает и не контролирует рабочее место работника, так как дистанционная работа может также осуществляться из любой другой локации (коворкинг, парк, кафе и т.д.), на которые также не распространяется ответственность работодателя.

Что же касается уплаты взносов на обязательное медицинское страхование, то работодателю, с одной стороны, и нет смысла их платить, потому что данный работник, просто не сможет получить медицинскую помощь в РФ, поскольку постоянно проживает за границей. Но с другой стороны, возможно дистанционному работнику потребуется медицинская помощь, а в его стране пребывания, такая медицинская помощь может стоить очень дорого и работник может быть заинтересован в получении медицинской помощи в РФ. Он может приехать в РФ, либо, даже если он уехал на ПМЖ в другую страну, потенциально сможет получить доступ к некоторым медицинским услугам удаленно, в рамках развивающегося проекта «телемедицины». Однако, это рассуждение справедливо именно для граждан РФ, работающих за границей. В отношении них мы говорим о возможности сохранить обязательное медицинское страхование (ОМС), потому что они не утратили связь со страной через гражданство. А для иностранных граждан, проживающих за границей, такое страхование, наверное, вряд ли целесообразно [7].

Здравоохранение является регулируемой во всем мире отраслью экономики. Во многих странах не установлено специального законодательства или подзаконных актов, касающихся использования телемедицины. По мере развития технологий пациенты становятся более «мобильными» в своем медицинском обслуживании.

Пандемия COVID-19 в различной степени ускорила использование телемедицинских услуг во всем мире. Большинство российских и зарубежных ученых определяют телемедицину как метод дистанционного оказания медицинских услуг при помощи телекоммуникационных технологий.

Фактически, по оценкам компании McKinsey&Company, использование телемедицины увеличилось в 38 раз по сравнению с допандемийным уровнем. Позитивные изменения, такие как введение постоянных стимулов к телемедицине, сделаны в США. Так, например, в законодательство 22 штатов были внесены изменения с целью легализации телемедицины. В качестве стимулирующей меры врачи получают одинаковую сумму при приеме пациентов в больнице и онлайн.

Отдельного закона, регулирующего телемедицину в РФ не существует. Общие правила установлены в главном ФЗ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В 2017 году его дополнили определением телемедицинских технологий и закрепили в статье 36.2, которая определяет особенности оказания медицинской помощи онлайн. Данные поправки вступили 1.01.2018.

Согласно ст. 3 данного Закона, телемедицинские технологии — это информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента. На основе данного определения можно выделить два основных направления правового регулирования телемедицины: 1) предоставление медицинской помощи пациентам с применением телемедицинских технологий (например, видеоконсультации); 2) внедрение электронного документооборота в сферу здравоохранения (например, создание электронных карт, электронных рецептов, справок, электронной записи на прием) [8].

Рассмотрим также еще два вида страхования для российских граждан, проживающих за границей: ВНиМ (временной нетрудоспособности и в связи с материнством) и ОПС (обязательном пенсионном страховании). Необходимость уплаты взносов зависит от гражданства удаленного работника, при этом в целях начисления взносов, место фактического выполнения работы значения не имеет. Граждане, находящиеся за границей, с которыми заключены трудовые договоры, являются застрахованными лицами, поэтому для них сохраняется данный вид страхования. Смогут они воспользоваться пособиями по ВНиМ из-за границы? Вполне возможно, что смогут.

Согласно Приказу Минздрава России № 1089н от 23.11.2021 [9], иностранные медицинские документы, подтверждающие временную нетрудоспособность граждан в период их пребывания за границей, по решению врачебной комиссии медицинской организации, могут быть заменены на территории РФ, на листки нетрудоспособности (после легализованного перевода) установленного образца в РФ, в форме электронного документа. Для предъявления иностранных медицинских документов в медицинскую организацию должен быть сделан их нотариально заверенный перевод на русский язык. Что же касается обязательного пенсионного страхования, то в соответствии со ст. 4 Закона «О страховых пенсиях», право на страховую пенсию имеют граждане РФ независимо от места жительства. Следовательно, работники, находящиеся за границей вполне заинтересованы в получении российской пенсии.

Что же касается страховых взносов для иностранных работников, проживающих за границей на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной

нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также на обязательное медицинское страхование, то для таких работников, оно пока отсутствует. С одной стороны, отсутствие данных видов страхования является целесообразным, поскольку, такие работники никак не связаны с Российской Федерацией через классические категории трансграничной связи – через гражданство или территорию. Но, с другой стороны, они же работают на российского работодателя, вносят вклад в ВВП РФ своим интеллектуальным капиталом и при этом остаются без каких-либо мер социальной поддержки, поскольку в это время они не работают в стране проживания и не подлежат там обязательному социальному страхованию.

Так, например, в Договоре о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [10] гражданам государств из ЕАЭС, которые работают в РФ по трудовым договорам, пособие по временной нетрудоспособности оформляют по российскому законодательству. Граждане этих государств имеют право на социальное обеспечение на тех же условиях, что и граждане РФ. Социальное обеспечение включает в себя, в том числе страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (ст. 96 Договора о Евразийском экономическом союзе). Граждане государств из ЕАЭС, которые работают в РФ по трудовым договорам, являются застрахованными лицами независимо от их статуса – постоянно или временно проживающие, временно пребывающие [11].

Правильность данного подхода подтверждает также Минтруд [12] в своем письме № 17-1/10/В-8313 от 05.12.2014. Трудовой (страховой) стаж, который заработали граждане государств, входящих в Евразийский экономический союз, у себя на родине, будет засчитан в РФ для целей социального страхования.

В новых условиях трансграничной занятости, полагаем, что появляется новая категория юридической связи - «место нахождения работодателя». Возможно, его следует учитывать при решении проблемы обязательного социального страхования в таком случае. Быть может, такие работники должны ему подлежать, но при этом работодатель должен уплачивать страховые взносы в соответствующие бюджеты другого государства. Хотя здесь возникает множество новых вопросов: по законодательству какой страны это следует делать, по каким тарифам, за чей счет производить банковские расходы и расходы на конвертацию и т.п. Вероятно, такого рода вопросы могли бы быть решены на уровне международных соглашений. Например, на уровне ЕАЭС. Но этот вопрос требует отдельного исследования.

Список использованных источников:

1. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом / О.А. Кожевникова, М.В. Чудиновских // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Выпуск 3. С. 563–583.
2. Письмо Минфина «Об НДФЛ и страховых взносах с доходов работников - нерезидентов РФ, являющихся гражданами РФ и выполняющих свои обязанности дистанционно за пределами РФ» от 14.03.2023 № 03-04-06/21160 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 № 167-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255 (в ред. от 01.01.2024) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 № 125-ФЗ (в ред. от 24.05.2024) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»: от 29.11.2010 № 326-ФЗ (в редакции от 01.04.2024) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Чесалина, О.В. Социальное обеспечение дистанционных работников и лиц, работающих через цифровые платформы труда: транснациональная перспектива // Ежегодник трудового права. 2020. С. 300-309.
8. В США аудиоконсультации врачей приравняли к полноценной телемедицине. – Режим доступа: <https://vademec.ru/news/2022/06/15/v-ssh-audiokonsultatsii-vrachey-priravniali-k-polnotsennoy-telemeditsine/#text> (дата обращения 15.09.2024).
9. Приказ Минздрава России «Об утверждении Условий и порядка формирования листов нетрудоспособности в форме электронного документа и выдачи листов нетрудоспособности в форме документа на бумажном носителе в случаях, установленных законодательством Российской Федерации» от

23.11.2021 № 1089н (в ред. от 13.12.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Договор о Евразийском экономическом союзе : Подписан в г. Астане 29.05.2014 (в ред. от 24.06.2024) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. Чудиновских, М.В. Регулирование дистанционного труда в странах Евразийского экономического союза // Евразийская адвокатура. Международный научно-практический юридический журнал. № 4 (35). С. 109 – 111.

12. Письмо Минтруда РФ «О получении пособий по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 05.12.2014 № 17-1/10/В-8313 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.352

ОЦЕНКА РЕКОМЕНДАЦИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ В ЧАСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОВОКАЦИИ ВЗЯТКИ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

© П.Л. Сурихин

Сибирский федеральный университет

Последнее время в СМИ образовался целый калейдоскоп сообщений о задержаниях и заключении под стражу высокопоставленных государственных должностных лиц в связи со взяточничеством [3; 7; 11]. Для всех эпизодов выявленных преступлений характерна существенная давность получения взяток подследственными – ситуация практически недоказуемая по современным меркам следственно-судебной практики [4]. Тем не менее, органы предварительного расследования по настоящим делам действуют с оптимизмом, суды не скупятся на самые строгие меры пресечения, а это говорит о том, что квалификация преступлений и судебная перспектива уголовных дел очевидны.

Сложившаяся ситуация в очередной раз напомнила нам о существующем противоречии в рекомендациях Пленума Верховного Суда РФ, между прочим, обязательных для исполнения, в части квалификации провокации взятки сотрудниками правоохранительных органов. Дело в том, что оно, как нам

видится, не позволяет выявлять, квалифицировать и вменять как преступление факты получения взяток, имевших место в прошлом.

Специфика взяточничества заключается в том, что оно носит чрезвычайно латентный характер, сохранить в тайне факт взятки обычно заинтересован как взяткодатель, так и взяткополучатель. Одним из немногих эффективных способов выявления взяточничества является оперативный эксперимент [4], когда как бы взятку должностному лицу предлагает представитель правоохранительных органов – лицо, у которого, как правило, вымогается взятка, либо который не заинтересован в даче взятки по иным причинам. Факт принятия взятки целенаправленно документируется и вопрос квалификации, доказывания преступления в этом случае решается просто и эффективно.

К сожалению, всегда есть риск перерастания подобной оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов в деятельность противоправную – провокацию взятки [1], которую Пленум Верховного Суда РФ, как ни странно, не рекомендует квалифицировать по ст. 304 УК РФ, обосновывая это нарушением ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Но и конкретных предложений по квалификации таких случаев Пленум Верховного Суда РФ не делает. Так нами обнаруживается проблема разграничения и квалификации законной и незаконной деятельности представителей правоохранительных органов в процессе борьбы со взяточничеством.

Данная проблема чрезвычайно сложна как по своей структуре, так и по частным вопросам квалификации действий сотрудников правоохранительных органов [10]. В теории уголовного права можно выделить несколько направлений решения рассматриваемой проблемы, но часто они носят взаимоисключающий характер, еще чаще противоречат рекомендациям Пленума Верховного Суда РФ [2; 5; 8; 9]. Мы же предпринимаем попытку понять рекомендации Пленума Верховного Суда РФ в части поднятого вопроса.

Чтобы постепенно и основательно разобраться в поставленной проблеме, начнем с анализа признаков собственно провокации взятки общим субъектом, в частности нам нужно понять, как толкуется провокация взятки в судебной практике. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [6] в п. 32 говорится (цитируем с сокращениями):

«Ответственность по ст. 304 УК РФ за провокацию взятки наступает лишь в случае, когда попытка передачи (передача) денег осуществлялась только в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа, когда должностное лицо заведомо для виновного не только не давало согласия, но и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком

согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее.

Поскольку такие действия совершаются без ведома либо заведомо вопреки желанию должностного лица, он не подлежит уголовной ответственности за получение взятки в связи с отсутствием события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ)».

Другими словами, если как бы взяткополучатель не принял нос от как бы взяткодателя, целенаправленно имитирующего взятку, то действия дающего подлежат квалификации по ст. 304 УК РФ, а в действиях непринявшего нос отсутствует событие какого-либо преступления. Признаки провокации взятки в таком изложении и сама квалификация преступления представляются простыми и вполне логичными.

Уголовно-правовая оценка подобных действий может быть существенно осложнена, например, если в схожей ситуации взяткополучатель принял нос от провокатора-взяткодателя. Современная редакция рассматриваемого Постановления ПВС РФ не содержит каких-либо рекомендаций по квалификации подобных действий, но прежняя его редакция предлагала вполне определенное решение, напомним его (цитируем с сокращениями):

«Передача в вышеуказанных целях должностному лицу имущества, если указанное лицо согласилось принять это незаконное вознаграждение в качестве взятки, исключают квалификацию содеянного по статье 304 УК РФ».

Это значит, если мы правильно понимаем логику Пленума Верховного Суда РФ, что при таких обстоятельствах – должностное лицо получило взятку (ст. 290 УК РФ), а провокатор дал взятку (ст. 291 УК РФ) – это вполне соответствует тексту закона, и не противоречит действующей редакции Постановления, тем более что несущий провокатор в любом случае добивается своих первоначальных преступных целей, соответственно несет ответственность и за них в том числе. Такую ситуацию можно назвать – переход провокации взятки в дачу и получение взятки – интересы правосудия переходят из основного объекта в дополнительный, а основным объектом становятся отношения власти.

Теперь рассмотрим рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по квалификации подобной ситуации, но уже с участием сотрудников правоохранительных органов, предложенные в п. 34 (цитируем в сокращении):

«От преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует ограничивать действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие взятки.

Указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки с согласия

или по предложению должностного лица, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этого лица к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Принятие должностным лицом при указанных обстоятельствах денег не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ)».

Таким образом, если вместо гражданского лица взятку провоцируют, либо дают должностному лицу, сотрудники правоохранительных органов, то их действия образуют состав, как мы понимаем, превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), а действия должностного лица не содержат состава какого-либо преступления.

Обобщение результатов анализа рассмотренных двух тезисов Пленума Верховного Суда РФ позволяет утверждать, что провокатор-взяткодатель, если это общий субъект, то он может совершить как провокацию взятки (ст. 304 УК РФ), так и дачу взятки (ст. 291 УК РФ), которая повлечет уголовную ответственность также и взяткополучателя (ст. 290 УК РФ). Если же провокатор-взяткодатель специальный субъект, то он в любом случае совершает превышение должностных полномочий (ст. 296 УК РФ), которое исключает уголовную ответственность взяткополучателя по ст. 290 УК РФ.

На первый взгляд логика Пленума Верховного Суда РФ вполне понятна. Тем не менее, она вызывает у нас некоторое недоумение. Дело в том, что если придерживаться данных рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ по квалификации провокации взятки, то возникает серьезная проблема, связанная с выявлением и пресечением взяточничества. Фактически получается так, что с одной стороны, взяткодатель, тем более взяткополучатель, как правило, не сообщают правоохранительным органам о факте преступления, а с другой стороны инициативный доказательный способ пресечения взяточничества квалифицируется как превышение должностных полномочий – образуется порочный круг – создаются идеальные условия для дачи и получения взятки, в которых невозможны квалификация взяточничества как преступления, тем более его выявление и пресечение.

Причиной тому, как мы видим, служит упомянутый п. 34, который, на наш взгляд, понимается чрезмерно узко. Убеждены, ошибочно считать, что умысел на получение взятки всегда формируется сотрудниками правоохранительных органов в момент предложения денег. Если бы это было так, то взяткополучателю достаточно брать взятки исключительно при поступлении

предложения, не откладывая на завтра, и его действия, таким образом, невозможно было бы квалифицировать как взятку, тем более доказать его вину. Более того, каждый раз, в связи с необоснованным уголовным преследованием при отсутствии состава преступления его обязаны были бы в любом случае реабилитировать, оставить ему все полученные деньги, компенсировать причиненный ущерб, извиниться перед ним от имени государства. Согласиться с подобным невозможно. Давайте попробуем разобраться.

Можно предположить, что в данном случае ложность квалификации преступления обусловлена безапелляционной логикой: дал деньги должностному лицу гражданский – это взятка, а дали деньги должностному лицу сотрудники правоохранительных органов – это превышение должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов.

Дело в том, что склонение к получению взятки необходимо различать с законно произведенным оперативно-розыскным мероприятием [1; 9], предусмотренным ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» – оперативным экспериментом. Для данного мероприятия имеется обязательное условие, оно может производиться только при наличии достаточного основания полагать, что совершается преступление, в нашем случае это получение взятки. Направлен оперативный эксперимент на проверку и документирование факта преступления для последующего законного уголовного преследования виновного лица. Таким образом, если сотрудникам правоохранительных органов поступила достоверная информация, требующая проверки, например, о неоднократном получении взяток определенным должностным лицом, что свидетельствует об уже сформировавшемся у него умысле на взяточничество, то, по нашему мнению, сотрудники просто обязаны провести оперативный эксперимент (предложить взятку должностному лицу), а когда он ее возьмет, пресечь и задокументировать преступную деятельность взяточполучателя для последующего его уголовного преследования. К месту будет отметить – в настоящее время, впрочем, как и раньше, аналогичным методом успешно пресекается и документируется незаконный сбыт наркотиков, что не в коей мере не препятствует квалификации преступных действий по ст. 228.1 УК РФ. Сбыл наркотики в рамках оперативного мероприятия, значит совершил преступление. Превышения должностных полномочий в данном случае следственно-судебная практика не признает.

Провокационные действия у сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, могут усматриваться, но только тогда, когда нет оснований для проведения ОРМ (например, эксперимент проводится в отношении голословно заподозренного должностного лица), т.е.

когда умысел на получение взятки должностным лицом формируется у него не самостоятельно до эксперимента, а в процессе эксперимента стараниями сотрудников, что и предполагает п. 34 упомянутого выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ. И совершенно справедливо Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что по существу являясь провокацией получения взятки, действия сотрудников правоохранительных органов, тем не менее, не содержат состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, поскольку, как мы считаем, они совершаются должностными лицами (провокация совершается общим субъектом) в рамках особой служебной процедуры, которая недоступна общему субъекту, и не преследуют цели формирования ложных доказательств или шантажа (а она является обязательным признаком провокации), но имеют реальную цель склонить должностное лицо к получению взятки. Такие действия по правилу конкуренции части и целого (ст. 304 и ст. 286 УК РФ) подлежат квалификации как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), которое выражается в склонении к совершению преступления, что недопустимо согласно ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» ни при каких обстоятельствах.

Для полного понимания вопроса стоит также отметить, что при квалификации действий сотрудников правоохранительных органов в случае склонения к получению взятки неизбежна конкуренция норм, предусмотренных ст. 286 УК РФ и ст. 291 УК РФ – это также конкуренция части и целого. Квалифицировать действия должностных лиц следует по ст. 286 УК РФ, поскольку данный состав наиболее полно описывает признаки преступления, в частности, специального субъекта. Кроме того, ст. 291 УК РФ предполагает специальную цель, отличную от фактической.

Из всего изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Если должностное лицо отказывается принять взятку от общего субъекта, но последним создается видимость ее принятия должностным лицом – это провокация взятки (ст. 304 УК РФ), а в действиях должностного лица событие какого-либо преступления отсутствует.

2. Если должностное лицо в процессе провокации взятки общим субъектом принимает взятку – это получение и дача взятки, ст.ст. 290, 291 УК РФ соответственно.

3. Если должностное лицо ранее было уличено в фактах взяточничества, а в последующем в ходе оперативного эксперимента приняло взятку – это получение взятки, ст. 290 УК РФ. Действия сотрудников правоохранительных органов носят исключительно законный характер.

4. Если умысел на получение взятки у должностного лица формируют в процессе оперативного эксперимента, который проводится по надуманному основанию, то его действия не содержат состава преступления, поскольку эксперимент носит незаконный провокационный характер. Действия же сотрудников правоохранительных органов в данном случае следует квалифицировать как превышение должностных полномочий, ст. 286 УК РФ.

Таким образом, мы обеспечиваем не только верную квалификацию и справедливое наказание виновных, но и создаем возможность активно противодействовать как провокации взятки, так и взяточничеству.

Список использованных источников:

1. Борков, В.Н. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. № 1. С. 16-21.

2. Борков, В.Н., Николаев, К.Д. Пробелы уголовного закона не могут компенсироваться нарушением правил квалификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 30-39.

3. Взятки домами и хищение металлопроката: что известно об арестах генералов Минобороны // РТВИ. – Режим доступа: <https://rtvi.com/news/vzyatki-domami-i-hishhenie-metalloprokata-cto-izvestno-ob-arestah-generalov-minoborony/> (дата обращения: 09.09.2024).

4. Говорков, Н. Доказывание получения взятки // Законность. 2008. № 8 (886). С. 19.

5. Ермаков, С.В. Вопросы уголовно-правовой квалификации по статье 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 53-61.

6. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24: (ред. от от 24.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Погонный мэтр: за что задержали бывшего замминистра МО Дмитрия Булгакова // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/1733567/iana-shturma-bogdan-stepovoi/pogonnyi-metr-za-cto-zaderzhali-eks-zamministra-oborony-dmitriia-bulgakova> (дата обращения: 09.09.2024).

8. Радченко, А.А. Соотношение фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) и провокации (ст. 304 УК РФ) //

Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2018. № 1. С. 51-56.

9. Тюнин, В.И. Вопросы правовой оценки проведения "оперативного эксперимента" и применения ст. 304 УК РФ // Ученые записки юридического факультета. 2013. № 29 (39). С. 65-72.

10. Фарахиев, Д.М. Актуальные вопросы разграничения провокации взятки и смежных составов преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1 (51). С. 146-154.

11. Экс-замминистра обороны Попову предъявили обвинения в мошенничестве // РБК. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/04/09/2024/66d863f79a79476f04f83199?from=article_body (дата обращения: 09.09.2024).

УДК 343.9

НАКАЗАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ, КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ПОДХОД В РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

© М.А. Сутурин

Байкальский государственный университет

Неоспоримо то, что одной из приоритетных (если условно допускать «иерархию приоритетов») задачей уголовного закона является обеспечение безопасности (охраны) личности, ее прав и законных интересов.

Преследуя в определенном смысле цель максимального соблюдения «баланса интересов», нужно отметить, что речь идет не только об охране конкретной личности (человека \ социальной группы), которая, в силу сложившихся негативных, подчас трагических обстоятельств, стала жертвой преступного посягательства.

Нельзя, как бы это не казалось на первый взгляд не совсем справедливым, «ретушировать» и личность, человека, который зачастую став в определенной степени «жертвой обстоятельств», продуцировал и реализовал преступление.

Здесь мы ведем речь о формально несовершеннолетнем человеке. Человеке, с позиций действующего уголовного законодательства, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не

исполнилось восемнадцать лет (ч. 1 ст. 87 УК РФ). Человеке, который и содержательно, и психологически, и биологически – еще, по сути, ребенок. Ребенок, который, совершая преступление, в подавляющем большинстве случаев, в первую очередь является жертвой. Жертвой в более широком ее понимании (негативное окружение, асоциальные условия формирования и т.д.). К такому умозаключению нас приводят результаты, как собственного изучения несовершеннолетних, совершивших преступления и подвергшихся мерам уголовно-правового воздействия, так и анализ результатов многочисленных исследований, посвященных изучению личности несовершеннолетнего девианта (в том числе, преступника), проводимых специалистами в области криминологии, психологии, педагогики и т.д.

Проблема определения того, насколько тот или иной преступник действительно в той или иной степени общественно опасен и требует того или иного объема уголовной репрессии, концептуально относится к категории «вечных» и не способных получить своего разрешения. Поскольку социальная действительность и происходящие социальные процессы постоянно вносят существенные коррективы, в том числе и в процессы криминализации \ декриминализации, в складывающиеся алгоритмы правоприменительной практики и т.д.

Тем не менее, именно понимание и констатация неизбежности объективно (иногда субъективно) обусловленных социальных процессов, существенно влияющих, а иногда и в большей степени определяющих, подходы государства в реализации уголовной политики (в широком понимании данного направления социальной политики государства в целом), детерминирует на определенную гибкость и пластичность в одной из важных ее составляющих – наказательной правовой политики.

Рассматриваемые категории «уголовная политика», «наказательная правовая политика», в нашем случае, соотносятся как целое и часть, при этом, не имея какого-либо формального закрепления и, следовательно, каких-либо легальных дефиниций. В этой связи, обе категории (их понятие и признаки) остаются «в компетенции» уголовно-правовой и криминологической доктрины.

В самом общем виде, отметим следующее. Уголовная политика - это составная часть политики государства в сфере борьбы с преступностью, в которой определены стратегия, основные задачи, формы и методы контроля за преступностью. Она должна выражать интересы граждан России и обеспечивать защиту их прав и свобод. Одновременно эта политика должна быть направлена на обеспечение интересов общества и государства. В свою очередь, наказательная политика, как часть уголовной, выражена в деятельности по

развитию системы уголовной ответственности и уголовных наказаний, их совершенствованию в целях определения, фиксации и реализации эффективных механизмов применения мер уголовно-репрессивного характера.

Применительно к рассматриваемой категории «несовершеннолетние, совершившие преступления», необходимо вести речь о наличии достаточно серьезной специфики в реализации в отношении них и уголовной и наказательной политики.

Как уже мегамногократно отмечалось и отмечается на страницах научной литературы, включение в Уголовный кодекс РФ самостоятельного Раздела V «Уголовная ответственность несовершеннолетних», явилось определенным «прорывом» уголовно-правовой и криминологической доктрины. Позволило максимально дифференцировать и, в потенциале индивидуализировать, решение вопросов реализации мер уголовной ответственности к лицам которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Несомненно, законодатель, ведомый гуманистическими соображениями, преследовал цель максимального снижения карательного воздействия на представителей рассматриваемой социальной когорты, с учетом, в первую очередь возрастных особенностей. В частности, это выражено в сокращении числа наказаний, которые могут быть назначены несовершеннолетним и их сокращение (ст. 88 УК РФ), в возможности применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ).

Несмотря на стремление государства к более гуманному и «мягкому» концепту реализации мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних, практика реализации этой ответственности характеризуется, в большей степени, преобладанием «наказательного концепта». Об этом, на официальном уровне свидетельствуют, например статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. В частности, ежегодно наблюдается ситуация, связанная с преобладающим количеством случаев назначенного наказания в виде лишения свободы (как в реальном, так и в большей степени, его «условном» варианте). Практика же реализации принудительных мер воспитательного воздействия, исходя из их удельного веса в статистики применения мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних, ничтожно мала.

С точки зрения достаточно формально объективированной оценки этой ситуации все выглядит вполне закономерно. Преступления, которые в основной своей массе совершают подростки, с позиций квалификации инкриминируемых деяний, относятся к категориям тяжкие и особо тяжкие. И у правоприменителя

(суда) нередко просто не остается возможности выбора иного вида наказания. Однако позволим себе в очередной раз разделить мнение о том, что с позиций криминологической характеристики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, с позиции формально закрепленных правил (например, ст. 32 УК РФ), а также сложившихся алгоритмов правоприменения, несовершеннолетние преступники изначально находятся в менее выгодном положении (позволим себе именно такую трактовку), по сравнению с формально совершеннолетними преступниками. Кроме того, периодически наблюдается тенденция усиления репрессивной составляющей в отношении несовершеннолетних, как субъектов уголовной ответственности. В качестве примера можно привести уже не раз получившую оценку и на наш взгляд абсолютно недостаточно обоснованную ситуацию «расширения» перечня ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Таким образом, можно прийти к предварительному выводу: формально закрепленное желание государства более гуманно относиться к ребенку (мы сознательно употребляем именно этот термин), совершившему преступление, условно говоря «разбивается», во-первых, о поставленном в формальные рамки и руководствующимся официальными алгоритмами квалификации совершенного деяния и реализации мер уголовной репрессии (акты толкования) правоприменителем. Во-вторых, и это на наш взгляд более значимо, желание более гуманного (содержательно, а не формально) отношения к ребенку, совершившему преступление, не может быть реализовано без глубокого понимания и принятия криминологически значимой и криминологически обоснованной специфики преступности несовершеннолетних в целом, особенностей ее структурных характеристик и детерминант, личности («среднестатистического портрета») несовершеннолетнего, совершающего преступления.

Мы не ставим под сомнение значение и роль уголовного наказания (инструмент наказательной политики) в деятельности по противодействию преступности несовершеннолетних, как одной из составляющих уголовной политики в отношении рассматриваемой возрастной группы. Однако, наблюдая уже не первый десяток лет картину, связанную с доминированием в юриспруденции «наказательной» концепции, в очередной раз позволим усомниться в ее эффективности. Эффективности, например, в контексте достижения формально закрепленных целей уголовного наказания. Высокий процент легального (взрослые) и фактического (несовершеннолетние) рецидива преступлений, свидетельствует о не достижении, например, целей исправления осужденного или целей частной и общей превенции.

УДК 343.34

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТЗЫВА ДЕПУТАТА КАК МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ**

© К.С. Сухарева

Сибирский федеральный университет

Предусмотренная законодателем возможность отзыва депутата представительного органа муниципального образования обладает высоким предупредительным потенциалом. Отзыв депутата ограничивает возможность его дальнейшего преступного, в том числе коррупционного поведения. Вместе с тем реализация указанной меры на сегодняшний день вызывает определенные трудности, которые и будут рассмотрены далее.

Как следует из положений ст. 24 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) основаниями для отзыва депутата могут служить только его конкретные противоправные решения или действия (бездействие), установленные уставом муниципального образования, в случае их подтверждения в судебном порядке. Вместе с тем из указанной формулировки не совсем ясно, какие именно противоправные действия, подтвержденные в суде, могут стать основанием для отзыва депутата представительного органа. Должны быть эти действия связаны с депутатской деятельностью лица, либо это может быть любое противоправное деяние, установленное уставом муниципального образования, в том числе не связанное с осуществлением депутатской деятельности, вопрос остается открытым. Следует также отметить, что в случае совершения депутатом представительного органа муниципального образования преступления и вступления в отношении его в законную силу обвинительного приговора суда, его полномочия будут прекращены и без проведения процедуры отзыва в соответствии с п. 5 ч. 10 ст. 40 Федерального закона № 131-ФЗ.

Нерешенной остается также и следующая ситуация. После подтверждения судом первой инстанции факта совершения депутатом противоправного деяния, представительный орган может принять решение о досрочном прекращении его полномочий. Вместе с тем, в случае если одна из последующих судебных инстанций отменяет решение суда первой инстанции и встает на сторону депутата, возникает вопрос о законности в таком случае решения

представительного органа муниципального образования и возможности восстановления его прав.

Институт отзыва депутата представительного органа муниципального образования остается на сегодняшний день существовать только на бумаге во многом благодаря следующему положению законодателя. Депутат считается отозванным, если за его отзыв проголосовало не менее половины избирателей, зарегистрированных в муниципальном образовании (ч. 2 ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ). Полагаем, что закрепленная законодателем позиция является результатом учета разъяснений Конституционного Суда РФ.

«Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 7.06.2000 отметил также недопустимость облегчения процедуры отзыва и мотивировал это тем, что в условиях свободных выборов может иметь место избрание представителя меньшинством от общего числа зарегистрированных избирателей. Без установления дополнительных, более строгих требований к голосованию при отзыве, по сравнению с выборами, отзыв может быть осуществлен гражданами, также составляющими меньшинство, но голосовавшими на выборах против избрания данного лица. Во избежание этого Конституционный Суд РФ обязал законодателя предусмотреть, чтобы голосование по отзыву назначалось лишь при условии, что собраны подписи весьма значительного числа избирателей, по сравнению с голосовавшими на выборах, и чтобы отзыв осуществлялся исключительно по решению большинства всех зарегистрированных избирателей, а не большинства принявших участие в голосовании» [5, с. 382]. Немногом позднее Конституционный Суд указал, что законодатель субъекта РФ «обязан исходить из того, что за отзыв должно проголосовать по крайней мере не меньшее число граждан, чем то, которым отзывается лицо было избрано, чтобы голосованием по отзыву не умалялось значение выявленного в ходе выборов волеизъявления избирателей и обеспечивалась охрана его результатов. Иначе создаются условия не только для произвольного, не основанного на действительной воле населения досрочного прекращения полномочий конкретных должностных лиц местного самоуправления, но и для сужения сферы действия представительной демократии, что может приводить (тем более в случае неназначения новых выборов) к нарушению баланса институтов народовластия и дестабилизации муниципальной власти» [7]. Поддерживая позицию, высказанную С.А. Авакьяном, Т.В. Ефимов отмечает, что установление такого высокого барьера делает отзыв малореальным институтом непосредственной демократии [4, с. 141].

В научном сообществе зачастую вопрос реализации отзыва депутата рассматривается в зависимости от мандата депутата. В науке выделяют императивный и свободный мандаты. «Исторически первым возник императивный мандат депутата, предполагающий обязательное следование депутата поручениям избирателей. Принято считать, что императивный мандат — это “форма взаимоотношений депутата с его избирателями, при которой депутат считается юридически ответственным перед теми, кто его избрал”» [3, с. 86-87]. «Правовая природа свободного мандата заключается в ограниченности юридической связи депутата с избирателями, которая проявляется в признании депутата представителем всего народа, а не избирательного округа; допустимости отступления депутата от указаний избирателей или политической партии; отсутствии обязанности отчитываться перед избирателями; невозможности отзыва избирателями» [3, с. 90].

Полагаем, что вне зависимости от вида мандата у населения как источника власти в РФ должно быть право отзыва своих представителей вместе с тем для этого необходимо закрепить более четкие основания и упрощенный механизм его реализации. По своей сущности отзыв выступает в качестве формы прямой демократии, позволяющей населению регулировать процесс осуществления власти.

Большинство ученых и правоприменителей [1; 6] едины в представлении отзыва депутата как меры конституционно-правовой ответственности. В тоже время рассматривая механизм ее реализации, отзыв депутата скорее является антикоррупционной мерой безопасности.

В литературе под антикоррупционными мерами безопасности понимаются «меры принудительного ограничения поведения субъектов коррупции, применяемые при наличии указанных в нормативном правовом акте оснований и имеющие целью защиту общественных отношений от вредоносных коррупционных посягательств» [2, с. 65]. Являясь разновидностью родового понятия меры безопасности, антикоррупционные меры безопасности также состоят из правил безопасности и санкций безопасности.

«Антикоррупционные правила безопасности — это специальные запреты, обязанности и ограничения, устанавливаемые в соответствующих нормативно-правовых актах в отношении физических и юридических лиц, органов государственной власти и муниципального управления и их должностных лиц и служащих с целью предотвращения возникновения и распространения коррупционных отношений» [2, с. 66].

«Антикоррупционные санкции безопасности — это части правовых норм, в которых в качестве последствия коррупционного поведения (деятельности),

нарушающего антикоррупционное правило безопасности, предусматривается ограничение возможностей продолжения такого поведения (деятельности)» [2, с. 66].

При нарушении правил безопасности могут быть применены санкции безопасности, примером которых и является отзыв депутата представительного органа муниципального образования. При установлении факта совершения коррупционного деяния депутат может быть отозван населением. Фактически депутата ограничивают от возможности злоупотребления властью.

Учитывая вышеизложенное необходимо отметить, что сама по себе мера отзыва депутата представительного органа муниципального образования направлена в том числе на обеспечение антикоррупционной безопасности представительного органа муниципального образования. Однако в целях повышения её эффективности и раскрытия предупредительного потенциала, полагаем целесообразным внесение законодателем изменений в части оснований и механизма реализации указанной меры.

Список использованных источников:

1. Авакьян С.А. Санкции в советском государственном праве // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 29-36.
2. Антикоррупционные меры безопасности : монография / под ред. Н.В. Щедрина, И.А. Дамм. М.: Проспект, 2020. 496 с.
3. Варлен М.В. Институт депутатского мандата в теории и практике народного представительства в России: дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2012. 443 с.
4. Ефимов Т.В. Статус депутата представительного органа местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 199 с.
5. Карасев А.Т. Депутат в системе представительной власти (конституционно - правовое исследование): дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 449 с.
6. Крупочкин О.В. Институт отзыва в системе местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 5. С. 26.-28.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного

самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами Л.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.2

ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СУДИМОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

© **Д.Ж. Суюнова**

Ташкентский государственный юридический университета

Общеизвестно, что судимость – правовое состояние, в котором пребывает лицо с момента вступления в законную силу приговора суда, которым ему назначено наказание. Правовой статус судимости в уголовном праве неразрывно связан не только с приговором суда, но и обязательно с наказанием, которое назначено этим приговором. Длительность такого состояния зависит от периода времени, который определен законом страны для погашения или снятия судимости. Судимость имеет социальную и юридическую природу и влечет разного рода последствия, которые порождают неблагоприятный для осужденного правовой и социальный результат. Рассмотрение сущности и правовой основы судимости в разных странах позволяет выявить природу данного института, предположить психологические элементы его возникновения, изучить значение, особенности, сроки погашения судимости для лиц, отбывших назначенное судом наказание.

В странах Центральной Азии институт судимости обусловлен общим историческим развитием уголовного законодательства и единого подхода к определению уголовно-правовых последствий.

Согласно ч. 1 ст. 84 УК Республики Таджикистан «судимость означает официально удостоверенный факт осуждения лица за то или иное преступление к какому-либо наказанию. Лицо признается имеющим судимость со дня вступления в законную силу обвинительного приговора, которому назначено наказание и до момента погашения или снятия судимости» [1].

УК Казахстана гласит, что лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Судимость в

соответствии с УК учитывается при определении рецидива преступлений, опасного рецидива преступлений и при назначении наказания [2].

УК Республики Узбекистан определил судимость как правовое состояние лица, вызванное фактом его осуждения за совершенное преступление (ст. 77). Лицо считается судимым со дня вступления в законную силу обвинительного приговора, которым назначено наказание. Лицо, освобожденное судом от наказания, не считается судимым [3].

Уголовное законодательство Кыргызской Республики в отличие от законодательства других соседних стран, регламентирует дифференцированный подход к вопросу о судимости в зависимости от тяжести совершенного преступления. Так, в соответствии со ст. 95 УК «лицо, осужденное за совершение менее тяжкого, тяжкого и особо тяжкого преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения. Лицо, осужденное за совершение преступления небольшой тяжести с момента исполнения приговора, признается не имеющим судимости» [4].

Сравнивая уголовное законодательства стран центрально-азиатского региона, можно говорить о сходствах как в определении судимости, так и в перечне уголовно-правовых и социальных последствий. Так, во всех указанных странах совершение лицом, имеющим судимость, нового преступления влияет на квалификацию преступления, выбор учреждения по отбыванию наказания, на исчисления срока фактически отбытого наказания при применении гуманных актов в виде условного осуждения, условно-досрочного освобождения либо замены наказания более мягким, может быть признано отягчающим обстоятельством, учитывается при назначении наказания при рецидиве преступлений. Наблюдается также сходство в законодательном закреплении таких уголовно-правовых норм, как погашении и снятии судимости после определенного периода времени, установленного законом для каждого преступления.

На этой стадии можно сделать вывод о том, что в уголовной доктрине институт судимости имеется давно, прошел длинный путь становления и существует во многих странах. На всех этапах он обладал важным значением в предупреждении и пресечении преступности, определял правовые последствия совершенного ранее преступления. Правоохранительные органы многих стран ведут учет судимости, поскольку ее наличие влияет на квалификацию и наказание при повторном совершении этими лицами новых преступлений. Помимо вышеназванных правовых последствий судимость влечет за собой также социальные последствия, как например, ранее судимое лицо не имеет право занимать определенные должности либо заниматься определенной

деятельностью. Указанное дает основание полагать, что судимость является не только правовым, но и социальным явлением, последствия которого имеют влияние на последующее поведение и жизнь человека.

Самостоятельным разделом юридической психологии является «криминальная психология», которую ученые по-другому называют психологией преступника, его противоправного поведения.

Можно сказать, что отношения между правоохранительными органами (судами с одной стороны, и лицом, совершившим противоправное деяние с другой стороны) регулируются как уголовно-процессуальным законодательством, так и юридической, а точнее криминальной психологией, поскольку без установления и изучения личности преступника, его поведения до совершения преступления и в момент преступных действий, невозможно дать верную правовую оценку произошедшему событию и применить уголовный закон.

Знание криминальной психологии играет важную роль при оценке его преступных действий, квалификации преступлений, избрании ему меры пресечения, а впоследствии и наказания с учетом общественной опасности совершенного деяния и личностных качеств.

Особо следует отметить значимость науки о криминальной психологии при изучении личности несовершеннолетнего преступника, характер которого податлив и в достаточной степени не сформирован. Проявление терпения, понимания, деликатности при проведении следственных и иных процессуальных мероприятий с несовершеннолетним безусловная обязанность органов и должностных лиц, отвечающих за производство по уголовному делу с участием несовершеннолетнего.

До наступления общественно опасного посягательства мы воспринимаем человека как индивидуума, имеющего свои особенности, которые сформировались у него в процессе его социальной жизни. Совершение противоправного деяния свидетельствует о нарушении равновесия в каких-либо потребностях человека, проявлении скрытых ранее извращенных потребностей. Такое проявление своих желаний и потребностей приводят к тому, что человек оказывается в конфликтной преступной ситуации и подвергается уголовному преследованию, результатом которого становится его судимость.

Немаловажная роль в эволюции такого психического состояния человека принадлежит установленным правилам поведения в обществе, законам и деятельности судебно-следственных органов в ходе производства по уголовному делу. Получается замкнутый круг: совершение общественно опасного деяние влечет привлечение к уголовной ответственности и судимости,

которая в свою очередь порождает отклонения в психическом состоянии человека, формированию новых предпосылок для повторных преступлений.

Таким образом, можно предположить, что общественное окружение, наличие особенных правил поведения в социальной среде, которые регулируются нормами права, сформировавшееся общественное отношение к судимым лицам, являются причиной роста рецидива преступлений. Более того, следственно-судебные органы в ходе осуществления своей деятельности способствуют формированию у лица, совершившего преступление, устойчивых негативных мыслей о том, что с этого момента он является преступником, который теряет свободу, зону комфорта, привилегии и дальнейшая его жизнь уже не будет счастливой. Такое психологически подавленное состояние человека зачастую порождает новые мотивы к совершению повторных преступлений. Эти факты, безусловно, увеличивают не только количество судимых лиц, но и в целом преступность.

Разумеется, мы не преследуем цель ограничить законную деятельность правоохранительных органов и судов, которые следуют законам и уголовно-процессуальным принципам при расследовании преступлений и судебном разбирательстве. Должностные лица этих органов ответственны за производство по уголовному делу, и их первоначальная задача защитить охраняемые Конституцией объекты, в том числе, права и интересы граждан.

Однако не следует забывать, что по отношению к лицам, которые переступили черту закона, возможно ошиблись либо впервые совершили общественно опасное деяние, государства оказывают еще более действенную психологическую нагрузку в виде законов, которые: а) способствуют ограничению гражданских, социальных, трудовых правах судимых лиц; б) отягчают их положение с усилением наказания при совершении повторного преступления. Атмосфера недоброжелательного отношения к личности преступника, а впоследствии судимого лица существенно влияет на его психологическое состояние, восприятие такого отношения порождает у него отчаянные попытки немедленно исправить такую ситуацию, доказать свою значимость, что нередко приводит к повторному нарушению закона.

Полагаем, следует обсудить основные положения социальной и юридической природы института судимости, которая влечет разного рода последствия и в определенной мере ограничивает его правовой статус.

Исследование показало, что обретение судимости влечет характерные изменения в психологическом состоянии лица, как эмоциональная подавленность, подозрительность, недоверие, ожесточение к окружающим, отсутствие веры в будущее, реакция самозащиты, негативное отношение к

государству и деятельности правоохранительных органов, снижение положительных эмоций, утрата доверия.

Указанное дает основание полагать о необходимости разработки и принятия гражданских институтов и социальных служб, деятельность которых была бы направлена на обеспечение психологически благоприятной среды и обстановки для лиц, перешагнувших закон, с целью их позитивного настроения и разумного восприятия произошедшего события. Основной целью указанных институтов следует определить проведение психокоррекционной и профилактической работы для предотвращения деформаций личности.

По нашему мнению, ведение учета судимых лиц, как это происходит во многих странах, обоснованно тем, что он способствует сравнительному анализу количества совершенных преступлений, причин и условий, способствующих их совершению. Кроме того, сведения о количестве судимых лиц выявят социальные проблемы на тех территориях, где совершено максимальное количество преступлений. Но никоим образом такие сведения не должны, как нам кажется, разглашаться и оказывать психологическое воздействие на того, кто состоит на указанном учете. Законодательное закрепление такой позиции будет свидетельствовать о гарантиях прав и интересов человека.

Заключение. Правовые конфликты личности с обществом, совершение лицом преступления должны рассматриваться на стыке уголовного законодательства и криминальной психологии. Общество не должно отталкивать человека по причине совершения им противоправного деяния, уголовное законодательство необходимо формировать с учетом психологических особенностей личности и психической ситуации, в которой он оказывается после совершения преступления.

Следует пересмотреть общественные нормы и правила поведения, которые окружают человека и влияют на становление его личности. По нашему мнению, в функции социальных и гражданских институтов должны входить обязанности по психологической разгрузке мыслительной деятельности лица, совершившего преступление, а также установление реальных гарантий по адаптации и реабилитации судимых лиц. Деятельность Центров и систем учета судимых лиц необходимо осуществлять лишь в целях регистрации совершенных преступлений для сравнительного анализа динамики роста и убывания по отдельным категориям преступлений и на определенной территории, при условии строгой конфиденциальности, которая бы гарантировала защиту прав и интересов человека.

Считаем целесообразным пересмотреть основополагающие принципы института судимости, закрепив положения, которые не ограничивали бы

судимого лица в социальных, гражданских, трудовых правах. Также следует придать важное значение совершенствованию института судимости для предотвращения преступности среди несовершеннолетних. В функции органов и институтов по социальной реабилитации несовершеннолетних преступников, должны также входить психологическое восстановление и защита лиц, переступивших закон, с целью предупреждения рецидива преступления.

Изучение уголовного законодательства, в частности, института судимости на стыке с юридической, а точнее, криминальной психологией, безусловно, предоставит новые возможности и открытия для повышения эффективности деятельности государства по укреплению законности, справедливости, обеспечения гарантии прав и законных интересов личности.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3.07.2014 № 226-V. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=90;-66&pos2=1461;-62
3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110
4. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/14072/ru>

УДК 340.1:342.7

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

© И.В. Тепляшин

Сибирский юридический институт МВД России

В условиях укрепления основ социального и правового государства организационно-правовые механизмы взаимодействия государства и институтов гражданского общества являются первостепенными. Можно наблюдать динамичность правовых технологий и востребованность социальной функции

государства, используемых для укрепления основ гражданского общества и достижения социального благополучия граждан. В этом плане можно определить основные направления социально-ориентированной деятельности государства, общественных объединений и граждан, среди которых социальное служение выступает исходным, первичным научно-практическим институтом в системе осуществления социальной политики государства и требует своевременного и системного научного осмысления.

Социальное служение – это форма государственно-частного партнерства, актуальное направление социальной политики государства, предполагающие деятельность предпринимательского, экспертного и научно-образовательного сообществ, социально ориентированных объединений и религиозных организаций, направленное на оказание всесторонней помощи нуждающимся людям, проведение правового консультирования и просветительской работы, содействие социальному обслуживанию и социализации в отношении широкого круга лиц, обеспечивающая наиболее полную реализацию социальных прав и законных интересов граждан, общественных групп, осуществляемое при непосредственном административно-управленческом, коммуникативном, материально-техническом, информационном сопровождение организуемых и проводимых целевых мероприятий социальной направленности со стороны государственных органов, организаций и учреждений, ответственных публичных структур.

В природе социального служения присутствуют элементы добровольчества, солидарности, милосердия, благонаравия, сохраняются качества патриаршества и народничества, а также проявляется высокий уровень правовой культуры, организационно-правовой инициативы, вариативности форм общественной деятельности заинтересованных субъектов. Рассматриваемый институт предполагает непосредственное, свободное, преимущественно безвозмездное участие граждан в правовой жизни общества, претворении принципов социального государства и иных основ конституционного строя в правовой действительности. При этом преемственность ранее признанной в обществе и ориентированной на всестороннюю помощь непривилегированным слоям населения, лицам с ограниченными когнитивными способностями социальной деятельности (меценатство, благотворительность, покровительство, наставничество) выступает важным содержательным аспектом социального служения в современных реалиях.

Социальное служение при непосредственном участии государства осуществляется различными субъектами и группами гражданского общества. При этом в специальной литературе в наиболее полном объеме прослеживается

ведущая историческая роль религиозных организаций, церкви в реализации социального служения на протяжении длительного времени [3, с. 69-77; 6, с. 39-41]. Данное обстоятельство является актуальным и вполне оправданным в контексте исследования представленного института со стороны современной юридической науки. Кроме религиозных структур социальное служение может осуществляться следующими негосударственными субъектами: социально ориентированными общественными объединениями, коммерческими и некоммерческими организациями, организациями социального обслуживания, образовательными, медицинскими и научными организациями, предпринимательским сообществом, субъектами пробации, иными заинтересованными субъектами. Кроме этого, сфера применения социального служения достаточно разнообразна: от конфессиональных, медицинских, паллиативных локаций до уголовно-процессуального, административного и уголовно-исполнительного правового пространства в условиях претворения как национального, так и международного законодательства [2, с. 38-41; 7, с. 427-431].

Основными формами социального служения выступают: волонтерство (добровольчество), меценатство, оказание организационно-правовой, психолого-медицинской и паллиативной помощи, непосредственное участие в деятельности социально ориентированных общественных организаций и государственных органов, социальное покровительство и наставничество. Отдельного внимания заслуживает деятельность общественных наблюдательных комиссий содействующих работе органов и учреждений, исполняющих наказания, а также участие общественности в механизмах пробации.

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212-ФЗ положил основу системной реализации института общественного контроля в российском обществе, установив право граждан участвовать в его осуществлении как лично, так и в составе общественных объединений. Практика осуществления данной модели общественного присутствия в деятельности органов государственной власти формируется достаточно планомерно. Современная юридическая доктрина устанавливает специфику осуществления общественного контроля с позиции различных отраслевых подходов и актуальных направлений юриспруденции [4, с. 178-182; 5, с. 2-13]. В свою очередь общественный контроль как институт коммуникативной деятельности государственных и негосударственных структур, позволяющий выявить отдельные недостатки функционирования органов публичной власти, системной социальной направленности в решении ими

законодательно установленных задач, допустимо рассматривать в контексте дополнения, усиления социального служения, создания необходимых организационно-коммуникативных условий для претворения в правовой жизни назначения данного направления социальной политики.

Институт общественного контроля, обеспечивает не только выявление нарушений российского законодательства со стороны соответствующих органов власти и должностных лиц, но и установление конструктивного, системного диалога общественников с государственными органами и учреждениями, а также совместную выработку общих и специальных механизмов данного сотрудничества в контексте политического, конфессионального, национального, территориального разнообразия гражданского общества [1, с. 2-6]. Общественный контроль реализуется посредством формирования и деятельности общественных советов, палат, наблюдательных комиссий и попечительских советов, экспертных и инициативных групп. Основные формы: общественные слушания и обсуждения, общественное наблюдение, экспертиза, мониторинг, проверка, расследование, анализ сведений, обращение в органы власти и др.

Общественный контроль применительно к институту социального служения и социально ориентированной деятельности самого гражданского общества представлен следующими основными функциями:

– коммуникативная функция, направлена на установление контактных мероприятий и управленческих связей между государственными и общественными структурами;

– контрольная функция, устанавливает возможные нарушения законодательства в сфере социального обеспечения и обслуживания нуждающихся категорий граждан со стороны органов власти, государственных учреждений и должностных лиц;

– информационная функция, обеспечивает получение необходимых сведений относительно субъектов, нуждающихся в социальной помощи и направлений государственно-частного партнерства, обеспечивающих эффективное проведение социальной политики в обществе;

– культурно-оценочная функция, позволяет оказать необходимую помощь в формировании должного уровня правовой культуры, навыков и опыта социального служения с осуществлением необходимого объема правовых действий и решений со стороны заинтересованных субъектов;

– мобилизационно-адаптивная функция, обеспечивает формирование у общественников соответствующих ценностей и делового стиля работы в области социально ориентированной деятельности и социального служения, что

способствует дальнейшей устойчивой и планомерной социальной помощи в различных условиях и правовых режимах;

– воспитательно-просветительская функция, в рамках которой отдельного внимания заслуживает общественное воздействие в форме духовно-нравственного воспитания осужденных к лишению свободы, осуществляемое, как правило, представителями религиозных конфессий.

В итоге стоит отметить особое значение общественного контроля, коммуникативных инструментов в реализации прав и законных интересов граждан в получении социальной помощи и формировании конструктивного диалога государства и общества в основе которого лежит институт социального служения. Научное осмысление механизма конструирования организационно-правовых средств в системе социально ориентированной деятельности гражданского общества способно укрепить основы социального государства и реализуемой социальной политики.

Список использованных источников:

1. Гриб В.В. Проблемы и тенденции развития правовых основ об общественном контроле: пять лет спустя // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 2-6.

2. Курбатова С.М. Лица с ограниченными возможностями как участники уголовного судопроизводства // Российский судья. 2023. № 4. С. 37-42.

3. Махно Л.Л. Социальное служение русской православной церкви: история и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 69-79.

4. Михеева Т.Н. Общественный контроль с позиций конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 177–183.

5. Потапенко С.В., Гончаров В.В., Чешин А.В., Петренко Е.Г., Максимов А.А. Институт государственно-частного партнерства в общественном контроле России // Национальная безопасность / Nota Bene. 2024. № 4. С. 1-15.

6. Потапова Н.В. Социальное служение Евангельских церквей России: исторический аспект // Казанская наука. 2015. № 1. С. 39-42.

7. Скиба А.П., Малолеткина Н.С., Тепляшин П.В. Исправительное воздействие на военнопленных осужденных: международно-правовое, уголовно-исполнительное и иное регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, № 2. С. 422-434.

УДК 343.848

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ СУБЪЕКТАМИ ПРОБАЦИИ, С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ

© П.В. Тепляшин

*Сибирский федеральный университет
Сибирский юридический институт МВД России*

Принятие Федерального закона от 6.02.2024 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о пробации) повлекло оптимизацию не только пробационного законодательства, но и организационно-правовых межведомственных отношений, возникающих в сфере реализации мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации. В этой связи А.П. Скиба и Н.С. Малолеткина верно отмечают, что «данный закон расширяет, в сравнении с текущим законодательством, организационно-правовые основы взаимодействия учреждений и органов, исполняющих наказания, других государственных органов, осужденных, субъектов общественного воздействия и иных участников уголовно-исполнительных правоотношений» [5, с. 81].

Обращаясь к роли институтов гражданского общества в реализации пробационных мероприятий, следует указать на ст. 35 Федерального закона о пробации, которая регламентирует взаимодействие органов, учреждений и организаций, являющихся субъектами пробации (далее – субъекты пробации), с институтами гражданского общества. Однако содержательный анализ данной нормы свидетельствует о её более декларативном, нежели регулятивном характере. Вместе с тем допустимо предположить, что закрепленное в рассматриваемом нормативном положении взаимодействие выступает организационной основой социального служения.

Изучение такого культурологического феномена как социальное служение позволяет утверждать, что он по многим параметрам выступает более общей категорией по отношению к субинституту пробации. Так, социальное служение следует понимать как исторически обусловленную совокупность организованных форм социальной работы различных субъектов, выступающей неотъемлемой частью реализации практики содействия людям в преодолении

жизненных трудностей, и состоящей в деятельности по поддержке, коррекции и социальной реабилитации в отношении конкретных лиц, осуществляемой в целях повышения уровня их благополучия. В свою очередь пробационное социальное служение или иначе социальное служение в области пробации можно сформулировать как социально обусловленную совокупность организованных форм социальной работы различных субъектов при преимущественном участии органов, учреждений и организаций, являющихся субъектами пробации, выступающей неотъемлемой частью реализации правоохранительных мер и практики содействия осужденным, лицам, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лицам, освобожденным из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и состоящей в деятельности по поддержке, коррекции, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, защите прав и законных интересов указанных лиц, осуществляемой в целях повышения уровня их благополучия и снижения риска рецидива совершения правонарушений, включая преступления.

Думается, что значительный научный интерес представляет взгляд на соотношение социального служения и пробации в условиях экстраординарного (иногда указывается как исключительный) вступления в силу Федерального закона о пробации, особых социально-правовых реалий и экономических потребностей, необходимости гармонизации и трансформации значительного объема правовых актов, в том числе подзаконного уровня, создания должных социально-экономических и организационно-обеспечительных механизмов для фактического внедрения в действие положений пробационного законодательства. Например, в п. 5 ч. 1 ст. 17 Федерального закона о пробации закреплена обязанность субъектов пенитенциарной пробации оказывать социальную помощь осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и содействие в трудовом и бытовом устройстве таким осужденным. Данная обязанность корреспондирует закреплённому в ст. 182 УИК РФ праву освобождаемых осужденных на трудовое и бытовое устройство. Однако необходимо подчеркнуть, что в уголовно-исполнительном законодательстве указанная обязанность закреплена только применительно к учреждениям, исполняющим наказание в виде лишения свободы, и обошла вниманием учреждения, исполняющие наказание в виде принудительных работ. Поэтому такая лакуна правового регулирования выступает предметом будущей законотворческой деятельности.

Возвращаясь к взаимодействию субъектов пробации с институтами гражданского общества как организационной основе социального служения, важно подчеркнуть ряд следующих моментов.

1. Взаимодействие субъектов пробации с институтами гражданского общества выступает не просто неотъемлемым признаком целостности пробационного социального служения, а её организационной основой. При этом в основу такого вида социального служения могут быть положены политическая целесообразность (политическая основа), законодательство (правовая основа), финансирование (финансовая основа), материальные возможности (материальная основа) etc.

2. Также данное взаимодействие не следует относить к форме пробационного социального служения, поскольку оно не является его проявлением, но, по сути, служит генеральной предпосылкой. Более того, в ст. 35 Федерального закона о пробации взаимодействие субъектов пробации с институтами гражданского общества организуется «в целях информирования общественности о деятельности в сфере пробации, привлечения общественности к процессу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация, и иным направлениям деятельности в сфере пробации...». Прочитанное положение фактически отражает информирование и занижает ценность идеи социального служения. Также оно не содержит исчерпывающего перечня мер, составляющих содержание пробации, и субъектов, способных осуществлять деятельность в сфере пробации. Ведь «когда мы говорим о взаимодействии государства и институтов гражданского общества, то должны четко представлять – кто будет взаимодействовать, какие субъекты будут сотрудничать и с какими целями» [3, с. 23]. Как представляется, содержание ст. 35 Федерального закона о пробации должно быть подвергнуто корректировке и в порядке *de lege ferenda* данная норма может быть изложена следующим образом: «Взаимодействие органов, учреждений и организаций, являющихся субъектами пробации, с институтами гражданского общества заключается в информировании общественности о деятельности в сфере пробации, привлечении общественности к поддержке, коррекции, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, защите прав и законных интересов лиц, в отношении которых применяется пробация, в иной деятельности в сфере пробации органами, учреждениями и организациями, являющимися субъектами пробации, организуется взаимодействие с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченным при Президенте

Российской Федерации по защите прав предпринимателей и уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации, в том числе по вопросам мониторинга соблюдения соответствующего законодательства, совместной разработки системы нормативов и стандартов в сфере пробации, с институтами гражданского общества, общественными организациями, средствами массовой информации, религиозными объединениями, гражданами».

3. Рассматриваемое взаимодействие выступает организационной основой социального служения в силу того факта, что оно, реализуясь в рамках пробационных отношений, в конечном итоге направлено на достижение того результата, который ожидается по итогам применения пробации. Исходя из анализа ч. 1 ст. 4 Федерального закона о пробации таким результатом должны стать коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, которые во многом идентичны с теми целями, которые ставятся и перед социальным служением. Ведь во многих исследованиях с социальным служением отождествляются такие явления как, в частности, социальная помощь, благотворительность, милосердие, волонтерство, добровольность. Так, М.Г. Дорофеева пишет: «сфера служения подвергается модификациям, хотя сохраняет религиозную основу и акт доброй воли. Поэтому социальная помощь, гуманизм, альтруизм, толерантность являются понятиями, сходными с социальным служением по своей сути и духовному смыслу, направленному всецело на желание оказать поддержку ближнему» [1, с. 222]. По мнению Т.А. Костылевой социальное служение «целенаправленно, систематично, обусловлено такими мотивами, как любовь (филантропия) и милосердие, имеет в своей основе благотворительность» [2, с. 91]. Подобную позицию можно встретить и среди других исследователей [4].

Изложенные теоретические воззрения и предложения правотворческого характера на взаимодействие органов, учреждений и организаций, являющихся субъектами пробации, с институтами гражданского общества как организационную основу социального служения призваны обратить внимание научной общественности на существование значительного научно-исследовательского объема работы над процессом запуска на полную силу пробационного законодательства, целесообразность подключения к этому заинтересованных представителей общественных институтов, что позволит глубже проникнуть в соответствующие проблемы, возникающие в рамках пробационных отношений, и оптимизировать действенную реализацию социальной работы различных субъектов как неотъемлемой части реализации

практики содействия людям в преодолении трудной жизненной ситуации и деятельности по их поддержке, коррекции ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, защите прав и законных интересов.

Список использованных источников:

1. Дорофеева М.Г. Социальное служение как направление социальной работы // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. № 2. С. 220-226.
2. Костылева Т.А. Категории социального служения и основные понятия, связанные с ним // Омский научный вестник. 2013. № 3. С. 89-92.
3. Малый А.Ф. Об использовании юридических понятий в конституционно-правовом научном исследовании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 21-24.
4. Пичко Н.С., Зинченко Я.Г., Самыгин С.И. Волонтерство и благотворительность как формы социального служения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 263-268.
5. Скиба А.П., Малолеткаина Н.С. Закон «О пробации в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 80-90.

УДК 343.851

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОВЕРШЕНИЯ НОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЦЕЛЬ
ПРОБАЦИИ**

© П.В. Тепляшин

*Сибирский федеральный университет
Сибирский юридический институт МВД России*

Современная криминология находится в состоянии сильнейшей научно-практической турбулентности, что означает не столько стремительное наращивание криминологических знаний, но и сильнейшее воздействие на криминологическую науку новых вызовов и угроз. В этих условиях можно говорить о научно-криминологической безопасности, суть которой сводится в состоянии защищенности криминологии как от эрзац-знаний и дефектных учений, так и от деструктивного влияния окружающей действительности,

прогресс которой по объективным причинам опережает возможности глубокого научного осмысления механизмов противодействия нарастающим вызовам и угрозам.

Одной из угроз общественному развитию продолжает оставаться рецидивная преступность, детерминация которой связана не только с социально-нравственными пороками и проблема, но и с неэффективностью государства и общества осуществлять должную коррекцию поведения лица, уже совершившего преступление и подвергнутого мерам уголовно-правового характера. Соответственно, в направлении повышения результативности такой коррекции постоянно принимается арсенал инновационных мер и авангардных средств. Одним из направлений выступило принятие Федерального закона от 6.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о пробации), закрепляющего пробационное воздействие на осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

На этом фоне через призму криминологического учения о профилактике преступности значительный научный интерес представляет исследование такой цели пробации как предупреждение совершения проходящими её лицами новых преступлений. Среди научной общественности данный предмет исследования уже подвергается некоторому рассмотрению. Так, нельзя не процитировать мнение А.П. Скибы и Н.С. Малолеткиной: «с учетом положений международных документов и зарубежного опыта давно назрела необходимость введения в нашей стране данного правового института, направленного не только на повышение эффективности применения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, но и на предупреждение совершения новых преступлений в целом, а также на исправление, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, ранее совершивших преступления» [5, с. 177]. Следовательно, можно наблюдать рост научного интереса и значимость практической интерпретации факта постановки перед пробацией цели предупреждения совершения новых преступлений лицами, в отношении которых применяется пробация. Как представляется, в данном факте зиждется определенная проблема, которая фактически находится на стыке, с одной стороны, теории и практики наказания, с другой – теории и практики предупреждения преступности. На данный «стык» требуется свежий научный взгляд и основательная теоретическая проработка. В этой связи можно привести мнение Н.В. Щедрина: «в плане познания уголовного наказания мы находимся

на уровне элементарной механики, в то время как нужны теории, сопоставимые с теорией относительности или квантовой теорией» [7, с. 106].

Итак, научное лорнетирование сферы реализации пробации и криминологического предупреждения преступности обеспечивает приближение исследователей к фактически латентной области еще не обнаруженных, но фактически существующих социальных потребностей в обеспечении общественной безопасности и порядка. С методологической точки зрения такой анализ необходимо осуществлять с позиций сравнения и сопоставления соответствующих социально-правовых явлений и процессов, перехода от общего к частному (гражданин – осужденный, осужденный – освободившийся etc.), а также путем задействования иных диалектических методов. На основании обозначенного методологического посыла представляется уместным обозначить ряд следующих моментов.

Так, необходимо заметить, что говорить о цели пробации в виде предупреждения совершения проходящими её лицами новых преступлений абсолютно уместно на фоне анализа целей уголовного наказания, среди которых также закреплена цель предупреждения совершения новых преступлений осужденными. Так, во-первых, пробация выступает фактически сателлитом уголовного наказания, поскольку применительно к исполнительной и пениitenciарной пробации они реализуются параллельно, относительно постпениitenciарной пробации – сразу же после исполнения уголовного наказания. Во-вторых, их реализация направлена на достижение во многом однопорядкового результата, который в обобщенном виде может быть представлен как купирование либо даже устранение общественной опасности лица, совершившего преступление и подвергнутого карательно-профилактическому воздействию, а также коррекция его поведения.

В соответствующих нормах уголовно-исполнительного законодательства, сущностное ядро которого направлено на правовое регулирование исполнения уголовного наказания, закрепляются положения, направленные на достижение цели предупреждения преступлений. Например, положения статья 17.1 УИК РФ направлены на регламентацию вынесения официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. В свою очередь положения ст. 60.19 УИК РФ закрепляют право администрации исправительного центра «использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения преступлений». Однако в Федеральном законе о

пробации соответствующих норм, которые бы непосредственно регламентировали достижение обозначенной цели, не закреплено.

В этой связи не в полной мере можно согласиться с В.Н. Белик и Д.Г. Метлиным, которые отмечают, что «предупреждение совершения новых преступлений наряду с коррекцией социального поведения и ресоциализацией, а также социальной адаптацией и реабилитацией ранее перечисленных категорий лиц являются закономерными целями пробации» [1, с. 96]. Может быть предупреждение совершения новых преступлений и закономерная, но нормативно не обеспеченная («голая») цель пробации. Более того, авторы заявили о пробации именно как об институте профилактики рецидивной преступности, что предполагает наличие системы соответствующих норм. На фоне данных рассуждений следует согласиться с О.В. Филипповой, которая, размышляя о роли пробации в системе профилактики правонарушений, справедливо констатирует, что «полномочия субъектов пробации в законе сформулированы весьма размыто» [6, с. 191].

Спорадически о профилактике совершения осужденными, проходящими пробацию, повторных преступлений и правонарушений упоминается в приказе Министерства юстиции РФ от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации"» (далее – Приказ). Например, в п. 69 (Порядок исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации) Приказа закреплено: «Воспитательная работа проводится с учетом индивидуальных особенностей личности и характера лиц, в отношении которых применяется исполнительная или постпенитенциарная пробация, и обстоятельств совершенных ими преступлений в целях формирования новой системы установок, норм и моральных ценностей, профилактики совершения ими повторных преступлений и правонарушений». Однако, во-первых, это подзаконный правовой акт, поэтому он может содержать детализированные правила поведения лишь в случае их общего установления в законе, что в нашем случае отсутствует. Во-вторых, «профилактические» положения в Приказе не имеют системного изложения и представлены достаточно хаотично.

Необходимо отметить, что профилактика преступности направлена на соответствующие детерминанты общественно опасных деяний. Так, в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» профилактика

правонарушений определена как «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений». Следовательно, она ориентирована на конкретные явления и процессы, детерминирующие и обуславливающие совершение лицами правонарушений, обладает принудительным характером. Не случайно в ст. 2 Федерального закона от 6.06.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» определено, что задачами административного надзора выступает предупреждение совершения лицами, в отношении которых он применяется, преступлений и других правонарушений, оказание на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов. Именно воздействие лежит в сердцевине профилактики преступности, которое сопряжено, как правило, с принудительным влиянием на поведение конкретных субъектов, предусматривает ограничение определенных прав соответствующих лиц, тогда как в основе probationи лежит такой принцип добровольность при её применении (ст. 3 Федерального закона о probationи). Указанный принцип противоречит идейному наполнению деятельности по профилактике преступности.

В сущности, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется probationи, отражает идею социального служения, базируется на согласии лица о применении к нему probationи мер. Данный подход неприемлем в ситуациях, когда речь идет об обеспечении общественной безопасности и порядка.

Многие исследователи не учитывают обозначенные факты. Например, С.С. Дагаев указывая на probationи как средство профилактики рецидивной преступности пишет: «Важнейшим инструментом в сфере probationи будет являться индивидуальная программа, которая включает в себя меры правового и иного характера, направленные на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, применяемые в отношении конкретного лица» [2, с. 176]. Обозначенный и иные авторы [3; 4] не указывают механизм, с помощью которого данная программа или иные probationи меры способны оказывать профилактический антикриминальный эффект.

Таким образом, вышеизложенные моменты не являются «истиной в последней инстанции», но они направлены на акцентирование внимания на существовании непростых вопросов, которые свидетельствуют о наличии как содержательной, так и формальной дисгармонии в закреплении такой цели probationи как профилактика совершения осужденными, проходящими

пробацию, повторных преступлений и правонарушений, что должно выступать предметом дальнейшего научного исследования.

Список использованных источников:

1. Белик В.Н., Метлин Д.Г. Пробация как институт профилактики рецидивной преступности, защиты прав и свобод человека и гражданина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 6. С. 94-98.

2. Дагаев С.С. Институт пробации как средство профилактики рецидивной преступности // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников форума (приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»). Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 172-176.

3. Новиков Р.В. Роль пробации в системе профилактики правонарушений // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 191-194.

4. Пономарева А.А. Пробация как институт профилактики повторных преступлений и проблемы взаимодействия субъектов пробации // Актуальные проблемы профилактики повторной преступности: сборник материалов Региональной межведомственной научно-практической конференции. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 72-78.

5. Скиба А.П., Малолеткина Н.С. Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021–2022 годах // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1–4), № 2. С. 176-194.

6. Филиппова О.В. Пробация в системе профилактики правонарушений в Российской Федерации // Теоретические основы правовой политики в современной России. Участие общественности: материалы II Национальной (всероссийской) научно-практической конференции. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. С. 189-191.

7. Щедрин Н.В. О «теории относительности» уголовного наказания и ее экспериментальной проверке // Общество и человек. 2011. № 1 (2). С. 103-106.

УДК 342.5

К ВОПРОСУ О СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

© О.Ю. Тушко

Сибирский федеральный университет

Необходимость проведения научного исследования, посвященного стабильности государственной власти, обусловлена актуальностью данного вопроса для политической ситуации в мире и его недостаточной теоретической разработанностью. Изучение любого явления должно начинаться с определения содержания основных понятий для исключения неясности, неоднозначности и расхождения в понимании, а также для формулирования в дальнейшем на их основе логически обоснованных выводов. Применительно к заявленной теме в качестве таковых являются понятия «стабильность» и «государственная власть», на основе которых предлагается дать определение стабильности государственной власти.

В современном российском законодательстве отсутствует определение понятий «стабильность государственной власти» и «государственная власть», указан лишь принцип реализации последней на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а также осуществляющие ее органы (ст. 10 и 11 Конституции РФ). Используется понятие «публичная власть» без конкретизации сути. Перечисление органов, входящих в ее систему (ст. 1 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»), позволяет сделать вывод, что понятие «государственная власть» уже по объему, чем «публичная власть», так как последняя включает не только органы государственной власти, но и органы местного самоуправления, которые согласно ст. 12 Конституции РФ не входят в систему органов государственной власти, а также иные государственные органы. В связи с изложенным при формулировании базовых понятий следует использовать теоретические источники.

В толковом словаре указано, что понятие «стабильность» означает прочность, устойчивость, постоянность [14]. К.О. Телин отмечает различное понимание данного понятия в зависимости от использующего его субъекта. Так, граждане обычно отождествляют его с неизменностью, отсутствием перемен, изменений, особенно негативных. В политике же смысловая нагрузка может заменяться эмоциональной или ценностной. В естественнонаучных дисциплинах

система рассматривается как стабильная, если она не просто способна к долговременному существованию, но обладает «достаточным адаптивным потенциалом для восстановления в ситуациях неопределенности и внешних возмущений» [13, с. 57, 58, 62, 63]. Следовательно, при попытке дать определение тому или иному явлению с использованием понятия «стабильность» необходимо четко представлять в отношении какого объекта, кем и с какой целью оно используется, без эмоциональной составляющей.

В современной юридической литературе понятие «стабильность» достаточно часто применяется в отношении государственно-правовых явлений, например, при анализе и характеристике положений нормативно-правовых актов в значениях, связанных с оценкой их изменяемости. Так, Л.Г. Коновалова использует выражения «стабильность права», «стабильность законодательства», «стабильность правового регулирования» [7, с. 67-80].

Рассмотрение термина «стабильность» как синонима слова «неизменность», с одной стороны, и признание факта постоянного изменения действующего законодательства (внесения поправок и дополнений, отмены устаревших положений и принятия новых), вызванного развитием общественных отношений, с другой, влекут необходимость соотнесения термина «стабильность» с динамизмом и совершенствованием. Так, Н.С. Бондарь рассуждает о стабильности и одновременно динамизме Конституции РФ, имея в виду формально-юридическую текстовую стабильность (хотя бы относительную) и нормативно-правовую способность реагировать на изменение социальной действительности, а также об их сочетании как идеале правовой «вечности» [4, с. 20-22]. М.В. Пресняков пишет о стабильности Конституции, делая акцент на усложненную процедуру внесения в нее изменений [11, с. 51]. К.В. Шундилов указывает, что абсолютная стабильность или устойчивость является тупиком, поскольку не содержат источников для развития, поэтому необходимо вести речь о стабильности динамической, которая предполагает лишь некоторую величину ее неизменяемости [16]. С.А. Авакьян отмечает, что попытку сделать конституцию неизменной нельзя считать серьезной, поскольку она развивается вместе с обществом и должна меняться, если в этом есть необходимость. «Стабильность Конституции обеспечивается не тем, что в нее не вносятся изменения, а тем, что она соответствует потребностям общества» [1, с. 1]. А.В. Безруков ведет речь об относительной стабильности конституционного законодательства в России, поскольку выявляется обоснованность и допускается необходимость проведения умеренной конституционной модернизации: «Конституция — это не вечное неизменное явление, однако одной из существенных ее характеристик является стабильность» [2, 3].

В связи с изложенным нельзя говорить об абсолютной стабильности в отношении изменяющихся и развивающихся в силу объективных причин общественных явлений. Следовательно, понятия, характеризующиеся стабильностью, изначально должны учитывать возможность изменений с целью исключения теоретических противоречий, необходимости в дополнительных объяснениях и уточнениях. Заслуживает внимания позиция М.В. Вилисова, К.О. Телина и К.Г. Филимонова заключающаяся в следующем. Под «стабильностью государственной системы» они понимают способность последней достигать состояния, при котором она устойчиво функционирует, то есть способность добиваться устойчивости или воспроизводить ранее достигнутое равновесие [5, с. 10,11]. По мнению К.О. Телина, о стабильности может идти речь в условиях естественного сопротивления системы, обеспеченной собственными ресурсами и возможностями, имеющей способность реагировать на вызовы через контролируемые, управляемые изменения, а не существующей продолжительное время благодаря счастливым случаям [13, с. 57-58]. Думается, данный подход к определению термина «стабильность», основанный на научном понимании, предпочтительнее всего, так как учитывает вышеуказанное обстоятельство.

На основе проведенного анализа, по мнению автора, под стабильностью в отношении государственной власти необходимо понимать не постоянность в смысле «неизменность», а устойчивость и прочность в значении «самосохранение».

Можно выделить два подхода к определению понятия «государственная власть». Первый основан на понимании ее как целевого властного воздействия, с одной стороны, и подчинения воли, с другой. Так, согласно А.И. Королеву и А.Е. Мушкину «власть представляет собой единство внутреннего содержания (волевой акт – «навязывание воли», передача воли властвующего подвластному) и внешнего проявления («подчинение» – руководство действиями и поступками людей, управление людьми)» [9, с. 16]. К.Е. Сигалов, в свою очередь, отмечает, что «власть – это возможность и способность навязать свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки их сопротивлению» [12, с.175]. В научной литературе также встречается мнение, в соответствии с которым под властью понимаются органы, ее осуществляющие, или даже воля конкретных правителей, например в работах Ф.Ф. Кокошина [6, с. 190] и Н.М. Коркунова [8, с. 242].

Другими словами, в первом случае основное внимание уделяется сути власти - управляющему воздействию, основанному на подчинении, а во втором – ее предметно-материальному (физическому) олицетворению,

выражающемуся в органах государственной власти, конкретных должностных лицах, правителях. Представляется правильным объединить оба подхода и учитывать и результативность, и институциональное оформление власти. Следовательно, под стабильностью государственной власти необходимо понимать существование системы органов государственной власти, обеспечивающей результативное управление и изменяемой только в рамках законно-установленных процедур. Сохранение власти и ее устойчивость к различным внутренним и внешним воздействиям должно осуществляться за счет заложенных ресурсов, в том числе таких, как возможность подстраиваться, меняться и совершенствоваться установленными способами. Любые проявления потери управляемости, а также революционные, не предусмотренные нормативно-правовой базой изменения самой системы органов власти и сменяемость их такими способами будут указывать на нестабильность власти.

Поскольку власть не относится к статическим явлениям и предполагает некий процесс, обоснованным видится рассматривать категорию «стабильность государственной власти» как качественно – временную или результативно-временную характеристику власти, использование которой связано с необходимостью обозначения вышеуказанных свойств, то есть констатации сохранения способности и возможности подчинять волю населения государства и результативно управлять им. Предложенная категория способна характеризовать власть как в целом, так и в определенном временном промежутке, может применяться для оценки прошлого, настоящего и будущего власти. Кроме того, допустимо рассматривать ее в качестве желаемого ориентира для всех сторон властеотношений и самого государства.

Список использованных источников:

1. Авакян С.А. Стране нужна новая конституция // Законодательство. 2004. № 11. С.1.
2. Безруков А.В. Конституция Российской Федерации как ценность общественно-правового развития // Современное право. 2014. № 4. С. 32-27.
3. Безруков А.В. Развитие конституционного законодательства в условиях современных конституционных преобразования в России // Современное право. 2020. № 7. С. 5-13.
4. Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С.20-34.

5. Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // *Полития*. 2020. № 1 (96). С. 7-22.

6. Кокошин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1912. – 306 с.

7. Коновалова Л.Г. Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации // *Государство и право*. 2020. № 10. С. 67-80.

8. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С.-Пб: Издание юрид. книж. магазина Н.К.Мартынова, 1908. – 364 с.

9. Королев А.И., Мушкин А.Е. Государство и власть // *Правоведение*. 1963. № 2. С. 15-26.

10. Логинов А.В. Политическая стабильность и перспективы эволюции российской системы власти // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Политика и право*. 2009. № 1 (9). С. 59-68.

11. Пресняков М.В. Правовая определенность и верховенство Конституции: к проблеме стабильности Основного Закона // *Государство и право*. 2020. № 3. С. 48-56.

12. Сигалов К.Е. Генезис социально-властных институтов в России в допетровскую эпоху // *Пространство и Время*. 2014. № 3 (17). С. 175—188.

13. Телин К.О. Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН*, 2018. Т. 18, вып. 4. С. 55-74.

14. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушаков. - Москва: Астрель, 2000.

15. Федотова Ю.Г. Проблема стабильности конституционного строя Российской Федерации // *Современное право*. 2014. № 9. С. 33-44.

16. Шундилов К.В. Устойчивость и нестабильность в правовой жизни общества // *Современное право*. 2008. № 1. С. 33-38.

УДК 343.357

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ДИСПАНСЕРИЗАЦИИ

© Е.А. Федорова

Сибирский федеральный университет

Нормативно порядок проведения в медицинских учреждениях профилактического медицинского осмотра и диспансеризации взрослого населения определен приказом Минздрава России от 27.04.2021 № 404н «Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения» [1]. Согласно установленному порядку диспансеризация проводится в два этапа. Первый этап обследования необходим для того, чтобы выявить признаки хронических заболеваний и рисков их развития. По результатам первого этапа диспансеризации выявляются лица, нуждающиеся в дополнительном обследовании или профилактическом консультировании, и направляются врачом-терапевтом на второй этап диспансеризации. Второй этап проводится исходя из полученных результатов первого. Здесь уже назначаются дополнительные исследования и проводятся консультации узкопрофильных специалистов необходимые для уточнения диагноза. Поскольку диспансеризация оплачивается из фонда социального медицинского страхования за счет полиса обязательного медицинского страхования, то медицинское учреждение получает соответствующие страховые выплаты. Учитывая, что на диспансеризацию приходят не все (от 30 до 50% пациентов), остальные – это «мертвые души», а связано это с планом медицинских учреждений на тотальную диспансеризацию и ее оплатой, которые приводят к припискам в медицинских документах, подложным данным исследования и в целом к проведению фиктивных диспансеризаций.

В судебной практике по уголовным делам достаточно много приговоров, где привлекаются к уголовной ответственности медицинские работники за подобные действия, однако их квалификация не отличается единообразием, встречается уголовно-правовая оценка таких деяний и как служебный подлог (ст. 292 УК РФ), и как мошенничество (ч. 3 ст. 159 УК РФ), и как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). К сожалению, в правоприменительной деятельности единого подхода в квалификации таких деяний не наблюдается.

К примеру, врач-терапевт одного из медицинских учреждений Рязанской области признан судом виновным в злоупотреблении должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ) при следующих обстоятельствах. В феврале-марте 2023 года участковый врач-терапевт с целью получения выплат стимулирующего характера и избежания привлечения к дисциплинарной ответственности за невыполнение плана диспансеризации дал указания неосведомленным о его преступных намерениях медицинским сестрам внести в официальные документы заведомо ложные сведения о прохождении диспансеризации десяти пациентами медицинского учреждения. В результате составления фиктивных документов врачом-терапевтом учреждения здравоохранения были существенно нарушены права и законные интересы граждан в области охраны здоровья, а также подорван авторитет медучреждения. [2]

По другому уголовному делу был осужден врач-терапевт участкового терапевтического кабинета поликлиники. Ее признали должностным лицом, выполняющим организационно-распорядительные функции в медицинском учреждении, поскольку обладала полномочиями по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия, так как она была наделена полномочиями по самостоятельному установлению диагноза по специальности на основании клинических наблюдений и обследования, сбора анамнеза, данных клинко-лабораторных и инструментальных исследований, определение тактики ведения больного в соответствии с установленными правилами и стандартами, назначение необходимых для комплексного обследования пациента методов инструментальной, функциональной лабораторной диагностики, в том числе за счет средств Фонда обязательного медицинского страхования, руководила работой подчиненного ей среднего и младшего медицинского персонала. По мнению суда врач-терапевт действовала из корыстной заинтересованности, выраженной в стремлении необоснованно получить денежные выплаты стимулирующего характера за улучшение показателей своей работы, а также иной личной заинтересованности, выраженной в стремлении приукрасить действительное положение дел по выполнению ею плановых показателей по проведению диспансеризации, а также показать свою работоспособность перед руководством и коллегами по работе. В описательно-мотивировочной части приговора указано, что у врача возник умысел, направленный на внесение в официальные документы заведомо ложных сведений о прохождении пациентами диспансеризации. С этой целью, действуя умышленно, из корыстной и иной личной заинтересованности, достоверно зная, что пациенты

диспансеризацию в указанный период времени не проходили, собственноручно внесла в официальные документы – медицинские карты семи пациентов, получающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, а также в автоматизированную систему заведомо ложные сведения о прохождении ими диспансеризации. В связи с выполнением объемов дополнительной диспансеризации определенных групп взрослого населения врач-терапевт участковый терапевтического кабинета поликлиники была премирована на сумму 20 585 рублей. Действия виновной были квалифицированы по ч. 1 ст. 292 УК РФ – служебный подлог, то есть внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений, если это деяние совершено из корыстной и иной личной заинтересованности. [3]

Однако квалифицировать подобные действия как служебный подлог представляется неверным, поскольку внесение в официальные документы заведомо ложных сведений в данном случае являются только частью деяния, совершенного виновной. Деяние состоит в бездействии, поскольку вносились сведения об оказании медицинских услуг по диспансеризации в карту профилактического медицинского осмотра, которые фактически оказаны не были, что характеризует умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей, и это объективно противоречило целям и задачам проведения профилактического осмотра (диспансеризации) врачом-терапевтом, то есть совершены вопреки интересам службы.

Еще один пример, когда за аналогичные действия участкового врача-терапевта поликлиники ОБУЗ «Кинешемская ЦРБ» Юрьевецкого филиала осудили по ч. 3 ст. 159 УК РФ. В приговоре указано, что врач-терапевт является должностным лицом на основании нормативно-правовых актов, трудового договора, должностной инструкцией врача участкового, был наделен организационно-распорядительными функциями, а именно: принимал решения, имеющие юридическое значение, влекущее определенные юридические последствия, организовывал прохождение гражданами диспансеризации. У него из корыстной заинтересованности, связанной со стремлением незаконного обращения в свою пользу стимулирующих выплат за участие в проведении углубленной диспансеризации, вопреки требованиям заключенных с ним трудового договора, должностной инструкции и нормативно-правовых актов по проведению углубленной диспансеризации населения, с заполнением в установленном порядке медицинской документации, возник единый преступный умысел, направленный на хищение путем обмана принадлежащих территориальному отделу фонда медицинского страхования денежных средств в виде выплат за участие в проведении

углубленной диспансеризации, совершенное с использованием своего служебного положения врача-терапевта участкового поликлиники «Кинешемская ЦРБ» Юрьевецкого филиала, путем внесения заведомо ложных сведений в официальные документы, удостоверяющих события и факты в сфере медицинских услуг, имеющих юридическое значение и влекущих соответствующие юридические последствия, а именно в медицинские карты пациентов, получающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях; карты учета диспансеризации; а также талоны амбулаторного пациента, содержащих сведения о прохождении углубленной диспансеризации, подтверждающих прохождение в поликлинике, углубленной диспансеризации двадцати трех граждан. Таким образом, участковый врач-терапевт используя свое служебное положение, из корыстных побуждений, с целью незаконного обращения в свою пользу, а также дальнейшего получения им, стимулирующих денежных выплат, принадлежащих ТФОМС денежных средств, поступающих в виде выплат за участие в проведении углубленной диспансеризации, путем обмана похитил денежные средства в сумме, причинив ТФОМС материальный ущерб на сумму 18 150 рублей. [4]

Однако, квалификация таких действий как мошенничество с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ) ошибочна, поскольку денежные средства, полученные в виде стимулирующих выплат не изымались и не обращались участковым врачом-терапевтом в свою пользу, и в его действиях также отсутствуют другие признаки хищения. Такие деяния должностного лица, не связаны с изъятием чужого имущества, а направлены на получение имущественной выгоды имущественного характера в виде стимулирующей выплаты.

Полагаю, такие действия следует квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями, то есть использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, из корыстной и иной личной заинтересованности и повлекшее существенные нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Поскольку использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако, совершенные действия по оформлению карт профилактического осмотра (диспансеризации) и других медицинских документов не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили задачам и требованиям такой деятельности для достижения

которых врач-терапевт был наделен соответствующими должностными полномочиями.

В подобных случаях действия медицинских работников следует квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями, поскольку характеризует деяние, входящее в должностные полномочия врача-терапевта при проведении диспансеризации, при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения. Фактически должностное лицо не исполнило своих обязанностей по проведению профилактического осмотра (диспансеризации), а только заполнило медицинские документы, создавая видимость исполнения своих обязанностей, преследуя корыстную и иную личную заинтересованность, и это объективно противоречило целям и задачам медицинской организации, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций, в частности, создало препятствия в удовлетворении гражданами своего права на прохождение профилактического осмотра (диспансеризации), а также нарушило нормальную работу медицинского учреждения.

Список использованных источников:

1. Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения : приказ Минздрава России от 27.04.2021 № 404н // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. В Рязанской области врач-терапевт признан виновным в должностном преступлении // Следственное управление СК РФ по Рязанской области. – Режим доступа: <https://ryazan.sledcom.ru/news/item/1830613/>.

3. Приговор № 1-547/2023 от 11.12.2023 по делу № 1-547/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/lyc0BE7WPglv/>.

4. Приговор № 1-83/2023 от 25.12.2023 по делу № 1-83/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/YB8OoHkYfnVW/.

УДК 343.982

**ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПРИМЕНЯЕМЫХ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ**

© Н.А. Хакимов

Сибирский федеральный университет

Информационное и техническое обеспечение деятельности следователя в большей степени определяется эффективностью применяемых средств. В этой связи отметим, что в последнее время в плане разработки научно-технических средств не было высказано сколько-нибудь значимой идеи, поэтому работа ведется по изготовлению уже имеющихся приспособлений в виде следственных портфелей, в которых большую часть составляют инструменты общего назначения. И неслучайно, при осмотре места происшествия обнаруживают и изымают незначительное число следов преступления.

В определенной степени такое состояние обусловлено тем, что в криминалистике нет научно-обоснованной классификации технических средств. Между тем, она способствует не только систематизации, но и позволяет обнаружить недостатки, поставить проблемы по разработке новых технических средств и их комплексов.

Исходя из поставленной задачи, необходимо отметить, что технические средства, используемые в процессе осмотра места происшествия, можно разделить на три класса — это научно-технические средства, инструменты и приспособления. Главное отличие научно-технических средств от двух других классов заключается в том, что они преобразовывают (выявляют, декодируют и т.д.) информацию и делают ее доступной для непосредственного наблюдения следователем следов преступления.

На основе этой классификации обратимся к анализу научно-технических средств. Если в основание классификации положить такой критерий как «целевая направленность», то их можно подразделить на несколько родов: приборы-усилители органов чувств человека, приборы-измерители, приборы-преобразователи, приборы – анализаторы, приборы-регистраторы.

Рассмотрим более подробно целевую направленность каждого из перечисленных родов научно-технических средств.

Как известно, у органов чувств человека существуют определенные пороги восприятия, поэтому оснащение следователя техническими средствами, которые позволяют увеличить разрешающие возможности, может оказать

существенное влияние на результативность осмотра. Данная задача может решаться как за счет разработки (использования) оптических приборов, так и тех из них, которые изменяют спектральную характеристику следов преступления или следовоспринимающей поверхности.

Второй род научно-технических средств — это приборы - регистраторы, которые, прежде всего позволяют фиксировать индивидуальные характеристики следов преступления. Это имеет не только криминалистическое, но и уголовно-процессуальное значение, потому что позволяет определять их относимость. Между тем, они выполняют вторую, не менее важную функцию, — это фиксация пространственно-временных характеристик как следов преступления, так в целом обстановки места происшествия. Применение приборов-регистраторов в процессе осмотра имеют исключительно важное значение, потому что эта информация прямо связана с характеристикой пространственно-временных параметров события преступления, поэтому используется при ретроспективном познании механизма совершения преступления.

Третий род — это приборы измерители. Они как бы дополняют второй род приборов, потому что метрические данные по многим видам преступления имеют важное доказательственное значение.

В четвертый род входят приборы-преобразователи, которые направлены на выявление невидимых следов, то есть они преобразовывают те или иные свойства следов и делают их видимыми для непосредственного восприятия. Очевидно, что нет необходимости доказывать значение этих приборов. Здесь лишь важно подчеркнуть, что в настоящее время резко возросла роль следов преступления (вещественных доказательств) в процессе расследования, доказывания виновности.

И, наконец, последний род научно-технических средств — это приборы - анализаторы, которые направлены, с одной стороны, на обнаружение следов преступления, а, с другой, на определение их качественных характеристик, что также может использоваться для определения относимости.

Как следует из краткого анализа научно-технических средств, они значительно расширяют познавательные возможности следователя, поэтому разработка новых технических средств, модернизация существующих является актуальной задачей.

Между тем это лишь одна сторона проблемы. Другая, связана с разработкой комплексов научно-технических средств, направленных на обнаружение и фиксацию определенных следов. Это позволит объединить в комплексе различные по назначению научно-технические средства, что

естественно резко повышает эффективность деятельности следователя на месте происшествия.

Таким образом, основная цель применения технических средств при осмотре места происшествия заключается в том, что: во-первых, в процессе практической деятельности человек реализует посредством техники те функции, которые он не в состоянии реализовать в силу ограниченности своих возможностей или не может выполнить с необходимой эффективностью; во-вторых, в силу особенностей уголовно-процессуального познания информация, полученная при производстве данного следственного действия должна закрепляться так, чтобы другие участники уголовного процесса могли ознакомиться.

УДК 34

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЗИЦИЙ, СФОРМУЛИРОВАННЫХ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ДЛЯ НИЖЕСТОЯЩИХ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ

© Н.В. Чернов

Третий арбитражный апелляционный суд

Как отмечают Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер и Р.А. Курбанов, принцип обеспечение единообразия правоприменительной практики является одним из элементов права на справедливое судебное разбирательство [1, с. 36]. Для достижения и реализации указанного принципа на уровне высшей инстанции принимаются и утверждаются различного рода постановления Пленума, обобщения, тематические и кварталные обзоры судебной практики.

Между тем нередки случаи в правоприменительной практике, когда проигравшая сторона, обжалуя судебный акт в вышестоящей инстанции, указывает в своей жалобе на неприменение нижестоящим судом позиции, изложенной в конкретном определении Верховного Суда РФ. В связи с чем приобретает актуальность вопрос об обязательности таких судебных актов для нижестоящих арбитражных судов.

В рамках настоящего исследования полагаем необходимым обратить внимание на следующие формы кассационных определений высшей инстанции:

1) кассационные определения судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ (далее - СКЭС ВС РФ), нашедшие отражения в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ;

2) кассационные определения СКЭС ВС РФ, не нашедшие отражения в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ;

3) «отказные» кассационные определения Верховного Суда РФ.

Обращаясь к первой форме кассационных определений, следует отметить, что в ч. 4 ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) регламентировано, что судебное решение арбитражного суда РФ может в мотивировочной части содержать ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики, на постановления Президиума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ [2]. А.В. Белякова справедливо указывает, что подобная норма носит рекомендательный характер [3].

Между тем в силу ч. 2.1 ст. 289 АПК РФ указания арбитражного суда кассационной инстанции, в том числе на толкование закона, изложенные в его постановлении об отмене решения, судебного приказа, постановления арбитражных судов первой и апелляционной инстанций, обязательны для арбитражного суда, вновь рассматривающего данное дело.

При этом как следует из абз. 5 п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13, проверяя применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального и процессуального права, суд кассационной инстанции устанавливает, соответствуют ли выводы судов практике применения правовых норм, содержащихся, в том числе в обзорах судебной практики [4].

Кроме того, на необходимость судье проанализировать практику применения правовых норм, содержащуюся в обзорах судебной практики, указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 12 [5].

Следовательно, кассационные определения СКЭС ВС РФ, нашедшие отражения в обзорах судебной практики высшей инстанции, фактически являются неким ориентиром для нижестоящих судов при разрешении аналогичных дел, что свидетельствует об их обязательной силе, неприменение которых влечет отмену судебного акта по причине неправильного применения норм материального и (или) процессуального права.

Вместе с тем полагаем, что в исключительных случаях нижестоящий суд может не согласиться с позицией, изложенной в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ (фактически спровоцировать ее пересмотр). В таком случае

суду необходимо прямо указать в своем судебном акте о наличии той или иной позиции, но при этом подробно обосновать причины ее неприменения при разрешении данного спора.

В отношении определений экономической коллегии, не нашедших отражения в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, можно выделить, на наш взгляд, три фактора, позволяющие сделать вывод только об их рекомендательном статусе.

Во-первых, такие определения выносятся не коллегией как коллективным подразделением Верховного Суда РФ (что существенно отличается от постановлений, выносимых Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ), а отдельным «тройками» судебной коллегии. Следовательно, отсутствие коллективного обсуждения изложенной позиции может привести к формированию в судебной практике даже на уровне высшей инстанции противоречащих друг другу правовых подходов.

Во-вторых, СКЭС ВС РФ формально не является последней инстанцией, поскольку существует вероятность передачи дела в Президиум Верховного Суда РФ.

В-третьих, несмотря на абстрактную позицию, изложенную в том или ином определении, указанный подход в силу конкретных обстоятельств дела, как правило, не может носить универсальный характер. Так, в рамках рассмотрения дела № А65-37581/2019 Управление Пенсионного фонда обратилось в арбитражный суд с заявлением о выдаче судебного приказа по двум требованиям (о взыскании с должника двух штрафов за непредставление в установленный срок сведений о застрахованных лицах). Отказывая в принятии заявления о выдаче судебного приказа, нижестоящие суды пришли к выводам о пропуске срока для обращения взыскателя в суд в отношении одного из требований, а также о том, что частичное удовлетворение требований в порядке приказного производства не предусмотрено. Отправляя дело на новое рассмотрение, СКЭС ВС РФ указала на то, что положения главы 29.1 АПК РФ и разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 не исключают частичного удовлетворения требований в порядке приказного производства [6].

Вместе с тем указанный вывод породил неоднозначное понимание в правоприменительной практике на возможность его универсального применения ко всем заявлениям о выдаче судебного приказа. Так, анализ судебной практики свидетельствует о том, что указанное определение приводится в качестве доводов апелляционных жалоб и в том случае, когда заявляется лишь одно требование (например, о взыскании неустойки), по

результатам рассмотрения которого суд отказал в выдаче судебного приказа. Между тем полагаем, что при заявлении единственного требования, в котором, в частности, усматривается спор о праве, довод заявителя со ссылкой на анализируемое определение СКЭС ВС РФ о допустимости частичного удовлетворения заявления, на наш взгляд, правомерно подлежит отклонению, поскольку в рассматриваемых ситуациях различные обстоятельства дела [7].

Таким образом, определения, не нашедшие отражения в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, но содержащие, на первый взгляд, абстрактную позицию, не должны вводить в заблуждение сторон в случае их неприменения судами, поскольку такие кассационные определения высшей инстанции следует оценивать на возможность их обязательного использования нижестоящими судами, прежде всего, с учетом анализа конкретных обстоятельств дела.

Вместе с тем, на наш взгляд, можно выделить две ситуации, при наличии которых правовые позиции, изложенные в определениях Верховного Суда РФ, не нашедшие отражения в обзорах судебной практики, могут стать ориентиром для ее унификации и иметь для нижестоящих судов обязательный характер.

Во-первых, речь идет о тех определениях, в которых СКЭС ВС РФ указывает на иные свои судебные акты со сходными нарушениями нижестоящих судов [8].

Во-вторых, когда на уровне высшей инстанции сформированы правовые позиции в какой-либо отдельной правовой области, но при этом отсутствуют соответствующие постановления Пленума, обобщения и тематические обзоры судебной практики. Яркий пример – развитие на уровне высшей инстанции посредством вынесения отдельных кассационных определений теории сальдирования, концепция которой имеет полностью судебное происхождение.

Обращаясь к последней форме кассационных определений Верховного Суда РФ, так называемых «отказных» определений стоит поддержать тех авторов, по мнению которых такие определения не являются полноценными судебными актами и не выражают позицию коллегии [9, с. 385]. Кроме того, в «отказных» определениях порой и вовсе отсутствуют какие-либо новые правовые позиции по вопросам толкования законов и восполнения пробелов в нем. Следовательно, ссылки сторон на данные определения как на источник, в котором отражена некая обязательная правовая позиция для нижестоящих судов, неуместны.

Однако в качестве исключительного случая, свидетельствующего об обязательности позиции, изложенной в «отказном» определении, следует отметить судебный акт Верховного Суда РФ по делу № А72-7041/2018. Вывод, изложенный в указанном определении, связан разъяснениями, приведенными в п. 2 и 3 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения

законодательства о хозяйственных обществах, в котором идет речь про обязательное нотариальное удостоверение решения общего собрания, устанавливающего избрание альтернативного нотариальному способу подтверждения принятия решения и состава участников [10]. В вышеупомянутом «отказном» определении Верховного Суда РФ содержится позиция о том, что в целях защиты правовой определенности и разумных ожиданий участников гражданского оборота, разъяснения, приведенные в указанном ранее Обзоре, подлежат применению только при рассмотрении споров, связанных с оспариванием решений общих собраний участников (решений единственного участника), принятых после его опубликования (то есть после 25.12.2019), что означает отсутствие обратной силы у указанных положений [11]. Изложенная правовая позиция получила широкое распространение не только на уровне апелляционных судов, но и окружных, что, по сути, свидетельствует об ее обязательном характере.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

- кассационные определения, нашедшие отражения в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, вполне допустимо считать неким ориентиром для нижестоящих судов при разрешении аналогичных дел, что свидетельствует об их обязательной силе;

- определения экономической коллегии, не нашедшие отражения в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, по общему правилу, не являются общеобязательными, поскольку изложенные в них правовые позиции выносятся отдельным «тройками» судебной коллегии и основаны на конкретных обстоятельствах дела;

- «отказные» кассационные определения в силу своей специфики не являются полноценными судебными актами, что не позволяет и вовсе говорить об их обязательности для нижестоящих судов (за исключением экстраординарных судебных актов высшей инстанции, в которых содержится истолкование положений действующего законодательства).

Список использованных источников:

1. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов ; отв. ред. Т.Я. Хабриева ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. 384 с.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Белякова, А.В. Судебный прецедент в системе арбитражных судов Российской Федерации // Вестник арбитражной практики. 2021. № 2.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» от 30.06.2020 № 13 // БВС РФ. 2020. № 9.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» от 04.06.2024 № 12 // БВС РФ. 2024. № 7.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.10.2020 по делу № А65-37581/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 13.06.2022 по делу № А29-4351/2022 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.08.2023 по делу № А40-260466/2021 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2020. 1469 с.

10. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 25.12.2019 // БВС РФ. 2020. № 5.

11. Определение Верховного Суда РФ от 30.12.2019 по делу № А72-7041/2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.85

**КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ПРЕДМЕТ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

© Э.В. Шамехина

Сибирский федеральный университет

Преступность является исторически изменчивым социальным явлением, и в своих трансформациях следует за теми изменениями, что происходят в обществе на соответствующем этапе его развития. Характерной чертой XXI века, именуемого информационным, выступают беспрецедентные темпы технологического развития и повсеместная цифровизация общественных отношений. Помимо очевидных преимуществ и плюсов от внедрения современных информационных технологий, следует отметить и их негативные последствия. Согласно данным правовой статистики, представленным Генеральной прокуратурой, в 2023 году на долю преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации пришлось каждое четвертое регистрируемое преступление [16]. Всего же за 2023 год было совершено почти 677 тысяч преступлений данной категории [11]. В настоящее время можно говорить как о цифровой трансформации традиционных, давно известных видов преступлений, так и о появлении новых, не существовавших до возникновения определенных технологий и невозможных вне их контекста преступных деяний. Одним из таких негативных явлений, возникших вследствие цифровизации, является криптопреступность.

Широкую известность криптовалюты получили в 2017 году на фоне беспрецедентного роста первой цифровой валюты Bitcoin, зарегистрированной в 2008-2009 году. Рост рынка криптоактивов оказался крайне стремительным – по состоянию на 2024 год по разным оценкам в мире насчитывается более двух с половиной миллионов различных цифровых валют [19]. И хотя большая часть из них является «мертвыми монетами» (монетной программой, прекратившей свое существование ввиду прекращения продаж, прекращения разработки, закрытия или банкротства) или продуктом мошеннических начинаний, тем не менее внушительное количество различных криптовалют отражает общемировую тенденцию к цифровизации активов.

Благодаря своим особенностям и техническим характеристикам криптовалюты привлекают широкий круг потребителей. Как отмечает

Э.Л. Сидоренко, «в основе популярности криптовалюты как нового финансового инструмента лежит комплекс технических характеристик блокчейна» [6]. Блокчейн представляет собой распределенную базу данных, которая хранит непрерывную последовательную цепочку блоков, содержащих какую-либо информацию. Каждый новый блок в цепочке содержит хэш (цифровой отпечаток) предыдущего блока, что обеспечивает целостность базы данных. Эта технология часто ассоциируется именно с криптовалютами, но на самом деле спектр ее возможного применения достаточно широк, и она активно используется в таких областях, как учет и реестр документов, цифровая идентификация, управление поставками и многое другое. В контексте криптовалют блокчейн используется для регистрации и подтверждения транзакций без необходимости участия в них посредников, таких как банки или платежные системы.

Система блокчейн является децентрализованной, то есть функционирующей без привлечения руководящего или контролирующего органа. Децентрализация позволяет участникам криптовалютных переводов исключить из их отношений третье лицо, которое владело бы информацией о проводимых транзакциях и личных данных (подобная модель осуществления транзакций именуется одноранговой, peer-to-peer). Данная характеристика блокчейна, наряду с такими, как открытость проводимых операций, безотзывность транзакций и защищенность данных делают эту систему, а вместе с ней и криптовалюты, крайне привлекательными инструментами для многих пользователей.

В последние годы криптовалюты все чаще используются при совершении различного рода преступных деяний. Первые преступления, связанные с криптовалютами, были зафиксированы в 2012 году [15], и с тех пор их количество продолжает ежегодно расти. С 2012 по 2017 год в России было вынесено всего 72 приговора по уголовным делам, в которых криптовалюта выступила предметом или средством совершения преступления [15]. В 2022 году в России по связанным с криптовалютой уголовным делам было вынесено уже 463 приговора, а в 2023 году, по мнению экспертов, их число должно увеличиться как минимум втрое [14].

О рисках, которые несет в себе тенденция к использованию криптовалют, давно заявляется на международном и национальных уровнях. Банк России, как главный регулятор финансового рынка, неоднократно отмечал, что криптовалюты активно используются в противоправной деятельности, а «их распространение создает благоприятные условия для криминальных операций, вымогательства и взяточничества и является вызовом для глобальной системы

противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма» [10]. Осложняющим ситуацию элементом выступает и тот факт, что в настоящее время правовой режим криптоактивов в разных странах существенным образом различается. Ввиду же транснационального характера криптовалют международное сотрудничество в части противодействия их использованию в преступной деятельности приобретает особую важность. Однако, принимая во внимание, что институт криптовалют только переживает этап своего становления и в правовом регулировании ряда стран до сих пор находится в «серой зоне», говорить о выработке единой международной позиции по данному вопросу является преждевременным.

В то же время, проблема преступного использования криптовалют уже является угрозой для общественного порядка и общественной безопасности. При этом преступления, в которых задействованы криптовалюты, чрезвычайно разнообразны и «фактически охватывают все сферы нелегальной деятельности как в виртуальном пространстве, так и в реальной жизни общества» [7]. Расширение преступного потенциала криптовалют является недавней тенденцией – если первые уголовные дела по преступлениям, связанным с криптовалютой, в основной своей массе были связаны с незаконным оборотом наркотических средств (из 72 приговоров по уголовным делам с криптовалютой за 2012-2017 годы 71 судебное решение было вынесено по делам о реализации наркотических средств [15]), то сегодня криптовалюты могут являться элементом практически любых преступных отношений. В различном качестве криптовалюты «вписываются» в состав самых разнообразных преступных деяний, в том числе и деяний коррупционной направленности. И хотя взяточничество в настоящий момент не входит в перечень наиболее распространенных криптовалютных преступлений, тенденция использования цифровой валюты в качестве предмета подкупа очевидно прослеживается. Самые крупные в истории современной России взятки в последние годы берутся в криптовалюте – в настоящий момент рекордной стала сумма, в получении которой обвиняется бывший руководитель следственного отдела Следственного Комитета по Тверскому району Москвы – по версии следствия, в результате десяти эпизодов взяточничества Марат Тамбиев получил более полутора миллионов долларов и 2718 биткоинов, что составляет около 7,3 миллиардов рублей [18]. Предыдущим «рекордом» являлась взятка в биткоинах и эфириумах на сумму 4,9 миллиардов рублей, в получении которой обвиняется бывший сотрудник Бюро специальных технических мероприятий МВД России за покровительство администратору криптобиржи [17].

Криптовалюты обладают рядом характеристик, благодаря которым становятся практически идеальным предметом взяточничества – в первую очередь, ввиду относительно слабой правовой урегулированности данного института, особенно в сфере уголовно-правовых отношений. Существующие нормы не закрывают обширный перечень проблемных вопросов, возникающих в связи с квалификацией и оценкой преступных деяний, совершенных с использованием или в отношении криптовалют, а судебная практика формируется в условиях правового вакуума. Основным вопросом является возможность или невозможность отнесения криптовалют к предмету взятки – согласно действующему Уголовному кодексу Российской Федерации, взятка может быть получена или передана в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания услуг имущественного характера или предоставления иных имущественных прав. При этом ни к одному из перечисленных элементов криптовалюты не могут быть однозначно отнесены ввиду неопределенности их места в системе объектов гражданского права.

В ходе проведения так называемой «цифровой реформы» гражданского права регулирование криптовалютных отношений должно было найти своей отражение в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако из принятого в итоге проекта закона термин «криптовалюта» исчез. Вместо него в правовом поле появился такой объект гражданских прав, как «цифровые валюты». Согласно закону, цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам [1].

Анализ представленного выше определения позволяет констатировать, что место цифровых валют в системе объектов гражданского права с принятием закона прямо определено не было. Наиболее поддерживаемой в научной литературе и судебной практике является позиция, согласно которой цифровые валюты (и соответственно криптовалюты) являются имуществом или «иным

имуществом», однако этот вопрос продолжает оставаться за рамками правового регулирования Гражданского кодекса РФ.

К деньгам цифровые валюты не могут быть отнесены, поскольку согласно ст. 140 Гражданского кодекса РФ, законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории РФ, является только рубль. Не являются цифровые валюты и ценными бумагами, так как в силу ст. 142 Гражданского кодекса РФ к ним могут быть отнесены только акции, вексели, закладные, инвестиционные паи паевого инвестиционного фонда, коносаменты, облигации, чеки и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке.

Получение взятки в виде цифровой валюты также прямо не охватывается «предоставлением имущественных прав», поскольку цифровые валюты, в отличие от цифровых финансовых активов, законом в качестве цифровых прав не заявлены, и потому к имущественным правам напрямую не относятся.

Что же касается незаконного оказания услуг имущественного характера, то, по мнению Е.А. Русскевича, в таком качестве можно квалифицировать действия, при которых «подкупающее лицо регистрирует криптокошелек в пользу конкретного лица, затем передает ему пароль от него или осуществляет транзакции криптовалюты между кошельками» [5]. С данным утверждением следует согласиться, однако смоделированная ситуация не охватывает случаи, при которых происходят лишь переводы или иная передача цифровой валюты, которой не предшествует регистрация в пользу взяткополучателя криптокошелька. Р.Д. Шарапов указывает на то, что, если «условием принятия должностным лицом криптовалюты за совершение действий (бездействия) по службе, было получение им возможности обналечить криптовалюту в виде денег, оплатить ею какие-либо услуги без обналечивания либо иным образом использовать криптовалюту в качестве платежного средства, содеянное следует квалифицировать как получение взятки в виде незаконного оказания услуги имущественного характера» [9]. В то же время, использование цифровой валюты в качестве платежного средства на территории РФ запрещено, и за пределами предложенной автором диспозиции остался случай, при котором цифровая валюта не будет обналечена или истрачена взяткополучателем, а останется у него на криптовалютном счете в качестве инвестиционного актива.

Таким образом, судебная практика по гражданским и уголовным делам идет по большей части по пути признания цифровых валют имуществом, то есть предметом взятки, однако, по мнению Генерального прокурора России И.В. Краснова, «все-таки нельзя признать это достаточным обстоятельством для

формирования единого и устойчивого правоприменения» [12]. Он также отмечает, что «этому должно способствовать введение понятия криптовалют и иных виртуальных активов в уголовно-правовое пространство посредством закрепления соответствующих норм в законодательстве» [12].

Проблемным в выявлении и раскрытии коррупционных преступлений с использованием криптовалют является также идентификация криптокошельков ввиду присущей им относительной анонимности. Несмотря на то, что технология блокчейн обеспечивает открытость и доступность сведений о проводимых транзакциях, данные предоставляются в обезличенной форме, а «на текущий момент не существует подходов, позволяющих деанонимизировать всех участников операций с криптовалютами» [10]. Получение сведений о конкретной операции возможно только при условии введения в поисковую строку ее номера или адреса криптокошелька. Очевидно, что в ходе проведения следствия правоохранительные органы редко располагают подобными сведениями. Кроме того, практически сложнореализуемым является установление связи между криптокошельком и его предполагаемым владельцем. Ряд криптовалютных бирж не требуют прохождения процедуры идентификации пользователя при регистрации криптокошелька, чем активно пользуются лица, намеревающиеся скрыть свою принадлежность к криптовалютным активам. Проблемным аспектом остается и порядок сотрудничества бирж с правоохранительными органами, особенно в тех случаях, когда речь идет о криптовалютных биржах, зарегистрированных на территории иностранных государств.

Указанные выше обстоятельства упрощают сокрытие факта дачи или получения взятки, и повышают и без того традиционно высокий уровень латентности коррупционных преступлений. По этой причине в научной литературе отмечается, что коррупционные преступления с криптовалютами оказываются раскрытыми «лишь в результате успешного сотрудничества органов предварительного расследования и подозреваемых или обвиняемых, а также в результате обналичивания денежных средств и невозможности объяснить их происхождение последними» [8].

Сделать выводов о влиянии криптовалют на уровень коррупционной преступности на данный момент сложно. Ряд ученых отмечает, что криптовалюты «способствуют расширению и активизации нелегальной деятельности» и «создают благоприятную среду для расширения неформальной экономики и увеличения числа финансовых правонарушений» [7], а в связи с тем, что «для достижения и реализации договоренности, осуществления расчетов при применении информационно-коммуникационных технологий

виновным не требуется личного контакта, существенно расширяется территория криминального рынка коррупционных услуг» [4]. Другие же ученые полагают, что «использование цифровых технологий не увеличивает число преступлений, а облегчает способы их совершения, делая их бесконтактными» [2]. Вместе с тем, предварительные выводы об изменениях качественных показателей коррупционной преступности можно сделать уже сейчас. Как показывает анализ публикуемых в средствах массовой информации сообщений о фактах взяточничества в криптовалютах, взятки в подобных случаях давались в крупном или особо крупном размерах. В связи с этим, «взяточничество посредством использования криптовалюты как таковой является маловероятным для низового уровня развития коррупции» [3], и характерно главным образом для коррупции верхушечной. Кроме того, как отмечает Генеральный прокурор России И.В. Краснов, коррупционные преступления с использованием криптовалют представляют повышенную общественную опасность, поскольку использование криптовалюты в криминальных расчетах зачастую свидетельствует о связях с организованной преступностью [13]. Таким образом, следует констатировать, что наметившаяся тенденция к активному использованию криптовалют в качестве предмета взяточничества является серьезным вызовом для национальной безопасности государства и требует разработки своевременных и адекватных мер по предупреждению преступлений нового цифрового формата.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 13.08.2024).
2. Гринько, С.Д. Проблемы квалификации коррупционных преступлений при использовании цифровой валюты в качестве взятки // Юрист. 2022. № 6. С. 13-16.
3. Михайлова, Д.А. Предмет взятки в условиях цифровой экономики // Международный студенческий научный вестник. 2020. № 3. С. 172-177.
4. Никонов, П.В. Роль информационно-коммуникационных технологий и компьютерной информации в совершении коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции : Сборник материалов I Всероссийской научно-

практической конференции, Москва, 27 января 2021 года. – Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 132-136.

5. Русскевич, Е.А. Новые нормы УК об «электронном» мошенничестве и коррупционных преступлениях // Уголовный процесс. 2018. № 7(163). С. 26-33.

6. Сидоренко, Э.Л. Криптопреступность как новое криминологическое явление // Общество и право. 2018. № 2(64). С. 15-21.

7. Степаненко, Д.А., Степаненко, А.С. Цифровая валюта как атрибут криминальной экономики в современном обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 173-184.

8. Усачева, Е.А., Филимонов, А.Д. Криптовалюта как предмет взятки и коммерческого подкупа: проблемы регулирования // Искусство правоведения. The art of law. 2023. № 1 (5). С. 80-91.

9. Шарапов, Р.Д., Минин, Р.В., Капаева, Е.О. Криптовалюта: уголовно-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. №2 (44). С. 42-49.

10. Доклад для общественных консультаций. Криптовалюты: тренды, риски, меры. 2022 // Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 13.08.2024).

11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел РФ. – URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 11.08.2024).

12. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова РИА «Новости» // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=67360817> (дата обращения: 06.08.2024).

13. Генпрокурор РФ сообщил о выявлении в России первых случаев взятки криптовалютой // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16544839> (дата обращения: 13.08.2024).

14. Число связанных с криптовалютами судебных дел выросло в России на 15% // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/643fb5629a79471d10b8bbc1> (дата обращения: 13.08.2024).

15. Число связанных с криптовалютами приговоров в России выросло на 5000% // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/65784c179a79478632728c92> (дата обращения: 13.08.2024).

16. Каждое четвертое преступление в России совершают через интернет// ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/19669641> (дата обращения: 11.08.2024).

17. Рекорд полковника Захарченко побит заочно. Экс-коллег сотрудника МВД ищут за взятку в 5 млрд рублей // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6650082> (дата обращения: 13.08.2024).

18. Дело о крупнейших в истории России взятках поступило в суд в Балашихе // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/666a28f69a794785b6bf4d62> (дата обращения: 13.08.2024).

19. 5,300 New Tokens Launched Daily in 2024 So Far // CoinGecko. URL: <https://www.coingecko.com/research/publications/how-many-cryptocurrencies-are-there> (дата обращения: 11.08.2024).

20. Chainalysis: the 2023 Global Crypto Adoption Index // Chainalysis. URL: <https://www.chainalysis.com/blog/2023-global-crypto-adoption-index/> (дата обращения: 12.08.2024).

УДК 340.12

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ БЕДНОСТИ, ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ДОСТОИНСТВА

© Д.В. Шаркевич

Сибирский федеральный университет

Бедность – явление, которое до сих пор в высокой степени присуще большому количеству стран современного мира. Выступая преимущественно экономическим показателем развития той или иной страны, бедность является как причиной, так и следствием нарушений прав человека, а следовательно, серьезным препятствием к обеспечению человеческого достоинства.

Права человека были бы полностью реализованы, если бы все люди имели безопасный доступ к объектам этих прав. Сегодня наш мир очень далек от этого идеала. Так, большая часть нынешнего массового нарушения прав человека более или менее непосредственно связана с бедностью. Эта связь прямая в случае таких основных социальных и экономических прав человека, как право на уровень жизни, необходимый для здоровья и благополучия человека и его семьи, включая питание, одежду, жилье и медицинское обслуживание. В случае гражданских и политических прав человека, связанных с демократическим правлением и верховенством закона, связь более опосредованная. Так, бедные

люди, необразованные и сильно озабоченные борьбой за выживание, обычно не имеют эффективных средств для участия в политической жизни своей страны.

Несмотря на неоспоримую важность предметов первой необходимости для жизни человека, не существует согласия по вопросу о том, имеют ли люди права на жизненно необходимые вещи.

В Копенгагенской декларации о социальном развитии 1995 года бедность была определена как состояние, характеризующееся серьезными лишениями основных человеческих потребностей, включая пищу, безопасную питьевую воду, средства санитарии, здоровье, жилье, образование и информацию.

Она зависит не только от дохода, но и от доступа к услугам. Она включает в себя отсутствие дохода и производственных ресурсов для обеспечения устойчивых средств к существованию; голод и недоедание; плохое здоровье; ограниченный доступ к образованию или его отсутствие; повышенная заболеваемость и смертность от болезней; бездомность и низкое качество жилья; небезопасная окружающая среда и социальная дискриминация и, вследствие, отчуждение.

Бедность также характеризуется недостаточным участием в принятии решений в гражданской, социальной и культурной сферах жизни. Она встречается во всех странах: как в виде массовой бедности во многих развивающихся странах, так и как массовая бедность на фоне богатства в развитых странах, потеря средств к существованию в результате экономического кризиса, внезапной нищеты в результате стихийного бедствия или военного конфликта [2].

Статья 1 Всеобщей декларации прав человека гласит, что «все люди рождаются свободными и равны в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны действовать по отношению друг к другу в духе братства» [5]. Не включает ли это также в себя и экономическое равенство?

Было бы явно странно характеризовать некоторые случаи неисполнения прав как бедность, какими бы прискорбными они ни были. Например, если диктатор отказывает своему политическому оппоненту в праве свободно говорить, это само по себе не делает последнего бедным в каком-либо смысле. Конечно, в этом случае произошло лишение, но представляется неправдоподобным характеризовать это лишение как бедность. Таковым это кажется потому, что при рассмотрении социальной проблемы и в контексте выработки практической политики понятие бедности приобрело специфическую коннотацию, которая тесно связывает его с отсутствием возможности распоряжаться экономическими ресурсами.

Несколько любопытных идея относительно бедности озвучил Е.В. Аристов. Прежде всего, он подчеркивает еще в самом названии своей работы, что бедность и нищета являются антагонистами социального государства в правовом пространстве. Бедность для Е.В. Аристова является «крайне опасным явлением» в силу несколько причин.

Во-первых, «бедность представляет собой один из самых мощных источников несправедливости. Во-вторых, бедность является одним из самых главных в мире и мощных причин и условий нарушений прав и свобод человека и гражданина, унижения человеческого достоинства личности и достоинства целого народа. Кроме того, по мнению ученого, бедность стимулирует крайне радикальные, экстремистские настроения и интенции в обществе. И, наконец, бедность является одним из мощных стимуляторов неконтролируемых миграций» [4, с. 82–85.].

Бедность также рассматривается учеными как центральная проблема реализации права человека на развитие. Всеобщая декларация прав человека содержит ряд элементов, которые стали центральными в понимании международным сообществом права на развитие. Например, в ней придается большое значение содействию социальному прогрессу и улучшению условий жизни, признается право на недискриминацию, право на участие в общественных делах и право на достаточный жизненный уровень. В ней также закреплено право каждого человека на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в Декларации, могут быть полностью реализованы.

Содержание права на развитие вращается вокруг идеи о том, как применить подход, основанный на правах человека, в процессах развития. Известная как право на процесс развития, статья 1 Декларации о праве на развитие гласит, что «право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, в котором могут быть полностью реализованы все права человека и основные свободы, вносить в него свой вклад и пользоваться им» [6]. Согласно декларации, право на развитие включает в себя: полный суверенитет над природными ресурсами, самоопределение, участие населения в развитии, равенство возможностей и создание благоприятных условий для осуществления других гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав.

Человеческая личность определяется как бенефициар права на развитие, как и всех прав человека. На право на развитие могут ссылаться как отдельные

лица, так и целые народы. Оно налагает обязательства как на отдельные государства – обеспечить равный и адекватный доступ к основным ресурсам, – так и на международное сообщество – содействовать проведению справедливой политики развития и эффективному международному сотрудничеству.

В п. 12 резолюции 2002/69 Комиссия по правам человека признала, что искоренение бедности является одним из важнейших элементов поощрения и реализации права на развитие, и подчеркнула, что нищета представляет собой многогранную проблему, требующую многостороннего подхода, учитывающего экономические, политические, социальные, экологические и институциональные аспекты на всех уровнях, особенно в контексте Декларации тысячелетия. С учетом этой резолюции возникает следующий вопрос: какие права нарушаются в условиях бедности в рамках права на развитие?

Право на развитие – это комплексное право на процесс развития. Это не просто сумма набора прав. Целостность этих прав подразумевает, что если нарушается какое-либо из них, то нарушается и все составное право на развитие. Это можно понять в термине «вектора» прав человека, состоящего из различных элементов, которые представляют собой различные экономические, социальные и культурные права, а также гражданские и политические права. Можно сказать, что в условиях бедности, при которых происходит нарушение прав человека в соответствии с обоими международными пактами, нарушается и право на развитие.

Этот аргумент, например, подтверждает Генеральная Ассамблея ООН в резолюции A/RES/53/155 от 25.02.1999, в которой утверждается, что для полной реализации права на развитие необходимо соблюдение прав на питание и чистую воду, права на кров и права на жилище. Другими словами, если эти права нарушаются, то нарушается и право на развитие.

Также, исходя из иерархии прав человека, которая последовательно включает в себя права на питание (жизнь), жилье (собственность), здоровье, свободу выбора, образование, труд и безопасность, реализация права на питание будет являться самой начальной ступенью, без прохождения которой обеспечение вышестоящих прав человека не будет иметь ожидаемого результата или вовсе не представляется возможным [3, с. 56].

Хотя своеобразным плацдармом для возникновения бедности является лишение человека или группы лиц экономических или материальных ресурсов, также это влечет за собой и ущемление человеческого достоинства. В контексте прав человека бедность имеет свое собственное определение, которое сформулировала И. Хадипрайитно следующим образом. «Бедность – это

состояние человека, характеризующееся устойчивым или хроническим лишением ресурсов, возможностей, выбора, безопасности и власти, необходимых для обеспечения достаточного уровня жизни и других гражданских, культурных, экономических, политических и социальных прав» [1, с. 10].

Такое определение и понимание прав человека позволяет более адекватно реагировать на многочисленные проявления бедности. В нем уделяется внимание критической уязвимости человеческого достоинства и субъективным ежедневным посягательствам на него, которые сопровождают бедность. Важно отметить, что речь идет не только о ресурсах, но и о возможностях, выборе, безопасности и власти, необходимых для обеспечения достаточного уровня жизни и других основных гражданских, культурных, экономических, политических и социальных прав.

Если использовать определение достоинства как неотъемлемое свойство человека, которым он наделяется по праву с самого рождения, то, в этой связи, появившийся на свет человек уже должен иметь определенные гарантии в целях обеспечения его достоинства. Однако, в случае если ребенок рождается в нищете, голодает и его жизнь подвергается угрозе, то в данной ситуации его достоинство не обеспечивается государством.

Безусловно, есть случаи, при которых человек не может использовать свои права, чтобы выйти из состояния бедности в силу различных факторов. К примеру, человек с ограниченными физическими возможностями испытывает трудности даже при передвижении и без соответствующей поддержки со стороны государства не сможет обеспечить себе условия для достойного существования. Напротив, есть случаи, когда человек намеренно не использует возможности, предоставляемые ему государством, не реализует свои права. В такой ситуации состояние бедности, в котором он находится осознанно, не может выступать показателем того, что его достоинство не обеспечивается.

Таким образом, мы видим, что как человек, живущий в том или ином государстве, так и само государство должны совместно стремиться к тому, чтобы человеческое достоинство обеспечивалось. Более того, это также показывает, что бедность обязательно должна быть связана с отсутствием экономического равенства и возможности распоряжаться экономическими ресурсами, а не с непосредственным их распоряжением.

Другое дело, когда речь идет о государственных мерах стимулирующего характера в отношении борьбы с бедностью: право на бесплатное образование, а также право на труд. В зависимости от степени развития общества степень таких стимулирующих мер для воздействия на общество будет отличаться, не

ограничиваясь степенью инициативы со стороны населения. При инертности последнего государство может активно предпринимать шаги для того, чтобы снизить уровень бедности. В конечном итоге, именно при помощи государственной политики общество приблизится к состоянию развития, которое будет характеризоваться более высокой степенью обеспечения достоинства.

Таким образом, бедность неправомерно отождествлять с любыми нарушениями прав человека. Бедность есть источник нарушения базовых прав на питание (жизнь), жилье (собственность), здоровье, а значит и права на развитие. Бедность также является фактором, способствующим нарушению прав на свободу выбора, образование, труд, участие в политической жизни страны и безопасность. Наконец, бедность не выступает в перечисленных двух качествах по отношению к правам на образование, труд, участие в политической жизни страны, когда эти права не реализуются людьми по их воле, но при этом законодательно обеспечиваются государством.

Так как права человека выражают его достоинство, оно нарушается в первом случае, факторы, приводящие к его нарушению, имеют место во втором случае. В третьем случае бедность не сказывается на человеческом достоинстве.

Список использованных источников

1. Hadiprayitno, I. Poverty, the Right to Development and International Human Rights Law. Civitatis Paper of the Month // Social Science Research Network. URL: <https://ssrn.com/abstract=669227> (дата обращения: 01.07.2024).

2. Khanna, G. Poverty: A Violation of Human Rights or Not? // Social Science Research Network. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2264371> (дата обращения: 21.05.2024).

3. Suárez Müller, F. The Hierarchy of Human Rights and the Transcendental System of Right. Human Rights Review // Springer Nature Link. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12142-018-0537-z> (дата обращения: 01.05.2024).

4. Аристов, Е.В. Бедность и нищета в правовом пространстве социального государства как его антагонисты // Право и государство. 2016. № 2. С. 82-85.

5. Всеобщая декларация прав человека // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 21.04.2024).

б. Декларация о праве на развитие // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 23.04.2024).

УДК 347.4

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ НА ОТНОШЕНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

© Т.П. Шишмарева

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)*

*Влияние семейно-правовых отношений при несостоятельности
(банкротстве) граждан*

Как известно, в процедуре несостоятельности обращается взыскание по долгам на имущества должника, которое включается в активы конкурсной массы. Наличие брачных отношений оказывает существенное влияние на правовой статус супруга должника при обнаружении общих долгов супругов. Супруг должника не приобретает статуса должника, а лица, участвующего в деле о несостоятельности (банкротстве), которым он наделяется с целью защиты своих имущественных прав. Споры о разделе имущества при этом разрешаются в ординарном исковом производстве. Однако в судебной практике допускают соединение дел о банкротстве по ходатайству супругов при выявлении общих долгов (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48) [3]. При таком подходе исключается действие принципа «один должник – одно производство», поскольку в процедуре появляются два должника, хотя подобное не предусмотрено действующим законодательством.

В состав конкурсной массы несостоятельного должника включается общее имущество. До внесения изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] в 2015 в процедуре конкурсного производства индивидуального предпринимателя в состав конкурсной массы включалось после произведенного раздела имущество одного из супругов, хотя вовлечено в предпринимательскую деятельность могло и общее имущество. Такая практика была обусловлена невозможностью ввести процедуру несостоятельности над имуществом потребителя. После произведенной реформы и появлением наряду с коммерческой несостоятельностью потребительской вполне допустимо обратить

взыскание по общим долгам независимо от их характера в одной процедуре. В других правопорядках такая процедура именуется процедурой несостоятельности общего имущества супругов. Так, в Германии в InsO регулируются процедуры общего имущества супругов: а) в § 332 процедура несостоятельности продолжаемой общности супругов после смерти одного из них (Insolvenzverfahren über das Gesamtgut einer fortgesetzten Gütergemeinschaft), б) в § 333–334 InsO процедура несостоятельности над совместно управляемым общим имуществом супругов (Insolvenzverfahren über das gemeinschaftlich verwaltete Gesamtgut einer Gütergemeinschaft) [1].

В Российской Федерации легально процедура над общим имуществом допустима на основании п. 7 ст. 213.26 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», хотя можно утверждать лишь о формировании такой процедуры, поскольку ее применение существенно осложнено допущенными законодателем концептуальными недостатками.

Прежде всего, требует пояснения объект взыскания. Законодатель допускает, что наряду с имуществом каждого из супругов, имеющим статус должника в деле о несостоятельности, в конкурсную массу может быть включено и общее имущество супругов (бывших супругов). Конституционный Суд РФ в определении от 18.07.2024 № 1945-О указывает, что в процедурах банкротства достижение публично-правовых целей, в т.ч. соразмерное удовлетворение требований кредиторов, может в определенной степени ущемлять субъективные права супругов, однако признает предписания ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в этой части конституционными [5]. По такому пути идет и судебная практика. Так, в деле о банкротстве В. общим долгом супругом было признано обязательство по кредитному договору, который заключил должник, хотя ранее над имуществом его супруги В. также была введена процедура несостоятельности и она была освобождена от исполнения непогашенных обязательств вследствие недостаточности имущества (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.05.2024 № 306-ЭС23-26737 по делу № А65-24356/2022).

Позиция законодателя о возможности обращения взыскания по долгам супругов одновременно на личное имущество должника и общее имущество супругов приводит, на наш взгляд, к значительным сложностям при удовлетворении требований кредиторов, претендующих одновременно и на раздельное имущество супругов, и на общее имущество. Если круг кредиторов по личным обязательствам одного из супругов и по их общим обязательствам не совпадает, то не представляется возможным, на наш взгляд, определить очередность удовлетворения требований. Для сравнения укажем, что в

Германии объектом взыскания выступает именно общее имущество супругов в качестве обособленной имущественной массы, над которой может быть введена процедура несостоятельности [2], а саму процедуру можно квалифицировать в качестве сепаратного конкурса [6]. Именно по этой причине концептуальные положения действующего закона не представляются оптимальными, а закон нуждается в изменениях.

Оспаривание семейно-правовых сделок (действий) в процедурах несостоятельности (банкротства)

В процедурах несостоятельности (банкротства) оспаривание производится как по общегражданским, так и по специальным основаниям. Объектом оспаривания могут быть и имущественные семейно-правовые сделки: брачный договор, соглашение о разделе имущества, соглашение о выплате алиментов, соглашение об установлении доли в праве общей совместной собственности. По специальным основаниям, предусмотренным ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» могут быть оспорены сделки (действия), если они квалифицированы в качестве подозрительных сделок или сделок с предпочтительностью. Допустимо применение ст. 10 и 168 ГК РФ, если специальные основания не могут быть применены к оспариваемому действию (сделке) ввиду невозможности квалификации по основаниям ст. 61.1 и 61.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

В судебной практике зачастую оспариваются брачные договоры. В практике сформировался подход, в соответствии с которым брачный договор не может быть признан недействительным в качестве сделки с неравноценным встречным предоставлением, поэтому оспаривание по этому основанию, предусмотренному п. 1 ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не представляется возможным (постановление Седьмого ААС от 10.02.2017 по делу № А03-11006/2016, постановление Шестого ААС от 04.10.2021 по делу № А73-13557/2019, постановление Четырнадцатого ААС от 18.02.2020 по делу № А13-6614/2018, постановление Девятого ААС от 09.06.2020 по делу № А40-57875/2017).

Однако в некоторых случаях суды признают сделку по п.1 ст. 61.2, усматривая отступления от принципа равнозначности в качестве неравноценности произведенного раздела (постановление Тринадцатого ААС от 02.04.2021 по делу № А56-41522/2017/сд.30).

Обычно брачный договор оспаривается в качестве подозрительной сделки с целью причинения имущественного вреда кредиторам, поскольку зачастую брачный договор используется супругами в качестве способа вывода активов из

потенциальной конкурсной массы. Именно по этой причине применяется п. 2 ст. 61.2. Условия оспаривания по этому основанию предполагают не только объективные основания, а и субъективные, а именно: прямой умысел должника на причинение имущественного вреда кредиторам, а также недобросовестность контрагента по сделке, коим и выступает супруг должника.

Доказывание прямого умысла и недобросовестности контрагента представляют определенную сложность, поэтому в конструкцию сделки введены презумпции, с помощью которых процесс доказывания значительно облегчен. Обычно суды исследуют причину заключения брачного договора в период выявления у должника признаков несостоятельности. Если переход общего имущества одному из супругов признан способом вывода активов, то при наличии иных условий для оспаривания суд признает такую сделку недействительной с целью возвращения в конкурсную массу выведенного имущества (постановления АС Поволжского округа от 05.04.2021 по делу № А49-4180/2018, АС Западно-Сибирского округа от 08.08.2022 по делу № А70-19198/2019). Поскольку супруги признаны согласно ст. 19 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» заинтересованными лицами, постольку доказывание недобросовестности второго супруга широко применяется в судебной практике (постановление АС Московского округа от 13.09.2022 по делу № А40-188380/2020, от 04.08.2021 по делу № А40-204192/2018). При этом раздел имущества супругами в равных долях не является основанием для оспаривания, а несоблюдение равнозначности раздела, как это предусмотрено семейным законодательством, свидетельствует о наличии цели причинения имущественного вреда кредиторам (постановление Четырнадцатого ААС от 12.11.2020 по делу № А66-9877/2016).

Следует также указать на применение судами ст. 10, 168 ГК РФ при выявлении существенных диспропорций распределения имущества между супругами. В судебной практике такое поведение супругов оценивают в качестве шиканы (постановление АС Московского округа от 19.05.2021 по делу № А40-151569/2018). В качестве злоупотребления правом квалифицируется в судебной практике неисполнение супругами обязанности об уведомлении кредиторов о заключенном между ними соглашении о разделе имущества (постановление Тринадцатого ААС от 20.05.2020 по делу № А56-77014/2018).

Иногда супруги заключают брачное соглашение в условиях выявленных признаков несостоятельности (банкротства) для вида, продолжая пользоваться общим имуществом на таких же условиях, как и до раздела, оставаясь в браке. Суды признают такие сделки мнимыми на основании п. 1 ст. 170 ГК РФ.

Таким образом, семейно-правовые отношения оказывают существенное влияние на правоотношения несостоятельности (банкротства), осложняя их участием супруга в качестве лица, участвующего в деле о банкротстве или в качестве содолжника, а также необходимостью выдела доли супруга, не выступающего должником, если доказано, что долги не являются общими. Оспаривание семейно-правовых сделок в процедурах банкротства отличается значительным своеобразием и сложностью доказывания условий, необходимых для признания сделки недействительной.

Список использованных источников:

1. Insolvenzordnung (InsO). Gesetz vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2866), in Kraft getreten am 19.10.1994 bzw. 01.01.1999 zuletzt geändert durch Gesetz vom 12.07.2024 (BGBl. I S. 234) m.W.v. 17.07.2024 // <https://dejure.org/gesetze/InsO>.

2. Kohler J. Lehrbuch des Konkursrechts. Stuttgart, Enke, 1891. – 732 s.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» от 25.12.2018 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

4. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ананьевой Людмилы Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзацами первым и вторым пункта 9 статьи 213.9 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» от 18.07.2024 № 1945-О // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Шишмарева Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 34 –37.

УДК 347. 963.

ЭСТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СТРАНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

© А.В. Юрковский

*Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

Эстонологический подход к формированию конституционно-правового положения личности в странах Северо-Восточной Азии, предполагает изучение правовой реальности в рассматриваемых странах через призму категории интересов [1, с. 47-57; 2, с. 117-125], ценностно-ориентационном проявлении национальных правовых политик, детерминант формирования, модернизации и функционирования национальных механизмов государственной власти и правового регулирования. Эстонологический подход включает в себя комплекс научных методов, среди которых присутствуют такие как аксиологическое сравнительное правоведение [3, с. 1741-1749], юридическая компаративистская лингвистика [4, с. 23], конституционно-правовая география [5, с. 13], и другие методы, включаемые в предлагаемый исследовательский инструментарий [6, с. 43-51].

Национальная правовая ценность как научная категория, по мнению ученых-теоретиков, «представляет собой систему идей, правил и установок, определяющих отношение субъекта (индивида, социальной группы, общества) к правовой реальности» [7, с. 23].

Эстонологический подход отвечает на вопрос о том, чьи интересы находят свое воплощение в нормах позитивного права, трансформируясь в интересы механизмов государственной власти и правового регулирования.

Объектом эстонологического исследования служат конституционно-правовая реальность стран Северо-Восточной Азии: КНР, КНДР, Республики Корея, Японии и Монголии.

На основании проведенных исследований, применительно к эстонологической интерпретации конституционно-правового положения личности в странах Северо-Восточной Азии можно сделать несколько концептуальных обобщений.

1. Все страны изучаемого региона выражают признание международных стандартов и, так или иначе высказывают приверженность к восприятию базовых источников международного права, устанавливающих ценностные

ориентиры формирования правового положения личности. К числу таких источников можно Всеобщую декларацию прав человека 1948 года [8], Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года [9], Международном пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года [10], Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года [11] и другие источники.

Ряд стран Северо-Восточной Азии включены в международную практику оценки значения стандартов прав человека в рамках регионального сотрудничества с другими государствами. Региональные коллаборации стран Северо-Восточной Азии с другими государствами приводят к возникновению разнообразного количества региональных источников международного права: хартий и конвенций, отражающих особые подходы к закреплению и обеспечению прав человека в определенных государствах. Так, например, можно назвать Декларацию Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о правах человека (2012) [12], Африканскую Хартию прав человека и народов (1981) [13], Американскую Конвенция о правах человека (Пакт СанХосе, 1969) [14] и др. Данные документы отражают как базовые подходы к правам человека, поддерживаемые большинством стран мира, так и особенности в правовых ценностях и взглядах на человека, его основные права и механизмы их реализации, характерные для отдельных регионов, государств, правовых систем и семей [15].

2. Каждое из государств Северо-Восточной Азии имеет уникальные, свойственные только для него эстологические ориентиры формирования конституционно-правового положения личности. Данные ориентиры обусловлены цивилизационными (социокультурными) факторами, национальными политическими системами, особенностями их структуры и функционирования, раскладами политических сил в политических отношениях, особенностями национальных правовых идеологий и национальных правовых политик, другими факторами.

В Северо-Восточной Азии, формируется новый центр мировой экономики и политики, который по своим масштабам производства, объемам финансовых, производственных, сырьевых, энергетических и информационных ресурсов заметно опережает, к примеру, Европейский союз (ЕС). В этом регионе действуют и сталкиваются интересы крупнейших мировых держав - США, Китая, России, Японии, а также стран АСЕАН [16, с. 138–140].

3. Исторически в Северо-Восточной Азии сложилась сложная структура взаимоотношений между странами-цивилизациями, чьи национальные, культурные идентичности являются продуктом глубокого взаимопроникновения

и обмена на протяжении многих веков. Данные процессы неминуемо сопровождались периодами как относительного добрососедства-сотрудничества, так и более продолжительными эпизодами конкуренции-вражды в силу фундаментальных различий в национальных интересах каждого из акторов, резко менявших свою окраску в зависимости от конкретной временной эпохи и текущего экономического и социально-политического положения [17, с. 49 - 55].

4. Специфика формирования конституционно-правового положения личности в Китае, по нашему мнению, наиболее эклектична и впитывает себя сочетание исторических, политических и социально-культурных факторов. Применительно к контексту предполагаемого исследования необходимо говорить именно о большом Китае, представляющем собой сложнейшее геополитическое образование состоящее из Китайской Народной Республики, которая сама по себе есть уникально-сложная автономия, включающая Особые административные районы (香港Сянган (Гонконг) и 澳門Аомынь (Макао)), что больше напоминает квазифедерацию, а также 台湾Тайвань, на котором дислоцируется Китайская Республика (официально не признанная, обладающая признаками государственности, включая наличие суверенной системы права, и как факт, такого института конституционного права как правовое положение личности, но фактически не подчиняющаяся КНР).

В практике Китая вплетены, как традиционалистские идеи правового регулирования, включая структурирование власти с учетом (экзаменационной) согласно доктринальной концепции Суньятсена, основанной на интерпретации конфуцианства (台湾Тайвань), так и идеи правовой политики романо-германского и социалистического типа 中国 (КНР), применительно к 香港Сянгану (Гонконгу) наблюдается сохранение преемственности к британскому типу правового регулирования, а в отношении 澳門Аомынь (Макао) к португальскому.

В ноябре 1991 г. правительством Китайской Народной Республики было создано основательное социологическое исследование «Права человека в Китае», отражающее реальное соотношение юридической концепции и фактического состояния к формированию конституционно-правового положения личности с китайской спецификой. Социологическое исследование «Права человека в Китае» это длящийся комплексный мониторинг проблем правового регулирования и практики реализации конституционных гарантий правового положения личности в Китае, объективная информация, предназначенная для ознакомления международного сообщества с государственной правовой стратегией и практикой Китая в области прав человека.

Применительно к особенностям правового подход к формированию конституционно-правового положения личности в Корейской Народно-Демократической Республике важно отметить, что по данному государству присутствует небольшой по объему эмпирический материал, так как достаточного количества сведений, о развитии конституционно-правового регулирования в системе национального права нет, а исследования правоприменительной практики правоохранительных органов КНДР и оценки их деятельности не может быть достаточно объективной. КНДР представляется государством закрытым и не допускающим никакого внешнего проникновения, оценки сложившегося государственно-правового строительства [16, с. 338–347].

Государственно-правовая политика КНДР, политика тотального политического и информационного контроля, предопределяет недостаток объективной информации о реальном состоянии правового положения личности.

Особенности правового подход к формированию конституционно-правового положения личности в Республике Корея, Японии, Монголии, по нашему мнению, ассоциируются, с государственными идеологиями в основе которых лежат системы доминирующих в праве ценностей о приоритете человека, его прав и свобод. Названные концепции, в основе своей, в рассматриваемых странах, достаточно реалистичны, вполне эффективно обеспечиваются национальными механизмами государственной власти и правового регулирования.

Список использованных источников:

1. Юрковский А.В. Дефинитивное описание категории интересов субъектов конституционного права, субъектов механизма государственной власти и интересов механизмов конституционно - правового регулирования // Прагматика гуманитарного знания: социально-правовые и философские аспекты. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 47-57.

2. Юрковский А.В. Измерение механизмов правового регулирования и государственной власти в странах Северо-Восточной Азии методами конституционно-правовой эстологии // Байкальские компаративистские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. редактор И.А. Минникес. Иркутск, 2023. С. 117-125.

3. Юрковский А.В. Конституционно-правовая эстология как направление аксиологических правовых исследований // Государство и право: эволюция,

современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России). Материалы XX международной научно-теоретической конференции. В 2-х частях. Санкт-Петербург, 2023. С. 1741-1749.

4. Yurkovsky A.V., Kuzmin I.A., Derevska V.M., Amosova T.V., Yurkovskaya E.A., Kuzmina E.S. Main stages and methodological approaches to the study of the mechanism of state power in russian sociological, political and legal science // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. 2019. Vol. 7, № 12.

5. Юрковский А.В. Конституционно-правовая карта Северо-Восточной Азии: эстолого-аксиологический анализ: монография. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2018. –171 с.

6. Юрковский А.В. Конституционно-правовая эстология: исследование интересов в конституционном праве и интересов конституционно-правового регулирования методами конституционно-правовой аксиологии // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1 (80). С. 43-51.

7. Скоробогатов А.В. Правовая ценность как юридическая категория // Правовая культура. 2017. № 3. С. 15-24.

8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 1995.

9. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 1976.

10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

11. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости ВС СССР. 1991. № 29. Ст. 842.

12. Декларация АСЕАН о правах человека (2012). - URL: <http://constitutions.ru/?p=8333>.

13. Африканская Хартия прав человека и народов (1981) - URL: <http://constitutions.ru/?p=8333>.

14. Американская конвенция о правах человека (1969). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html>.

15. Прогресс Китая в защите прав человека. - URL: <http://saintpetersburg.china-consulate.gov.cn/rus/zt/rqwt>.

16. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование) : монография / Н.М. Бевеликова, Н.Г. Доронина, О.О. Журавлева и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. – 333 с.

17. Козылов И.С., Гусевская Н.Ю. Проблемы исторического прошлого в азиатском треугольнике Китай - Япония - Республика Корея // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. №8. С. 49-55.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдулкарим Ф.А.А.</i> The use of results of facial recognition technology as operational search-activity in contemporary criminal proceedings: critical review of article 89 of the Criminal Procedure Code Of The Russian Federation.....	3
<i>Акунченко Е.А.</i> Антикоррупционный потенциал формирования электорального культурного кода Российской Федерации.....	8
<i>Алыева К.М.</i> Критерии пенализации наркопреступлений.....	14
<i>Антонова Е.Ю.</i> Мародёрство: правовая регламентация и вопросы квалификации.....	18
<i>Арыкова К.А.</i> Недвижимая вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен: спорные вопросы разграничения понятий	25
<i>Астраханцев Д.В.</i> Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации как фактор развития механизма индексации присужденных судом денежных сумм.....	31
<i>Ахременко А.С.</i> «Урождённый» гражданин в качестве кандидата на пост Президента Российской Федерации	38
<i>Барина С.Г.</i> Коллективизм как основа социального служения (социально-философский аспект)	43
<i>Барыкин М.Ю.</i> Банковская гарантия как способ обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов	47
<i>Босык О.И.</i> Защита прав вышедшего участника из общества с ограниченной ответственностью.....	53
<i>Винокуров В.Н.</i> Социальная работа с молодыми мигрантами	59
<i>Вологодина Я.В.</i> Учет личности виновного при назначении наказания за наркопреступления.....	64
<i>Горячева О.П., Бельская Я.В., Сафиулин Р.А.</i> Композиция экономического анализа прав автономного учреждения на кредитование основного вида деятельности	68
<i>Гуралев А.В.</i> Использование метода сравнительного правоведения при исследовании зарубежного опыта противодействия наркопреступности.....	70

<i>Гусев Д.А.</i> О формировании института суррогации в судебной практике	74
<i>Дамм И.А.</i> Об идее антикоррупционной криминологической безопасности	78
<i>Данильчук Д.И.</i> Защита коллективных интересов в цивилистическом процессе: законодательные концепты	82
<i>Двигун М.А.</i> Роль нотариата в Российской Федерации в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей	88
<i>Долголенко Т.В.</i> Новые рекомендации пленума Верховного Суда РФ (от 25.06.2024) по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 125, 264 УК РФ	93
<i>Долинская В.В.</i> Развитие системы сделок в наследственном праве.....	99
<i>Дробышевский С.А.</i> О концепции права классика американской политической антропологии Э. Сервиса	104
<i>Дубынин Е.А.</i> К вопросу о следственных ситуациях по делам о неисполнении решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ).....	109
<i>Заблоцкий С.С.</i> Отдельные проблемы оспаривания подозрительных сделок	113
<i>Заборовская М.Ю.</i> К вопросу о трудовой адаптации осужденных пожилого возраста, отбывающих лишение свободы.....	117
<i>Забродин А.В.</i> Роль дифференцированного подхода к исполнению наказания в отношении осуждённых, исповедующих экстремистскую идеологию, в практической деятельности исправительных учреждений	123
<i>Завьялов А.Н.</i> Проблемы обеспечения безопасности выборов в России и современном мире	127
<i>Земляков А.В.</i> Изменение тенденций правового регулирования в Российской Федерации и странах современного мира в условиях трансформации мирового порядка	132
<i>Иванова Е.Л.</i> Миграционное законодательство РФ в условиях глобальных вызовов	136
<i>Иванова И.Г.</i> Устранение противоречий в заключениях экспертов по уголовному делу	140

<i>Иванова О.Г.</i> Судебная практика в системе источников финансового права России.....	145
<i>Каргаполова-Рупп В.П.</i> Применение технологии искусственного интеллекта при осуществлении юрисдикционной деятельности государственных органов	151
<i>Карпенко Е.В.</i> Китайская инициатива «один пояс - один путь» в контексте региональной безопасности в Центральной Азии.....	155
<i>Качина Н.В., Мирончик А.С.</i> Некоторые проблемы квалификации насильственных половых преступлений, совершенных группой лиц и группой лиц по предварительному сговору	160
<i>Киндеев В.О.</i> Разграничение оснований недействительности сделок в делах о банкротстве индивидуальных предпринимателей	169
<i>Климович Л.П., Логинова Н.Г.</i> Особенности использования специальных знаний в расследовании преступлений экономической направленности....	175
<i>Климчук М.В.</i> О некоторых методологических основах изучения пенитенциарной пробации.....	180
<i>Космодемьянская Е.Е., Орешенко С.А.</i> Возможности судебных экспертиз как средств доказывания при расследовании преступлений в сфере лесопромышленного комплекса	187
<i>Кострыкина В.В.</i> Основные направления предупреждения совершения работниками организаций коррупционных преступлений	193
<i>Лисаускайте В.В.</i> Международные преступления и вопросы международной безопасности: современные способы разрешения проблемы.....	202
<i>Мельникова Т.В.</i> Некоторые вопросы правового регулирования антисоциальной сделки: взгляды В. П. Шахматова и подходы в современном праве.....	206
<i>Митин С.С.</i> О ветвях государственной власти в системе разделения властей	214
<i>Мороз Е.В.</i> Антиэкстремистское законодательство как мера укрепления международной безопасности (сравнительно-правовой анализ).....	218
<i>Морозова Н.А.</i> Цели чрезвычайного законодательства.....	225

<i>Москалев Г.Л.</i> Уголовно-правовая охрана исторической правды и памяти в КНР.....	229
<i>Николаев А.В.</i> Правотворчество национальных судов в международном налоговом праве.....	234
<i>Пензев М.В.</i> «Огосударствление» местного самоуправления: угроза конституционным принципам.....	241
<i>Петрова Е.И.</i> Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере: спорные вопросы правового регулирования.....	245
<i>Петрова Е.Н.</i> Некоторые вопросы приобретения супругом статуса участника общества с ограниченной ответственностью.....	250
<i>Петроченко О.О.</i> Недостаточная капитализация компании как причина субординации требований кредиторов в деле о банкротстве.....	255
<i>Пирсаидов С.Н.</i> Экстраординарное и внеконкурсное оспаривание сделок: проблемы соотношения.....	259
<i>Питецкий В.В.</i> Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.....	262
<i>Плотникова Н.Г.</i> Прекращение трудового договора в связи с призывом на военную службу (за исключением призыва работника на военную службу по мобилизации) или на заменяющую ее альтернативную гражданскую службу.....	268
<i>Плошкина Я.М., Майорова Л.В.</i> О правовом статусе специалиста через призму решений Конституционного Суда РФ.....	274
<i>Попова А.Ю.</i> Специальный субъект преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 284.1 УК РФ.....	281
<i>Примак А.А.</i> Уголовно-правовое регулирование ответственности за пропаганду наркотиков.....	284
<i>Протопопова Т.В.</i> Некоторые теоретические проблемы права адвоката на достоинство.....	289
<i>Пунтус С.А.</i> Проблемные вопросы подготовки юристов по программам среднего профессионального образования (на примере вузов МВД России).....	292
<i>Рахматулин З.Р., Сорокун П.В.</i> Некоторые аспекты усмотрения при реализации административно-правовых норм.....	297

<i>Роньжина О.В.</i> Формирование института отвода служащего (должностного лица) в условиях конфликта интересов	302
<i>Рымарев Д.С.</i> Основные направления развития избирательного законодательства в Российской Федерации	307
<i>Рычкова Н.Ю.</i> Исключительное право в составе общего имущества супругов: некоторые вопросы.....	311
<i>Рычкова Н.Ю.</i> Объективная сторона нарушения авторских и смежных прав (ч. 1. ст. 146 УК РФ): некоторые аспекты	316
<i>Садовых К.В.</i> Вопросы уголовно-правовой регламентации субъекта состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции	321
<i>Семерня Н.О.</i> Некоторые вопросы недействительности сделок в сфере недропользования.....	324
<i>Серен-Чимит К.К.</i> К вопросу о совершенствовании этнопедагогических традиций в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы (на примере Республики Тыва).....	332
<i>Сидорова Т.Ю.</i> К вопросу о принятии проекта конвенции оон против киберпреступности	335
<i>Соловьева Ю.А.</i> Социально-психологический аспект эффективности профилактики правонарушений несовершеннолетних.....	340
<i>Старикова М.К.</i> Проблемы социального страхования дистанционных работников за границей	346
<i>Сурихин П.Л.</i> Оценка рекомендаций пленума Верховного Суда РФ в части квалификации провокации взятки сотрудниками правоохранительных органов.....	351
<i>Сутурин М.А.</i> Наказательная концепция, как доминирующий подход в реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления: вопросы эффективности	358
<i>Сухарева К.С.</i> Актуальные вопросы отзыва депутата как меры предупреждения коррупционной преступности в представительных органах муниципальных образований.....	362

<i>Суюнова Д.Ж.</i> Юридическая сущность судимости и психологические аспекты ее возникновения	366
<i>Тепляшин И.В.</i> Общественный контроль в системе социально ориентированной деятельности гражданского общества	371
<i>Тепляшин П.В.</i> Взаимодействие органов, учреждений и организаций, являющихся субъектами пробации, с институтами гражданского общества как организационная основа социального служения	376
<i>Тепляшин П.В.</i> Предупреждение совершения новых преступлений как цель пробации.....	380
<i>Тушко О.Ю.</i> К вопросу о стабильности государственной власти.....	386
<i>Федорова Е.А.</i> Квалификация действий, связанных с фальсификацией диспансеризации	391
<i>Хакимов Н.А.</i> Повышение эффективности технико-криминалистических средств, применяемых при осмотре места происшествия	396
<i>Чернов Н.В.</i> К вопросу об обязательности применения позиций, сформулированных в определениях Верховного Суда Российской Федерации, для нижестоящих арбитражных судов.....	398
<i>Шамехина Э.В.</i> Криптовалюты как предмет взяточничества: проблемы регулирования.....	404
<i>Шаркевич Д.В.</i> К вопросу о соотношении понятий бедности, прав человека и достоинства.....	412
<i>Шишмарева Т.П.</i> Влияние семейных правоотношений на отношения несостоятельности (банкротства).....	418
<i>Юрковский А.В.</i> Эстолологический подход к формированию конституционно-правового положения личности в странах Северо-Восточной Азии.....	423

